

**КАМЧАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВИТУСА БЕРИНГА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН
ТИХООКЕАНСКИЙ ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ
КАМЧАТСКИЙ ФИЛИАЛ**

МОИСЕЕВ Р.С.

**ИЗБРАННОЕ В III-X ТОМАХ
ТОМ II**

**РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И КАМЧАТКИ.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Директор издательства Рязанцев А.Е.

Ответственный за выпуск Рязанцев А.Е.

Технический редактор Абаимова Т.А.

Издательство Камчатского государственного университета
имени Витуса Беринга

683032, Петропавловск-Камчатский, Пограничная, 4
тел. (4152) 41-13-22

Лицензия ЛР № 020387 от 12.02.97.

Подписано в печать 17.10.07. Формат 60x84/16

Бумага типографская. Печать офсетная.

Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 450 экз. Усл. п.л. 20,6. Зак. 1748.

МОИСЕЕВ Р.С.

**ИЗБРАННОЕ В III-X ТОМАХ
ТОМ II**

**РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И КАМЧАТКИ.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Петропавловск-Камчатский 2007

66
М 74

Моисеев, Р.С. Избранное в 3-х томах. Том 2. Развитие Дальнего Востока и Камчатки. Региональные проблемы / Р.С.Моисеев. – Петропавловск–Камчатский.: Изд-во КамГУ имени Витуса Беринга. - 2007. – 364 с.

Издание трехтомника осуществлено при финансовой поддержке ЗАО «Корякгеолдобыча», за что выражаем благодарность его коллективу и генеральному директору В.В.Кнолю.

Влияние промышленности приморской специализации на формирование трудовых ресурсов Камчатки.....	143
Факторы и перспективы развития	
г. Петропавловска-Камчатского	161
Вопросы взаимодействия экономики Камчатки в международном и Дальневосточном рынках	171
Развитие эвенков Камчатки в XX веке: глобальные и региональные аспекты.....	197
Проблемы развития туризма в Камчатской области.....	217
Эколого-экономические проблемы освоения топливно-энергетических ресурсов Камчатской области	236
О комплексном подходе к освоению геотермальных ресурсов	250
Об оценке интеллектуального потенциала в Камчатской области (образовательный аспект)	260
Вопросы развития горной промышленности Камчатки в начале XXI века	288
Проблемы определения социальной структуры населения России на рубеже XX и XXI веков.....	327

ISBN 978-5-7968-0367-7

© Моисеев Р.С., 2007.

© Издательство Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, 2007.

© Камчатский филиал ТИГ ДВО РАН, 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I	6
Проблемы формирования региональной политики России в Сибири и на Дальнем Востоке	6
Краткая записка к разработке проекта «Государственной концепции развития восточных территорий Российской Федерации (Сибирь, Дальний Восток) на долгосрочную перспективу»	8
Общегосударственные стратегии и развитие Дальнего Востока России.....	15
Тенденции и возможные последствия региональной политики в России начала 2000-х годов	21
Об исторических подходах к оценке ресурсного потенциала Дальнего Востока	24
Проблемы государственной расселенческой политики России на Дальнем Востоке в начале XXI века	32
Геополитические факторы развития и банковские системы Дальнего Востока	47
Исторические тенденции и перспективы межстрановых социально-экономических взаимодействий на Северо–Востоке Азии (краткий анализ)	51
О правовом обеспечении развития Дальнего Востока и стратегических интересов России.....	63
О проблемах интеграции науки и образования в Дальневосточном федеральном округе (на примере Камчатской области)	74
Проблемы развития интеллектуального потенциала в регионах Севера Дальнего Востока.....	79
История парадокса: присоединение России к Камчатке	87
Заметки к проблеме Курильских островов	93
Проблемы освоения природно-ресурсного потенциала прибрежных зон Дальнего Востока.....	99
Вопросы комплексного освоения природно-ресурсного потенциала Охотского моря	108
Проблемы и тенденции экономического освоения ресурсов Берингова моря	121
Часть II.....	129
Развитие производительных сил и система расселения на Камчатке.....	129
Некоторые проблемы выявления территориальных селитебных ресурсов в северных районах нового освоения	138

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во втором томе сборника собраны статьи, характеризующие два блока вопросов.

В один блок включены материалы, касающиеся вопросов общего характера, связанных с развитием Дальнего Востока (Дальневосточного экономического района, Дальневосточного Федерального округа) и имеющих прямое отношение к развитию Камчатской области. Эти материалы не претендуют на полное рассмотрение всех проблем регионального развития - ни в комплексе, ни отдельно. В этой книге не повторяются покомпонентные подробные описания отдельных видов природных ресурсов Дальнего Востока и Камчатки или описания подробностей истории их развития. Такие описания со всеми деталями можно найти в специально подготовленных монографических исследованиях, повторять и переписывать которые автор не видит смысла.

В помещенных здесь материалах рассматриваются вопросы, связанные, в основном, с новой проблематикой управления региональным развитием, возникшей в последние десятилетия; с той проблематикой, методы решения которой только вырабатываются наукой и практикой.

Одна часть статей связана с анализом сочетаний наиболее значимых, взаимозависимых объективных и субъективных факторов развития регионов в многослойных системах общественных и частных интересов. Другая объединена одним признаком: включенные в эти статьи темы относятся к рассмотрению компонентов развивающейся и часто противоречивой государственной политики. В этой группе вопросов в первую очередь выделим анализ связей государственной политики с долгосрочными стратегическими, национальными интересами России, которые при всех периодических колебаниях принимаемых государственными структурами решений обеспечивают, в конечном счете, историческую преемственность развития Дальнего Востока и Камчатки в составе России. И Дальний Восток в целом, и Камчатка получают или не получают импульс к социально-экономическому развитию, с определенной территориальной и отраслевой структурой освоения региона, в зависимости от характера понимания и проявления государственной воли национальных интересов России в глобальном масштабе и в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона.

Рассмотрены также проблемы оценки ресурсного потенциала развития Дальнего Востока. Обращено внимание на необходимость

учета не только отдельных видов природных ресурсов, пользующихся высоким спросом на мировом и внутреннем рынке. Не менее важно учитывать при оценке перспектив развития региона и сформированный за предыдущие периоды демографический потенциал, а также совокупность основных производственных и социальных фондов.

К этой группе ресурсов относятся материально выраженные структуры: населенные пункты и, в первую очередь, современно обустроенные большие города, заводы, энергетические объекты, автомобильные и железные дороги, крупные аэропорты, гидротехнические сооружения. Эти объекты капиталоемки, требуют большого времени для создания.

Население Дальнего Востока в XX веке складывалось как результирующая интенсивных миграционных перемещений. Так, при формировании населения Камчатки в течение десятилетий ежегодно уезжало около пяти шестых от численности прибывших в этом году мигрантов.

Не исключено, что допустив существенное сокращение численности населения и ускоренный, без капитального ремонта и нового строительства, физический износ основных фондов на Камчатке, Россия, экономически ослабленная и с вымирающим населением, окажется в обозримый период не способной восстановить разрушенный ресурсный потенциал.

Важное направление оценки ресурсов развития - учет исторических аспектов проблем перевода природных и антропогенных компонентов окружающей среды в категорию ресурсов развития общества (или исключения из этой категории); проблем изменения условий освоения и использования этих ресурсов в прошлом и настоящем, возможных вариантов изменения приоритетов использования отдельных видов природных ресурсов в будущем; переоценки их как комплексных ресурсов; переоценки Природы как целостного объекта, от которого Общество неотделимо, а не только объекта, отдельные части которого Общество использует различными способами, в различных сочетаниях в различных исторических условиях. Для Дальневосточного региона реальные оценки совокупного природно-ресурсного потенциала, включая географическое положение, менялись в историческом прошлом неоднократно. Учитывая геополитические реалии, можно ожидать, что его оценки будут изменяться и в будущем, возможно, что и радикально, в зависимости от потребностей мировой экономики и меняющейся расстановки геополитических сил.

19. Российская газета 11 июня 2003 г. «Малые города пошли в рост».

20. Российская газета 25 апреля 2003 г.

21. Российская газета 08 мая 2003 г. «Россия смещается к югу».

22. Российская газета 31 марта 2004 г. «Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года (сокращенный вариант)».

23. Российская газета 04 января 2003 г. «Нас посчитали. Внимательно».

24. Российская газета 23 октября 2002 г. «Сенсация переписи номер один: мы не знаем, где живет население».

25. Россия в цифрах. 2004: Крат. стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. - М., 2004 - 431 с.

26. Руткевич, М.Н. Трансформация социальной структуры российского общества // Социс, №12, 2004, с. 41-46.

27. Онокой, Л.С. Россия на пути интеграции в общеевропейскую систему образования // СОЦИС, №2, 2004, с. 80-85.

28. Социальная стратификация российского общества, М., 2003, - 365 с.

29. Степанова, О.К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // СОЦИС, №1, 2003, с. 46-52.

30. Тихонова, Н.Е. Особенности дифференциации и самооценки статуса в полярных слоях населения // СОЦИС, №3, 2004, с. 22-29.

31. Шабанова, М.А. Посткоммунистический трансформационный процесс в России: «механическая» перспектива анализа // СОЦИС, № 1, 2004, с. 142-151.

32. Широкова, Г.С. Социально-правовые аспекты аграрных преобразований в новой России // Социс, №1, 2005, с. 82-91.

Вестник КРАУНЦ. Серия "Гуманитарные науки". - №1. - 2005.

питалистическом обществе // Социологические исследования, №1, 1983 с. 72-74.

3.Беленький, В.Х. Рабочий класс, как объект социологического анализа // СОЦИС, №1,2003, с. 29-36.

4. Вятр, Е. Местные элиты и демократические перемены (Польша, 1990-2002 г.г.) // Социа, №2, 2005г. с. 14-22.

5. Торшков, М.К., Тихонова Н.Е., Богатство и бедность в представлениях россиян // СОЦИС, №3,2004, с. 16-21.

6. Гофман, А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социс №1 2005, с. 18-27.

7. Демиденко, Э.С. Перспективы образования в меняющемся мире / Социс. № 2, 2005 -с. 80-87.

8. Демографический ежегодник. 1990: Госкомстат СССР. - М.: Финансы и статистика. 1990 - 639 с.

9. Зиновьев, А.А., Запад. - М.: Изд-во Центрополиграф, 2000-509 с. с. 156-157

10. Коптюг, В.А., Матросов, В.М., Левашов, В.К., Демянко, Ю.Г., Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. Владивосток, Дальнаука, 1997, - 84 с.

11. Ленин, В.И., ПСС, 5 изд., т. 39, с. 15.

12. Львов, Д.С. Концепция управления национальным имуществом // Экономическая наука современной России, Экспресс-выпуск №2 (9), 2002 г., с. 5-24.

13. Максимов, Б.И. Рабочий класс, социология, статистика // СОЦИС, №1, 2003, с. 47-45.

14. Моисеев, Р.С. К вопросу о закономерностях механического движения населения в районы новых освоения // Проблемы формирования и размещения населения на Дальнем Востоке. Владивосток. ДВНЦ АН СССР, 1978 г. - 144.

15. Моисеев, Р.С. Некоторые вопросы управления развитием Севера России в конце XX века. - Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Кн. изд-во. 1999 г.- 110 с.

16. Народное хозяйство РСФСР в 1984 г.: Стат. Ежегодник ЦСУ РСФСР. - М. Финансы и статистика, 1985. - 407 с.

17. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. - М: Финансы и статистика. 1991 - 752 г.

18. Радаев, В.В.Социология потребления: основные подходы // Социс, №1, 2005, с. 5-18.

С учетом этих соображений рассмотрены некоторые из комплексов проблем, связанных с развитием антропогенной деятельности в прибрежных зонах ДВ с использованием совокупного природно-ресурсного потенциала Охотского и Берингова морей. Рассмотрены также вопросы, связанные с проведением расселенческой политики, формированием демографического потенциала Дальнего Востока и Камчатки. Обращено внимание на особенности развития интеллектуального потенциала населения этих регионов, той части общественных систем, которая является носителем, хранителем, воспроизводителем знаний, науки, образования, культуры, искусства и т.п.

В другой блок включены статьи, рассматривающие вопросы истории, современного состояния и тенденций развития социально-экономических структур Камчатской области. Эти статьи, написанные более, чем за 25 лет, не только содержат данные о развитии производительных сил, населения и системы расселения, роли Камчатки в развитии России. За этот период вместе со временем менялись условия развития региона, менялись люди, менялись воззрения на мир. Изменялся и автор статей. Несомненно, все эти изменения наложили на содержание статей отпечаток изменений в обществе за четверть века. Тем более представляет интерес выявление тех тенденций, тех факторов развития Камчатской области, которые имеют исторически длительный устойчивый характер.

В этой части тома рассмотрены также вопросы, связанные с такими особенностями развития Камчатки, как монопрофильная приморская экономическая специализация; специфика развития в Камчатской области малых народов Севера; возможности развития новых отраслей специализации Камчатки в мировой экономике; специфичная для Камчатки и России проблема широкомасштабного комплексного использования геотермальных природных ресурсов.

В целом материалы второго тома сборника позволяют сформировать представления, облегчающие переход к проблематике разработки механизмов управления региональным развитием. Рассматривая один из элементов этого механизма, разработку предпланового обеспечения управленческой деятельности, можно использовать материалы этого сборника как часть информационной базы при разработке Концепций развития Камчатской области.

ЧАСТЬ I

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (К ПРОЕКТУ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ, РАСПРОСТРАНЕННОМУ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ)

1. Ключевой фактор при разработке концепций развития конкретных регионов - недвусмысленно, в правовой форме выраженные общегосударственными органами власти долговременные цели, идеи, подходы к развитию этих регионов в составе государства. Этот фактор должен определять главные положения долгосрочной государственной политики и концептуальных разработок, обязательные для органов государственного управления при формировании краткосрочной государственной политики и принятии оперативных решений.

2. В настоящее время такие долговременные цели Российского государства по отношению к Сибири и Дальнему Востоку не выражены. Эти регионы называют «восточными территориями»; озвучиваются не утверждённые правовым образом версии отношения к их историческим судьбам и дальнейшему развитию; принимаются оперативные управленческие решения, противоречиво влияющие на их социально-экономическое состояние. Ориентируясь на литературные и устные высказывания отдельных учёных и политиков, анализируя практические решения органов государственного управления, можно назвать некоторые главные из возможных направлений государственной политики по развитию этих регионов: часть этих направлений противоречивы, часть применяются в сочетании.

2.1. Использование «восточных территорий» как сырьевого придатка «собственно России» («европейских территорий»), путём развития филиалов «олигархических московских» финансово-промышленных группировок.

2.2. Использование пограничных районов Сибири и Дальнего Востока для дислокации «оборонных инструментов» обеспечения геополитических интересов «собственно России».

2.3. Использование «восточных территорий» как транзитных экономических, в т.ч. транспортных связей «европейских территорий» со странами Центральной и Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

2.4. Использование части «восточных территорий» и (или) их природно-ресурсной базы для обмена (продажи, уступки прав поль-

стран. По многочисленным частным оценкам эта группа намного более многочисленна (беженцы, нелегальные мигранты и т.п.), представлена экономически активным населением и играет значительную роль на рынке труда. Таковы реально существующие около 15 лет группы населения, с неопределённым социальным статусом, статистически обозначенные как работники по найму, занятые (официально!) в общественном труде, не получающие оплату за труд, но не рабы. [5] Такова социальная прослойка лиц, официально не занятых в общественном труде, официально не имеющих доходов, но имеющих и активно приобретающих значительную по стоимости собственность. Полагают, что эта группа лиц связана с так называемыми «теневыми доходами», по объёму сопоставимым со «светлыми доходами», официально фиксируемыми. В таком случае, эта социальная группа играет значительную реальную роль в экономической и социальной жизни страны, занимает важное место в социальной структуре населения. [2]. Насколько устойчива эта группа? Едина ли она? Проявляет ли она свои групповые интересы формализовано, открыто, разрозненно, скрыто и т.п.?

Каковы исторические перспективы этой группы, может ли она управлять развитием страны? Каковы исторические перспективы страны, управляемой такой социальной группой?

Одна из наиболее обсуждаемых в России в рассматриваемый период тем, имеющих важнейшее для страны социальное, экономическое и политическое значение - противопоставление региональных и федеральных «элит», региональной и федеральной «власти», региональных и федеральных «интересов». [4]. Корни этой темы - в исторически длительной объективно обусловленной проблеме сочетания централизма и регионализма в политическом и экономическом управлении Россией. Могла ли эта проблема не найти отражения в социальной структуре населения России, объединившей около полутора сотен наций, народов, национальностей на территории в 17 млн. квадратных километров с огромным разнообразием природных условий, освоенности, традиций, уровней социального развития? Если в социальной структуре населения эта проблема проявилась, то как это явление обнаружить, измерить, оценить, отличить от других?

Библиография.

1. Абрамов, Р.Н., Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) // Социс, №1, 2005, с. 54-66.
2. Алферов, В.М. «Неформальная экономика» в современном ка-

зованиями природных комплексов, вековыми затратами общественного труда на строительство производственных, жилых и общественных комплексов, транспортных магистралей, социальной и производственной инфраструктуры и т.п.

Какими будут эти изменения, пронизывающие всю жизнь страны от социально-экономического кризиса, через социальную структуру населения, через противоречия социальных и экономических движущих сил; через интересы господствующих в стране социальных групп; через структуру расселения, концентрированно выражающую развитие и размещение производительных сил, развитие наук и искусств, динамику демографического потенциала, этнические особенности, развитие национальной и формирование интернациональной культур и псевдокультур и т.д., и т.п.?

Анализаторного пласта в динамике структуры сельского и городского населения по типам поселений показывает, сколь значительными могут быть эти изменения и с какими последствиями могут они быть связаны. Исследования этого спектра проблематики современного развития России средствами не только социального и экономического анализа, но и методами градостроительной науки, социальной и экономической географии, районной планировки, - представляются чрезвычайно актуальными. Если нашей стране не жалко населения, которое спонтанно перемещается по стране, вымирает, растрчивает силы и способности все в большей степени не на производство, науки и искусства, а на попытки выжить, или пробиться в высшие слои «общества»; если нашей стране сейчас наиболее важно извлечение и распределение сверхприбылей и не очень важна экономическая, социальная, моральная обоснованность и рациональность методов их извлечения и распределения; то и в этом случае для «элиты российской» важно знать, по каким направлениям будут распределяться потоки общественного труда при очень затратной трансформации системы расселения в стране, не для того, чтобы повысить их рациональность, а для того, хотя бы, чтобы использовать и эти потоки для получения сверхприбылей.

* * *

В этой статье не рассматриваются связанные с трансформациями социальной структуры населения России за период 1990-х - начала 2000-х годов проблемы, обозначенные в материалах переписей населения, названные в научной и общественно-политической литературе. Такова статистическая фиксация в социальной структуре населения России около 2,7 млн. чел. лиц без гражданства, не указавших гражданства, с двойным гражданством и граждан других

зования и др.) с другими государствами на инвестиции, списание (послабление) внешнего долга, кредиты, преходящее улучшение политических отношений и т.п.

2.5. Использование Дальнего Востока как базового района для освоения природно-ресурсного потенциала Мирового океана.

2.6. Продолжение политики комплексного, многоотраслевого, исторически устойчивого социально-экономического развития районов Сибири и Дальнего Востока с совершенствованием его дифференциации по формам, методам, масштабам, структуре и т.п. В конечном счёте, обеспечение экономически и политически равноправного положения этих регионов в составе Российской Федерации и участия в контактах со всеми странами мира со своими региональными интересами, как составной частью экономических и социальных интересов России.

3. За более, чем трёхвековую историю российские и советское правительства проводили в Сибири и на Дальнем Востоке политику из разных сочетаний этих направлений, проявляли то «державные», то «торгашеские» тенденции, приводящие к известным различным последствиям.

В настоящее время на фоне речевых провозглашений противоречивых положений долговременной политики России в Сибири и на Дальнем Востоке практика государственного управления регулярно создаёт транспортные, энергетические, ценовые, другие барьеры, искусственно отделяющие эти районы от «европейских территорий». Результатом являются глубокая деградация многих ранее сложившихся социально-экономических комплексов Сибири и Дальнего Востока, в особенности в их северных районах; разрушительные регулярные и продолжительные катастрофы в энергообеспечении; снижение численности населения до уровня, не обеспечивающего состояние устойчивой освоенности огромных по площади регионов; состояние углубляющейся гуманитарной катастрофы в районах проживания народов Севера; непрекращающиеся обсуждения неопровергаемых высказываний государственных деятелей и промежуточных решений органов государственной власти и управления о передаче другим государствам участков территорий, акваторий, шельфа, островов и т.д., и т.п.

4. В этой ситуации концептуальные разработки для «восточных территорий», отдельных её крупных (например, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток) и менее крупных районов, могут быть конструктивными и полезными только на основе правовым образом закреплённой стратегии, обязательной для всех. Иначе любая Концепция неизбежно будет документом, механически объединяющим

взаимонеувязанные линии поведения, кажущиеся рациональными только с позиций отдельных отраслевых, ведомственных, корпоративных, местных интересов. В связи с этим такая Концепция неизбежно будет не только невыполнима, но дезориентирует общественное развитие, а потому будет стратегически опасна для регионов и государства в целом.

Материалы XI научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. 28.XI. – 01.XII. 2001 г.- Иркутск: ИГ СО РАН, 2001.

**КРАТКАЯ ЗАПИСКА
К РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТА «ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(СИБИРЬ, ДАЛЬНИЙ ВОСТОК)
НА ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ»**

1. Разработка концептуальных документов о развитии регионов в составе государства в наиболее распространенных технологиях планирования и прогнозирования, опирается не только на многофакторный анализ природно-ресурсного, социально-демографического, производственного, научного, культурного и т.п. потенциала, природных условий, функциональных и геополитических факторов, территориально-отраслевой структуры. Главный, требующий анализа фактор развития, связанный с понятием "Государство" и называемый "государственная политика", в этих случаях не рассматривается вариантно, поскольку он должен быть определен как исходная данность.

В начале XXI века разработка проекта концепции развития восточных районов России не может разрабатываться в этой технологии, поскольку Государство (система управления страной) не выразило явно, недвусмысленно и в правовой форме своих кратковременных и долгосрочных намерений, идей, подходов, которые могли бы быть обобщенно сформулированы как государственная политика.

2. Поскольку этот ключевой фактор в настоящее время может быть отнесен к категории неопределенных, то разработка прогнозных оценок и концепции должна начинаться по одному из трех направлений:

- с попыток получить от высших государственных инстанций официальную и недвусмысленную, концентрированно выраженную формулировку государственной политики, общей для выполнения

тается столицей России. Оба города считаются мирового значения центрами культуры. Оба до 1990 г. располагали значительным научным и промышленным потенциалом. Единственное существенное системообразующее различие - в г. Москва сконцентрированы более 80% финансового капитала России и авторитарная коррумпированная политическая власть [21]. Без специальных исследований можно только предполагать конкретные социальные механизмы, связывающие финансовый капитал и политическую власть, сконцентрированные с конкретном городе, с ростом численности населения этого города. Но общая связь между этими явлениями по мировой практике очевидна: гипертрофированная концентрация политической и финансовой власти ведет к гипертрофированной концентрации населения. Можно предположить также, что развитие группы городов с численностью населения до 50 тыс. чел. связано с тем, что это города районного звена, муниципальные центры, принимающие на первой стадии поток мигрантов из сельских местностей, обеспечивая им базу для жизнеустройства, или последующих миграций.

Развитие же группы городов с населением от 100 до 249,9 тыс. чел. может быть связано с тем, что к этой группе относится большая часть центров субъектов Федерации. В этих городах, за счет статуса и концентрации экономического потенциала в предыдущие периоды развития, обеспечивается дополнительная устойчивость функционирующих в этих городах социально-экономических комплексов.

Оценивая в целом динамику развития городских поселений России за рассматриваемый период, можно выделить резко выраженную тенденцию к изменению пропорций в структуре расселения по размерным группам, в особенности на низшем иерархическом уровне. Свидетельствует ли это о проявлении кризисного, болезненного социально-экономического состояния общества? Или это естественная трансформации системы расселения, приспособляющейся под новую формирующуюся в России территориальную и социально-экономическую структуру общества? Адекватность ответа на эти и другие, возникающие при анализе динамики системы расселения вопросы, имеет важнейшее практическое значение. Создание, разрушение, реорганизация, трансформация системы расселения связаны не только с многочисленными и крупномасштабными пространственными перемещениями и социальными трансформациями всех социально-демографических групп населения. Эти процессы связаны с огромными материальными преобра-

центрировано выражается и морально-этический кризис и разложение культуры. Естественно ожидать, что городах наиболее полно представлено многообразие социальной структуры населения и противоречий его развития.

Количественные изменения в структуре городской системы расселения в России связаны с изменениями социально-экономической роли и отдельных типов городов, и конкретных городских поселений в изменяющейся сложнейшей конфигурации социально-экономических, геополитических, социокультурных сил реорганизующегося в конце XX - начале XXI в.в. российского общества. Поэтому, вместе с количественными изменениями в распределении городского населения на «бескрайних просторах» России, следует ожидать изменений в его социальных качествах. Разнообразие этих изменений обусловлено особенностями развития и функционирования конкретных городов.

Траектории развития городов в северных городах России, в отличие от Южных, в определяющей степени зависят от участия в нем государства. Города и регионы с моноотраслевой экономической специализацией менее устойчивы в случае кризисов поскольку не имеют структур дублирующих, уравнивающих, обеспечивающих баланс сил. Такие города способны впадать в депрессионное состояние и даже разрушаться. Города и регионы с многоотраслевой структурой сферы экономической специализации - более устойчивы. Города, в которых сосредоточено характерное для России (конечно, не только для России) сочетание политически и экономически господствующих в обществе сил, - имеют значительно больше предпосылок для развития, по сравнению с городами, имеющими соизмеримые иные условия развития. Названный, не полный перечень особенностей наиболее выразительно и, как правило, нерационально проявляется в обществах, где не действуют механизмы обеспечения рациональности общественного развития. Эта тенденция характерна и для федерального, и для регионального уровня власти.

Различающиеся хотя бы по одному из названных факторов развития города по разному реагируют на кризисные ситуации, в особенности, когда государство устраняется от рационального регулирования развития экономики в общих для страны интересах.

Так, в г. Москва за период 1989-2002 г. численность населения увеличилась на 16,7%, в г. Санкт-Петербурге - уменьшилась на 6,4% [21]. Оба города относятся по официальному статусу к субъектам Федерации. Неофициально - г. Санкт-Петербурге также счи-

регионами, федеральным правительством, экономическими субъектами;

- с разработки для этих инстанций вариантов таких формулировок государственной политики, с последующим составлением прогнозов и проекта концепции развития региона на основе выбранного и утвержденного этими инстанциями варианта, общеобязательного для выполнения в России;

- с разработки прогнозов и проектов концепций для всех возможных вариантов государственной политики.

Рациональным представляется второй сценарий. В связи с этим процесс разработки проекта "Государственной концепции..." целесообразно разделить на два этапа, взаимосвязанных, но самостоятельных по цели, методам, структуре содержания, характеру рассматриваемых проблем и т.п. Второй этап - методически хорошо обеспеченная и практически освоенная разработка проекта концепции в технологиях, названных в первой части первого абзаца п. 1. Первый этап - концептуальная разработка возможных вариантов долгосрочной политики государства по отношению к Дальнему Востоку и Сибири с обобщенным анализом последствий. До принятия высшими государственными органами власти внятного решения по результатам первого этапа (не исключено, что государство примет решение по варианту иному, не представленному в проекте; важно, чтобы решение было принято), заниматься разработкой проекта "Государственной концепции..." с конкретными выводами и предложениями по отраслевой, территориальной, демографической и т.п. структуре производительных сил, приоритетам, характеру межотраслевых, межрегиональных и международных связей, ресурсному обеспечению развития, его периодизации и т.д., и т.п. - бессмысленно. Эта работа потребует многократно больших сил и средств, а результаты её будут востребованы максимум на 20-30%.

3. Если будет признано целесообразным разделить разработку "Государственной концепции..." на два этапа и сконцентрировать внимание на разработке проекта вариантов "Государственной политики развития восточных территорий Российской Федерации (Сибирь, Дальний Восток)", то в содержание работ первого этапа, конечно, должен входить менее полный, чем во втором этапе, но в той же структуре, обобщенный анализ всей совокупности природных и социально-экономических, внутригосударственных и межгосударственных экономических и политических факторов развития. Этот анализ будет расширен и конкретизирован на втором этапе. Но главным в содержании работ первого этапа должен быть анализ во-

просов, имеющих значение для определения системы долгосрочных и краткосрочных государственных приоритетов, целей, задач, а также основных исправлений и методов экономического, государственно-устроительного, правового, административно-организационного и т.п. обеспечения развития.

Количество и содержание вариантов нельзя назвать точно до завершения анализа. По предварительной оценке может быть выявлено не менее двух основных и пяти производных вариантов, в том числе противоречащих друг другу по направлениям территориальной, отраслевой, расселенческой и т.п. государственной политики.

4. Анализ даже только одного названия темы разработок «Государственная концепция развития восточных территорий Российской Федерации (Сибирь, Дальний Восток) на долгосрочную перспективу» вызывает противоречивые вопросы. Термин "развитие территорий" применяют к "территориям, еще не развитым". Дальний Восток и Сибирь по состоянию и на 1990 и на 2000 годы нельзя отнести к территориям неразвитым. Здесь сформировались и пока еще функционируют более или менее завершенные региональные территориально-производственные, социально-экономические, межотраслевые, отраслевые комплексы; в большей или меньшей степени были сформированы крупные экономические районы и развивались предпосылки для перехода к формированию более дробной сетки экономических районов; был накоплен, в особенности в южных зонах Сибири и Дальнего Востока, социально-экономический и научно-культурный потенциал, оцениваемый как достаточный для самостоятельного развития не в качестве «территории». Не рождаются же в высших государственных органах словосочетания "развитие центральных территорий", «южных территорий», "поволжских территорий", "территорий Урала". Применение слова "территории" к Сибири и Дальнему Востоку может означать (может и не означать, но это должно быть выражено политически), что они расцениваются как неосвоенные, в связи с чем новое государство, Россия, приступает к их развитию, считая, что это развитие можно начинать с чистого листа. При этом сложившиеся в Сибири и на Дальнем Востоке социально-экономические организмы и их интересы, закономерности и сложившиеся системообразующие связи в худшем случае не используются практически, а в лучшем - оцениваются как нерациональные, подлежащие переделке под какие-либо другие общегосударственные интересы и закономерности, явно не выраженные.

Этот лингвистический аспект мог бы не иметь важного значе-

Это - исторически обусловленное смещение ориентиров? Это - прекращение движения российского этноса на Север и Восток, продолжавшиеся несколько столетий и обеспечивавшее хозяйственное и расселенческое освоение Россией Севера Евразийского континента? Российский этнос начинает смещаться на Восточно Европейскую равнину, на её южную окраину, приближенную к Кавказу, Каспию, Черноморью? Это - не начало крупнейших этнических подвижек на Северо-Востоке Азии, в которые будут вовлечены все крупнейшие соседствующие с российским этносы? Или - это случайность, временный изгиб национальной судьбы? Государственные деятели, управляющие развитием страны в настоящее время, выступают с заявлениями о внимании России к природным ресурсам Севера и Дальнего Востока, о значении северных и восточных районов для России. В чем причина, что с таким пониманием государственная политика ведёт к уходу российского этноса с Севера и Востока?

Это вопросы не к методам проведения переписи населения и обработки её материалов. Это - важная и сложнейшая комплексная проблематика исторического характера, которая должна быть исследована отдельно.

Одна из важных особенностей изменений в городском населении России в 1990-е годы состоит в том, что рост количества городов и численности их населения произошёл в трех группах: с населением до 50 тыс. чел.; от 100 до 249,9 тыс. чел.; свыше 1 млн. чел. При этом, общее сокращение численности городского населения пришлось на поселки городского типа и группы городов с населением от 250 до 499,9 тыс. чел. и от 500 до 999,9 тыс. чел.

В этой, количественно выраженной особенности, несомненно, отразилась сложная совокупность качественных общественных процессов, связанных с социальными, экономическими, национально-этническими, геополитическими, другими изменениями.

Известно, что система городского расселения есть присущая человечеству форма пространственно-материальной организации жизни общества, наполняемая социальным содержанием в соответствии с особенностями общественно-формационной, цивилизационной, культурной стадии его развития. Можно полагать, что, если сельская система расселения обеспечивает связь общества и природной среды, то городская система расселения - обеспечение не только управления обществом в целом, но и его научный, технический, культурный прогресс. Естественно, что в периоды социально-экономических, цивилизационных и др. кризисов, в городах скон-

Эта общая тенденция, в сочетании с внезапно снизившимся уровнем жизни сельского населения в целом, несомненно, окажется фактором снижения его демографического, экономического, социального потенциала до уровня, когда конкретные «обезлюженные» сёла могут потерять возможность самовосстановления. Механизм «запустения» сёл может приобрести такую инерцию, что их возрождение окажется невозможным без дополнительных огромных усилий страны в целом. Реальны ли они?

Обратим внимание, что рост количества сельских поселений наблюдается только в трех группах сёл: без населения; с населением до 10 чел.; с населением 3001 чел. и более. Количество всех остальных групп сёл и численность населения в них сократились, нарушая тем самым некие ранее существовавшие параметры разнообразия, системности, пропорциональности, и другие условия в системе сельского расселения и расселения в целом. Совсем не очевидно, что эти спонтанные изменения рациональны. Они нарушают не столько количественные, сколько социально-экономические и демографические пропорции в обществе. Способствуют ли эти нарушения развитию общества?

Не менее значительны изменения в городской системе расселения. При общем сокращении количества городских поселений за период 1989-2002 г.г. с 3230 до 2940, основное сокращение произошло в группе посёлков городского типа. Их количество уменьшилось на 351 посёлок, в то время, как количество городов увеличилось на 61. При этом значительно, на 59, увеличилось количество только городов с численностью населения до 50 тыс. чел. Однако изменения количества городских поселений не отражают сложную динамику количественных и качественных характеристик механического и тем более - социального движения городского населения в России 1990-х годов.

Увеличение численности населения по Федеральным округам произошло только в Центральном и Южном округах. Снижение численности произошло в 66 субъектах Федерации. Увеличение - в 23-х. Механизмы увеличения численности - внутрироссийские межрегиональные миграции и миграции межгосударственные. Механизмы снижения численности - депопуляция и миграционный поток.

Но это - механизмы. Это фиксация процессов: население России смещается с Севера и Востока на Запад и Юг. А в чем причины этих процессов? Россия реализует заявленное в начале 1990-х годов, в качестве государственной политики, движение на Запад, в Европу?

ния, если бы современное практическое отношение федеральных государственных органов власти и управления к Сибири и Дальнему Востоку не проявлялось как отношение Российской Федерации к неким дополнительным, не основным, восточным, азиатским территориям, которые можно расселять, разрушать сложившиеся в них социально-экономические организмы, развивать одни отрасли и закрывать другие без комплексного учета возможностей развития многоотраслевых исторически устойчивых региональных систем и т.п.

5. Некоторые главные принципиально различающиеся, но оценивающиеся как возможные направления (часть из них может объединяться в сочетания) государственной политики по "развитию восточных территорий" могут быть сформулированы как:

- комплексное многоотраслевое исторически устойчивое социально-экономическое развитие районов Сибири и Дальнего Востока, дифференцированное по формам, методам, масштабам и т.п., обеспечивающее их экономически и политически равноправное существование в составе Российской Федерации и участие в контактах со странами Азии и АТР со своими региональными экономическими и социальными интересами как органической частью экономических и социальных интересов России;

- использование "восточных территорий" как сырьевого придатка Российской Федерации ("европейских территорий") путем развития в них филиалов "крупных московских" финансово-промышленных группировок; т.н. «сырьедобывающая специализация»;

- использование "восточных территорий" как транзитных для экономических связей "европейских территорий" со странами Азии и АТР; т.н. «транспортная специализация»;

- использование пограничных районов Сибири и Дальнего Востока как базовых для размещения тех или иных "оборонных инструментов" обеспечения геополитических интересов Российской Федерации, в настоящее время "европейски ориентированных";

- экономическое развитие некоторых южных районов Сибири, Дальнего Востока, ориентированное на то, чтобы через них как промежуточные базы включить "европейские территории" России в экономические контакты со странами Средней, Центральной, Юго-Восточной Азии и АТР;

- использование части "восточных территорий" и части природно-ресурсной базы на этих территориях и прилегающих акваториях как предмета обмена с иностранными государствами при получе-

нии инвестиций или при компенсации внешнего долга России;

- использование Дальнего Востока как базового района для освоения природно-ресурсного потенциала Мирового Океана.

6. На Дальнем Востоке к концу 1980-х годов сформировались научно обоснованные позиции, ориентированные на реализацию первого из названных вариантов. Остальные озвучивались в речах, статьях и т.п., а также применяются в управлении экономическими процессами. В течение более чем 300-летней истории освоения Дальнего Востока российские и советские правительства проводили политику из разных сочетаний названных направлений, получая различные результаты. Изучение новой и новейшей истории позволяет оценить эффективность разных направлений региональной государственной политики в социально-экономически слабеющих государствах с устойчиво сокращающимся населением и большой территорией в геополитических условиях начала XXI века. Некоторые сочетания направлений могут привести в результате к выпадению регионов из состава государства в силу объективных обстоятельств, вне связи с прямо названными, но платоническими желаниями государственных органов.

В связи с этим подробная разработка Концепций развития "восточных территорий" нецелесообразна в принципе до тех пор, пока не узаконена главная идея государственной политики по развитию этих "территорий", дифференцированной для принципиально различающихся в составе этих "территорий" районов (как минимум - в ранее существовавшей сетке: Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток). Более того, такая разработка Концепций не только нецелесообразна, но и объективно вредна для государства, поскольку декоративна. Она позволяет - под прикрытием документа, не опирающегося на государственную политику, а потому неизбежно компилятивного, обобщающего приятные для всех и потому не связанные в комплекс и невыполнимые в сумме предложения, проводить любую политику, в том числе опирающуюся на часто меняющиеся несовершенные государственные намерения; в том числе на не государственную, а частную - отраслевую, корпоративную и т.п. - политику.

Речевые же провозглашения политики, без формального её закрепления, имеют, как правило, кратковременный характер и более значимы для обсуждения в средствах массовой информации, чем для развития реальных социально-экономических процессов в регионах.

7. Дифференцированный подход к формированию государст-

«создаваемому» общественному устройству страны? Можно ли предположить, что столь, резкое снижение количества сельских населенных мест может при< сельского расселения и систему расселения в России в целом (или в отдельных её географических зонах) к некоему порогу прочности, за которым может последовать критическое ослабление освоенности огромных, и без того слабозаселённых территорий? Можно ли исключить, что Россия развивается по некоему гипотетически предполагаемому «благоприятному» магистральному направлению развития человечества: с разрушением традиционного каркаса расселения и определенных пропорций между сельским и городским населением; мелкими, средними и крупными поселениями; со смещением мест проживания преобладающе большей массы населения из ландшафтов, в основном природных, в ландшафты, в основном искусственные, антропогенные, городские? Или эта трансформация разрушает связи этносов с природой, с окружающей средой, разрушает связи человека с биосферой?

Или в этом феномене, если учесть не только стратегические, философические дали, проявилось реальное обеднение, обнищание деревни, её обезлюживание, которое уже состоялось, и только не успело исчерпывающе полно отразиться в общих статистических показателях? А связано оно, в частности, с тем, что требующее особого внимания к себе «северное» сельское хозяйство России было без подготовки вброшено в мировой сельскохозяйственный рынок, и было раздавлено наиболее устойчивыми и конкурентоспособными его секторами сложившимися в других странах?

Необходимо иметь в виду также, что сельское население не просто арифметически вычитается из малых сел и прибавляется в крупные села и далее - в города. Оно не в равномерном социально-демографическом составе перераспределяется в пространстве. В соответствии с общими тенденциями миграционных процессов (как минимум - в период индустриализационного развития), в таких переселениях в большей степени принимает участие население трудоспособного возраста, социально и экономически наиболее активное, психологически более склонное к переменам, более креативное. [14]. При этом, в местах оттока остается в большей степени население нетрудоспособное, или менее трудоспособное, социально и экономически менее активное, более консервативное, не имеющее или материальных средств, или физических сил, или психологической решимости на смену не только места жительства, но и социального положения: то есть профессии, условий труда, социального окружения и т.п.

статистических измерений. Не есть ли это форма выживания населения в условиях, когда оно оказалось массово лишённым средств существования? Такое было в 1990-е, продолжается и в 2000-е годы когда заработная плата и пенсии не выдавались многие месяцы; когда многие предприятия не работали годами, но их работники не увольнялись.

Смертность населения в России в этот период была аномально высокой и несомненно связанной с социально-экономическими катаклизмами. [12] Не исключено, что доходы от личного подсобного хозяйства оказались одним из важнейших факторов для физиологического выживания населения, лишившегося других доходов. Не исключено, что это - один из факторов сохранения относительно спокойной социальной реакции в России на острейшие социальные ситуации. Можно предположить, что наличие этой социальной группы обеспечивает устойчивое (что естественно!) голосование мелких собственников за авторитарные политические режимы, обещающие устойчивость, стабильность и покой всем собственникам, а фактически обеспечивающие сверхконцентрацию финансового и экспортного капитала с извлечением гиперприбылей для его собственников.

Не исключено так же, что возникновение группы лиц с доходами от личного подсобного хозяйства - форма замедленного экономического и демографического вымирания населения, не предназначенного для жизни в «новом рыночном цивилизованном обществе». Ведь так проповедовали многие обществоведы в конце 1980-х и начале 1990-х годов, призывая «совков», проживающих в советской России, поблуждать сорок лет «в синайской пустыне», пока они, «совки», не вымрут?

При все же незначительном уменьшении численности сельских населенных мест за 1989 - 2002 г.г. менее чем на 1%, в их структуре и количестве произошли резкие изменения. Их общее количество сократилось почти на 7 тыс. и составило в конце 2002 года около 155 тыс. Из них - около 13 тыс. сёл «пусты», «необитаемы». Около 34 тыс. сёл имеют население менее 10 чел, то есть в макроэкономическом отношении, в отношении развития социальной сферы - также «пусты».

В 1989 г. таких сёл было около 9 тыс. и 30 тыс. соответственно. Можно ли предполагать, что увеличение количества нежизнеспособных сёл означает оздоровление системы расселения? Можно ли полагать, что разрушение ранее существовавшей системы сельского расселения есть необходимость при приспособлении к «новому»,

венной политики развития "восточных территорий" должен учитывать такие исторически постоянно действующие объективные факторы, как континентальное и приокеанское расположение, деление по критерию "северности" (Ближний, Дальний, Крайний Север и т.п.), природно-ресурсная база, место и роль в геополитических, этнологических мировых экономических процессах; а также такие подвластные управленческим воздействиям факторы, как отраслевая специализация, система расселения, стимулирующие или не стимулирующие развитие правовые и экономические механизмы, транспортные и энергетические составляющие и т.п. Так, радикально значимыми для Дальнего Востока являются устойчивость, надёжность и экономическая эффективность энергообеспечения и транспортной доступности; преобладание в современной структуре ДВЭР, теоретически числящегося существующим, дезинтегрирующих факторов и т.д.

В связи с этим, одним из важнейших в Концепции должен быть раздел, рассматривающий корректировку инерционно сохранившегося от условий СССР членения "восточных территорий" на экономические районы применительно к новым государственным, формационным, экономическим, правовым, ресурсным, внутривнутриполитическим, геополитическим условиям, складывающимся в Российской Федерации.

8. В Камчатской области в разные годы разрабатываются концептуального характера документы, рассматривающие проблематику социально-экономического развития Камчатки и прилегающих территорий, морских и океанических акваторий.

Переданы для реализации Концепция природопользования на Камчатке и в прилегающих морях, Концепция развития рыбного хозяйства Камчатки, Основные положения Концепции развития г.Петропавловска-Камчатского. В настоящее время разрабатываются Концепция развития Камчатской области и Концепция развития г.Петропавловска-Камчатского. Основным вывод, сделанный на основе этих разработок, состоит в том, что главным фактором, определяющим направления развития отдельных регионов Дальнего Востока и Сибири в составе России, и «восточных территорий» в целом, является политическая, властная воля Российского Государства, неукоснительно реализуемая государственными управленческими системами. Все другие факторы для развития Дальнего Востока имеют значение второго, третьего и т.д. уровня.

Так, например, для развития рыбохозяйственного комплекса на Дальнем Востоке главную роль играет не наличие рыбных ресур-

сов, а воля Правительства по наделению отдельных экономических субъектов (и государств) правом пользования этими ресурсами на основе единственного принципа «кто больше заплатит». Региональная и отраслевая проблематика при этом не учитывается.

Планируемая и явно проводящаяся государственная политика, направленная на разрушение единой энергетической системы России, в том числе межрегиональных и межотраслевых компенсаторных экономических механизмов, приводит энергетику и экономику Дальнего Востока в тупик и выкидывает их из формирующегося российского рынка; выталкивает регионы из России экономически.

Государственная политика развития авиационных сообщений ориентирована на их сокращение, в особенности в районах Севера. Из 2,5 тысяч бывших государственными гражданских аэропортов РСФСР в настоящее время функционально полноценно действуют около 500, а в перспективе на государственном финансировании предполагается оставить не более 40. В Сибири в это число попадают только аэропорты г.г. Новосибирска, Красноярска, Иркутска.

Реально осуществляются намерения форсированно использовать углеводородные ресурсы шельфа Северного Ледовитого и Тихого океанов. Названная цель - обеспечить энергетическую безопасность страны. Эта цель не корреспондирована с целями обеспечения продовольственной, экологической безопасности, интересами населения и т.п. Подготовка к промыслу нефти и газа на шельфе Охотского и Берингова морей ведется без комплексной эколого-экономической оценки возможностей освоения их многовидовой природно-ресурсной базы и может закончиться разрушением природных основ их высочайшей биологической и рыбопромысловой продуктивности и потерей их незаменимого для России рыбопромыслового значения.

Государственные намерения по реформированию экономических отношений в жилищно-коммунальной сфере делают бесперспективной сложившуюся систему расселения на Дальнем Востоке и Севере и требуют разработки отдельной программы намерений государства по организации своего поведения в складывающейся ситуации.

Реальные (возможно, спонтанные) действия государственных органов власти и управления направлены на сокращение численности населения в северных районах без обоснованной их дифференциации, а также на переход к преимущественно вахтовым способам не только организации отдельных производств, но и освоения регионов.

ло по просьбе жителей этих поселений. Причиной могла бы быть смена экономической специализации населённого пункта с промышленной, транспортной, научной, иной несельскохозяйственной - на сельскохозяйственную. Можно предположить также, что это явление - следствие затянувшегося переходного состояния при запланированной или спонтанной ликвидации градообразующих сфер в военных, северных промышленных, других посёлках.

Предоставляется очевидной связь этого процесса с социально-экономическими катаклизмами, произошедшими и продолжающимися в России; с разрушением и трансформацией оставшегося экономического потенциала; с неизбежным в такой ситуации перемещением населения как в географическом, так и в социальном и экономическом пространстве. Предоставляется также, что масштабы изменений в городской и сельской системах расселения в результате этих катаклизмов должны быть гораздо большими, чем переход одной десятой от всех городских поселений в сельские; и не только количественными, но и качественными.

Так, за период 1989 - 2002 г.г. не только около 1 млн. чел., ранее считавшихся городским населением, стали населением сельским. За этот период в населении России образовалась одна из наиболее многочисленных социальных групп: «лица, проживающие на доходы от личного подсобного хозяйства». К таким доходам статистика относил доходы от сельскохозяйственного, в основном, труда на «подсобном» приусадебном или дачном участке, т.е. хозяйства близкому к натуральному. Такая социальная группа существовала и в 1989 году, однако не считалась достаточно большой для выделения в статистических материалах. В 2002 году численность этой социальной группы составила 18,2 млн. чел. (!)

Это социальное явление особенно показательно на фоне того обстоятельства, что численность занятых трудом в промышленности в 2002 г. составила 14,53 млн. чел (21,324 млн. чел. в 1989 г.), а в сельском хозяйстве - 7,68 млн. чел. (10,1 млн. чел. в 1989 г.). Очевидно, что есть временная связь такой дисперсизации, разложения на «мелкие, личные частицы» коллективно организованного общественного труда, с происшедшими в России социально-экономическими катаклизмами. Есть ли у этих явлений причинно-следственные связи, и каковы их конкретные формы?

Не только теоретический, но и практический интерес вызывают вопросы о последствиях возникновения этой, столь масштабной социальной группы в населении России. Для полного и точного понимания этих процессов и их последствий недостаточно данных

Таблица 6

**Характеристика динамики поселений в России конца XX века
[по 19-24]**

Всего городского поселения	Число городских поселений, ед.		При-рост. Убыль.	Число жителей в них, тыс. чел.		При-рост. Убыль, тыс. чел.
	1989	2002		1989	2002	
Всего городских поселений	3230	2940	-290	107959	106429	
Городов, из них с числом жителей, тыс. человек	1037	1098	+16	94450	95916	+1466
До 50	709	768	+59	15920	16622	+702
50-99,9	163	163	0	11169	11083	-86
100-249,9	87	92	+5	13078	13817	+739
250-499,9	44	42	-2	15084	14574	-510
500-999,9	22	20	-2	14040	12404	-1636
1 млн. и более	12	13	+1	25159	27416	+2257
Посёлок городского типа	2193	1842	-351	13509	10513	-2996

Всего сельские поселения	Число сельских поселений, ед.		При-рост. Убыль.	Число жителей в них, тыс. чел.		При-рост. Убыль, тыс. чел.
	1989	2002		1989	2002	
Всего сельских поселений	162231	155289	-6942	39063	38738	-325
В том числе без населения	9309	13086	+3777			
С населением	152922	142203	-10719	39063	38738	- 325
Из них с числом жителей, человек: 10 и менее	30170	34003	+3833	155	168	+13
11-50	44674	38073	-6601	1150	950	-200
51	18094	14901	-3193	1312	1082	-230
101	40072	36308	-4764	9710	8919	-781
501	11524	10836	-688	8087	7571	-516
1001	6984	6402	-582	10819	9996	-823
3001 и более	1404	1680	+276	7830	10052	+2222

За период с 1989 г. по 2002 г. в статус сельских посёлённых пунктов переведены 300 городов и поселков городского типа с численностью населения около 1 млн. чел. С представлениями об «урбанизации» этот процесс не увязывается. Сведений о социально-экономических причинах этого явления статистика не предоставляет. Можно предположить, что эти поселения, или часть из них, были изначально названы городами без достаточных оснований. Можно предположить маловероятное: изменение статуса произош-

Этот неполный перечень факторов дает основание предположить возможность двух разнонаправленных направлений государственной политики на Дальнем Востоке: на развитие социально-экономических комплексов региона (по названию темы) и на их сокращение (по реальным частным действиям государственных органов власти и управления).

Это подтверждает необходимость выяснения официальной долгосрочной государственной политики до начала трудоемкой, подробной, объединяющей воззрения и труд многих отраслевых, академических, государственных, ведомственных, региональных коллективов, разработки документов, должных правовым образом утвердить объединенные единым замыслом ориентиры, приоритеты, условия, этапы, траектории, ресурсное обеспечение, другие параметры развития социально-экономических систем на большей части Евразийского материка и в прилегающих зонах Северного Ледовитого и Тихого океана.

Докладная записка. - 2001.

ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Российский Дальний Восток (ДВ) как объект разработки государственных программ долгосрочного развития имеет особенности, принципиально отличающие его от таких же в таксономическом отношении социально-экономических объектов, расположенных в других зонах России.

Он охватывает крупную по площади, разнообразную по природным качествам субглобальную систему, включающую более 1/30 суши Земли с прилегающими шельфом и акваториями Тихого и Северного Ледовитого океанов. Он находится в зоне многовековых непосредственных контактов не менее 4-х крупнейших этносов (суперэтносов, цивилизаций); вблизи от крупнейших динамично развивающихся экономических центров мира, а также от крупнейших относительно перенаселенных трудоизбыточных районов мира с миграционно высокоактивным населением. На суше ДВ имеются значительные в общероссийском и мировом масштабе запасы минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. В морских акваториях ДВ расположен один из немногих сохранившихся в мире регионов с высочайшей биологической и рыбопромысловой продуктивностью. ДВ располагает значительной по площади и навигационным условиям прибрежной зоной, где могут быть развиты

базовые районы для освоения природных ресурсов Мирового океана, в первую очередь – северной части Тихого океана. Степень учета и использования государством этих и других объективных особенностей составляет один из важнейших субъективных факторов развития региона.

ДВ в составе России на протяжении XVII – XX веков развивался в полной зависимости от волнообразно меняющихся центральными правительствами стратегических ориентиров, которые не всегда были выражены обобщенно и формально, однако во всех случаях легко определяются по неформальным высказываниям, реальным действиям, их последствиям и реакциям на эти последствия. Условно эти ориентиры можно назвать «торгашескими» и «державными».

Присоединение ДВ к России в XVII веке происходило в традиционном тогда процессе «приискания» на Востоке «новых земель» в основном для пополнения государственной казны «мягкой рухлядью». Государственный гений Петра I позволил ему увидеть в присоединении ДВ возможность для выхода России в Тихий океан, открытия земель на Американском материке, организации новых торговых путей в Восточную и Южную Азию. Формы «землепроходческого» освоения ДВ были дополнены формами, требующими огромных общегосударственных усилий, создания флота, портов и т.п.

В середине и 2-й половине XVIII века, со снижением внимания правительств к потенциальному и реальному значению ДВ для России, ослабились проявления политического и экономического присутствия российского государства на ДВ и севере Тихого океана. Развитие факторов, могущих привести к полной потере Россией влияния в этом районе, вызвало реакцию государственной власти в форме создания Российско-Американской компании, повышения статуса дальневосточных территорий в системе государственного устройства, усиления политической, экономической, исследовательской деятельности.

С середины XIX века наступил период повышенного внимания правительств России к освоению новых земель на крайнем юге современного российского ДВ и за его пределами (Манчжурия, Корея и т.п.). Одновременно изменилась до почти полного безразличия оценка геополитических и экономических возможностей остальных территорий, прилегающих к северной части Тихого океана, в результате чего были почти полностью ликвидированы проявления активного присутствия России в этой зоне. Россия лишилась Аляски, Алеутских, Курильских и Прибылова островов; половины ост-

сить, как известно, и «благотворный» и «болезнетворный» характер; рациональность территориальных, межотраслевых, социальных, других пропорций в устройении Общества; определение места стадии развития Общества на цепочке «доиндустриальное», «индустриальное», «постиндустриальное», или в цивилизационной структуре человечества и т.д. и т.п.

Для такого анализа практически ничего не даёт сопротивление численности городского и сельского населения России в 1989 г. и 2002 г. (таб.5). Численность этих групп населения уменьшилась. Уменьшение это укладывается в представлений том, что процесс депопуляции, рассматриваемый отвлечённо от социально-экономических кризисов, в том числе искусственного происхождения, характерен в первую очередь для «скученных», «городских» сообществ населения, оторванных от природной среды обитания.

Таблица 5

Численность городского и сельского населения России в 1989 г. и 2002 г. [по 22]

Наименование показателя	1989 г.	2002 г.	Изменения
Численность городского населения, млн. чел.	107,959	106,429	-1,530
Численность сельского населения, млн. чел.	39,063	38,738	-0,325

Можно предположить, что эти цифры, в самом общем понимании их содержания, свидетельствуют о том, что процесс «урбанизации», продолжавшийся в России (в её современных границах) до начала 1980-х годов, приостановился на уровне 27-28% сельского и 72-73% городского населения. Можно предположить, что изменения произошли в общих популяционных показателях, характеризующих динамику процессов воспроизводства населения, в показателях, выражающих численность особей, находящихся на территории в целом.

Изменения же в соотношении между «городом» и «деревней», между численностью сельского и городского населения совершенно незначительны: 1:2,764 в 1989 г. и 1:2,747 в 2002 г.

Рассмотрим, однако, представленные материалами переписей населения данные подробнее, хотя бы по самым крупным группировкам (таб.6).

- резкая дифференциация уровня доходов, уровня жизни, качества жизни населения в зависимости от места проживания, социального положения и т.п.;

- формирование систем устойчивой контрабандной деятельности и несанкционированного пользования природными ресурсами.

Наиболее видимые последствия воздействия этих и других факторов описаны в средствах массовой информации под такими заголовками, как: «Россия смещается к югу»; «Город поглощает деревню»; «Малые города пошли в рост. Перепись показала, что все больше россиян выбирают на жительство в тихие районные центры».[19-24]

В самом деле, данные переписи населения 2002 г. зафиксировали перемещение населения России не только из северных районов страны к югу, а из восточных, в особенности дальневосточных районов, - к западу. В частных, единичных ситуациях, на уровне отдельных личностей эта тенденция обуславливается давно известным, в фольклоре выраженным фактором: «Рыба ищет, где глубже, человек - где лучше». При переходе к анализу этого процесса на уровне страны, народа, населения, этноса, следует оценить тенденцию по иным критериям. Следует выяснить: это случайная, исторически кратковременная флуктуация? Или это изменение места, занимаемого этносом в географическом пространстве? Или это освобождение одним этносом ранее освоенной им зоны обитания, для исторически закономерного обживания этих зон другими этносами? Этот не исчерпывающий возможности анализа перечень вопросов только иллюстрирует необходимость полного изучения причин, характера и последствий отмеченной тенденции. Нельзя исключить, что это - проявление характерных для России XVII-XX в.в. волнообразных смен ориентиров и приоритетов при освоении Сибири и Дальнего Востока, приводящих то к оживлению, то к затуханию развития этих районов. Но трудно предвидеть, позволят ли геополитические реальности XXI века без потерь для страны, для нации, для этноса пережить современный очередной спад внимания государства к районам Дальнего Востока и Севера. [15]

Очень важен для оценки процессов развития России анализ тенденций изменений, происходящих по оси город - деревня, фиксируемых статистикой только в количественном отношении и по ограниченному набору параметров, не раскрывающих социально-экономическое содержание тенденций. Известно, однако, что с изменениями в распределении населения по этой социальной оси связаны: особенности процессов «урбанизации», которые могут но-

рова Сахалин. Влияние России на юге ДВ было оттеснено до современных государственных границ. Возникла реальная возможность утраты Российским государством части материковых северных районов ДВ.

В XX веке ДВ в составе СССР формировался как район нового освоения сырьедобывающей и сырьеперерабатывающей специализации, а затем комплексно развивающийся экономический район со сложной территориальной и отраслевой структурой. В состав ДВ были возвращены Курильские острова и южная половина острова Сахалин. К 1980-м годам для ДВ определилась сложная система направлений развития: продолжение формирования многоотраслевых территориально-производственных комплексов; обеспечение активной политической, экономической, исследовательской деятельности СССР в Мировом океане; развитие районов базирования мощного стратегического оборонного комплекса с собственной системой промышленного и инфраструктурного обеспечения.

В конце XX века начинается период изменения государственного отношения к развитию ДВ, очевидно связанный с разрушением СССР и формированием современной России как новой страны, с новыми экономическими и демографическими потенциалами, территорией, системами идеологических и политических ценностей, геополитическими ориентирами и т.п. Оценка тенденций, складывающихся в этот период, осложнена его краткостью, скоротечностью перемен, несформированностью федерализма, отсутствием четко выраженной и последовательно проводимой региональной политики, обилием противоречивых высказываний государственных и общественных деятелей, отсутствием конечных (в отдельных случаях есть только промежуточные) результатов заявленных и проводимых Российским государством действий. Тем не менее, наблюдаются отчетливые проявления, по которым можно предположить характеристики этих тенденций.

Таковы многочисленные, а учитывая, что это касается целостности государственной территории, - недопустимо многозначительно массовые обсуждения в средствах массовой информации официальных и полуофициальных высказываний, социологических опросов, авторских мнений и других материалов по поводу необходимости и возможности передачи Японии (продажи за фиксированную сумму, уступки за предоставление политических и экономических преференций, инвестиций, кредитов и т.п.) Южных Курильских островов. Таковы официальные решения исполнительных органов власти разрушающегося СССР (а затем - преемственно - России) об

уступке в пользу США участка акватории в центральной части Берингова моря (т.н. «линия Шеварнадзе»). Хотя соглашение об этой уступке не ратифицировано законодательными органами СССР и России, США, ратифицировав его односторонне, арестовывают российские суда в пределах этого участка, не вызывая видимых, должных быть очевидными государственных реакций со стороны России.

Российские правительства не принимали мер по предотвращению неконтролируемого нерационального рыбного промысла иностранным рыбопромысловым флотом в центральной зоне Охотского моря. Появляются сообщения о подготовке к отказу России от сложившихся в XX веке международно признанных государственных границ в Северном Ледовитом океане, в связи с чем может существенно сократиться площадь акваторий, находящихся в юрисдикции России.

Российское правительство все в большей доле распределяет право рыбного промысла в российской исключительной экономической зоне на Дальнем Востоке иностранным рыбодобывающим предприятиям в ущерб интересам российского дальневосточного рыбохозяйственного комплекса.

Российские правительства не проявили практических реакций, активно ориентированных на сохранение (если уж не на развитие) экономических, социальных, оборонных, демографических комплексов ДВ, разрушение которых за 1990-е годы было наиболее масштабным в России за этот период.

Есть основания полагать, что в конце XX – начале XXI веков у государственной власти проявляется очередной спад в оценке значимости ДВ для России в целом. Это обстоятельство определяет всю систему геополитических и внутривластных социально-экономических и территориальных ориентиров трансформаций Дальневосточного экономического района, состоявшихся и готовящихся к реализации в обозримом будущем. Дополнительные основания для этого предположения дает проект Федеральной Целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 года» (в дальнейшем – Программа), подготовленный Правительством РФ и осенью 2001 года энергично проводимый через процедуры согласования с соответствующими субъектами Федерации. В блоке «Геостратегические приоритеты Программы» не названы функции ДВ как «базового района» для освоения Мирового океана; как «базового района» для Дальневосточного оборонного комплекса России, территориально удаленно-

и в социальной структуре населения; одно из наиболее выразительно и наглядно отражающих изменения в социально-экономическом развитии страны и социальной структуры населения; одно из наиболее консервативных, материально закрепляющих и сохраняющих структуру вековых долгосрочных, устойчивыми объективными факторами обусловленных социально-экономических, производственных, бытовых, жизненных, этнических процессов, - это явление, называемое системой расселения.

Изменения, произошедшие в системе расселения России за рассматриваемый период, заметны и вызывают неоднозначное толкование. Объем статьи не позволяет оценить этот процесс всесторонне, даже в форме постановки вопросов. Статистические материалы переписей в 1989 г. и 2002 г. не дают для этого достаточных данных. Но у нас есть возможность назвать некоторые из наиболее значимых факторов, влиявших на формирование системы расселения в России в конце XX - начале XXI веков, и отметить некоторые из наиболее значимых отмеченных статистическими данными тенденций.

В кратком, неполном перечне факторов, послуживших причиной этих тенденций, можно назвать следующие:

- возникновение в 1991 году «Новой России», новой страны, в которой, в отличие от «Старой России», то есть от СССР, стали формироваться новые конфигурации природных условий, природно-ресурсного потенциала, демографических, этногенетических, геополитических, социально-экономических, идеологических, политических сил, связей, центров, других сочетаний факторов, влияющих на формирование системы расселения;
- распад обрабатывающей промышленности, в особенности последних переделов;
- распад систем производства и переработки продукции сельского хозяйства;
- развитие мелкооптового импорта; формирование транспортных связей, узлов, систем по обслуживанию потоков мелких торговцев;
- концентрация экспортно-ориентированного капитала (не самого производства!) и финансового капитала в политических центрах;
- распад военно-оборонного комплекса и обеспечивающих его производственных, социальных, инфраструктурных сфер;
- спонтанное разрушение многих производственных и селитебных комплексов в районах Севера;

менее 100 лет назад было научно сформировано и до сих пор научно не опровергнуто утверждение, что государство есть аппарат насилия господствующего класса над обществом для обеспечения интересов этого, господствующего класса.

Возможно ли, что аппаратные внутренние интересы системы государственного управления станут господствовать и над интересами господствующего класса? Есть ли перспективы у Общества, управление которым осуществляется в основном, в интересах системы управления?

Не отражает ли столь увеличенная численность аппарата управления противоборства в формирующейся, но ещё не сформировавшейся социальной структуре общества, где возможны частые смены кратковременно господствующих «движущих сил»? Сформировался и утвердился в обществе господствующий класс, в интересах которого нужен именно такой аппарат государственного управления?

До последнего времени несомненно господствующее положение в России занимает социальная группа, которая политическими, социальными, экономическими методами (моральные и этические аспекты не упоминаем) обеспечивает себе получение гиперприбылей [5]. Этот источник обеспечил Российским «нуворишам» и «скоробогатеям» в течение 15 лет возможность перейти из состояния советских граждан со средним достатком в разряд богатейших людей мира.

Эта социальная группа, а также обслуживающие и развлекающие её социальные прослойки, в настоящее время господствуют в России экономически и политически. Принесение в жертву отдельных «олигархов» не должно вводить в заблуждение. Оно может быть следствием внутренних противоречий в социальной группе, конфликтов с другими группами, актом защиты общегрупповых интересов в обострявшейся социальной стадии и т.п. Социальная группа и отдельные её представители - не одно и то же, и не константа. Важен вопрос - сколько долго может продолжаться господствующее влияние такой социальной группы, обслуживаемое такой системой государственного управления? В какие сущностные и формальные изменения и того, и другого может развиваться ситуация?

Расселение.

Одно из наиболее значимых явлений для социально-экономического развития страны, в том числе и для формирования социальной структуры населения; одно из наиболее чутко реагирующих на изменения в социально-экономическом развитии страны

го от других промышленных центров страны; а также функция создания социально-экономического и демографического потенциала, обеспечивающего исторически долговременную российскую государственность Дальневосточного экономического района как неотъемлемой и равноправной части России. До 1990 года эти общегосударственного значения функции развивались на ДВ как приоритетные.

В блоках «Основные направления развития» и «Общегосударственные задачи» среди приоритетов и главных задач Программы названы только развитие и модернизация сырьедобывающих отраслей экономики, развитие транзитного транспортного комплекса (транспортные коридоры) и «приграничное сотрудничество».

Важнейшая стратегическая для России и внутрирегионально для гигантской и разнообразной по условиям развития территории ДВ проблема дифференциации по типам развития сведена на федеральном уровне Основных задач Программы к формуле «стимулирование миграции населения из районов Крайнего Севера, не занятого в экономически эффективном производстве, и расширение использования вахтового метода в процессе освоения этих территорий». Характерны не столько отдельные аспекты смысловой нечеткости задачи, которую можно объяснить технической ошибкой (например, кто не занят в производстве? Районы?). Характерна постановка задачи по существу, потому что районы Крайнего Севера и приравненные к ним составляют более 4/5 территории ДВ. Стимулирование миграции из них представляет собой не только сложнейшую социально-экономическую задачу, требующую расчетов, обоснований, внутренней дифференциации и т.п., чего в Программе нет. Важно, что эта задача поставлена без оценки ее стратегической важности для России. Сможет ли очень слабая страна удержать за собой даже в качестве колонии оставляемую населением гигантскую территорию, соседствующую с экономически и демографически мощными, трудоизбыточными, динамично развивающимися государствами? В этом контексте характерно также, что в Программе вообще не упомянуто проживающее на этих территориях коренное население (остальное население Программа отнесла к временному, потенциально подлежащему выселению).

В связи с этой задачей целесообразно отметить, что среди «основных факторов развития, действующих на период до 2010 года», названа «особая значимость российской территории как резервной ресурсной и экологической зоны мирового значения». Этот фактор имеет несомненное обобщенное значение для развития человечест-

ва в целом в отдаленном будущем (как ресурсы Мирового океана, космоса и т.д.). Но, будучи назван в Программе развития конкретного района в краткие сроки, этот фактор должен быть раскрыт в конкретной форме: какие территории, акватории и ресурсы ДВ, кому именно из мирового сообщества и на каких условиях будут предоставлены для использования в качестве резерва.

В заключение этого вынужденно неполного анализа отметим, что машиностроительный комплекс ДВ, который до 1990 года производил до 15 % продукта промышленности, активно участвовал во внутригосударственном и мировом обмене продукцией, был базовым для оборонных структур, не назван ни в приоритетах, ни в основных задачах развития ДВ. Отдельные вопросы развития этого комплекса названы только на уровне межрегиональных задач и региональных мероприятий. Ни в одном разделе Программы ни прямо, ни косвенно в аспектах развития, сохранения или сокращения не упомянут оборонный комплекс ДВ, имеющий не только геостратегическое значение для России, но и являющийся одним из важнейших факторов формирования отраслевой, демографической, территориальной структуры социально-экономического комплекса ДВ в целом.

Таким образом, можно утверждать, что стратегически ориентации развития ДВ в составе России в конце XX – начале XXI века существенно отличаются от существовавших до 1990 года, и эти изменения укладываются в описанные выше волнообразные вековые (много десятков лет, как минимум) мировоззренческие колебания российских правительств. Очевидны тенденции замены оценки ДВ как неотъемлемой части России на оценку ДВ как неких «восточных территорий», колониального придатка, содержание которого для метрополии малоэффективно или неэффективно и который, при выгодных обстоятельствах, может быть – в целом или частями – обменян на прибыльных для метрополии условиях.

В то же время, есть основания ожидать, что проявляемые в начале XXI века оценки не вечны. Новые правительства России могут изменить их в соответствии с иными стратегическими ориентирами. Поэтому главнейшей долгосрочной задачей России как страны с многовековой историей, за сотни лет накопившей на ДВ потребовавший больших затрат общественного труда значительный геополитический, экономический, демографический, социальный, инфраструктурный, иной потенциал, является задача сохранять этот потенциал при конъюнктурных колебаниях мировоззрений правительств, отражающих преходящие и в историческом масштабе ча-

Приведенные в таблице 4 данные получены из источников, составленных на основе разных не только теоретических и методологических, но и методических подходов. В 1940-1984 г. статистической классификацией в одну группу отнесены те, кто занят не производственным трудом не только в органах государственного управления, но и в органах финансов и кредита; на должностях в партийных, комсомольских и профсоюзных органах; системах кооперации. Мы условно принимаем, что не более одной трети из них могли работать в органах государственного управления. В законодательных же органах РСФСР точно работало на освобожденной и неосвобожденной основе не более 1000 чел.

Несмотря на большую степень условности приведенных в таб.4 предварительных данных, представляется несомненной необходимость исследования проблематики, связанной с результатом даже ограниченного этими предварительными возможностями анализа. Так, очевидно, что общая тенденция к увеличению численности занятых в государственной власти и управлении в России за 60 лет соответствует общей тенденции общественного развития человечества. Эта тенденция связана с усложнением структуры и масштабов производственных и социальных процессов, обеспечивающих их производственных и социальных сфер; с возрастанием объемов производства; с усложнением систем международного разделения труда, формированием мирового хозяйства и т.д. и т.п. Эта тенденция требует количественного и качественного развития сферы управления. Эта тенденция сущностно не зависит от могущих влиять на её проявление в конкретных условиях различий формационного, идеологического, политического, национального и т.п. характера.

Очевидно также, что резкий скачок в численности занятых в органах государственной власти и управления при переходе от 1970-1980-х годов к 1990-2000-м годам связан с изменением сущностных характеристик общественного строя в России. Объективно, или субъективно обусловлено парадоксальное увеличение более, чем в 20 раз числа законодателей? Не будем отвлекаться здесь на вопросы о связи этого процесса с явлениями коррупции, кадрового обеспечения законотворческого процесса, качества правового поля, создаваемого столь внушительным законодательным массивом и т.п. Отметим, что столь бурный рост не может быть не связан с формированием и защитой собственных интересов системы государственно управления, и эти интересы не всегда могут совпадать с интересами создавшего эту систему Общества. Вспомним также, что не

в обеспечении их жизнедеятельности специфичными правовыми и экономическими механизмами.[15]

Своеобразно для современной России правовое выделение из занятого общественным трудом населения социальной группы «государственные служащие», приобретающей черты реального существующего сословия. Их трудовая деятельность, пенсионное обеспечение, система прав и обязанностей регламентируются специальными правовыми и экономическими механизмами. Их численность растёт, а уровень оплаты труда устойчиво выше, чем у остальных групп населения, получающих зарплату из бюджета [Таб.3]. В научной, публицистической, общественно-политической литературе устойчивы утверждения о сформировавшейся системе «государственной службы», как коррумпированной и корыстно обеспечивающей свои системные (не только личные) интересы.

В связи с возникновением в 1990-е годы значительной, правовым и экономическим образом выделенной из прочих граждан стран, социальной группы «государственных служащих», есть основания обратить внимание на более длительные по времени тенденции развития численности занятых в системе государственной власти и управления страной (таб.4).

Таблица 4

Динамика численности занятых в органах государственной власти в СССР, РСФСР и России

Наименование пользователей	1940	1960	1975	1984	1994	2000	2003
Численность работающих в органах управления, кооперативных и общественных организациях, органах кредитования и страхования, в РСФСР, млн. чел.	около 0,6	около 0,8	около 1,25	около 1,350	более 1,9		более 3,8
Численность работающих в органах государственной власти в РСФСР и России, млн. чел.	около 0,2	около 0,25	около 0,4	около 0,45	1,004*	1,163*	1,300*
Численность работников в законодательных органах РСФСР и России, млн. чел.	менее 0,001	менее 0,001	менее 0,001	менее 0,01	0,007*	0,0155*	0,0217*
Всего занятого населения в РСФСР, в России, в млн. чел.	22,2	39,5	60,7	67,2	около 62	около 62	около 62

Примечание: Данные получены, в основном, расчетами по материалам [16, 17, 25]. Данные, взятые прямо из этих источников, отмечены *.

стные интересы отдельных социальных группировок. Основная проблема при этом – ускорившееся и усложнившееся течение глобальных процессов развития человечества, при котором период новых оценок ДВ может не наступить: Россия может быть освобождена от необходимости формировать политику развития этого региона. В этом случае России надо будет переоценивать стратегию развития страны без Дальнего Востока.

Перспективы развития российских регионов Дальний Восток и Забайкалье до 2010 г. – Хабаровск, 2002.

ТЕНДЕНЦИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ НАЧАЛА 2000-Х ГОДОВ

Во внутренней политике России объективно необходимо неразрывное сочетание централистских и регионалистских подходов. Эти подходы проявлялись в разных исторических условиях в разных сочетаниях, рассматривая которые в развитии можно оценить характер изменений региональной политики в России начала 2000-2001 годов.

Регионализм неизбежен для обеспечения важнейших внутренних социально-экономических и внешних геополитических целей. В идеале – для обеспечения несомненно эффективных для страны относительно равных общих условий развития регионов, резко различающихся по природным, социальным, экономическим, демографическим, национальным, иным условиям. В крайнем случае – для предотвращения межрегиональных и внутрирегиональных острых конфликтов. Без регионализма они могли бы быть ликвидированы только через центристские механизмы, а это в России, учитывая совокупность вышеназванных условий и динамику и открытость современного общества нереально и, в конечном счете, может кончиться только распадом жестко централизованного государства.

Демократическая эйфория конца 1980 – начала 1990-х годов обусловила гипертрофированное смещение государственной политики от общих к частным, в том числе региональным интересам. Одна страна - СССР - разрушилась. В России (а также в Грузии, Азербайджане, Молдавии) возникла реальная угроза сепаратизма, вылившаяся в военные действия. Это обстоятельство заставило совокупность ветвей российской федеральной государственной власти постепенно, в том числе неконституционными методами, смещать государственную политику в сторону централизма. В обоих случаях

декларировалось и объяснялось научными и пропагандистскими методами очевидное соображение о необходимости построения уравновешенной политики, демократически ориентированной и гармонично сочетающей всё многообразие общественных интересов. В региональной политике это могло означать равностепенный учет краткосрочных и долгосрочных интересов населения страны в целом (народа); населения отдельных регионов; каждой отдельной личности; страны как социально-экономической, этнической исторически развивающейся государственной целостности; государства как политической целостности, весьма часто в историческом масштабе времени меняющей тактические и даже стратегические ориентиры и методы в политике; регионов как социально-экономических, административно-территориальных, национально-территориальных целостностей. Очевидна чрезвычайная сложность, а практически – невыполнимость задач достижения баланса непрерывно и с разной скоростью меняющихся, разных по видам и практической значимости вышеназванных интересов во взаимодействии с реальными, пока еще расплывчатыми интересами формирующихся в России массовых социальных групп и очень мощно выраженными интересами частных и как бы государственных крупнейших (для России) финансово-торгово-промышленных группировок. Представления об «уравновешенности», «гармоничности», «эффективной ориентированности» государственной политики у всех вышеназванных субъектов различны. Поэтому равнодействующая конкретной государственной региональной политики, находясь в огромной зависимости от субъективных, политиканских, иногда личностных факторов, может быть только более или менее приближенной к теоретическим или исторически сформировавшимся общественным, национальным интересам.

В связи с этим, для оценки рациональности и эффективности государственной региональной политики целесообразно применять небольшое количество недвусмысленно выраженных общественно значимых критериев: государственно оформленное этническое единство страны в геополитическом пространстве; предотвращение внутренних конфликтов; социально-экономический прогресс и т.п.

Во второй половине 1990-х и начале 2000-х годов усиление централизма в политической и экономической жизни России, в общем объективно обусловленное экономическим спадом и политической нестабильностью, проявлялось в системе таких конкретных правовых и экономических мероприятий, как:

щественных и формализованных признаков для объективного определения социальной структуры реального, а не воображаемого российского общества.

Сословность.

За последние два десятилетия в России происходили общественные события, вызвавшие появление в социальной структуре населения элементов заметных; явственно видимых, но не устоявшихся, не определившихся в общественном сознании, не определенных в достаточной степени и правовым образом. Не исключено, что некоторые из них возникли не на основе реальных объективных потребностей современного российского общества. Не исключено, что они являются продуктом некоей искусственно вызванной социальной ностальгии, продуктом воспоминаний о некоторых существовавших века назад общественных отношениях. Такого внедрения в социальную структуру признаков сословного деления общества (казачество, дворянство, духовенство), не обеспеченное правовой и экономической базой, достаточной для реального существования сословий. Эта попытка реанимации сословий проявляется не в виде естественных, относительно легко реализуемых форм воспоминаний, духовных процессов, декоративных акций, искусства. Такие формы известны во всей истории развития человечества и являются одной из движущих сил социального, духовного совершенствования общества. Попытка реанимации сословий проявляется в попытках восстановить систему общественных отношений, обеспечивающих не видимость, а реальность существования сословий, в первую очередь - в попытках реставрировать отношения собственности, существовавшие в те исторические эпохи, когда эти сословия объективно возникли и существовали.

С другой стороны, реально, исторически непрерывно и объективно обусловленная существующая в социальной структуре населения России специфичная по социально-экономическим (не только национальным и этническим!) признакам социально-демографическая группа коренных народов Севера (называемых «малыми», «малочисленными» и т.д.) не имеет достаточного правового и экономического обеспечения полноценной реальной жизнедеятельности. Отличаясь от населения, исторически объективно развившегося до современного состояния общественного развития, многие представители этих народов продолжают компактно проживать в исторических зонах обитания и в традиционной системе взаимодействий с природной средой. Они не могут столь же органично, как остальное население страны, вживаться в систему «рыночных», «товарно-денежных» отношений и объективно нуждаются

тить, что эти явления пока только названы по положению «в пространстве и времени», но их социально-экономическое содержание не определено. О «среднем классе» определенно известно только, что это нечто, находящееся между чем-то и чем-то. О «постиндустриальной» стадии общественного развития известно только, что она следует после стадии «индустриальной». При этом отсутствуют точные, необходимые и достаточные определения системообразующих признаков «постиндустриальности» этой стадии.

Но «постиндустриальная стадия» - не единственное понятие, принимаемое для характеристики того общественного состояния, в которое развивается человечество. Известны и широко обсуждаются в настоящее время в научной литературе понятия «глобализация», «социальное государство», «устойчивое развитие» и другие. В них, в разных сочетаниях, в очень общей форме упоминается необходимость учёта «социальных» вопросов в управлении общественным развитием. При этом никаких сущностных признаков, по которым можно было бы определить содержание, формы и другие характеристики рассматриваемого общественного явления, до сих пор не выработано. Современные процессы развития человечества являются продолжением процессов, через которые человечество прошло в XIX и в XX веках. Но до последнего времени нет исчерпывающего анализа преемственной связи с теми, описанными и достаточно строго определенными сущностью и формами общественного развития, через которые прошло человечество; которые формировали движущие силы этого развития; с такими явлениями, как «капитализм», «империализм», «социализм», «национальный и транснациональный капитал», «международные миграции труда и капитала» и т.п. В каждом из них общественное развитие не могло проходить не в системе факторов, изменяющих содержание и формы социального развития, включая изменения содержания и форм социальной структуры. Вероятно, сложность, динамичность, политическая (в т.ч. геополитическая) обостренность этой проблематики, в совокупности затрудняют её конструктивный научный анализ.

В связи с такой неопределенностью, в российской современной общественной литературе рядом с понятием «средний класс» выстраиваются комбинации из столь же условных понятий «высший класс», «низший класс», «политический класс», «правящий класс», «интеллектуальный класс», «элита», «маргиналы», «левые», «правые», «белые воротнички», «серые воротнички» и т.д., и т.п. [30, 31, 6, 26, 28] Все эти определения могут более или удачно отразить симпатии или антипатии личного характера, но не дают четких су-

- лишение субъектов Федерации права согласования кандидатур на пост руководителей региональных подразделений федеральных силовых и других структур;

- предоставление Федеральному уровню власти права снимать с должности выборных глав исполнительной власти субъектов Федерации и местного самоуправления;

- постепенное превращение Совета Федерации ФС РФ в орган власти, не связанный с населением субъектов Федерации прямыми выборными отношениями, а потому и не представляющий интересов этого населения;

- разработка предложений и пропагандистская подготовка радикального, но без приведения объективных обоснований, изменения административно-территориального устройства страны;

- включение в федеральную собственность природно-ресурсной базы сырьедобывающих регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока; сокращение прав субъектов Федерации по вопросам совместного ведения в использовании природных ресурсов, в частности ресурсов исключительной экономической зоны и шельфа;

- концентрация у крупнейших финансово-промышленных группировок экономической и политической власти в сырьедобывающих регионах с небольшим по численности населением;

- сокращение в пользу федерального уровня бюджетообразующей базы субъектов Федерации и местного самоуправления; расширение практики произвольно регулируемого субсидиарного пополнения бюджетов субъектов Федерации и местного самоуправления с федерального уровня;

- возложение реальной ответственности (вплоть до уголовной) за функционирование систем, обеспечивающих жизнедеятельность населенных пунктов, на муниципалитеты и органы управления субъектов Федерации, не наделенные для этого финансовыми, материальными, а по крупным объектам и административными ресурсами; на федеральном уровне сосредоточено право реагировать или не реагировать на острые ситуации в регионах выборочно, в зависимости от их масштаба, социальной значимости и огласки, и в форме разового выделения финансов или подключения «административных ресурсов»;

- подготовка к завершению децентрализации и приватизации единых энергетических и транспортных систем, ставящая регионы в экономически неравное положение; в безвыходном положении окажутся отдаленные регионы Севера и Дальнего Востока, с материальной базой энергетики и транспорта, созданной в условиях

«общественного хозяйствования», локализованной, которая без капиталоемкой переподготовки неспособна к экономически изолированному функционированию при «частнособственническом хозяйствовании» в современном российском «псевдорынке».

Даже краткое и неполное описание реальных элементов современного государственного отношения к регионам в России позволяет полагать, что маятник государственной внутренней политики гипертрофированно качнулся в сторону централизма. В применении к Дальнему Востоку (ДВ) это означает, что изменяющиеся системообразующие экономические, энергетические, транспортные условия выталкивают ДВ из российского рынка, ведут к снижению заселенности до, возможно, критического уровня. В современной геополитической ситуации это создает опасность экономического отторжения ДВ от России. Конструктивно предотвратить такое развитие событий можно только изменением региональной политики. Если же политику не менять, то такому развитию событий (отторжению) можно препятствовать только силовыми методами, что учитывая масштабность ДВ, экономически недостижимо затратно, а в целом – бесперспективно.

Представляется, что государственную внутреннюю политику России начала XX века целесообразно выразить более внятно не только по целям и задачам, но и по принципам, приоритетам, формам и методам проведения конкретных мероприятий в недвусмысленной, рационально выраженной системе.

Докладная записка. -2003.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Дальний Восток (далее ДВ) на рубеже III-го тысячелетия мы рассматриваем как Российский ДВ, а его ресурсы - как потенциал для использования их Россией в своих национальных интересах.

Однако, учитывая заданный общей темой временной масштаб оценок - «тысячелетие», - есть основания рассматривать и варианты, выходящие далеко за рамки национальных, государственных отношений, интересов, стратегий, сложившихся в одной стране в 2000 году. В самом деле, Северо-Восточная часть Азии как физико-географическая единица, как осваиваемая человеком природная система с определенными природными объектами, могущими использоваться как ресурсы развития, существовала и в 1000 году. Но

представления о классовой структуре российского населения, опирающиеся на систему воззрений «об определяющей роли среднего класса в формировании общества в развитых странах». Этот подход, как отмечено выше, имеет достаточной теоретической и методологической базы. Не выработаны и методические подходы к определению системообразующих признаков для выявления социальной структуры общества, ядром которого признается «средний класс».

В одних работах для таких обществ отрицается сложная классовая структура, признаки которой все исследователи находили в этих странах в конце XIX - начале XX веков: рабочие, рабочая аристократия, крестьяне, фермеры, наёмные сельскохозяйственные рабочие, мелкая буржуазия, средняя буржуазия, крупная буржуазия и т.п. Так, предлагается идея о том, что в этих странах, обобщенно относимых к «Западу», можно выделить два класса: класс «работодателей», включающий собственников и менеджеров (управляющих); и класс «нанимаемых», включая и служащих всякого рода, в том числе государственных служащих. [9]

В других работах, которые многочисленностью своей создают впечатление устойчиво сформировавшегося «общего мнения», утверждается, что в развитых странах именно «средний класс» определяет основные институты «цивилизованного демократического общества», «современной рыночной экономики». О других классах, однако, которые должны были бы, по определению, граничить с этим «средним классом», то есть о том, сколько этих «не средних классов», какими существенными системообразующими признаками отличаются они от «среднего класса», - в этих работах не упоминается. Однако, в этих работах не только утверждается необходимость создания «среднего класса» в современной России, но идеологически предписывается задача создания этого класса, как задача важнейшей государственной важности. «Средний класс» называют социальной базой формирующейся в России «современной рыночной экономики и демократии», важнейшей движущей силой становления в России новой общественной формации.

Такое явление, как «средний класс», многие исследования уверенно находят, считают реально существующим в социальной структуре населения «развитых стран». Эти страны, в свою очередь, так же уверенно определяют, как находящиеся в «постиндустриальной» стадии развития человечества. Не исключено, что эти два явления - «средний класс» и «постиндустриальное развитие», - могут быть органично связаны, неразрывны. Однако нельзя не отме-

совом обществе, в т.н. «общенародном государстве»?

Или это состояние является, как заявлено позже, продуктом неестественной, не присущей человеческому обществу, искусственной социальной конструкции, насильно ему навязанной? И этот продукт обязательно должен разрушиться, как только исчезают создающие и удерживающие его политические формы?

Какой срок нужен обществу, чтобы сформировалась новая социальная структура населения, адекватная радикально изменившимся, принципиально новым условиям общественного развития? Годы? Десятилетия? Века? Когда может сформироваться социальная структура населения, соответствующая условиям «дикого капитализма» России 1990-х годов, из социальной структуры советского населения 1980-х годов.[6, 18, 26, 32]

Можно ли ответы на эти вопросы получить только наблюдая реальные результаты процессов общественного развития, или они могут быть получены, или спрогнозированы в целенаправленных научных, не политизированных, идеологически не зашоренных исследованиях?

Формирование явно выраженной, устойчивой, достаточно точно описываемой и статистически определяемой социальной структуры населения России можно будет зафиксировать после завершения переходного периода. Проблема состоит в том, что неопределенность движущих сил, социально-экономических целей и приоритетов, темпов, сроков, управляемости, ожидаемых результатов, других характеристик этого процесса пока сохраняется (см. выше).

В настоящее время можно считать определённо сформировавшейся, имеющей некоторые системообразующие признаки класса, отмеченной многими наблюдателями, явно выразившей, активно и успешно обеспечивающей в государственных структурах свои групповые интересы только социальную группу, называемую «олигархией».

У неё сформировалось положение в отношениях собственности. Она выработка формализовано представила и организовано отстаивает свои интересы. О существовании в России «олигархии» и «олигархов» говорят представители всех политических сил. Но научно выверенными критериями при этом не пользуются, опираясь более на оценки эмоциональные, с неблагоприятными или благожелательными оттенками мнений о «российском современном капитализме», классовым авангардом которого «олигархию» и считают.

Не сформировались в России до уровня научно обоснованных и

в этом процессе тогда не участвовали Россия, Япония, Китай, США, активно участвующие в экономическом и геополитическом использовании ресурсов ДВ в настоящее время. В то же время, проблеме оценки ресурсного потенциала нельзя рассматривать не в рамках интересов конкретных экономических объектов, государств, межгосударственных объединений, конкретноисторических геополитических и внутригосударственных процессов, имеющих место именно в начале III-го тысячелетия [2].

Такая методологическая особенность позволяет совмещать разные временные и иные категории, оценивать ресурсный потенциал ДВ не только в развитии, но и как региональный, национальный, межнациональный, общечеловеческий. Его можно рассматривать не только в качестве совокупности возможностей развития России как целостности: этот вариант провозглашен в действующей Конституции РФ и в заявлениях представителей власти. Методологически допустимо в этом контексте рассматривать Россию как европейскую державу, получившую ДВ в качестве исторического наследия, которым можно исторически долго пользоваться, а можно избавиться частями или в целом. Формы избавления от наследия могут зависеть от ситуаций как геополитических и геоэкономических, так и от внутригосударственных, не исключая не стратегически значимые, а конъюнктурные. Этот вариант обсуждается в России и других странах официально и неофициально более 10 лет, а реализуется (можно допустить, что спонтанно) в форме внешне разрозненных решений по корректуре морских границ, перераспределению прав пользования природными ресурсами и т.п. Вероятны и другие варианты развития ДВ, обсуждаемые в настоящее время неофициально, и потому считающиеся гипотетическими, но в которых историческая судьба ДВ определяется вне российской государственности [4,7].

Таким образом, методологически допустимо рассматривать ресурсный потенциал ДВ и в таких государственных сочетаниях, где Россия не представлена, или представлена частично. Учитывая, что скорость исторических процессов в настоящее время существенно выше, чем в предыдущие периоды развития человечества, наивно было бы рассматривать потенциал ДВ, ориентируясь только на российские условия, на российские направления, темпы и структуру экономического и социального развития, неспешные попытки осмыслить и позитивно преобразовать отечественные ошибки, неустойчивости и несообразности и не учитывать внероссийские совокупности динамично развивающихся интересов и инициатив.

При рассмотрении ресурсного потенциала ДВ в динамике он может быть классифицирован в системе критериев более сложной, чем применяется для статического состояния. Наиболее распространены и разработаны сейчас классификации, учитывающие видовые различия и динамику количественных характеристик. Таково деление ресурсов на природные, демографические, экономические, социальные, политические, интеллектуальные и т.п. (более дробная и полная классификация здесь не рассматривается). Таково деление природных ресурсов на самовозобновляющиеся (в основном, биологические и часть косных компонентов природы) и невозобновляющиеся (в основном, неживая природа) в реально значимые для современного человечества периоды времени.

При историческом подходе, оценивая ресурсный потенциал, необходимо учитывать такие критерии, как скорость и направления изменений в использовании ресурсов природных и техногенных; как динамику развития интеллектуальных, социальных, культурных, политических, межгосударственных, государственных и региональных ресурсов и их оценок. Оценки ресурсов, используемых в настоящее время, существенно изменятся в обозримом будущем не только в связи с предвидимыми и в определенной степени учитываемыми технологическими и социально-экономическими изменениями внутри государства. Значимость отдельных видов ресурсов меняется (иногда радикально) при переходе к общечеловеческому масштабу изменений, к различным в разных странах системам и шкалам понятий, ценностей, интересов, дефицитов и т.п. Оценка природных ресурсов и географического положения, например, может различаться в зависимости от точки отсчета и систем критериев, по-разному определяемых в различных странах - вероятных пользователей - при разных видах использования не только в экономических, но и в политических, в том числе военных интересах.

В связи с этим, оценку ресурсного потенциала важно дифференцировать и по таким критериям, как дополнительные оценки во времени (например, ближайшее и обозримое будущее, отдаленная перспектива); прогнозируемые изменения производственных технологий и потребительских стереотипов; реально происходящие и прогнозируемые изменения мировоззрения в сфере природопользования, в т.ч. охраны природной среды; зависимость от национальных и этнических государственно оформленных или неоформленных различий в системах интересов, традиций, приоритетов, потребностей и т.п.; стадий развития общественно-формационного

ской основе, но похожи тем, что неадекватны реальному состоянию общества. Это можно объяснить расхождениями в оценках таких системообразующих объективных признаков, как положение в отношениях собственности, пользования, распределения; как социальные роль и место в многообразной жизнедеятельности общества. Не исключено, однако, что в науке ещё не сложилось адекватное современной стадии развития общества понимание сущности и конкретных форм его классовой структуры.

Не даёт материалов для характеристики деления общества в России на классы и такой субъективный признак, как массовое социально-групповое осознание своего положения в обществе и политические выражения этого осознания. Как правило, в исторических и политических науках принято соотносить классовую структуру общества со спектром политических партий, концентрированно выражающих интересы определенных классов и других социальных групп; связанных с этим классами как с социальной базой; реально объединяющих усилия классов.

Можно с большей долей уверенности утверждать, что ни в 1989 г., ни в 2002 г. классовая структура российского (советского) общества адекватно на выражена не только в статистической отчетности, но и в общественных политических проявлениях.

Единственная в 1989 году функционировавшая в стране политическая партия, с численностью около 18 млн. чел., заявлявшая о выражении и защите интересов рабочего класса и крестьянства, интересов всего народа в общенародном государстве, оказалась не поддержанной ни народом, как надклассовой общностью, ни отдельными классами, ни другими социально организованными группами населения.

В начале 2000-х годов ситуация в России иная. По состоянию на 2003 год в России зарегистрировано 101\$ политических партий [25]. Однако, увеличение в тысячу раз количества политических партий не означает, что в обществе равнозначно увеличилось количество классов. Более верно предположить, что в российском обществе отсутствует достаточно устойчивая, заметно сформировавшаяся классовая структура.

Означает ли это, что российское (как и бывшее советское) общество деклассированно, аморфно в классовом отношении? Является ли это аморфное состояние естественным объективно обусловленным продуктом, то есть состоянием общества, которое мы еще не знаем, не умеем измерять и описывать? Могло ли оно естественно развиваться в заявленном политически неантагонистическом клас-

ских классификаций оказались могущими быть отнесенными к «служащим».

Можно предположить, что социальное поведение социальных групп, оказавшихся в категории «служащие», неоднородно, что не все группы в равной мере активно и результативно выражают и отстаивают «свои групповые интересы». Например, внешне целостная социальная группа, содержательные признаки которой могут определяться работой в структурах, подчиненных государству и получением заработной платы из государственного бюджета, по другим признакам может быть подразделена на устойчиво различные слои.

Так, в течение 10 лет с 1992 г. по 2002 г., численность относимых к «бюджетникам» работников сфер здравоохранения и/образования практически не изменилась. Не изменилось и соотношение их заработной платы с заработной платой в экономике в целом и в сфере управления. Но численность занятых в управлении за этот период выросла более, чем вдвое, а средняя заработная плата в этой сфере стала выше, чем в экономике в целом (таб.3). А, между тем, попытки забастовок и демонстраций за эти 10 лет с целью добиться повышения заработной платы предпринимали именно те «бюджетники», которые «учат» и «лечат», а не те, которые «государственно служат».

Таб.3

Численность работников и уровень заработной платы по сферам экономики России в 1992 г. и 2002 г. [по 25]

Наименование показателей	1992 г.	2002 г
Численность учителей, тыс. чел.	1649	1684
Численность врачей и среднего медицинского персонала, тыс. чел.	2346	2239
Численность занятых в управлении, тыс. чел.	1362	2980
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата: (1992 г. - в тыс. руб., 2002 г. - в руб.)	6,0	5508,6
Всего по экономике		
В образовании	3,7	3377,2
В здравоохранении	3,9	3707,3
В управлении	5,7	6784,9

Очевидно, что подходы к определению классовой структуры общества в России и в 1989 г., и в 2002 г. не схожи по теоретиче-

устройства, этногенеза, демографических процессов; места в геополитических системах, занимаемых национально-государственными образованиями, с позиций которых проводится оценка. Дифференцированные результаты оценок целесообразно обобщить в системе (табличной, картографической и др.), позволяющей выработать интегрированное представление о соотношениях, пропорциях, соразмерностях между разными видами ресурсов, определенных по шкалам разных пользователей.

Важнейшее условие оценки ресурсного потенциала в третьем тысячелетии, во всяком случае в его начале, - учет глобальных и общечеловеческих процессов, развивающихся в настоящее время крупномасштабно, динамично и противоречиво [1].

К этим процессам относится переход человечества к «устойчивому развитию», включающий в себя экологизацию производства и потребления, сбережение природных ресурсов, сохранение биоразнообразия, сближение уровня жизни населения и уменьшения других принципиально значимых социально-экономических различий между странами «бедными» и «богатыми», «Севера» и «Юга» в общем социально-экономическом развитии человечества и т.д. Этот переход в общем виде декларативно одобрен главами государств мира (Рио-де-Жанейро, 1992г.). Подготовительная стадия этого "объективно необходимого" процесса тормозится объективно же закрепленными в материале, технологиях, социально-экономических структурах, психике массовыми стереотипами производства, жизнедеятельности, мировоззрений, сложившимися, в первую очередь, в странах, лидирующих в мировом сообществе. Субъективно переход к «устойчивому развитию» не только стимулируется, но и тормозится усилиями государственных структур и экономических субъектов этих же стран, преобразующих названные стереотипы в волевые акты [5].

К таким процессам относится исторически длительный объективный процесс формирования человечества в общность в сферах экономики, информации, науки, культуры, межнациональных и межгосударственных отношений и т.п. Этот процесс развивается также в противоречивых проявлениях, от межгосударственных объединений до военных противостояний. Этот процесс принимает в разные времена разные идеологические и политические формы, обеспечивающие интересы наиболее мощных общественных сил. Таковы теории и проявления национализма, космополитизма, интернационализма; Первая и Вторая мировые войны, холодная война, блоки государств по политическим и экономическим критериям,

Лига Наций, Организация Объединенных Наций и т.п.; обсуждение категорий «мировое сообщество», «всеобщее достояние человечества». В III-е тысячелетие человечество вошло с такими теориями и понятиями, как «цивилизационные войны», глобализм и антиглобализм, «дуга нестабильности», «империи зла», «страны-изгои», «международный терроризм» и т.п.[6].

В свете этих многосложных и противоречивых процессов ресурсный потенциал человечества, стран, регионов не может оцениваться не дифференцированно в пространствах географическом, экологическом, историческом, оборонно-политическом, информационном и т.п. Эту дифференциацию обуславливают неравномерность развития научно-технического и социально-экономического прогресса в общем и в отдельных странах; неравномерность развития народов и стран, обусловленная темпами и стадиями этнологического, социального, общественно-формационного и демографического развития, миграции не только людей, но и культур, "мозгов", менталитетов и т.д. В связи с этим система оценок ресурсных потенциалов стран и народов окажется не только дифференцированной, но и подвижной, нестабильной. Вероятна разнонаправленность векторов развития оценок ресурсов разных видов, которую можно использовать как индикатор нестабильности общественных процессов, деструкции, разрешимых или неразрешимых длительных или кратковременных противоречий. Эти индикаторы полезны для предотвращения критических ситуаций, к которым могут быть отнесены и такие крайние, как разрушение отдельных видов ресурсов и ресурсного потенциала в целом; силовые (в т.ч. оформленные как правовые) перераспределения ресурсов между этническими, политическими, экономическими субъектами и т.п. Анализируя различия оценок ресурсного потенциала, можно судить об адекватности или неадекватности избираемых государственными органами стратегий развития своих стран с позиций не только ресурсного обеспечения этого развития в настоящем и в обозримом будущем, но и возможности использования ресурсов в геополитическом контексте [3].

Рассмотренный выше подход носит постановочный характер, однако представляется несомненным основным вывод о необходимости оценок ресурсного потенциала регионов и стран в динамике и в разносторонних системах оценок. Принцип ресурсной адекватности управления при этом может быть сформулирован, как установление условий использования ресурсного потенциала региона в соответствии с интересами населения и государства в настоящем и

ки по найму» статистика включила всех, для кого характерен один единственный признак - наём на работу. В эту категорию включены, при всем уважении к любой профессии, работники, занимающие иногда радикально различные места и роли в общественных системах и т.п. Может ли это быть свидетельством состоявшейся деклассированности населения?[19-24]

В категорию «рабочие» (идентифицированную по характеру труда, квалификации, отраслям хозяйства) по данным переписи 2002 года включено 36,0 млн. чел., или 40,4% от всего трудоспособного населения и 54,1% от занятых в экономике. До последнего времени нет видимых признаков того, чтобы «рабочий класс» самоидентифицировался, то есть сформировал, выразил и пытался отстаивать свои общие, «классовые» интересы. Случаи активных выступлений рабочих отдельных предприятий в Ленинградской и Кемеровской областях, на Урале, на Печоре и т.д., - пока только частные случаи защиты своих интересов рабочими отдельных предприятий, не вызывающие движений общей «классовой» поддержки. Чаще повторяются случаи выступлений отдельных групп рабочих с пассивными формами протестов и требований, например с голодовками для получения заработной платы. Они также не находят «классовой» поддержки.

Сложные изменения произошли за рассматриваемый период в социальной группе, определяемой, как «служащие». По переписи 1989 года численность служащих составила 21,1 млн. чел., или 25,2% от численности трудоспособного населения и 32,2% - от занятых в экономике. В 1980-е годы эта группа в целом объединяла часть населения, идентифицированную и самоидентифицирующуюся, как «интеллигенция». [16, 17, 29]

При переписи 2002 года в категорию «служащие» прямо включены только 2,0 млн. чел. (2,0% от трудоспособных и 2,2% от занятых в экономике). Почти десятикратное сокращение численности «служащих» не может быть объяснено особенностями статистического учета. Из тех социальных групп, которые в 1989 году могли быть отнесены к категории «служащие», в данных переписи 2002 года выделены «специалисты высшей и средней квалификации» - 20,4 млн. чел. (22,9% и 30,8%); «руководители» - 4,7 млн. чел. (5,3% и 7,0%); «квалифицированные работники» некоторых производственных отраслей (сельское, лесное, охотничье, рыбное хозяйство) - 3,0 млн. чел. (3,4% и 4,5%). В сумме это составляет 28,1 млн. чел. (31,6% и 42,6%), что больше, чем в 1989 г.[19-25]

Можно предположить, что некоторые социальные группы, ранее относимые к «рабочим», по современным методикам статистиче-

называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, который они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [11]. В этом фундаментальном определении трудно оспорить хоть одно положение, но вопросы возникают к конкретным интерпретациям понятия «класс» именно «в определенном укладе общественного хозяйства», в определенной «организации общественного труда», «в исторически определенной системе общественного производства», в той форме общественного устройства, которая сложилась в СССР в 1980-е годы. Рабочие в этот период в СССР несомненно были. Был ли рабочий класс, как общность? [3, 13]

В конце 1980-х - начале 1990-х годов «рабочий класс» СССР и России не только не защищал политически провозглашенные, в законе записанные, практически (как показало дальнейшее развитие) удовлетворявшие его, «рабочего класса», классовые интересы. Он пассивно отнесся к постепенному размыванию и разрушению социальных систем, ранее удовлетворявших «классовые интересы рабочего класса» и «общенародные интересы» (бесплатное образование и здравоохранение, отсутствие безработицы, санаторно-курортное обслуживание, пенсионное обеспечение, жилищно-коммунальная сфера и т.д.).

Отдельные «отряды рабочего класса» (в первую очередь, - «боевой авангард рабочего класса», шахтеры) активно разрушали общественную систему (не путать с партийной системой!), в которой соблюдалась и были защищены его основные «классовые интересы». Может ли быть, что в событиях 1980-х годов, а возможно и раньше, происходил размыв «классов», терялась определенность «классовых интересов»?

«Рабочий класс» советской России в целом, как минимум, не возражал, не протестовал против создания новой общественной системы, в которой потерял и самостоятельную классовую идентификацию, растворившись в социальной группе «работников по найму». (Это относится и к «классам» «крестьян» и «служащих»).

В 2002 году «работники по найму» составляли в России около 95% всего занятого населения, при около 1% - работодателей и около 3,5% - индивидуальных предпринимателей. В группу «работни-

обозримом будущем; с учетом общечеловеческих процессов развития; без противоречий с нормами международного права.

Так, Сингапур, не имея значимых природных ресурсов и территории, использовал географическое положение, трудовой потенциал населения, особенности геополитических процессов в своей зоне Земли и получил высокие социально-экономические результаты. В Исландии только за счет получения государственной самостоятельности (изменение управленческого ресурса), при прочих равных условиях, за счет рационального использования природных условий обеспечен один из высших в мире уровней жизни населения. В этих примерах имели значение небольшие параметры и относительно простая структура социально-экономических комплексов, малозаметная роль стран в геополитических конфигурациях и т.п. Но такие факторы будут иметь место в любых конкретных случаях, только затрудняя или облегчая проявление рассмотренного нами обстоятельства: адекватности управленческих ресурсов возможностям рационального использования ресурсного потенциала.

Переходя к ДВ, отметим, что он находится в зоне исторически длительных межэтнических контактов, продолжающихся только с участием России более 350-ти лет, обостряющихся в последние 100 лет. Эти контакты перемененно принимают формы конфликтов, сотрудничества, многократных переделов территорий и акваторий. На ДВ сосредоточены природные ресурсы, оцениваемые в разных сочетаниях видов и систем оценок как имеющие общечеловеческое, общегосударственное, общедальневосточное, региональное в рамках ДВ и локальное значение. Оценки эти несомненно будут меняться с нарастанием глобального природно-ресурсного кризиса. Потенциал географического положения ДВ (как минимум, при политическом, военном, транспортном использовании) имеет разные оценки у экономических и политических сил, конкурирующих в мировом сообществе, в АТР, в северо-восточной Азии, на севере Тихого океана. Несомненно, эти оценки будут динамично меняться в современном развитии геополитических ситуаций [5].

Созданный в 1930-1980-е годы социально-экономический потенциал ДВ был ориентирован на комплексное исторически устойчивое развитие ДВ, крупномасштабное участие СССР в освоении Мирового океана, обеспечение геополитических интересов СССР. Для решения этих задач названный потенциал постоянно наращивался и качественно совершенствовался. В 1990-е годы совокупный социально-экономический потенциал (уже не СССР, а России) сократился на 20-60% по отдельным видовым составляющим и регио-

нам. Некоторые виды этого потенциала (в особенности интеллектуальный, культурный) проявили высокую живучесть, но остаются недостаточно востребованными обществом [7].

Сохранившаяся часть социально-экономического потенциала ДВ уже неадекватна задачам, ранее ставившимся в СССР и соответствовавшим многовековому менталитету российского этноса и геополитическим интересам великой по мировым оценкам страны. Россия в начале III-го тысячелетия по совокупности объективных признаков не относят к странам «великим». Инерционный менталитет и остатки военных атрибутов СССР питают иллюзии «великих интересов», но соответствующих «иллюзорных» задач Россия в настоящее время выполнять не в состоянии. Других же задач по использованию совокупного ресурсного потенциала ДВ Россия официально не заявила. Ими могли бы быть следующие. 1) Концентрация ресурсов страны на восстановление потенциала, адекватного «великим интересам». 2) Равноправное присоединение к «Западу», «Европе», «золотому миллиарду», «восьмерке развитых стран» (в реальности подчиненное служение чужим «великим интересам»). 3) Относительно спокойная адаптация в нише развивающихся и слабых стран. 4) Исторически мгновенная распродажа (раздача) природных и иных ресурсов отдельным экономическим субъектам (или государствам). 5) Сохранение и увеличение демографического потенциала как основы сохранения страны в качестве этнической и государственной целостности.

Реальная политика России на ДВ представляет собой спонтанное сплетение разрозненных управленческих актов, в конечном счете разрушающих социально-экономические составляющие совокупного ресурсного потенциала и способствующих деградации отдельных его природных составляющих. Такая политика стимулирует другие страны, этнические общности, межгосударственные блоки изменять системы оценок ресурсного потенциала ДВ. Уже проявились новые оценки топливно-энергетических ресурсов шельфа, водных биологических, лесных, селитебных ресурсов. По новому оценивается каждая из стран, входящих в субглобальную «Восточно-Азиатскую-Северо-Американскую-Северо-Тихоокеанскую» природообщественную систему, географическое положение ДВ в реализации геополитических стратегий этих стран (например, в оборонительных и наступательных критериях; в транспортных схемах на р. Туманган; в территориальных и экваториальных претензиях и т.п.). Результатом новых оценок будут новые мозаичные системы воздействий. Они будут инициировать ускорение передела и

может приобрести взрывной социальный потенциал.

Таким образом, отмеченная выше относительная политическая «нейтральность» статистических показателей уровня образования населения, оказывается в определенных условиях «нарушенной». Эти показатели начинают отражать политически значимые и острые процессы, а потому и сами приобретают политическую значимость и остроту. Поэтому - можно ожидать, что и теоретические построения, и статистические показатели, характеризующие эти процессы, окажутся подверженными политизированной корректуре.

Классы.

В связи с этим замечанием, повторно отметим, что общие представления о делении общества на классы, характерные для всех научных аналитических разработок в мировой обществоведческой науке, обусловлены объективно. Субъективно же политизированные подходы к анализу столь политически взрывной темы, обостренно сконцентрированные, в частности, на утверждениях о наличии или отсутствии «классовой борьбы», оказались причиной того обстоятельства, что представления о делении общества на классы в 1980-е и 1990-е годы оказались различными. Наличие данных о классах рабочих, крестьян и служащих в материалах переписи 1989 г., сменилось отсутствием прямых данных о классовой структуре населения России в материалах переписи 2002 г. [17, 22, 25]

Представляется, что и в том, и в другом случаях классовая структура российского населения, прямо или косвенно выражаемая в материалах переписей, неадекватно отражает реальную структуру общества, реальную структуру интересов разных социальных групп, а потому и не позволяет точно определить социальные характеристики «движущих сил» и другие важные стороны общественного развития.

Так, определённо существовавшая в 1989 г. в советском обществе социальная группа «рабочие» насчитывала около 44,5 млн. чел. во всех сферах хозяйства, составляя 53,8 % от всего трудоспособного населения России и 67,8% от занятых в экономике [17].

В идеологемах советских обществоведческих наук эта социальная группа населения СССР описывалась как «рабочий класс», «класс - гегемон»; стоящий «в авангарде технико-экономического и социально-политического процесса». Она определялась, как социальная база КПСС, в политике которой заявлялись стратегические и тактические классовые интересы этой группы населения, не отличающиеся существенно от интересов всего населения, «всего народа», от «общенародных интересов». Теоретические основы определения «рабочий класс» опирались на фундаментальное: «Классами

выживания» процессов в сфере науки и научного обслуживания, проявились в сокращении почти наполовину численности занятых в этой сфере (таб.2).

Таблица 2

Численность занятых в научном комплексе России в 1992-2002 г.г. [по 25]

Наименование показателя	1992 г.	2002 г.
Среднегодовая численность занятых в науке и научном обслуживании, тыс. чел.	2307	1144
Численность персонала, занятых исследованиями и разработками, (на конец года), тыс. чел.	1532,6	866,2
в т.ч. исследователи	804,0	411,4

Такое снижение численности лиц, персонифицировано представляющих научный потенциал России, вызывает не только интерес к исследованию изменений состояния и возможностей развития экономического и социального потенциала российского суперэтноса, но и гражданское ощущение опасности.

В такой ситуации интеллектуальный потенциал страны проявил не исследованную пока спонтанную способность к самозащите, самосохранению, самовосстановлению, проявившуюся в форме, пусть недостаточно конструктивной, что естественно при стихийности процесса, но позволившей этому потенциалу сохраниться и развиваться в сложнейших социально-экономических условиях. При этом, остаются пока не исследованными вопросы, насколько длительное время может этот потенциал проявлять такую способность при продолжающемся ослаблении государственной поддержки и отсутствии эффективных экономических механизмов востребования достижений научного потенциала страны её реальной экономикой. Необходимо предвидеть, что может произойти со сложившейся системой образования при ожидаемом в недалёком будущем резком сокращении части населения России, способной по возрастным, интеллектуальным, иным критериям, по платежеспособности, наконец, - быть очными и заочными студентами дающих платное и бесплатное образование подразделений ВУЗов страны. Необходимо также предвидеть, что может произойти с той частью населения, которая, ожидая приложения своих знаний и сил в соответствии с приобретённой профессией и с достойными условиями труда, может оказаться невостребованной в реальных социально-экономических организациях. В такой ситуации эта часть населения приобретает повышенную, напряжённую социальную активность;

использования природно-ресурсного потенциала; тормозить его использование; стимулировать распад социально-экономических составляющих совокупного ресурсного потенциала ДВ (в первую очередь демографических); преобразовывать современные сочетания «продавец-покупатель природных ресурсов» в такие, где Россия не будет «продавцом» и т.п.

В связи с этим, для адекватной реальности оценки ресурсного потенциала ДВ с целью управления развитием региона, необходимы не только его полная инвентаризация и характеристики в физических и стоимостных показателях на момент оценки и в качестве ресурсного обеспечения некоего одновариантного развития России. Необходима оценка динамики потребностей в отдельных составляющих совокупного ресурсного потенциала ДВ на обозримое будущее у России и геополитических «претендентов», с учетом вариантов реального поведения России и развития геополитических процессов в этот период.

Предварительный анализ показывает, что при продолжении современной практики развития России, приводящей к разрушению социально-экономической составляющей ресурсного потенциала ДВ и ориентирующей Россию на сближение и тесное взаимодействие преимущественно с «Европой», при быстром возрастании экономических и политических интересов геополитических «претендентов» к природным ресурсам и географическому положению ДВ, можно ожидать, что в обозримом будущем развитие и использование совокупного ресурсного потенциала будет происходить со всё меньшим участием России. Краткий вариант такого развития событий - вытеснение России с Дальнего Востока.

Таким образом, слишком страстно двигаясь в Европу, Россия может уйти из Азии, потерять Азию.

Библиография.

1. Валентей, С., Нестеров, Л. Россия в меняющемся мире: внешние и внутренние вызовы / Вопросы экономики №3-2002-с.51-64.
2. Гумилев, Л.Н. Ритмы Евразии М. Экопрос 1993 576с.
3. Львов, Д.С. Система национального дивиденда - планетарная модель XXI века / Экономическая наука современной России №3 2001 с.5-23.
4. Минакир, П.А. Дальний Восток России: модели развития и сценарии будущего / Вестник ДВО, № 6-1998, с 18-30.
5. Моисеев, Р.С. Дальний Восток: геополитические проблемы региональной стратегии развития Петропавловск-Камчатский:

ПКВМУ, 1996-63с.

6. Салицкий, А. Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения №2 2002, с. 15-19.

7. Экономическая политика на Дальнем Востоке России (концепция и программа) Под редакцией Минакира П.А.//Хабаровск: Изд-во Хаб.гос.техн.ун-та. 2000, 92с.

В печати. 2003.

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАССЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Государственную расселенческую политику - не как политику отдельного правительства или отдельных правительств, а как политику страны, т.е. сформированного этносом (суперэтносом) государственного образования - можно рассматривать как систему действий, складывающуюся в длительном историческом процессе. При таком подходе, государственная расселенческая политика формируется как система действий государственного аппарата (правительствующих структур), содержание которых зависит от влияния сложных сочетаний объективных и субъективных факторов, складывающихся в разных исторических условиях. Современная, в начале XXI века, государственная расселенческая политика России вообще и на Дальнем Востоке, в частности, есть эпизод, этап целостного исторического процесса, имеющего закономерности, тенденции, характерные особенности.

На протяжении более трех веков, с середины XVII века, со времени выхода российских землепроходцев на Дальний Восток и к Тихому океану, государственная политика России по присоединению, хозяйственному освоению, заселению, развитию социально-экономических и политических структур в этом регионе Земного шара неоднократно меняла не только содержание, но и векторы, в зависимости от изменения конкретно-исторических условий. Цели, определяющие эти векторы, менялись в разных социально-экономических условиях, выражались в разной фразеологии, но очевидно подразделялись на две основных группы [1, 2, 6].

В одной – ориентация на сокращение и даже на прекращение государственных усилий по освоению Дальнего Востока в целом и отдельных его районов. Таковы периоды в середине XVIII в; во второй половине XIX века; в конце XX века.

«рынка образовательных услуг» в рассматриваемом периоде связано с резким ростом спроса на высшее образование. Для этого периода характерно резкое разрушение технически и технологически высоковооруженных сфер деятельности, снижение спроса на высококвалифицированный труд инженерно-технический, научный, проектно-конструкторский и т.п. Резко вырос спрос на профессии «рыночные»: бухгалтер, менеджер (управленец), маркетолог (специалист по обеспечению рыночных операций по «куплям - продажам»); юрист, специализирующийся в сфере гражданского права; специалист по антикризисному управлению; специалист по «финансам и кредиту», специалист по международной экономике со знанием английского языка; переводчик и т.д., и т.п. Количественные параметры нерегулируемого, спонтанного, «взрывным» образом развившегося спроса, не соответствовали реальным потребностям реально существующих с обществе социально-экономических структур. Тем более они не могут соответствовать не только долгосрочным тенденциям развития видовой, отраслевой, территориальной и т.п. структуры потребностей в специалистах в хаотично складывающемся хозяйстве страны, но и потребностям в специалистах, которые будут существовать через 5 лет обучения в ВУЗе.

Очевидно, что сложившиеся в 1990-е годы механизмы формирования сферы профессионального обучения в России по природе своей стихийны, конъюнктурны, отражают массовые скоротечные изменения представлений о предпочтительности той или другой специальности. Неконструктивность этой системы несомненна. Однако, зададимся вопросом - объективно ли её появление в столь откровенно субъективных формах.

Представляется, что возникновение такой системы на материальной, теоретико-методологической, методической, кадровой основе научной, образовательной, инженерно-технической, гуманитарной сфер, сложившейся в СССР, было объективно обусловленным. Совокупность всех проявлений этих сфер составляла интеллектуальный потенциал населения России, который в 1990-е годы оказался в ситуации разложения страны, разрушения и болезненного, путаного, хаотичного устройства новых систем общественных отношений во вновь возникающей стране. Это был период, когда интеллектуальный потенциал страны, выращенный и существовавший под полным воздействием государства, оказался лишенным значительной части государственной поддержки и практически мгновенно был оставлен на «самовыживание».

Результаты происходивших в рассматриваемый период «само-

В то же время, численность населения моложе трудоспособного возраста, то есть того населения, которое будет образовывать основной контингент людей, стремящихся к получению профессионального образования в предстоящие периоды, между 1989 г. и 2002 г. уменьшилось с 36,6 млн. чел. до 26,3 млн. чел. [8,22]

Для оценки изменений в уровне профессионального образования населения можно было бы предположить, что они явились результатом инерционного продолжения сложившейся в советский период государственной политики. Однако, это предположение не может быть рассмотрено даже, как гипотеза. В 1990-е годы в сфере образования государственные воздействия осуществлялись без формализованно выраженной целостной политики. Отдельные ставимые задачи, с точки зрения важнейших для развития страны стратегических ориентиров, носили частный характер и реализовывались спонтанно. Принципиально значимыми среди них были ориентация на платность, коммерциализацию образования; снятие с государства обязанностей и прав по трудоустройству лиц, получивших образование. Попытки сформировать целостную государственную политику в сфере науки и высшего образования имеют признаки связи с теорией «человеческого капитала», проявились позже рассматриваемого периода, со второй половины 2004 года, и заслуживают специального анализа. [1,7, 27]

Учитывая принципиально заявленную государством всеобщую, тотальную ориентацию почти всех сфер общественной жизни в стране на рыночные отношения, уместно предположить, что на произошедшие в уровне образования населения страны изменения оказал влияние и этот фактор. В самом деле, применяя для анализа экономические механизмы «спроса - предложения», можно предположить, что резкий (кратный!) рост количества ВУЗов и численности обучающихся студентов возник потому, что у населения резко вырос спрос на высшее образование. На базе такого спроса развились предложения образовательных услуг во вновь создаваемых ВУЗах; спонтанное расширение географии ВУЗов, ориентированное на приближение образовательных услуг к местам сконцентрированного размещения населения, проявляющего активную потребность в образовании; активное стремление коммерциализированных ВУЗов к формированию систем предоставления образования в тех сферах, в которых есть конъюнктурный спрос на образование.

Представляется обоснованным предположение (комплексных обобщающих исследований на эту тему не проводилось, есть публикации о ситуации в отдельных регионах), что резкое развитие

В другой – ориентация на интенсивное экономическое и демографическое освоение Дальнего Востока не только как части суши Азиатского материка с ее природными ресурсами, но и как базового региона для освоения Тихого океана как района, обеспечивающего геополитические и геоэкономические интересы российского суперэтноса. Таковы периоды в первой половине XVIII в.; в конце XVIII – первой половине XIX в.; в 1920 – 1980 годы.

В эти периоды, как результаты разной по содержанию государственной политики, происходили территориальные и акваториальные приобретения или потери; военные победы или поражения; развитие или сокращение систем расселения, отраслей производства, социальной сферы, инфраструктуры на Дальнем Востоке в целом и в отдельных его регионах.

В 1990-е годы инерция разрушения СССР, переустройства системы государственного управления, поисков самоидентификации российского суперэтноса проявились и в формировании реальной политики освоения и развития системы расселения в северных и восточных районах новой страны, современной России. Официального системного выражения эта политика не имела. Отдельные фрагменты этой политики имели формализованное выражение в программных, законодательных предложениях, подзаконных правовых актах; в общегосударственных, региональных, ведомственных планах массового переселения из северных и восточных в южные и западные районы страны; массового перехода к вахтовым методам освоения природных ресурсов на Севере и Дальнем Востоке и созданию новой связанной с ними системы расселения и т.п. [6].

Результаты такой спонтанно проводимой расселенческой политики интегрированно и с исчерпывающей точностью выражаются в динамике численности населения по Дальнему Востоку в целом и по его отдельным регионам (таблица 1).

Таблица 1

Численность населения Дальнего Востока за 1960 – 2004 гг.
(на начало года, млн. чел.)

Назва- ние региона	Годы										
	[4]	[4]	[4]	[7]	[4]	[7]	[9]	[10]	[13]	[14]	[12]
	1960	1970	1980	1989	1990	1991	1995	1996	2000	2002	2005
Дальне- восточ- ный ФО	4,865	5,778	6,910		8,008					6,693	6,593
Респуб- лика Са- ха (Яку- тия)	0,500	0,664	0,863	1,081	1,099	1,109	1,036	1,036	0,986	0,949	0,951
Примор- ский край	1,375	1,721	1,992	2,258	2,281	2,299	2,273	2,253	2,155	2,071	2,036
Хабаров- ский край	1,154	1,345	1,586	1,609	1,840	1,851	1,588	1,560	1,496	1,437	1,420
Амур- ская об- ласть	0,723	0,793	0,949	1,258	1,066	1,074	1,041	1,030	0,990	0,903	0,888
Камчат- ская об- ласть	0,227	0,287	0,385	0,466	0,470	0,473	0,424	0,417	0,384	0,359	0,352
В. т. ч. Коряк- ский АО				0,039			0,034	0,033		0,025	0,024
Мага- данская область	0,243	0,352	0,477	0,386	0,539	0,534	0,279	0,265	0,233	0,183	0,175
Саха- линская область	0,644	0,615	0,660	0,710	0,713	0,717	0,673	0,648	0,591	0,547	0,532
Еврей- ская АО				0,216			0,212	0,208		0,191	0,189
Чукот- ский АО				0,157			0,100	0,097		0,054	0,051

Примечание: данные в колонках приведены по [4, 7, 9, 10, 12, 13, 14].

В начале 2000-х годов участились правовым образом не подкреплённые высказывания государственных деятелей высшего эшелона государственной власти России об исторической важности Дальнего Востока для страны. Участились разрозненные высказывания о необходимости устойчивого социально-экономического развития Дальнего Востока. Участились кратковременные поездки на Даль-

ми для развития Общества. Учтем также наличие сопоставимых для анализа данных в материалах переписей населения. Радикальная смена идеологических приоритетов, произошедшая в 1990-е годы, отразилась, например, на том, что, при сохранении общей убежденности в подразделении населения на классы, конкретную классовую структуру населения России в конце 1980-х годов и начале 2000-х годов представляли в различных системах.

Образование.

Так, единственным реальным ресурсом для возвращения к переходу России в «постиндустриальную» стадию развития; для ускоренного развития экономически высокоэффективных наукоёмких технологий и т.п., - в настоящее время называют сохранение и развитие научного потенциала, повышение уровня образования населения.

Критериями, по которым определяют дифференциацию населения по уровню образования, фиксированы документально, легко определяемы статистически и, что важно для близкого к реальности отражения действительного положения, политически относительно безвредны. В период между 1989 г. и 2002 г. в количественных показателях, характеризующих уровень образования населения России, произошли заметные изменения. Почти в полтора раза увеличилось количество, на 1000 человек населения в возрасте 15 лет и выше, лиц с высшим, неполным высшим и средним профессиональным образованием (таб. 1).

Таблица 1

Уровень образования на 1000 чел.
в населении возрастном 15 лет и выше (чел.) [по 17,25]

Год пере- писи	Профессиональное образование				Общее образование			не имею- щие об- разова- ния
	выс- шее	неполное высшее	сред- нее	началь- ное	среднее (пол- ное)	основ- ное	на- чальное	
1989	113	17	192	130	179	175	129	65
2002	160	31	272	127	175	137	77	10

За период между 1993/1994 и 2003/2004 учебными годами число высших учебных заведений в России увеличилось с 626 до 1046 (не считая многочисленных филиалов и представительств). Численность обучающихся в них студентов увеличилась с 2613 до 6456 тыс. чел.[25]

другой научный инструментарий, который разработан для описания и изменения характеристик других состояний общественного развития, в других условиях. В силу этого обстоятельства, их применение, условно признаваемое возможным с оговорками и в общем виде, не может считаться адекватным для определения конкретных явлений действительности. В лучшем случае, сумев определить с их помощью некие количественные характеристики неких свойств неких явлений, мы не можем адекватно определить ни само это явление, ни причины и тенденции изменений этой характеристики.

Так, авторы эксперимента в течение пятнадцати лет ориентируют государственную политику в России на создание в населении страны некоего «среднего класса», до последнего времени не предложив четкого недвусмысленного понимания этого термина. До последнего времени не определены содержание и формы общественного явления, определяемого этим понятием; соотношение этого явления, «среднего класса», с другими социальными подразделениями (классами?) общества; его структура, сущностные признаки, способы его идентификации, изменения и т.п. Между тем, в проведении вышеназванного социального эксперимента «среднему классу» отведена важнейшая роль «движущей силы» становления новой общественной формации, главного системообразующего социального элемента «нового общества» в России.

Несомненно, что понятие «средний класс» использовалось некоторое время, как очередная идеологема для опровержения и развенчания учений «о классовой борьбе». В то же время, многие исследователи сообщают, что наблюдают это явление в т.н., «развитых» странах, не имея методологических средств для его достаточно точной и/или идентификации. Можно предположить, что это новое явление, связанное с переходом человечества в тоже «новую», «постиндустриальную» стадию общественного развития. Однако эта новая стадия имеет только формальное, хронологическое определение (после индустриальной стадии) и не имеет удовлетворительных общепринятых системообразующих содержательных определений. В связи с этим привязка не имеющего точного значения понятия «средний класс» к столь же неопределенному понятию «постиндустриальное общество» не дает сущностных основ для его идентификации.

Возвратившись к рассмотрению социальной структуры населения России, выделим основные критерии для выбора анализируемых социальных групп. В первую очередь, выделим те компоненты социальной структуры, которые можно считать наиболее значимы-

ний Восток крупных чиновников из Правительства РФ для выполнения неформализованных поручений о содействии развитию Дальнего Востока. Участились их высказывания о ведомственно разрозненном участии федеральных органов управления в развитии отдельных регионов, отраслей, предприятий. Однако до последнего времени эти высказывания не привели к изменению ранее сложившейся тенденции. Более того, в официальных прогнозах до 2025 года предусматривается продолжение снижения численности населения в Дальневосточном федеральном округе с 6,55 млн. чел. в 2006 г. (6,59 млн. чел. на 01.01.2005 г.) до 5,85 млн. чел в 2026 году (по среднему варианту) (таблица 2).

Таблица 2

**Прогноз численности населения России и Дальнего Востока
(на начало года, млн. чел.) [8]**

Регион	Годы				
	2006	2011	2016	2021	2026
Российская Федерация (высокий вариант)	142,84	141,05	141,52	144,15	146,70
(низкий вариант)	142,63	139,23	135,39	130,78	124,97
(средний вариант)	142,82	139,99	138,04	136,57	134,42
в т. ч. по среднему варианту:					
Дальневосточный ФО	6,55	6,33	6,13	5,98	5,85
Республика Саха (Якутия)	0,95	0,96	0,96	0,97	0,98
Приморский край	2,02	1,94	1,87	1,82	1,77
Хабаровский край	1,41	1,36	1,35	1,33	1,31
Амурская область	0,88	0,85	0,83	0,81	0,80
Камчатская область	0,349	0,328	0,307	0,289	0,272
в т. ч. Корякский АО	0,0235	0,021	0,0183	0,0157	0,013
Магаданская область	0,171	0,149	0,128	0,112	0,101
Сахалинская область	0,527	0,491	0,458	0,430	0,405
Еврейская АО	0,188	0,185	0,183	0,183	0,184
Чукотский АО	0,05	0,043	0,037	0,031	0,027

Наиболее резким прогнозируется снижение численности населения в т. н. «северных» районах Дальнего Востока: в областях Сахалинской (на 23 %), Камчатской (на 22 %), Магаданской (на 41 %); в автономных округах Корякском (на 45 %), Чукотском (на 46 %).

Заметно, хотя и меньше, чем на Севере, прогнозируется сниже-

ние численности населения в базовых южных районах освоения Дальнего Востока: в краях Приморском (на 12 %) и Хабаровском (на 7 %), в Амурской области (на 9 %).

Относительно незначительными, в пределах ошибок измерений, прогнозируются изменения численности населения только в Еврейской автономной области (снижение на 2 %) и в республике Саха (Якутия) (увеличение на 3 %). Обстоятельства, обусловившие такой прогноз для этих двух регионов, в настоящей статье не рассматриваются.

Предлагаемые в качестве прогнозных расчеты несомненно основаны на учете не только объективных факторов, складывающихся в сочетаниях процессов развития природы, мирового сообщества государств; процессов этнических, экономических, социальных. В этих расчетах учтено действие и факторов субъективных, действие активных управленческих влияний на социально-экономические процессы, происходящие в России и в мире. Эти расчеты, несомненно, являются предположением соответствующего государственного органа о целенаправленном управляемом развитии общества. Будучи утвержденными, результаты этих расчетов являются ориентиром для действия всей системы государственной власти и управления в России, ориентиром для политики.

Не окажется преувеличением предположение, что интегрированно выраженная в динамике численности населения современная долгосрочная стратегическая линия государственной политики России на Дальнем Востоке ведет к обезлюживанию российского Северо-Востока Азии. Плотность населения (в чел. на кв. км.) к 2026 году предполагается довести до 0,6 в Камчатской области; 0,2 – в Магаданской области; 0,04 – в Корякском и Чукотском автономных округах. Способна ли такая заселенность обеспечить решение на этих территориях долговременных задач страны по рациональному освоению природно-ресурсного потенциала, реализации геополитических интересов, исторически устойчивому сохранению Дальнего Востока и Северо-Востока Азии в российской государственности и т.п., – рассмотрение этих вопросов требует всестороннего анализа и не может опираться на эмоциональный либерально-демократический романтизм, патриотический пафос, сухой рыночный расчет «купил – продал» и т.п.

Полный анализ складывающейся ситуации может быть выполнен только в системе разносторонних исследований, результаты которых должны пройти проверку в научных дискуссиях. Некоторые основные направления для анализа могут быть обозначены в крат-

связи с этим есть основания утверждать, что названный выше «социальный эксперимент», не оснащенный таким инструментарием, не может быть измерен и оценен как эксперимент, а может исследоваться только как случайный процесс по критериям, установленным «вне эксперимента», независимо от его «программы».

Необходимо отметить, что проведение «социальных экспериментов» по социально-экономическому, общественному переустройству стран, народов, этносов, оказалось в XX веке очень распространенным явлением, перешагнувшим в XXI век. Оно наблюдалось не только в СССР и в России, странах «социалистического лагеря», что обсуждалось и интерпретировалось в разное время и с разных позиций. Оно многократно проявлялось и в «западных» странах, и в странах «колониальных» и «постколониальных», где насаждался т.н. «западный» или «американский» образ жизни. [9] Можно предположить, что «социальное экспериментирование» является одной из характерных особенностей мирового общественного развития в XX веке и может быть перенесено в XXI век. Системное исследование этого явления, или как набора случайностей, или как, возможно, закономерного процесса для определенной стадии развития человечества, могло бы позволить составить целостное научное представление о содержании, целях, методах, формах и других характеристиках этого явления; выявить «рациональные» и «нерациональные» стратегические и тактические сценарии проведения таких «экспериментов» и т.п.

Как следует из данных, опубликованных авторами эксперимента, проводимого в России, по состоянию на 2004 год заявленная цель, очевидно, достигнута только по одному названному ими системообразующему признаку: более 85% материальных ценностей, ранее находившихся в общественной собственности (в форме государственной собственности), переведено в собственность частную, в форме личной или корпоративной.

Известно, что для исторически резко переходных состояний общества характерны высокие динамичность и степень неопределенности его социальных характеристик. Тем более высока степень их неопределенности в обществе, которое экспериментально переводят из плохо известного состояния в неизвестное по плохо проработанному и часто, конъюнктурно меняющемуся сценарию (т.н. «Курсу реформ»). Для описания и изменения этих неопределенностей в управленческой практике, в научной литературе современной России применяются понятия, критерии, системообразующие признаки, наборы факторов, методы стратификации общества и

х годов. В современных научных публикациях приводятся данные о поисковых исследованиях, затрагивающих, в основном, теоретические и методологические вопросы. Практика показывает, что население в целом и отдельные социальные группы в 1990-е годы и начале 2000-х годов реагируют на государственные управленческие воздействия неадекватно сложившимся во властных органах и у их научных консультантов представлениям структуре и социальных ожиданиях. Удачи некоторых политтехнологических операций во время выборов компаний относятся к другим темам научных исследований, другим отраслям знаний, например, политологии, социальной психологии, исследующим, в частности, проблематику управления, манипулирования поведением населения и отдельных социальных групп.

Констатируем также, что сущностный характер происходящих в рассматриваемый период в России процессов общественного развития до последнего времени с достаточной точностью и полнотой научно не определен. [10, 12] Достоверно можно утверждать только, что со второй половины 1980-х годов до начала 2000-х годов в России (сначала - в СССР) производится (не происходит!) непрерывно меняющееся по конъюнктурным обстоятельствам «конструирование, проектирование и строительство» нового для страны и её народа общественного строя, называемого «рыночной экономикой», «цивилизованным обществом». Не реставрация, не реконструкция, не перестройка, не естественное развитие, а во многом импровизационное создание! Не останавливаясь на анализе научной обоснованности и других общественно значимых сторонах этого процесса, констатируем, что по характеру он является несомненным «социальным экспериментом», целью которого официально поставлено создание в России «современного цивилизованного капитализма» и «современной цивилизованной демократии». Конкретные характеристики этих целей, их социальных и экономических параметров, а также траекторий их достижения, до последнего времени не определены. Из этого следует, что одна из важнейших характеристик «социального статуса» всего населения современной России состоит в том, что это население есть «материал для социального эксперимента», проводимого с нечетко поставленной целью и по ходу корректируемыми методами. По общей методологии научного экспериментирования, в таких случаях, для изучения тенденций изменения в материале эксперимента, необходимо сопоставлять ожидаемые изменения ранее заданных качественно и количественно определяемых признаков с реально фиксируемыми изменениями. В

кой статье.

В первую очередь, необходимо определить с достаточной для дальнейших обоснований достоверностью системы относящихся к Дальнему Востоку Азии реальных задач, решаемых реальным государством России в начале XXI века, и реальных условий, в которых решается эта система задач. В этой системе задач должны быть рассмотрены следующие различные по срокам, видам, сферам действия, значимости и другим признакам:

- задачи, объективно стоящие перед российским суперэтносом, составляющими его народами;

- задачи, которые субъективно осознаются народами как равнодействующая осознаний разных социальных слоев, формирующаяся под главенствующим воздействием осознаний слоя наиболее активного, психологически и пропагандистски наиболее сильного, умеющего навязать обществу в целом свои воззрения и волю;

- задачи, которые ставит перед собой и обществом (формализованно или неформализованно) государство как управляющий обществом аппарат, обеспечивающий интересы господствующих социальных групп. В результате рассмотрения должны быть установлены такие важные обстоятельства, как степень совместимости и взаимоисключения, общей или частной значимости, последовательности решений, взаимозависимости, приоритетности этих задач.

Без этой стадии исследований мы не сможем с достаточной для перехода к стадии решения точно определить, в самом ли деле названные выше задачи рационального освоения природно-ресурсного потенциала, сохранения Дальнего Востока в составе России и т.д. имеют более важное значение, чем, например, задача скорейшего вовлечения в мировой оборот любой ценой (социальной, экономической, экологической, политической и т.п.) сырьевых ресурсов страны; или задача обеспечения России «любви» со стороны «цивилизованных стран» и «мирового сообщества в целом»; или задача скорейшего привлечения из-за рубежа «стратегических инвесторов» и т.п.

Для отдельных авторов в любом случае приоритетны исторически длительные национальные задачи России. Для других – несомненен приоритет ускоренного завоевания позиций на мировых рынках сырья. Для третьих – поиски разнвариантных политических (в т.ч. геополитических) компромиссов. Очевидно, что не только решения конкретных вопросов, но и стратегические решения исторических судеб Дальнего Востока и его регионов в каждом из случаев могут быть принципиально различными.

Важное направление исследований – выявление конкретных экономических, технологических, социально-демографических, организационных, других форм «присутствия» России на Дальнем Востоке.

Например, абсолютно неясно, в каких формах смогут развиваться и функционировать в Корякском автономном округе «современные» производственная и социальная сферы и инфраструктура на территории площадью более 300 тыс. кв. км и в прилегающих морских акваториях, при численности населения в 13 тысяч человек, из которых около 10 тысяч человек составляют коренные малочисленные народы Севера, в значительной степени тяготеющие к традиционному, научно-технически слабо насыщенному образу жизни.

Не доказана, например, применимость проводимой с 1990-х годов концепции вахтового освоения природных ресурсов северных районов России. Такой, хотя, в основном, устно, но безоговорочно провозглашенный безальтернативный подход, оказался нереализуемым в приемлемые для населения сроки и в приемлемых для населения социально-экономических формах.

Такой подход находится в противоречии с подтвержденной практикой теорией дифференцированного развития районов нового освоения, предусматривающего создание опорных, базовых, очаговых, временных непостоянных зон освоения на Севере. Эта теория позволяет сконцентрированно формировать постоянно действующие производственную инфраструктуру и социальную сферу, вспомогательные отрасли хозяйства общерегионального значения, исторически постоянный социально-демографический потенциал, которые обеспечивали бы функционирование разнообразных по типу (вахтовых и невахтовых) производственно-селитебных образований с постоянно или кратковременно проживающим населением или временно (сезонно, вахтово и т.п.) пребывающими кадрами отдельных предприятий. Она позволяет дифференцировать экономическую, социальную, демографическую политику при освоении возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов, решая, в последнем случае, судьбу реально сформировавшегося во многих северных районах постоянного населения. Она позволяет дифференцировать политику формирования населения, эффективно управлять развитием его социально-демографической структуры в зависимости от общих задач освоения.

Жесткий же подход, безальтернативно навязывающий применение на всем Севере только вахтовых методов обеспечения кадрами, оказывается неконструктивным. Политика на переселение из рай-

ПриОН №8, 2006, с. 12-25.

26. Финский, М.В. ГМК «Норильский никель» – опыт реализации крупных горных и геологоразведочных проектов в рыночных условиях // ПриОН №8, 2006, с. 2-6.

В печати. 2006.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

Социальная структура населения России, как и многие другие стороны общественного устройства страны на рубеже XX и XXI веков, испытывает существенные, радикальные изменения. Материалы переписей населения 1989 г. и 2002 г. позволяют изучать эти изменения по статистически определенным количественным показателям. Однако, если поставить целью рассмотреть сущностный характер изменений, тенденции и возможные траектории дальнейшего развития, возможности этих материалов нельзя оценить просто и однозначно.

Определение характера развития любых явлений деятельности, природных или общественных, должно начинаться с определения объекта, предмета, качественных и количественных характеристик, меры, инструментов и методов измерения, методов осмысления результатов. Для изучения тенденций развития такой совокупности явлений, как социальная структура населения России между переписями населения в переходный период конца XX - начала XXI веков, необходимы знания о его состоянии в начале и конце периода, а также о процессах общественного развития за период.

Точными, достаточными сущностными научными знаниями «о социальном статусе населения» СССР и РСФСР, о социальной структуре населения по состоянию на 1980-е годы, мы не располагаем. Это утверждение выглядит парадоксально, если учесть масштаб развития общественных наук в тот период. Подтверждается же оно не только известным высказыванием авторитетного и осведомленного государственного деятеля Ю.В. Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем». Оно подтвердилось практикой, реальным поведением населения России в 1990-е годы, которое оказалось не соответствующим представлениям о его социальной структуре, классовых интересах и т.п., сложившимся в советской науке в 1980-е годы.

Не более точны научные знания о социальной структуре населения России, да и о населении в целом по состоянию на начало 2000-

9. Дмитриев, Н.А. Никель // РиОН № 11-12, 2001, с. 31-33.
10. Додин, Д.А., Чередникова, О.И. и др. Платина России: взгляд в XXI век // РиОН, №12, 2000, с. 63-66.
11. Иванов, О.П. Основные направления реформирования современной природно-ресурсной политики России // Использование и охрана природных ресурсов в России, №3, 2006, с. 40-44.
12. Короленко, Н.В. Титан // РиОН № 11-12, 2001, с. 2-5.
13. Круподеров, В.С., Куренной, В.В. Основные проблемы воспроизводства ресурсной базы подземных вод России // РиОН №2, 2006, с. 2-8.
14. Круподеров, В.С., Лукьянчиков, В.М. и др. Подземные воды России: состояние, основные проблемы и пути развития ресурсной базы // РиОН №6, 2006, с. 23-30.
15. Миронов, В., Пухов, С. Российская экономика в контексте развития мировых энергетических рынков // Вопросы экономики №8, 2006, с. 119-136.
16. Моисеев, Р.С. К вопросу о теориях «человеческого» и «природного» капиталов // Экономика природопользования №1, 2006, с. 5-23.
17. Моисеенко, В.Г., Степанов, В.А., Эйриш, Л.В., Мельников, А.В. Платиносность Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2004, 176 с.
18. Павлова, О. Владимир Бирюков: «Орлов объявил нам войну» // Вести 04.08.1999.
19. Покалов, В.Т. Динамика производства черных и легирующих металлов: прогноз и проблемы // РиОН № 11-12, 2001, с. 2-5.
20. Прокапало, О.М. Региональная социально-экономическая динамика: Дальний Восток и Забайкалье. Хабаровск: РИОТИП, 2003, 256 с.
21. Рациональное природопользование на Дальнем Востоке. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984, 172 с.
22. Ресурсный потенциал Камчатки Петропавловск-Камчатский: АО «Камчаткпича», 1994, с. 270.
23. Садовник, П.В. Основные итоги работы Федерального агентства по недропользованию в части углеводородного сырья и подземных вод // РиОН №4, 2006, с. 2-7.
24. Садовник, П.В., Хлебников, П.А., Клещев, К.А., Голов, А.А. Перспективы развития ресурсной базы углеводородного сырья // РиОН №6, 2006, с. 19-23.
25. Стрехин, А.Н., Оленкевич, О.И., Барсечян, В.В. Цены на минерально-сырьевую продукцию и открываемость месторождений //

онов Севера «социально-балластной» части населения (пенсионеры, инвалиды, иждивенцы, неквалифицированные и т.п.) привела к повышенному оттоку с Севера квалифицированной, социально-экономически и миграционно активной части населения, к сохранению на Севере той части населения, которую в федеральных органах государственного управления оценивают как «социальное обременение бюджета». Очевидно, что желание расширить применение «вахтовых» методов освоения Севера требует научных обоснований с комплексной оценкой экономических, социальных, экологических возможностей и последствий.

В экономике Дальнего Востока за годы «рыночных реформ» произошли значительные разрушения прежде всего в производственной сфере. Если объем промышленного производства по отношению к уровню 1991 года снизился в 2000 году в России до 59 %, то на Дальнем Востоке – до 42 % [3]. Тем не менее, Дальний Восток продолжает сохранять заметную роль в экономике России именно как регион промышленной специализации. По объему промышленной продукции на душу населения регионы Дальнего Востока занимают позиции, достаточно высокие, если учесть происшедший в этих регионах огромный спад в экономике (таблица 3)

В 2003 году этот показатель выше, чем в среднем по России, был в республике Саха, Хабаровском крае, Камчатской, Магаданской и Сахалинской областях; Корякском и Чукотском автономных округах. Он был ниже объема промышленной продукции на душу населения, складывающегося в таких экспортоориентированных сырьедобывающих регионах, как Тюменская и Мурманская области, республики Татарстан и Коми, Красноярский край. Но он превосходил соответствующий показатель, сложившийся для таких промышленно развитых регионов, как гг. Москва и Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Калининградская, Нижегородская области. Конечно же, на уровень этого показателя оказывают влияние различия в отраслевой структуре промышленного сектора в регионе; в ценовых, налоговых, таможенных, бюджетных условиях функционирования отдельных отраслей; весь комплекс условий, характеризующий межрегиональный оборот промышленной продукции, в том числе экспортных операций; динамика численности населения в регионе и т.п. Так, в нефтедобывающих регионах объем промышленной продукции может резко измениться за счет колебаний цены за нефть; в рыбодобывающих регионах – за счет изменения квот на промысел рыбы и морепродуктов и т.п. Однако, в обобщенных выводах можно предположить, что сохранив-

шаяся на Дальнем Востоке промышленность сохраняет и относительно высокую эффективность, несмотря на значительные внутриотраслевые проблемы, такие как низкая инвестиционная обеспеченность, высокая степень износа основных фондов и т.п.

К аналогичным выводам приводит и сопоставление таких показателей, как объем валового регионального продукта на душу населения (таблица 4).

Таблица 3

Объем промышленной продукции на душу населения по регионам РФ за 2003, 2004 гг. (руб.) [11, 12].

Регионы РФ	2003	2004
Ивановская область	21628,40	27496,60
Город Москва	37472,80	45802,80
Московская область	43920,50	42230,30
Калининградская область	34120,20	58238,10
Город Санкт-Петербург	58013,40	74305,00
Ростовская область	26193,20	36116,60
Нижегородская область	49765,90	66031,70
Республика Саха	103624,10	131608,30
Приморский край	27487,40	31531,60
Хабаровский край	63201,00	63857,20
Амурская область	21345,70	27207,10
Камчатская область	67578,70	75489,90
в т.ч. КАО	226095,60	189243,70
Магаданская область	92636,80	109210,10
Сахалинская область	65489,30	73437,30
Еврейский автономный округ	11456,30	11885,60
Чукотский автономный округ	82992,60	87317,60
Республика Бурятия	25826,50	28741,20
Читинская область	13422,50	16219,10
Российская Федерация	58540,04	78126,29

тие решения об их создании опирается на абстрактные аргументы о необходимости и важности горной промышленности вообще, или на частного значения обоснования создания отдельных конкретных предприятий. Преобразование намерения развивать горную промышленность как отрасль в регионе, где ее не было, в решения о конкретных объектах, необходимо на основании предваряющих такое решение трезвых, надведомственных, объективных определений социально-экономических приоритетов, комплексных эколого-экономических оценок, предплановых разработок функционально-планировочной организации новых по характеру социально-экономических процессов в определенном географическом пространстве.

В отсутствии таких разработок – главная проблема создания горной промышленности на Камчатке. Если эта проблема решена не будет, развитие Камчатской области будет происходить в преодолении спонтанно возникающих разрушительных сложностей. В этом случае российская действительность получит еще одно доказательство в пользу научности давно выдвинутой народной Концепции «Жареного петуха».

Библиография.

1. Арэнд, Р. Как поддерживать экономический рост в ресурсно-зависимой экономике? (Основные концепции и их применения в случае России) // Вопросы экономики №7, 2006, с. 24-36.
2. Бавлов, В.М. Основные итоги работы Федерального агентства по недропользованию в части твердых полезных ископаемых // РиОН №4, 2006, с. 7-13.
3. Бакланов, П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука. 2001. 144 с.
4. Бакланов, П.Я., Романов, М.Т., Мошков, А.В. и др. Изменения в территориальных структурах хозяйства и расселения Дальнего Востока при переходе к рыночной экономике. Владивосток: ДВО РАН, 1996, 195 с.
5. Беневольский, Б.Н., Вартоян, С.С. и др. Минерально-сырьевая база благородных и цветных металлов и программно-целевая система их воспроизводства // РиОН №6, 2006, с. 22-30
6. Голивкин, Н.И., Шапошникова, Н.Ю. и др. Железные руды // РиОН № 11-12, 2001, с. 2-5.
7. Гранберг, Н.С., Супруненко, О.И. Нефтегазоносность Арктического супербассейна // РиОН №12, 2000, с. 24-30.
8. Дмитриев, Н.А. Вонадий // РиОН № 11-12, 2001, с. 28-31.

Смена типа природопользования в Западно-Камчатском регионе на горнопромышленный неизбежно приведет к снижению биопродуктивности и рыбопромысловой продуктивности Западно-Камчатского шельфа и рек Западно-Камчатской низменности. Неизбежно, в связи с этим, снижение количественных и качественных производственных параметров ранее функционировавшего здесь рыбохозяйственного комплекса. Возможные варианты изменений: сохранение комплекса в сокращенном масштабе; спонтанная деструкция комплекса вследствие того, что он потеряет международное и районообразующее внутрирегиональное значение; разложение комплекса на несколько изолированно функционирующих мелких экономических субъектов или групп экономических субъектов. В любом варианте неизбежны экономические, социальные, экологические изменения во всем экономико-географическом пространстве Камчатского региона.

Приведенные выше и другие аналогичные по характеру соображения позволяют утверждать, что органы государственной власти и управления федерального и регионального уровней, подготавливая отдельные решения о создании и развитии многочисленных новых предприятий на Западной Камчатке и желая получить от принятия этих решений рациональные результаты, с позиции общественных интересов обязаны обеспечить надведомственную разработку отраслевых Схем размещения и развития отдельных отраслей производства и инфраструктуры в реконструируемом регионе, с последующей разработкой Проекта районной планировки этого региона. Без этих разработок любые разрозненные частные решения по созданию отдельных производств (выдача лицензий на разведку и освоение; проведение конкурсов, тендеров и т.п.) окажутся неизбежно разрушительными для регионального значения природных, экономических и социальных структур; неизбежно потребуют дополнительных общественных (бюджетных) затрат на нейтрализацию, предотвращение, ликвидацию разрушительных экологических, экономических, социальных последствий частной деятельности. Парадоксальным результатом государственной непродуманности развития региона может оказаться ущерб, наносимый частным предприятиям, компенсацию которого владельцы предприятий потребуют от общества, которое позволило неразумным государственным органам управлять пространственной организацией социально-экономических процессов разорительно для частных предприятий.

Таким образом, главная проблема создания предприятий горной промышленности в Камчатской области состоит в том, что приня-

Таблица 4
ВРП на душу населения по регионам РФ (руб.) [5,11]

Регионы РФ	2000	2001	2003
Ивановская область	14865,5	18372,3	31347,96
г. Москва	151594,1	187926	235141,15
Калининградская область	25931	33148,9	53700,41
Ростовская область	21699,3	28985,7	41643,94
Нижегородская область	30777	46451,9	63110,1
Свердловская область	36094,1	47028	69947,84
респ. Саха	83258,7	83258,7	140223,35
Приморский край	29541,9	34423	59868,68
Хабаровский край	44862,9	54545,6	85346,33
Амурская область	26531,2	39068,3	60693,32
Камчатская область	46555,5	61427,4	81638,34
в.ч. КАО	89069	119673,8	171314,74
Магаданская область	54642,4	69277,3	125820,57
Сахалинская область	59586,3	81970	123285,17
ЕАО	18571,6	24278	45049,76
ЧАО	56760,6	114073,1	342007,43
Республика Бурятия	21018,2	29978,5	47696,7
Читинская область	24058	29322,2	48126,03

Статистическое определение валового регионального продукта, как «совокупности добавленных стоимостей отраслей экономики и чистых налогов на продукты» [11, 12, 13], специфично. В отдельных регионах, для отдельных отраслей и добавленные стоимости, и налогообложение определяются по-разному. Отраслевая структура экономики в разных регионах существенно различна. В этих условиях сопоставление эффективности функционирования региональных экономик по такому показателю, как валовой региональный продукт не позволяет делать выводы с неоспоримой определенностью. Однако, рассматривая данные таб. 3 и таб. 4 в совокупности, можно полагать, что республика Саха, Хабаровский край, Камчатская, Магаданская и Сахалинская области; Корякский и Чукотский

автономные округа с полным основанием могут оцениваться как входящие в группу регионов России с высоким объемом валового регионального продукта на душу населения.

Дополнительных исследований требуют данные по таким регионам, где объем промышленной продукции и валового регионального продукта на душу населения расходятся значительно. Например, по Читинской области – 16219,10 руб. и 48126,03 руб. соответственно; по Еврейскому автономному округу – 11885,6 руб. и 45049,76 руб.; по городу Москва – 45802,8 руб. и 235141,15 руб. Эти 3-5-кратные расхождения дают основания не только отметить слабую связь произведенных в регионах добавленных стоимостей с промышленным производством, но и предположить, учитывая большие различия между названными регионами, наличие широкого набора источников, позволяющих обеспечить региону производство валового регионального продукта вне производственной промышленной сферы.

Оценивая приведенные выше данные в целом, можно предположить следующее. Проблемность развития Дальнего Востока, и в первую очередь его северных регионов, в течение почти 15 лет объясняют в основном такими причинами, как наследственная - из советских времен - неконкурентоспособность, низкая эффективность экономики и т.п. Представляется, однако, что современная проблемность развития Дальнего Востока в большой степени является производной от государственной политики, которая, формально приравнивая условия функционирования экономики Дальнего Востока и его Севера к условиям «общего экономического пространства» России, фактически ставит эту экономику в заведомо безвыходное дискриминированное положение. Этот фактор представляется важнейшим, практически обеспечивающим реализацию политики, которая идеологически обусловлена снижением внимания органов российской государственной власти и управления к Дальнему Востоку и усилением внимания к концентрации национальных богатств в некоторых центральных районах страны, в рамках формирующейся узкой социальной группы, осуществляющей экономическую власть в России. Эта идеология, эта политика, эти факторы в совокупности приводят к такому интегрированному результату, как отмечающееся в 1991 – 2005 году и пролонгированы федеральной государственной властью на 2006 – 2026 годы сокращение населения на Дальнем Востоке и, в особенности, в его северных районах.

Для возникновения такой идеологии есть объективные основания. Россия исторически внезапно потеряла территорию, изменила

водственных и обслуживающих их транспортных и энергетических объектов, придется впоследствии принимать решения по многим спонтанно возникающим вопросам системного и покомпонентного характера, неизбежным при заранее непродуманном развитии региона.

Так, компании, предусматривающие добычу газа и нефти на шельфе, рассматривают возможность строительства на морском берегу, в удобном для себя месте, гидротехнических сооружений, обслуживающих определенные технологические процессы. Для вывоза концентрата или руды с Шанучского ГОКа рассматривается возможность применения морского транспорта и строительства своих гидротехнических сооружений. Создание морских гидротехнических сооружений рассматривается также отдельно для транспортировки крутогоровских каменных углей, торфа, газоконденсата. Разрозненное создание всех этих сооружений сомнительно по соображениям природоохранным, навигационным, техническим, инвестиционным, организации наземного транспорта и т.п. Но и скооперированное создание транспортных сооружений, обслуживающих все названные предприятия, также вызывает не менее сложный комплекс вопросов.

С превращением Западной Камчатки в многоотраслевой горно-промышленный узел связано возникновение крупномасштабных социальных задач. Будут формироваться новые населенные пункты, принципиально новая система расселения, новое население с определенной численностью и социально-демографической структурой, новые межселенные связи. Ранее существовавшая социальная сфера должна будет или деградировать, или встраиваться в новую. Любой вариант развития событий, если его не продумать заранее, будет в социальном отношении остро негативным во многих проявлениях.

Создание множества локальных источников энергоснабжения для каждого горнопромышленного предприятия отдельно может оказаться рациональным с точки зрения обеспечения производственных процессов, но вызывает множество вопросов об энергообеспечении деятельности общерегионального значения инфраструктуры, социальной сферы и жизни населения. Создание одного или нескольких энергоисточников, скоординированно обеспечивающих энергией все сферы в регионе, требует предварительной оценки возможных вариантов развития региона в целом и разработки схем формирования всей системы генерирования, транспортировки, распределения и потребления энергии с точек зрения организационной, технической, инвестиционной и т.п.

виях, превратились в хаос мелких разнонаправленных частных интересов, в многообразие конфликтов между отдельными хозяйствующими субъектами, которых в бассейне р. Камчатки стало несколько сот. Кроме этого, развились и обострились противоречия между административно-территориальными образованиями, Усть-Камчатским, Быстринским и Милюковским районами. Каждый из них выбирал свои взаимонеувязанные экономическую специализацию и свои стратегии природопользования в пределах целостной природной системы, существующей в пределах одного речного бассейна. Не анализируя конкретных результатов действия этих противоречий, отметим, что одним из таких результатов оказалась необходимость уже в начале 2000-х годов приступить к разработке обоснований создания пяти особо охраняемых природных территорий в бассейнах пяти притоков реки Камчатки, с целью сохранения (спасения!) исчезающих популяций лососевых рыб. Уже эта разработка показала, что ее частный характер не позволяет ожидать полного решения поставленных задач. В последнее время появляются официально не подтверждаемые сведения о подготовке к освоению в бассейне р. Камчатки месторождений минерально-сырьевых и углеводородных природных ресурсов. Это обстоятельство может радикально преобразовать и стратегию природопользования в этом районе в целом, и функционально-планировочную его организацию. Разработка проекта районной планировки – единственный способ придать рациональность процессам развития всех вышеназванных административных районов в бассейне р. Камчатки.

В настоящее время, одна из наиболее остро противоречивых ситуаций возникает в связи с организацией природопользования и социально-экономического развития в рассмотренной выше Западно-Камчатской системе. Политические и экономические властные структуры внерегионального (федерального) значения принимают разрозненные решения о создании в этой зоне тех или иных горно-промышленных объектов. В меньшей степени такие решения принимают региональные власти (значимость мнения этого уровня власти определил один из влиятельных политиков Камчатки: «...переступят и пойдут дальше» [18]). Часть решений уже принята и реализуется. Часть подготавливается на стадиях обоснований. В настоящее время между ними нет комплексной взаимоувязки и увязки с существующими социально-экономической и природной системами.

Однако, тем же органам власти, которые будут принимать разрозненные решения о создании в Западно-Камчатской зоне произ-

положение в системе геополитических отношений, стала «бедной развивающейся» страной, стала одним из крупнейших «должников» в мировой финансовой системе. В России существенно уменьшилась рождаемость и резко увеличилась смертность населения. Устойчивое с 1992 года сокращение численности населения оценивается как депопуляция, вымирание. Останется ли этот процесс исторически устойчивым, или будет преодолен и в какие сроки – покажет будущее. Выросла миграция населения из России, в основном в «благополучные страны Запада». Выросла миграция в Россию из «проблемных стран Востока» и остатков СССР (Содружества независимых государств).

Эти основания имеют несомненно важное значение, их учет необходим при разработке и оценке рациональности государственной политики. Однако, несомненно также, что эти основания не являются единственными объективными и не могут расцениваться как исторически устойчивые. В истории России бывали трудные времена, но страна их преодолевала. Кроме названных объективных обстоятельств, учету при определении государственной политики несомненно и даже приоритетно подлежат обстоятельства, связанные с исторически долгосрочными, вековыми национальными интересами России.

К ним относятся следующие обстоятельства. Для России важна необходимость быть великой мировой державой, иначе она перестанет быть Россией. Из Московии, Московского великого княжества, Московского царства страна стала Россией, только завоевав статус великой державы. Россия не сможет быть значимой мировой державой, не имея выходов к Мировому океану и не охраняя свой природно-ресурсный потенциал. Россия не может позволить себе не проявлять твердость в отношениях с граничащими странами, не нарушая возможности развития дружеских отношений, избегая, без самой крайней необходимости, вооруженных конфликтов. Россия граничит с большим количеством государств: не каждое из них проводит самостоятельную политику и не служит проводником чужой, более мощной политики. Не каждая страна в мире не хотела бы воспользоваться природно-ресурсным потенциалом находящихся под юрисдикцией России территорий и акваторий. Устойчивое заселение территорий сильной страны является единственной, в историческом плане, гарантией долговременного государственного обладания этими территориями российским этносом.

Учет названных выше объективных кратко-, средне-, долгосрочных обстоятельств, имеющих несомненно общенациональное,

общеэтническое значение, должен быть приоритетным, если российский суперэтнос сохраняет потенциал развития. Если этот потенциал иссяк, то приоритетными станут узкие частные интересы отдельных социальных групп, отдельных регионов. Вопрос о приоритете интересов имел ключевое значение в колебаниях российской государственной политики на Дальнем Востоке в XVII-XX вв. Можно полагать, что такое же значение сохранил он и в начале XXI века.

При любом решении вопроса о составе совокупности, приоритетности и взаимосвязях задач, решаемых государственной расселенческой политикой на Дальнем Востоке, органы власти и управления сталкиваются со следующим рядом внешних условий, в которых будет развиваться российское государство.

В начале XX века слабейшей России на Дальнем Востоке противостояли две набравшие силу мировые державы, даже оккупировавшие, но не удержавшие отдельные дальневосточные регионы. Россия (СССР) решила территориальные и расселенческие проблемы, став мощной державой. В начале XXI века внезапно разрушившаяся Россия на Дальнем Востоке контактирует с тремя мощнейшими мировыми державами, из которых одна – сверхдержава. До последнего времени эти контакты происходят в форме экономической конкуренции при освоении отдельных видов природных ресурсов; в форме дипломатических или общественно-выраженных претензий на участки территорий и акваторий; в форме территориальных, акваториальных, экономических уступок; в форме расселенческого (миграционного) освоения представителями соответствующих этносов отдельных районов и отдельных отраслей хозяйства на российском Дальнем Востоке.

В какие формы может вылиться такая геополитическая ситуация, очевидно имеющая неустойчивый переходный характер, будет зависеть от многих обстоятельств. Но нетрудно предвидеть вероятный исход этой ситуации, если политика, ориентированная на сокращение численности населения и некомплексное, спонтанно «самоорганизующееся» экономическое развитие в условиях экономической дискриминации, совпадает с дальнейшим ослаблением России относительно ее интенсивно развивающихся геополитических соседей. Если Россия потеряет Дальний Восток (в экономическом или, еще хуже, и в политическом отношении), то процесс ее геополитического ослабления ускорится и перемещение ее в разряд второго или третьеразрядных стран может стать необратимым.

На этот процесс оказывают влияние многие важные дополни-

тельностью и без учета долгосрочности межрегионального (в т.ч. международного) значения, может привести всю эту систему в состояние деструкции в обозримые сроки.

В то же время, известны методы рациональной организации географического пространства, где в определенных природных системах происходят определенные общественные процессы. Человечество давно выработало развившиеся в самостоятельные отрасли знания методы объемно-пространственной и функционально-планировочной организации пространства, в котором осуществляются определенные виды человеческой деятельности: архитектуру (в пределах отдельных помещений, зданий, окружающей их среды); градостроительство (в пределах населенных пунктов и межселенных территорий); районную планировку (в пределах относительно крупных природно-общественных систем разнообразного типа). Последние из них, имеющие отношение к нашей теме, формализованы в XX веке в методах разработки Схем районных планировок и Проектов районных планировок (в СССР это происходило до начала 1990-х годов). В конце 1980-х годов, в рамках методов районной планировки, разрабатывалась методика и практика создания Территориальных комплексных схем охраны природы (ТерКСОП) как документов, методически подготавливающих рациональное обеспечение перехода к «устойчивому развитию».

В Камчатской области в период 1960-1980-х годов с достаточной для учета происходящих изменений периодичностью разрабатывались генеральные планы городов, Схемы районных планировок Камчатской области, разработан Проект пригородной зоны г. Петропавловска-Камчатского; начата разработка ТерКСОПа Камчатской области. Ни одна из этих разработок не исключала возникновения и развитие предприятий горной промышленности в той или иной пообъектной структуре, но все они относились к их развитию осторожно, рассматривая их в полном разнообразии предвидимых взаимосвязей с окружающим и природным, экономическим, социальным пространством.

В 1990-е годы этот процесс оборвался. Не реализованы несколько предложений выполнить разработку комплексной схемы рациональной организации природопользования в бассейне р. Камчатки, где назревал сложный комплекс разнохарактерных противоречий. Отраслевые противоречия здесь складывались не только между рыбохозяйственным, сельскохозяйственным, лесохозяйственным, предполагаемыми энергетическим и горнопромышленным комплексами. Отраслевые противоречия, в новых общественных усло-

- ведется предпроектная подготовка к освоению Крутогоровского месторождения каменных углей, как минимум, по трем вариантам: с добычей 150 тыс.т угля в год для нужд Петропавловско-Елизовской агломерации с вывозом по автодороге; то же самое, с вывозом морским транспортом; с добычей 1 млн.т угля в год, с вывозом морским транспортом в адрес платежеспособных потребителей;

- рассматриваются варианты размещения горноперерабатывающих (в т.ч. металлургических) предприятий, с вывозом продукции автомобильным, трубопроводным, морским транспортом.

В этой же зоне начинаются разведочные работы по изучению нефтегазоносности Западно-Камчатского шельфа; а также, как минимум, обсуждаются вопросы о добыче золота из морских россыпей Западно-Камчатского шельфа и добычи торфа в поймах нерестовых лососевых рек на Западно-Камчатской низменности.

Некоторые данные об отдельных видах этой деятельности и отдельных объектах опубликованы в общедоступных изданиях. Некоторые – содержатся в закрытых фондовых материалах и недоступны для обсуждения в открытой печати. Однако, не анализируя достоверность и качество отдельных конкретных материалов, можно утверждать, что, в целом, результатом реализации хотя бы части предполагаемых намерений, окажется полное преобразование Западно-Камчатской природно-общественной системы: естественные ландшафты превратятся на многих участках в антропогенные, промышленно преобразованные. Тип природопользования в этом районе заменится с сырьедобывающего, специализированного на технически вооруженном собирательстве водных биологических ресурсов, на сырьедобывающий, специализированный на индустриальном извлечении из недр полезных ископаемых, с индустриальной их переработкой и транспортировкой продукции. Принципиально изменится экономическая и социальная структура региона, в т.ч. система расселения.

В настоящее время отсутствуют даже попытки имитации государственно организованного надведомственного рассмотрения вариантов определения отраслевых приоритетов и комплексных эколого-экономических оценок хозяйственного развития Западно-Камчатской субрегиональной природо-общественной системы Камчатской области. Можно утверждать, что, без разработки общерайонной проблематики района, его развитие, основанное на разрозненных взаимонеувязанных разновременных покомпонентных решениях о развитии отдельных объектов с неопределенной priori-

тельные факторы. Назовем некоторые из них.

Повышенная скорость развития конфликтных современных социально-экономических мировых процессов.

Неизбежно замедленный переход к декларируемому гармоничному, по главным целям – бесконфликтному «устойчивому развитию» человечества.

Возрастающая интенсивность сохраняющей пока еще экономические формы борьбы за природные ресурсы развития.

Переход недостатка природных ресурсов в формы острого дефицита. Мировое сообщество на конференции ООН (Йоганнесбург, 2002) уже отнесло к остродефицитным некоторые их виды: пресную питьевую воду; естественно воспроизводящуюся рыбу как источник животного белка естественного происхождения.

При этих условиях лишающийся населения Дальний Восток России площадью около 6 млн. кв. км. может стать одной из конфликтных зон в складывающемся в процессах глобализации экономическом и политическом переделе мира.

Может показаться, что проводя сейчас политику вытеснения российского населения с Дальнего Востока, государство имеет в виду снова заселить его, когда в стране сложится благоприятная ситуация. Рассмотренные выше обстоятельства позволяют утверждать, что после снижения численности населения российского Дальнего Востока ниже некоторого критического уровня, ситуация из формы количественных изменений перейдет в форму изменений качественных, и ситуация в России в целом уже не станет ожидаемой благоприятной, во всяком случае – в самые отдаленные обозримые сроки.

Учитывая вышеизложенное, реальная современная российская государственная населенческая политика не может быть оценена иначе, как внутренне противоречивая. В отдельных ситуациях ее рассматривают как политику, фактически подготавливающую российский Дальний Восток для освоения другими этносами. Для высших органов государственной власти должно быть долгом сформировать, утвердить и добиться выполнения непротиворечивой, недвусмысленной, определенно выраженной политики освоения и заселения Дальнего Востока. Это было бы справедливо по отношению не только к стране, к ее прошлому и будущему, но и к сформировавшемуся на Дальнем Востоке постоянному населению, которое должно знать, какую историческую судьбу готовит государство детям, внукам и правнукам живущих на Дальнем Востоке людей.

Библиография.

1. Алексеев, А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки, - М., Наука, 1982 г. – 288 с.
2. Гладышев, А.Н., Куликов, А.В., Шепалин Б.Ф. Проблемы развития и размещения производительных сил Дальнего Востока. – М.: Мысль, 1974 г., - 215 с.
3. Дальний Восток и Забайкалье 2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 год – М.: ЗАО «Экономика», 2002, 434 с.
4. Дальний Восток России, экономический ежегодник, ИЭИ ДВО РАН, 1992 г. – 523 с.
5. Место Камчатки в экономике России, аналитическая записка / Камчатстат – г. Петропавловск-Камчатский, 2004 г., 68 с.
6. Моисеев, Р.С. Некоторые вопросы управления развития северных районов России в конце XX века. – Петропавловск-Камчатский, Камчатский печатный двор., Книжное издательство, 1999 г. – 110 с.
7. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М.: «Финансы и статистика», 1991. – 752 с.
8. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года: стат. бюллетень/Федеральная служба государственной статистики. – М., 2005. – 118 с.
9. Российские регионы накануне выборов – 95 – М.: Юрид. лит., 1995. – 186 с.
10. Российские регионы после выборов – 96 – М.: Юрид. лит., 1997. – 784 с.
11. Россия в цифрах. 2004: Крат. стат. сб./Федеральная служба государственной статистики. -М., 2004.-431 с.
12. Россия в цифрах. 2005: Крат. стат. сб./Росстат-М., 2005.-477 с.
13. Социально-экономическое положение Камчатской области в сравнении с регионами Дальневосточного федерального округа. Статистический сборник/Камчатстат, - г. Петропавловск-Камчатский, 2004 г. – 185 с.
14. Численность и размещение населения – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004 – 574 с. (Итоги Всероссийской переписи населения.: В 14 т./Федеральная служба гос. статистики; т. 1)
Социально-этнические процессы в микро- и макроистории. Материалы научно-теоретической конференции "Человек в истории", декабрь 2005 г.-Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ. -2006.

ми технологиями извлечения золота и захоронением цианидосодержащих отходов в зоне формирования потоков подземных вод, может исключить водные ресурсы этого региона из возможного использования на неопределенно длительное время.

Учитывая, что ни одно из известных месторождений драгоценных металлов Камчатки не относят к разряду крупных и средних, и сроки разработки этих месторождений могут составлять до 5-7 лет, время существования этих горнопромышленных узлов не может не быть исторически недолговременным, а их экономическая, социальная, планировочная и т.п. структура – постоянно изменяющейся. Спонтанность таких перемен, вызванных обеспечением частных интересов отдельных предприятий (предпринимателей) при неблагоприятном изменении конъюнктуры (нередко вызванном воздействием самих этих предприятий), неизбежно ведет к нерациональным потерям общественного труда, экономическому и социальному ущербу, ухудшению состояния природной среды в регионе. Отсутствие комплексных предварительных разработок делает эти потери неожиданными, острыми и крупномасштабными.

Сложнее ситуация с программами развития предприятий горной промышленности на Западной Камчатке. Здесь, в пределах Западно-Камчатской природной системы, расположенной от р. Большой-Быстрой на юге до бассейна р. Ичи на севере; от водораздела Среднего Камчатского хребта до побережья Охотского моря и на прилегающей части шельфа, - сформировалась общественная система с небольшим по численности населением и значительным по объему производства рыбным хозяйством межрегионального и международного значения, с сезонным характером функционирования. В этой зоне:

- эксплуатируются несколько небольших газовых месторождений;
- строятся газопровод и автодорога общего значения, пересекающие средние течения и верховья всех нерестовых лососевых рек района;
- достраивается и готовится к эксплуатации горнообогатительное предприятие «Шанучское», ориентированное на производство медно-никелевого концентрата;
- пущен в эксплуатацию Агинский горнообогатительный комбинат, производящий золото;
- ведется разведка медно-никелевых месторождений в Квинум-Кувалорогском горном массиве с целью создания горнообогатительного комбината;

взаимодействиях золотодобывающих предприятий и обеспечивающей их деятельность внутриплощадочной и внеплощадочной инфраструктуры и между собой, и со сложным комплексом природных, экономических, социальных явлений в достаточно крупном экономико-географическом районе. Необходимость предварительного рассмотрения этого района как целого, с определением отраслевых приоритетов развития, внутренним зонированием, комплексной эколого-экономической оценкой развития всей территории как природно-общественного целого и отдельных компонентов этого целого, - очевидна. Без такой разработки, с принятием разрозненных политических управленческих и хозяйственных решений по отдельным объектам, в разное время, при разных условиях (заказчики, конъюнктура и т.п.), развитие целого, как показывает практика в других районах мира, неизбежно будет разрушительным в экологическом, социальном, а, в конечном счете, и в экономическом отношении.

Аналогична ситуация в районе, прилегающем к существующей Мутновской ГеоЭС, где обнаружены Родниковое, Асачинское, Мутновское месторождения золотосодержащих руд. Принимаются решения о их разработке, разрозненной по заказчикам, времени, инфраструктуре, возможностям инвестирования и т.д., и т.п. При сохранении конъюнктуры, относительно благоприятной для мелких производителей золота, здесь, как и в названном выше районе Среднего хребта Центральной Камчатки, может сформироваться монопрофильный специализированный горнопромышленный узел. При ухудшении конъюнктуры многие, если не все, горнопромышленные предприятия в этих узлах будут законсервированы, ликвидированы, закрыты. До последнего времени ни для одного из экономико-географических районов Камчатки, где спонтанно формируются монопрофильные горнопромышленные узлы, основанные на добыче драгоценных металлов, нет разработок, определяющих перспективы развития этих узлов.

А, между тем, юго-восточные районы Камчатки, где расположены названные выше месторождения золота, содержат значительные ресурсы пресных подземных вод с высокими потребительскими качествами и выгодными условиями для добычи и реализации на мировом рынке [13, 14, 22]. Пресная питьевая вода относится к острейше дефицитным природным ресурсам в мире и возобновляемые ресурсы на Камчатке могут стать основой для исторически долговременной отрасли экономической специализации Камчатской области. Но размещение золотодобывающих предприятий цианидны-

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И БАНКОВСКИЕ СИСТЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Экономическое развитие России в целом в обозримом будущем не рассматривается вне широкого взаимодействия с мировым рынком. В этом направлении ориентируется и экономическое развитие многих крупных регионов государства. Содержание и формы этого взаимодействия дифференцируются в широком диапазоне в зависимости от конкретных пространственно-экономических условий. В научном (например, экономическое районирование) и правовом отношении региональная дифференциация геополитических процессов встраивания России в мировой рынок пока в достаточной мере не обеспечена. Экономическое районирование ориентировано на реалии, существовавшие в СССР, в иных геополитических и внутригосударственных социально-экономических условиях. Правовое обеспечение носит бессистемный, разовый, эмпирический характер.

Дальний Восток России в региональной дифференциации внешнеэкономических процессов должен занимать единственное в своем роде место. Его территориальная близость к азиатско-тихоокеанскому рынку, отдаленность от обжитых районов России, богатейший и разнообразный природно-ресурсный потенциал, огромная по площади и крайне слабо заселенная территория с большим поясным и зональным разнообразием природных условий, уникальный по протяженности побережья выход в Мировой океан с возможностью круглогодичного мореплавания, насыщенность оборонными и политическими функциями, - не имеют аналогов в России. Россия через специфично развивающийся в мировом рынке Дальний Восток имеет шанс стать достаточно значимым геополитическим субъектом в Азиатско-Тихоокеанском регионе. А стандартизация, нивелирование экономической роли Дальнего Востока под среднероссийский уровень не позволят этим возможностям, объективно заложенным в его географическом положении и экономическом потенциале, развиваться.

Дальний Восток России находится в зоне многовековых контактов крупных этносов и суперэтносов, организованных в крупные государственные образования, занимающие в настоящее время весьма важные позиции в геополитической расстановке сил. В прошлом неравномерность социально-экономического развития этих государств неоднократно приводила к политическому терри-

ториальному перераспределению. США продолжают играть роль единственной сверхдержавы, с постепенным ослаблением экономической роли в мире. Япония устойчиво занимает ведущие экономические позиции; главная особенность ее экономики - привязанность к внешним рынкам сырья и сбыта готовой продукции. Китай - страна с наиболее динамично развивающейся экономикой, имеет перспективы занять в начале XXI в. одно из доминирующих мест в мире. Россия в конце XX в. - страна со слабой, находящейся в глубочайшем кризисе экономикой, с неопределившейся геополитической стратегией, с объективно большим потенциалом экономического развития. Возможности реализации этого потенциала зависят от сложнейших и динамичных комбинаций внутри- и внегосударственных политических и экономических факторов. Преобладающие в России политические заявления о том, что «мы богатая ресурсами страна, и мы великий народ» и «России только поэтому уготована великая роль в мире», не обоснованы анализом вышеназванных комбинаций и, следовательно, пока являются иллюзией.

Геополитическая ситуация в мире в целом отличается большой неопределенностью. Новое глобальное относительно устойчивое равновесное состояние вырабатывается в обстановке крайне неравномерного социально-экономического развития стран, крайне неравномерного распределения потребительских благ, нарастающего глобального природно-ресурсного и экологического кризиса.

Становятся заметными несколько основных тенденций, из которых выделим следующие:

- формирование на суше Северного полушария сплошного пояса широтного простираения, с европейскими типами культуры и уровнем потребления, с единой военно-политической ролью в мире;
- демографические потоки в североамериканскую и западноевропейскую части этого пояса из отставших по социально-экономическим параметрам стран Африки, Южной Азии, Южной Америки;
- распространение экономического влияния "молодых" экономических восточно-азиатских гигантов с формированием меридионального простираения пояса вдоль притихоокеанской части Азии. Дальний Восток России находится на возможном пересечении вышеназванных поясов, которые условно можно назвать "европеоидным" и "восточно-азиатским".

На таком, очень кратко описанном геополитическом фоне варианты региональной стратегии экономического развития Дальнего Востока России складываются противоречиво. Россия, например,

циональны (вплоть до категорических, безальтернативных – «допустим» и «недопустим») те или иные сочетания видов деятельности, те или иные режимы природопользования и т.п. Одним из наиболее продуктивных методов анализа воздействий рассматриваемого объекта – анализ характера функционирования естественных и антропогенных потоков вещества и энергии, которые определяют границы относительно целостных природных и природно-общественных систем.

Практика разработки проектов конкретных объектов и рассмотрения их в экспертных процедурах в Камчатской области (судя по разрозненным данным – не только в Камчатской области) развивается пока не в полном соответствии с теорией. Оцениваются, как правило, воздействия на отдельные компоненты природной и общественной среды, находящиеся в непосредственной близости от источника воздействий. И, как правило, оцениваются отдельные последствия в пределах прямого воздействия (механические повреждения, сбросы и выбросы, твердые отходы, границы шумового, теплового воздействия и т.п.); как правило, не затрагивая ни комплексные, ни отдаленные во времени и пространстве косвенные последствия этих воздействий.

Так, вопросы, связанные с созданием и функционированием золотодобывающих горнопромышленных предприятий в Срединном Камчатском хребте (условно между перевалом р.р. Кирганик-Ича и урочищем Кеккук), до последнего времени рассматривались раздельно по месторождениям. Отдельно и на разных стадиях выполнялись разработки по месторождениям Агинскому, Бараньевскому, Балхач, Золотому. В этой же зоне известны и предварительно оценивались на возможность освоения месторождения и рудопроявления Оганчинское, Сухариковские гребни, Сергеевское. В пространственных пределах этой зоны проживают эвены, относящиеся к малочисленным коренным народам Севера, ведущие традиционное хозяйство (оленоводство, охота и др.). В этой зоне организован Быстринский природный парк, в котором, в режиме особо охраняемой природной территории, обеспечивается сохранение типичных ландшафтов Срединного Камчатского хребта в Центральной Камчатке. В этой зоне формируются геохимические потоки вещества, определяющие гидрологические, геохимические, другие условия функционирования экологических систем в бассейнах рек, тяготеющих к Охотскому морю и бассейну р. Камчатка, ключевым звеном которых является воспроизводство популяций лососей. Очевидно, что добыча золота в этом районе неизбежно проявится во

действия на окружающую среду (ОВОС), которые законодательно включены в состав обязательных процедур при разработке, согласовании, контроле, мониторинге конкретных проявлений человеческой деятельности и обеспечены «Методическими рекомендациями», правовым образом утвержденными на федеральном уровне.

В качестве важнейших требований при разработке ОВОС предусматривается, например, вариантность предлагаемой деятельности, с рассмотрением и т.н. «нулевого варианта». Этот вариант предусматривает запрещение развития или создания отдельных отраслей или предприятий в тех случаях, когда последствия их создания и функционирования могут быть разрушительными для природных, социальных, экономических систем. Метод предварительной эколого-экономической оценки предполагаемой деятельности позволяет путем ограничения или запрещения разрушающих видов деятельности на предварительной стадии не допускать нерациональных затрат общественного труда сначала на создание конкретного предприятия, а затем – на ликвидацию, нейтрализацию, предотвращение негативных экономических, социальных, экологических последствий их деятельности. Характер последующих решений, например: замены технологий, выноса за пределы региона недопустимых технологических операций, применения дополнительных методов очистки и т.д., и т.п. – будет определяться новыми эколого-экономическими оценками вновь представленных материалов.

Определение приоритетов и разработка комплексных эколого-экономических оценок как методы отличаются обязательным сочетанием теоретических и методических положений многих отраслей знания. Но, в любом случае, они по определению могут быть эффективными, только если применяются не абстрактно, а для анализа социально-экономических комплексов, существующих, развивающихся, формирующихся в определенном географическом пространстве. Выявление пределов этого пространства осуществляется на основе определения ареалов прямого и косвенного, непосредственного и опосредованного, практически мгновенного и отдаленного во времени, накапливающегося или нейтрализующегося и т.п. воздействия планируемого объекта (предприятия, вида деятельности и т.п.) на региональную природно-общественную систему в целом; на составляющие ее экологические, экономические, социальные, демографические системы; на составляющие эти системы компоненты. Методы эколого-экономических оценок и определения приоритетов дополняются методами зонирования определенно-го таким образом пространства на участки, где более или менее ра-

может сохранить евро-азиатскую сущность, но может войти и в мир европейский или евро-североамериканский. Она может углубиться в сырьевую экономическую специализацию, но может попытаться построить экономику с высоким научно-технологическим уровнем обрабатывающей промышленности. Она может жестко и произвольно централизовать управление внешнеэкономическими связями регионов (сохранится ли при этом декоративное сопровождение декларациями экономических свобод – вопрос не гео-, а внутриполитический) или правовым образом обеспечить для регионов устойчивый во времени дифференцированный порядок интеграции в мировой рынок.

Из возможных вариантов экономического развития Дальнего Востока России назовем основные:

- остаться провинцией, полностью подчиненной интересам метрополии. В этом случае экономическое развитие Дальнего Востока определяющим образом зависит от состояния экономики в обжитых районах России; внешнеэкономические контакты ограничены;

- Дальний Восток в целом или по отдельным регионам, спонтанно или регулируемо российской стороной, попадает в зону экономического влияния преимущественно одного из экономически мощных соседствующих государств. Здесь возможны подварианты разной степени сложности. Один из них обсуждается в настоящее время: Приморский и Хабаровский край и Сахалинская область входят в зону преимущественного экономического влияния Японии; Магаданская и Камчатская области, Корякский и Чукотский автономные округа – в зону преимущественного экономического влияния США; Амурская область – в зону влияния Китая; Якутия (Саха) – зона влияния не определена;

- российская сторона целенаправленно маневрирует в выборе иностранных экономических субъектов для инвестиционного участия в реализации общегосударственной и региональных стратегий развития. Теоретически это наиболее рациональный вариант. Но для его осуществления необходима система управления с труднодостижимыми свойствами.

Любая геополитическая (и даже внутривосточная!) стратегия, принятая в настоящее время Россией, будет реализовываться во взаимодействии с геополитическими стратегиями других стран, в определенной степени подчиняющимися ей, которые могут не совпадать и даже противоречить как российской, так и между собой. При мудром и волевом (определения кажутся не научными, но достаточно точно описывают необходимые условия) управлении могут быть использованы конкурентные противоречивые отношения ме-

жду потенциальными инвесторами, даже с учетом того, что эти инвесторы могут договориться между собой о разделе территориальных и отраслевых зон влияния. Без такого управления при интеграции в мировой рынок велика вероятность большего или меньшего подчинения российской политике интересам не только реальных, но и потенциальных инвесторов.

Названные геополитические особенности обуславливают широкий разброс вариантов экономического развития Дальнего Востока. При этом важно выделить некоторые общие условия, необходимые для построения системы финансового и кредитного обеспечения.

1. В настоящее время Дальний Восток не готов к эффективному самостоятельному широкомасштабному вхождению в сложный комплекс, который представляет собой мировой рынок. В частности, он не имеет соответствующей этой задаче финансово-кредитной системы с достаточными финансовыми ресурсами, опытом, технической и кадровой подготовкой. В этих условиях построение и функционирование системы финансово-кредитного обеспечения экономического развития Дальнего Востока должно быть управляемым из единого органа, действующего как общерегиональный регулятор, координатор, организатор внутри- и внерегиональных, включая межгосударственные, финансово-кредитных интересов. Функции этого органа должны быть ограниченными и достаточно гибкими, чтобы не связывать разумную и законную инициативу экономических субъектов. Возможно, эти функции следует сосредоточить в сферах обеспечения соблюдения в банковской системе положений общегосударственной и региональной политики, аккумуляции и перераспределения финансовых средств, выстраивания банковской системы, адекватной экономическим задачам региона; подготовки и переподготовки кадров, развития систем инфраструктурного и информационного обеспечения.

2. Поскольку названный управляющий орган должен обеспечивать выполнение региональных задач, наиболее целесообразно его размещение в регионе, в живом, а не формальном сосредоточении региональных интересов. Поручение функций такого органа неким подразделениям, расположенным в федеральном центре, представляется недопустимым не столько вследствие территориальной отдаленности, что также важно, сколько из-за неизбежного подчинения его деятельности столичным, а не региональным интересам. По практике других стран, где есть задачи, связанные с обеспечением развития специфичных регионов, таким органом мог бы быть Государственный банк развития Дальнего Востока. Со временем, по мере формирования устойчивой региональной экономики, решения

копаемых, в каких бы природных условиях они ни располагались и какими бы последствиями для экологических и социально-экономических систем их освоение не сопровождалось.

Между тем, ни одно из достоверно известных месторождений полезных ископаемых Камчатки, по которым запасы защищены в ГКЗ или разведаны настолько, что есть основания утверждать о их балансовых запасах или прогнозных ресурсах, не относится к уникальным, выдающимся, большим, заметным в оценках минерально-сырьевого потенциала России и мира. На мировом рынке месторождения Камчатки вызывают частный, временный, конъюнктурный интерес у, как правило, мелких участников этого рынка. На мировой карте географии горной промышленности Камчатка малозаметна [5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 19, 23, 24, 25]. Это обстоятельство не позволяет ожидать от создаваемой на базе освоения этих месторождений отрасли, устойчивой долгосрочной основы для формирования регионального социально-экономического комплекса. Следовательно, эта отрасль хозяйства Камчатской области сомнительна как кандидат на представление ей статуса приоритетной в общегосударственном и региональном масштабе.

Для установления возможности развития отдельных отраслей или предприятий в относительно целостных природных системах, где представлены сложившиеся и возможные в перспективе комплексы общественных интересов, необходимо проводить комплексные эколого-экономические оценки всех предлагаемых вариантов природопользования в регионе.

Теоретически такие оценки позволят сопоставить в обозримой динамике полную совокупность региональных общественных и частных доходов и преимуществ от возможных сочетаний существующих и предполагаемых видов хозяйственной деятельности, с полной совокупностью региональных общественных и частных экономических, социальных и экологических потерь как последствий этой деятельности. Анализ оценок позволит выявить наиболее рациональное сочетание видов хозяйственной деятельности в регионе, с приоритетами одного или нескольких из них, и с ограничивающими условиями для развития остальных.

Практическое, достаточно полно обоснованное методическое обеспечение проведения таких оценок пока не выработано, что объясняется новизной проблематики и недавностью постановки задач по разработке таких методик. Наиболее разработаны и распространены в практической деятельности методические подходы к разработке эколого-экономических оценок при составлении Оценок воз-

Однако, до последнего времени органы государственной власти, в основном федерального уровня, определяющие почти все вопросы развития отраслей специализации на Камчатке, принимают решения, исходя из кратковременных частных интересов. В Камчатской области на региональном уровне утвержден экономический приоритет рыбного хозяйства, а в природопользовании – приоритет сохранения и увеличения естественного воспроизводства водных биологических ресурсов и среды их обитания, воспроизводства, миграций и т.п. При общественной необходимости внедрения других приоритетов – например, приоритета горной и нефтегазодобывающей промышленности – надо принимать соответствующее правовое решение. Если федеральный уровень власти считает нужным не согласиться с приоритетом, установленным регионом, он должен официально, правовым образом отменить его и установить новый, обнаружив при этом надведомственно, научно разработанные обоснования.

Но недопустимо позволять отдельным ведомствам и предприятиям явочным порядком проводить свои, частные приоритеты, преобразующие характер регионального природопользования, которое является деятельностью общественной, а не частной.

Результатом явочных, не имеющих надведомственных, научных обоснований разрозненных действий по освоению отдельных месторождений полезных ископаемых в Камчатском регионе оказались неоднократные конфликтные ситуации, связанные с нарушением приоритетов рыбного хозяйства и охраны природной среды. Таковы ситуации с фактическим продавливанием решений об освоении нефтегазовых месторождений в наиболее биопродуктивных районах Западно-Камчатского шельфа [23, 24].

Таковы ситуации с разрозненно решаемыми вопросами о разведке и эксплуатации газовых месторождений на Западной Камчатке; о выборе трасс газопровода и автомобильных дорог; о разработке Шанучского медно-никелевого месторождения; о разработке Крутогоровского месторождения каменного угля и т.д. В реальности же эти вопросы взаимосвязаны, поскольку радикально изменяют тип природопользования в Западно-Камчатской субрегиональной природо-общественной системе с рыбохозяйственного на горнопромышленный.

Таковы ситуации, которые неизбежно возникнут во множестве частных случаев как следствие массовой раздачи потенциальным недропользователям лицензий на изучение и освоение всех обнаруженных на Камчатке месторождений и проявлений полезных ис-

геополитических задач интеграции страны и региона в мировой рынок, построения надежной региональной финансово-кредитной системы, - необходимость в таком органе может отпасть и он может быть функционально преобразован.

3. Необходимо, чтобы построение системы банков Дальнего Востока было диверсифицированным не только адекватно специфическому разнообразию сочетающихся с общегосударственной стратегией региональных задач, но и в соответствии с территориальной социально-экономической структурой Дальнего Востока. В 1990-е годы стало еще более очевидным, что субъекты Федерации, включаемые в понятие Дальний Восток, пока не составляют экономического целого. Наряду с интегрирующими, здесь действуют иногда превосходящие их по силе дезинтегрирующие факторы. Субъекты Федерации экономически развиваются по разным, иногда далеко расходящимся траекториям, различающимся подходами к формированию населения и трудовых ресурсов, отраслевой структурой хозяйства, ориентацией внешнеэкономических связей и т.п. В единой для государства политике экономического развития Дальнего Востока должно быть не только учтено, а обеспечено соблюдение объективно обусловленной субрегиональной дифференциации интересов, целей, задач.

4. При широкомасштабной интеграции в мировой рынок неизбежен прессинг со стороны значительно превосходящих по возможностям иностранных финансовых структур. Выбор варианта взаимодействия с ними будет зависеть от конкретных обстоятельств. Представляется целесообразным рассмотреть возможность открытия на Дальнем Востоке филиалов иностранных банков. Перспективность этого варианта весьма вероятна. Известные опасения могут быть нейтрализованы не менее известными в международной практике методами. Проблема состоит в способности российских органов управления эффективно использовать эти методы.

Банки. Регулирование. Ликвидность: Материалы III Международ. банковского конгресса стран АТР. – Владивосток: Дальнаука, 1996.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖСТРАНОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ (КРАТКИЙ АНАЛИЗ)

Вопросы взаимодействия народов и государств на Северо-

Востоке Азии и Севере Тихого океана чаще всего рассматриваются для построения оперативных межгосударственных отношений, на основе оценки ближайшей исторической практики дипломатических и иных отношений.

Представляется важным, однако, при построении динамично развивающихся межгосударственных взаимодействий, анализировать более глубокую историческую ретроспективу отношений между странами и этносами, прогнозировать отдаленное во времени развитие факторов, определяющих характер таких отношений.

В рассматриваемом регионе, начиная с XVII века, развитие социально-экономических взаимодействий в целом определялось характером контактов четырех крупнейших суперэтносов: китайского, японского, российского, европеоидного североамериканского [1, 4, 3, 5].

Развитие малочисленных, дисперсно расселенных народов в этих регионах подчинялось логике развития и взаимодействий этих суперэтносов, организованных в государственные образования.

Скорость и масштабы общественно-формационных изменений, формирования производительных сил и производственных отношений, развития технической и технологической вооруженности, динамики общественно-политического устройства, оказывают существенное влияние на характер взаимоотношений между суперэтнами. От них зависит «сила» или «слабость» отдельных стран в экономическом, политическом и военном отношениях.

Одна из особенностей развития взаимодействий между сторонами в рассматриваемом регионе состоит в волнообразности отношения государственных властей к значению тех или иных зон Северо-Востока Азии для развития своих суперэтносов. Вероятна связь изменчивости таких оценок с неравномерностью развития отдельных сторон.

В развитии Японии, например, можно выделить переход от длительного периода международного самоизоляции и консервации общественного развития, через революции Мейдзи, к стремительному развитию капитализма со второй половины XIX века на основе технологий, активно заимствуемых у европейских стран. На этой базе изменяется характер международных взаимодействий Японии. Из подчеркнуто-замкнутых они преобразовались в агрессивные, вооруженные, с захватом территорий сопредельных стран и завершились разгромным поражением во второй мировой войне. После этого наступил период резкого отказа от милитаризации страны, частично компенсируемого культивированием воспомина-

соблюдение приоритетов «устойчивого развития».

Для Камчатской области (края) это методическое положение является принципиально важным. Ее хозяйство исторически сложилось и до последнего времени развивается как имеющее моноотраслевую, рыбохозяйственную экономическую специализацию в межрегиональном, внутригосударственном, межгосударственном разделении труда. Рыбное хозяйство объективно связано с необходимостью сохранения природной среды, обеспечивающей воспроизводство природно-ресурсной базы рыбного хозяйства. Происходящее в 1990 годы разрушение этой базы самим рыбным хозяйством имеет субъективные причины, корнящиеся в нерациональном государственном управлении развитием отрасли.

Многовековой практикой человечества выявлено объективное, непреодолимое для реального современного уровня технологического развития противоречие между развитием отраслей хозяйства, ориентированных на освоение минерально-сырьевых природных ресурсов и биологических, в особенности водных биологических ресурсов. Объективная природа этого противоречия обусловлена спецификой движения вещества и энергии в биосфере Земли, в субглобальных, региональных, локальных экологических системах, в которых воспроизводится и развивается живое вещество. Противоречие это не вечно и не означает, что одна отрасль – хороша, а другая – плоха. Возможно, что это противоречие будет сглажено и даже преодолено на другой фазе технологического обеспечения развития человечества. Но в настоящее время это противоречие реально существует и, во избежание неисправимых последствий, требует трезвого учета, не подверженного эйфорическим или корыстным, а потому психологически неуровновешенным ведомственным влияниям.

Описанное противоречие в начале 2000-х годов в острых материально проявляющихся формах сказывается на развитии природно-общественных систем Камчатки и прилегающих морей. В этом регионе страны такое противоречие затрагивает интересы не только двух отраслей: рыбохозяйственной и горнопромышленной. Это противоречие затрагивает не только интересы регионального развития, но долгосрочные, исторические интересы страны в целом, в сферах, например, продовольственной, оборонной, энергетической, экологической, геополитической, других видов государственной безопасности. Совместить эти интересы невозможно на случайной основе, регулируемой многочисленными частными ведомственными, неизбежно конъюнктурными интересами.

общих и конкретных процессов. К таким принципам относятся: конституционность и законность; комплексность и системность; научность и рациональность; сочетание общегосударственных и региональных интересов и др. Сами по себе эти принципы, как показывает практика, обеспечивают декларативную рациональность намерений. Но, без более конкретных и не менее принципиальных механизмов, обеспечивающих реализацию обобщенных принципов эти общие принципы, как правило, оказываются нереализованными под давлением частных, конъюнктурных, временных, но достаточно сильных частных интересов субъектов, которым выгодно, удобно неконституционное, незаконное, несистемное, некомплексное и т.д., и т.п. Это соответствует одному из важнейших правил управления: принципы не реализуются сами, для их реализации необходимы соответствующим образом ориентированные механизмы управления.

К дополняющим общие принципы развития (и управление развитием) таких крупных общественных региональных подразделений, как горнопромышленный комплекс, могут быть применены следующие выработанные практикой и научно обоснованные принципиально необходимые методические подходы.

Принятию стратегических правовых и хозяйственных решений о развитии отдельных отраслей хозяйства, межотраслевых комплексов, крупных районообразующих предприятий должно предшествовать установление общественно значимых межотраслевых приоритетов. Устанавливать их следует не на основе давления отдельных социально-экономических групп, представляющих интересы конъюнктурно экономически «сильных» отраслей. Установление общественно значимых приоритетов необходимо на основе объективного, надведомственного, научного анализа, с использованием демократических механизмов общественного обсуждения, с учетом не отдельных отраслевых, а комплексных, межотраслевых, долгосрочных общегосударственных и региональных интересов.

Мировым сообществом декларировано «устойчивое развитие» как основное направление, обеспечивающее прогрессирующее, а не регрессивное развитие человечества в целом. Российскими органами государственной власти оно декларировано как одна из важнейших стратегических целей развития России. Эти декларации могут быть реализованы на уровне отдельных государств, только если органы общей государственной, а не отраслевой и ведомственной компетенции, установят и будут обеспечивать целенаправленное функционирование управленческих механизмов, обеспечивающих

ний о недавнем могуществе, а также претензиями на остатки некогда больших островных владений на Северо-Востоке Азии. Нация сосредоточилась на интенсивном развитии экономики, ориентированном на наукоемкое, высокотехнологичное производство; на завоевании своей продукцией заметных и устойчивых позиций на мировом рынке. Экономические успехи позволили Японии войти в число наиболее развитых и влиятельных стран мира, определяющих развитие мировой экономики конца XX века и многие политические решения в отношении развивающихся, относительно «слабых» стран. Это позволяет Японии поддерживать уверенные, иногда жесткие позиции в дипломатических и экономических взаимодействиях с сопредельными странами на Северо-Востоке Азии и проводить устойчивую политику на формирование и расширение всесторонних международных экономических и культурных связей. Из истории XVII - XX вв. у Японии сохранились спорные ситуации о принадлежности островов в окружающих морских и океанических акваториях [2, 8].

Волнообразность характерна и для государственного отношения России к обеспечению своих политических и социально-экономических позиций на Северо-Востоке Азии, куда российский суперэтнос вышел в середине XVII в. в результате «землепроходческого» движения по Сибири. Территории, исторически занятые российским суперэтном на Северо-Востоке Азии, получили название Дальний Восток России (затем – СССР и снова России). В XVIII в. Российский суперэтнос хозяйственно и политически освоил север Тихого океана, острова, Аляску.

На этих территориях постоянно проживали и продолжают проживать в настоящее время народы, которые вели племенной образ жизни. В современной классификации их относят к циркумполярным народам, малочисленным народам Севера, native peoples.

Эти процессы соответствовали распространенным в ту эпоху на Земном шаре правилам межстрановых взаимодействий в процессе колониального раздела мира «между» сильнейшими державами, закончившегося, в основном, к концу XIX века.

Не останавливаясь на подробном анализе периода от середины XVII до начала XXI века, обратим внимание на следующие проявления неравномерности развития России и ее геополитических соседей. В период «слабости» китайского государства Россия более интенсивно осваивала граничные с ним территории по реке Амур. В периоды усиления китайского государства в XVII и XVIII веках оно восстанавливало свое влияние на часть территорий. В середине XIX

века государственно-политическое распределение территорий на стыке ареалов распространения российского и китайского суперэтносов стабилизировалось, зафиксировав соотношение «сил» государств, организовавших развитие этих суперэтносов.

С начала XX века на этих территориях наступил период развития социально-экономических взаимодействий, определяемый обстоятельствами, связанными с мировыми войнами. Сложился иногда прерываемый, но, в целом, регулярный товарный, культурный и научно-технический обмен, небольшой по сравнению с социально-экономическим потенциалом обеих стран. Существенное влияние на характер этих взаимодействий в течение почти всего XX века оказывали чередования сходств и различий идеологических воззрений. В середине XX века в течение нескольких десятков лет происходило резкое усиление социально-экономических культурных связей, резко ослабевших к концу века и начавших восстанавливаться на других идеологических и политических позициях.

В первой половине XVIII века, под воздействием мощных импульсов гениального государственного мышления Петра I, Россия организовала серию морских экспедиций на севере Тихого океана. Задача – открытие неизвестных европейцам «новых земель» и освоения новых торговых путей в известные европейцам районы Юга и Юго-Востока Азии. В середине XVIII века Россия, занятая решением государственных задач в Европе и Причерноморье, ослабила внимание к освоению Дальнего Востока. С конца XVIII века до середины XIX века, в новых исторических условиях, когда на севере Тихого океана участились появления экспедиций европейских стран, Российское государство интенсивно развивало освоение Камчатки, Аляски, других районов на Азиатском побережье севера Тихого океана, в Приамурье и Приморье. Во второй половине XIX века Россия, ослабленная в Крымской войне и постоянно отстающая в капиталистическом развитии, начавшая внутренние реформы, ключевым звеном которых была отмена крепостного права, ослабила внимание к освоению Севера Дальнего Востока. Были проданы экономически агрессивно развивающимся США американские материковые и островные владения на севере Тихого океана; переданы Японии Курильские острова. Россия сосредоточила внимание на хозяйственном, демографическом, инфраструктурном, военном освоении южных регионов Дальнего Востока. Оценив после поражения в русско-японской войне возможность не только ослабления своего влияния, но и полной потери территорий на Северо-Востоке Азии, Российское правительство стало принимать некоторые, хотя

Камчатской области и Корякского автономного округа, в период примерно с 1993 по 2007 годы.

3) В территориальных границах Камчатской области, складывавшейся с 1923 г. по 1991 г. и формализовано организовавшей в 1956г., в пространственных пределах которой, включая прилегающие морские акватории, сложился современный, научно-технически насыщенный, внутренне неразрывно связанный социально-экономический организм (территориально-производственный комплекс), отдельные элементы которого сохранили взаимоувязанное функционирование до 2007г.

4) В территориальных границах Камчатского края, который создается в период с 2005г. по 2007г. в пространственных пределах Камчатской области, существовавшей до периода 1991-1993 гг. Объективно обусловленная цель создания Камчатского края – восстановить условия для организации и рационального функционирования в новых общественных условиях относительно целостного регионального социально-экономического организма на основе техногенных, системных и социально-экономических компонентов, сохранившихся в процессах общественных катаклизмов, преобразующих общественный строй в России и на Камчатке в 1990-е годы и начале 2000-х годов.

В этом разделе статьи затронуты два блока вопросов. **Один** – общая проблематика развития горной промышленности в пределах Камчатского края в направлении формирования социально и экономически эффективного и экологически рационального горнопромышленного комплекса как составной части общего регионального социально-экономического (народнохозяйственного, территориально-производственного) комплекса, все подразделения которого должны функционировать взаимоувязанно, в соответствии с объективно определенными приоритетами и стратегически определенными общегосударственными и региональными интересами, в соответствии с объективными закономерностями развития устойчивых региональных общественных систем.

Второй – некоторые конкретные проблемы развития отдельных крупных объектов, или совокупностей объектов горной промышленности в отдельных субрегиональных и локальных социально-экономических узлах, по которым имеется информация, достаточная для определенных выводов.

Общая проблематика развития горной промышленности на Камчатке определяется не только абстрактно-обобщенными принципами, в целом определяющими направленность развития всех менее

относительно высоких или низких темпах роста или спада экономики региона. Развитие этого блока определяется полностью возможностями финансирования из внутрирегиональных (например, бюджет) или внерегиональных источников. Это не требует привлечения сложной информации о состоянии мировых рынков, о геополитических и геоэкономических тенденциях и т.п. Оно оценивается, в основном, на базе оценки достаточно легко доступных оперативных данных о состоянии конъюнктурных факторов внутрирегионального значения с привлечением анализа стереотипных инструментов. Таковы: объем и сроки окупаемости капиталовложений, издержки производства, характер взаимоотношений в сферах налогообложения и бюджетонастроения, норма прибыли и т.п.

В связи с этим, не останавливаясь на анализе таких оперативных данных, разных для каждого конкретного объекта в каждом конкретном отрезке времени.

Рассмотрим общую проблематику формирования в Камчатской области горной промышленности как вариантно развивающегося межотраслевого комплекса. Если развитие событий в России и на Камчатке приведет к возникновению и развитию в Камчатской области горной промышленности, то этот процесс может проходить и более, и менее рационально. Формирующаяся отрасль как новое, сложное и крупномасштабное подразделение в социально-экономическом организме региона может встроиться в него, образно говоря, как разрушающая раковая опухоль, а может объединиться с ним, составив его гармонично развивающуюся часть, способствующую его общему устойчивому развитию в экономическом, социальном, экологическом отношениях.

Остановимся на анализе вопросов, касающихся определения места, роли, особенностей горнопромышленного производства и специфических, обеспечивающих его отраслей хозяйства, в рамках функционально-планировочно организованной совокупности социально-экономических структур в определенном географическом пространстве. Есть формальные основания рассматривать этот феномен, как минимум, в четырех пространственных и содержательных вариантах.

1) В пределах Камчатской области как реально самоуправяемого субъекта Российской Федерации в период примерно с 1993 по 2007 годы.

2) В рамках Камчатской области как определенного Конституцией РФ 1993 года субъекта Федерации, состоящего из двух территориально разделенных и самоуправяемых субъектов Федерации,

и несомасштабные проблемам, меры к закреплению своей государственности в этих районах. После утверждения на Российском Дальнем Востоке советской власти, государство резко повысило оценку значения Дальневосточных регионов для развития СССР. В 1920 – 1980 гг. значительно увеличилась численность населения, в особенности в северных регионах; были развиты горнодобывающая и металлургическая промышленность, рыбное и сельское хозяйство, лесная промышленность, транспорт и связь, машиностроение, легкая и пищевая промышленность, научно-исследовательские центры, высшие и средние учебные заведения; созданы организации и предприятия для подготовки к освоению Мирового океана; создан значительный военный потенциал [1, 7].

В 1990-е годы произошло очередное резкое изменение отношения Российского государства к значению Дальнего Востока для развития страны в целом. Редкие заявления отдельных государственных деятелей о высокой оценке этого значения резко контрастируют с реальными последствиями управленческих действий государства в демографической, социальной, общеэкономической, финансовой, оборонной, энергетической, транспортной, природно-ресурсной, других сферах. Эти последствия в течение последних 15 лет последовательно разрушительны, доказывают очевидность снижения у реально управляющих Россией социальных групп оценки значения Дальнего Востока для России и внимания к его развитию. В качестве наиболее доказательных примеров этой тенденции в сфере управления пограничными взаимодействиями, можно привести длительную серию реальных действий: серию передач, или попыток передач, или идеологической подготовки к передаче другим государствам участков акваторий и территорий, права пользования отдельными видами природных ресурсов. Таковы ситуации с «упорядочением» границ в Беринговом море («линия Шеварднадзе»); допуск бесконтрольного международного разрушительного для рыбных популяций промысла рыбы в центре Охотского моря; передача, в форме упорядочения демаркационных пограничных линий, территорий в районе р. Туманган (р. Туманной), оз. Хасан, р. Амур в период с 1989 по 2005 гг.; длительное публичное обсуждение условий передачи Южных Курильских островов; соглашения о разделе продукции при освоении нефтяных месторождений на шельфе острова Сахалин; льготный режим допуска иностранных государств к рыбному промыслу в Российских водах и т.п.

Одна из форм проявления недооценки Дальнего Востока федеральными органами государственной власти и управления Россий-

ской Федерации – недостаточность финансового обеспечения его развития.

Так, общие объемы финансирования федеральных целевых Программ развития республики Татарстан и Дальнего Востока и Забайкалья составляют около 380 млрд. руб. каждый. В федеральном бюджете на 2005 год для реализации Программы развития Татарстана выделено 9,9 млрд. руб., а Программы Дальнего Востока и Забайкалья – 0,9 млрд. руб., то есть около 150 рублей на один кв.километр или на одного человека.

Насколько длителен и глубок будет период спада внимания государственных механизмов, управляющих очевидно ослабевшим в конце XX - начале XXI вв. российским суперэтнотом, покажет время. Пока основной реальный экономический интерес федерального уровня государственной власти России, выраженный в вышеназванной Программе, ориентирован на два основных крупномасштабных направления. Одно – использование возможности создания на юге Дальнего Востока магистральных железнодорожных, автомобильных, трубопроводных транспортных коридоров Европа - Сибирь - Восточная Азия. Другое связано с надеждами на наличие и возможности крупномасштабного освоения углеводородных месторождений на Дальневосточном шельфе. Такая ориентация не позволяет ожидать исторически устойчивого хозяйственного освоения всех 6 млн. кв.км. территории Дальневосточного экономического района.

Воспользуются ли этой ситуацией соседствующие с Россией на Северо-Востоке Азии суперэтнотомы, находящиеся в восходящей фазе развития? Сумеет ли российский суперэтнотом сохранить все или отдельные районы Дальнего Востока в ареале своего распространения? Сумеет ли он для этого сменить «правлящую элиту», или изменить её геополитические и внутривластные приоритеты; или эта элита и эти приоритеты сохранят свои позиции – покажет время [2, 5, 6, 7, 9].

Масштабы и формы возможных процессов перераспределения геополитических сил и взаимодействий на Северо-Востоке Азии в начале XXI века будут зависеть не только от соотношения «сил» и «слабостей» суперэтнотомов, развивающихся в этой субглобальной зоне.

В формировании этих процессов проявится действие многих других факторов, от общенациональных и глобальных до частных, кажущихся малозначительными.

Так, важное значение имеет то обстоятельство, что скорость ис-

Приведенные данные об углеводородах в большой степени условны вследствие слабой геологической изученности недр и относительно неполной систематизации и оценки данных. Категоричные выводы на их основе делать, очевидно, некорректно.

Однако задаться на общегосударственном уровне вопросом о комплексном учете всей совокупности стратегических вопросов об энергетической, продовольственной, экологической, экономической, геополитической безопасности страны; о рациональной региональной, социальной, демографической политике, представляется необходимым. Комплексную, системную, научнообоснованную оценку всей этой совокупности должны обеспечить не отдельные ведомства: геологоразведочное, горнопромышленное, нефтедобывающее, сельскохозяйственное (рыбное хозяйство), природоохранное и т.д., и т.п. Роль отдельных ведомств в решении названной проблематики состоит в добросовестном предоставлении полного и качественного набора данных.

Обеспечивать комплексную оценку, принимать решение и нести за него ответственность должен надведомственный орган власти общегосударственного значения, полномочный во всей полноте представлять и защищать всю совокупность долгосрочных национальных интересов. Государство, в лице высших органов власти, имеет право, опираясь на такую оценку, принять решение о промысле нефти в Охотском и Беринговом морях, где оно пока еще распоряжается более, чем половиной морских водных биологических ресурсов страны и около 2,0-2,5 % ее ресурсов нефти и газа. Но оно должно иметь представление обо всей совокупности возможных разрушительных экономических, социальных, экологических последствий своего решения и предусмотреть ресурсное и организационное обеспечение для их предотвращения и нейтрализации. Государство как система власти, не доверяя решение этого вопроса, затрагивающее важнейшие национальные интересы, отдельным функциональным ведомствам, должно нести историческую ответственность за его последствия перед страной в целом, перед следующими за нами поколениями.

Относительно полно рассмотрев возможности развития отдельных, обсуждающихся как наиболее реальные, компонентов блока внерегионального значения в составе горнопромышленного комплекса Камчатки, мы не будем столь же полно оценивать возможности развития блока внутрирегионального значения. Его развитие зависит не столько от характера потребностей в его продукции при

экономических, социальных и экологических последствий.

За этот период, с 1991 по 2006 год, под воздействием нерегулируемого рыболовства, значительную роль в котором играет развившееся за этот же период в регионе крупномасштабное международноорганизованное браконьерство, воспроизводственный потенциал водных биологических ресурсов Дальнего Востока уменьшился почти в 2,5 раза. Сахалинских рыболовных судов, браконьерствовавших в пока еще относительно сохранившем водные биологические ресурсы западно-камчатском районе Охотского моря, задерживали в периоды путины по пять в сутки. Это косвенно подтверждало вышеприведенный эмоциональный прогноз губернатора Камчатской области.

За этот же период вопросы о необходимости комплексной надведомственной стратегической оценки складывающейся ситуации ставились перед федеральными органами власти не один раз, но не получали конструктивных ответов. Эти вопросы так и остаются научно не исследованными и не обсужденными с позицией общественных интересов.

По состоянию на 2005 год [23, 24], из всех суммарных природных ресурсов углеводородов России на континентальный шельф ее морей приходилось по нефти – 12,4 %; по газу – 32,1 % [23].

При пересчете на шельфы отдельных морей [7], можно получить представление об их доле в суммарных запасах России для определения значения этих запасов в совокупности природноресурсных, социально-экономических, экологических, геополитических, других вопросов (таб. № 2).

Таблица 2

Ресурсы углеводородов на шельфе отдельных морей в общих суммарных ресурсах углеводородов России, в %
[по Гранберг 12-2000, 23, 24]

Моря	Нефть	Газ	Примечание. Доля в общих российских промысловых запасах водных биологических ресурсов, в %
«Баренцево-Печорское» море	3,5	12	~5
Берингово море	0,4	0,3	~25
Карское море	3,5	17	0
Охотское море (включая шельф о. Сахалин)	2,0	2,5	~35

торических процессов в XXI веке несомненно выше, чем скорость исторических процессов в XVIII - XIX веках. В частности, это связано с многократным увеличением возможностей, предоставленных производительными силами, развившимися к XXI веку в результате научно-технического прогресса.

Возможно, также определяющее влияние на отношения между государствами оказывает изменение за эти века стереотипов международных взаимодействий. В XVIII - XIX веках происходил политический раздел мира между европейскими странами и становление колониальной системы, преимущественно методами вооруженного насилия, часто крайне жестокого. В первой половине XX века человечество прошло жесточайшие, разрушительные, доказавшие свою бесперспективность процессы политического вооруженного передела мира. Вторая половина XX века прошла в усвоении жесточайших уроков построения международных взаимоотношений в предшествующем периоде и в попытках выработки взаимодействий на основе иных, преимущественно не силовых социально-экономических подходов.

Не углубляясь в подробное рассмотрение всех теоретических обоснований и практических попыток совершенствования международных взаимодействий, можно назвать некоторые из них. Например, известны описывающие отдельные стороны реальных общественных процессов второй половины XX века теоретические разработки о «мирном сосуществовании двух систем», «цивилизационных войнах», «конвергенции», «общем благоденствии», «холодной войне», «разрядке», «неоколониализме», «третьем мире», «общем достоянии человечества», «локальных войнах», «устойчивом развитии», «глобализации», «однополярном, биполярном, многополярном мире» и т.д., и т.п.

Известны системы международных организаций, при помощи которых, в более или менее общих или частных интересах, отстраиваются и используются международные правовые и экономические механизмы межгосударственных взаимодействий. Например, глобальные организации: ООН и ее структуры, ГАТТ, ВТО, МБ, МВФ, МБРР и т.д., - или субглобальные и региональные организации: ЕЭС, ОБСЕ, НАТО, ЕБРР, объединение стран АТР и т.д. Складывающиеся теоретические воззрения на характер международных взаимодействий, формирующихся в конце XX - начале XXI веков, разнородны, противоречивы, не всегда адекватно отражают реальные глобальные общественные процессы. Созданная практикой система международных политических и экономических механиз-

мов не идеальна, часто выражает приоритеты интересов некоторых «сильных» стран, не всегда предотвращает вооруженные столкновения отдельных стран, подвергается справедливой, обоснованной и жесткой критике. Анализ этой сферы общественных отношений – отдельная, сложная, противоречивая тема.

Несомненно, однако, что до начала XXI века человечеству удастся сдерживать часто возникающие региональные и локальные конфликтные международные взаимоотношения от перерастания во всемирное вооруженное противостояние, в «горячую» мировую войну. Несомненно также, что динамичное развитие человечества не гарантирует автоматическое смягчение международных конфликтных ситуаций глобального масштаба (природно-ресурсных, экологических, социальных и т.п.), без гибких управленческих механизмов, способных обеспечивать компромиссные решения.

В связи с этим, можно, не затрагивая в целом проблемы построения глобальных механизмов управления международными взаимодействиями в современном мире, назвать некоторые основные особенности таких взаимодействий, которые будут определять их характер в обозримый поддающийся прогнозированию период.

Очевидна, например, необходимость прогнозирования конкретных форм, в которых проявится в рассматриваемых условиях действие общего закона неравномерности развития стран. Подробное рассмотрение экономических, социальных, этнологических, цивилизационных и других механизмов, обуславливающих характер проявления этого закона, – самостоятельный предмет исследований. Для рассматриваемого вопроса важно констатировать, что соотношения «сил» суперэтносов, взаимодействующих на Северо-Востоке Азии, неоднократно изменявшиеся в XVII–XX веках, будут изменяться и в XXI веке, не останутся неизменными в состоянии, которое застал 2000-й год. Из этих суперэтносов один сформировал страну, являющуюся в настоящее время общепризнанной единственной сверхдержавой, диктующей миру свои военно-политические и социально-экономические стереотипы. Другой – образует одну из экономически наиболее развитых стран мира. Третий – оценивается как экономически наиболее динамично развивающийся, образующий страну, имеющую предпосылки стать одной из сверхдержав в середине XXI века. Четвертый – образовал в конце XX века страну, являющуюся остатком одной из двух существовавших ранее сверхдержав. Эта страна сохранила компоненты военного потенциала, присущего сверхдержаве. Она лишилась более, чем половины экономического и демографического потенциала, но сохранила при-

ций субъектов Федерации Дальнего Востока отсутствие комплексных эколого-экономических оценок вышеперечисленных проблем приводило к резким противоречиям. Иллюстрация – заявление губернатора Камчатской области на одном из очередных совещаний о проведении геологоразведочных работ на нефть на Западно-Камчатском шельфе.

«Я не отойду от нашей позиции: мы не будем работать на шельфе. Не хочу подвергать это ни сомнению, ни обсуждению. Потому что через нас потом перешагнут и пойдут. Этот шельф – последний такой в России, и своими биоресурсами он дает больше, чем дала бы нефть. Нефть и без нас найдут. Сахалинцы решили для себя по-другому – пусть. Но и пусть они не приходят на наш шельф за биоресурсами» [18].

Не останавливаясь на подробном описании и анализе сложной и во многих отношениях противоречивой истории развития нефтегазодобывающей промышленности России за 1991–2006 годы, (например, концептуальная разработка 1999 г. для шельфа Дальнего Востока [27]), констатируем следующее.

В 2006 году добыча нефти приблизилась к уровню 1990 года. Ежегодный прирост запасов нефти резко сократился, стал существенно ниже объемов добычи. Государством в 2005 году заявлена претензия на роль лидера в мировом топливно-энергетическом комплексе, требующая подкрепления достаточными запасами нефти в открытых месторождениях. Экспорт углеводородов стал ключевым в сырьедобывающей специализации российской экономики, обеспечивая, на фоне высочайших мировых цен, приток нефтедолларов и относительную социально-экономическую устойчивость в стране. Этим может быть объяснено усиление деятельности нефтедобывающих компаний и курирующих их ведомств по изучению и ускоренному освоению природно-ресурсного топливно-энергетического потенциала суши и шельфа России. Проявляется также неформализованная, но широко обсуждаемая тенденция к постепенному преобразованию частнособственнических предприятий нефтегазодобывающей и перерабатывающей промышленности в государственные и государственнокорпоративные.

На этом фоне, используя вышеприведенное высказывание, нефтедобывающие компании «просто перешагнули и пошли». Разведка нефти на полуострове Камчатка и прикамчатском шельфе началась и продолжается до последнего времени. Разрешение на разведочные работы и выдача лицензий продолжают без комплексных оценок вышеперечисленных противоречий, без учета всей совокупности

ского, Западно-Камчатского, Охотского (Южно-Камчатского), Восточно-Сахалинского, Южно-Сахалинского, Западно-Охотского.

Для сравнения, на шельфе Баренцева моря в тот период были отмечены 9 месторождений с запасами около 200 млн. т нефти и около 2000 млрд. м³ газа. На шельфе Карского моря были отмечены 4 месторождения с запасами около 6 млн. т нефти, около 100 млн. т конденсата, около 5300 млрд. м³ газа.

В топливно-энергетическом балансе России к 1994 году складывалась тенденция снижения добычи топлива (таб. № 1).

Таблица 1

Добыча топлива в России в 1990-1994 гг. [29]

Наименование показателя	1990	1991	1992	1993	1994
Добыча топлива (млн. т)	1767	1999	1584	1458	1352
в т.ч. производство нефти и газового конденсата (млн.т)	516	461	393	341	295

В тот период российское государство было увлечено поисками причин спада производства углеводородов в «пережитках советского стиля работы» организации деловых отношений» [29]. Выход из положения оно искало в ускоренной приватизации нефтедобывающих предприятий. На охотоморском шельфе о. Сахалин выход был найден в передаче для освоения новых месторождений нефти иностранным инвесторам «по соглашениям о разделе продукции».

В 1994 г. Комитет РФ по геологии и использованию недр утвердил «Дальневосточную программу лицензирования пользования потенциально нефтегазоносными недрами до 2000 г.». В ней было отмечено, что **«выявленные на суше Чукотского округа и Камчатской области запасы нефти и газа слишком малы, чтобы представлять самостоятельную коммерческую ценность»**. Отмечено также, что «практически все прогнозные извлекаемые запасы углеводородов Дальневосточного региона (без Сахалина и прилегающего к нему шельфа)... сосредоточены в акваториях Охотского, Берингова, Чукотского и Восточно-Сибирского морей». В эту Программу были включены Южно-Камчатский, Западно-Камчатский, Утхолокский, Шелиховский, Маметчинский участки, полностью перекрывающие охотоморское побережье Камчатки; а также Ильпинский, Олюторский, Западно-Хатырский участки, перекрывающие Беринговоморское побережье Корякского автономного округа [28].

При обсуждениях этой Программы на уровне глав администра-

ционно-ресурсные и научно-образовательные предпосылки для динамичного развития. Будут ли эффективно использованы эти предпосылки – покажет время.

Не будет преувеличением предположить, что Северо-Восток Азии окажется в XXI веке одной из зон потенциально возможных сильных геополитических противоречий, а российский Дальний Восток, располагающий большим природно-ресурсным потенциалом, - зоной конфликтов за право пользования этим потенциалом. С изменением геополитической ситуации в мире, в этой зоне могут заметно проявиться экономические интересы и других «сильных» участников глобальных экономических процессов, например, Европейского союза или, в перспективе, - Индии. Учитывая такой «потенциал противоречий», российский Дальний Восток, при относительно слабой его заселенности и освоенности, можно рассматривать как зону возможного сосредоточения угроз мирному развитию мирового сообщества. Следовательно, по отношению к этой зоне требуется повышенное внимание для предупреждения проявления и своевременного регулирования межстрановых противоречий. Здесь необходимо постепенно гасить исторически накопившиеся межгосударственные, межэтнические, межнациональные «обиды» и своевременно нейтрализовать возможность возникновения новых «обид» [2, 5, 9].

Не идеализируя тенденции развития международных отношений при переходе человечества в третье тысячелетие и учитывая реальное проявление стремления к «мирному» разрешению противоречий, можно предположить, не исчерпывая все возможные варианты, развитие событий под влиянием следующих факторов.

Российский Дальний Восток может развиваться в русле стремления современных «российских элит» к политическому и экономическому альянсу с США, или с Европой, или с США и Европой. Очевидно, иными могут быть сценарии развития, если Россия примет участие в формировании треугольника сил «Китай – Индия – Россия» как противовеса, обеспечивающего равновесие в глобальном геополитическом пространстве. Возможности развития событий по любому из многочисленных вариантов, могущих возникнуть из названных сочетаний, пока оцениваются относительно одинаково. Но не исключаются из рассмотрения и варианты, при которых Россия, лишившись Дальнего Востока, останется с весьма суженными возможностями развития, перестав играть ведущие геополитические роли не только в мире, но и в Евразии. Возможны в этих сценариях варианты, в которых политические конфликтные ситуа-

ции будут нейтрализованы. Приоритетными будут экономические процессы, обеспечивающие не только вовлечение в межрегиональный, международный обмен выборочных отдельных видов природных ресурсов российского Дальнего Востока или отдельных его регионов. Не исключаются варианты, при которых, на основе кооперации, объединения экономических и социальных усилий нескольких стран, будет обеспечено комплексное освоение территории российского Дальнего Востока и его природноресурсной базы [1, 2, 5, 7].

Важную роль в предстоящем периоде развития будут играть возможности Северо-Востока Азии в создании условия по освоению Мирового океана. Для примыкающих к Тихому океану азиатских стран, не имеющих достаточных для развития природных ресурсов, создание сырьедобывающих производств в океане, на шельфе, на океаническом дне не может не быть приоритетным. Транспортное использование Тихого океана и воздушного пространства над ним – необходимое условие и следствие перемещения экономического центра мира с севера Атлантического океана в Тихоокеанский регион [1, 7].

Рациональное освоение прибрежных территорий и созданного на них производственного, инфраструктурного, социально-демографического, научно-технического, другого общественного потенциала, в равной степени входит в стратегические, долгосрочные интересы не только отдельных вышеназванных суперэтносов. Рациональное освоение ресурсного потенциала Мирового океана является зарождающейся, хотя, возможно, и не во всех странах равно осознаваемой, совокупной общечеловеческой необходимостью. И, при недостаточном внимании отдельных стран к такой необходимости, другие страны (как правило, более «сильные» в этот период времени) будут обеспечивать реализацию этой необходимости силовыми (не обязательно военными, скорее - экономическими) методами, в частности на российском Дальнем Востоке.

Существенное значение для развития взаимоотношений между странами Северо-Востока Азии имеет изменение характера этнической и цивилизационной совместимости (или несовместимости) между отдельными экономически, социально, демографически, политически сопрягающимися в географическом пространстве этносами, организованными или не организованными в государства. В условиях, характерных для периодов т.н. древней, средней, новой истории, взаимодействия этносов в зависимости от совместимости или несовместимости могли завершаться последствиями в широком

питьевая вода и животный белок естественного происхождения. Последним безальтернативным резервом такого белка, необходимого для формирования рационального продовольственного баланса человечества, являются водные биологические ресурсы Мирового океана.

В региональной проблематике освоения возможных (точно еще не определенных) нефтегазовых месторождений Камчатки шельфа и прилегающих морей можно назвать следующие важные направления. Одно: крупномасштабный промысел углеводородов может стать сырьедобывающей отраслью экономической специализации региона, функционирующей в системе национальных или транснациональных корпораций. Второе: на основе промысла углеводородов может возникнуть отрасль хозяйства внутрирегионального значения для обеспечения независимости энергетики Камчатки от внерегиональных поставок топлива. Третье: нефтегазодобывающий промысел и связанные с ним обслуживающие, вспомогательные производства и инфраструктурное обеспечение могут оказать природоразрушающие воздействия на речные и морские экологические системы, разрушить природно-ресурсную базу рыбохозяйственного комплекса Камчатки. Рыбное хозяйство, даже в современном кризисном его состоянии, является единственной отраслью, держащей на себе региональную экономику. В 2006 г. отраслью «рыболовство» реализовано товаров на 14,6 млрд. руб.; отраслью «добыча полезных ископаемых» – на 3 млрд. руб.; остальные отрасли не достигли 1 млрд. руб. Разрушение рыбного хозяйства может сокрушить экономику Камчатки в целом, с плохо предсказуемыми новыми уровнями ее стабилизации.

Отсутствие объективных, элиминированных от узковедомственного подхода комплексных оценок совокупностей названных обстоятельств становится всё более опасным для общегосударственных и региональных интересов.

В начале 1990-х годов весь Дальневосточный шельф России, включая шельф Берингова и Охотского морей, был разделен на участки, предназначенные для поисков и разведки месторождений углеводородов. По данным, опубликованным в 1994 г. [29], на охотоморском «шельфе Сахалина» было отмечено 9 месторождений нефти и газа, содержащих около 270 млн. т нефти, около 60 млн. т конденсата, около 860 млрд. м³ газа.

По «шельфам Магадана и Камчатки» конкретные данные не приводились. Весь шельф Охотского моря был перекрыт контурами предполагаемых нефтегазоносных бассейнов: Пенжинского, Алеут-

месторождений углеводородов на территории Камчатки и шельфе прилегающих морей. Изучение нефтегазоносности этого региона началось в середине XX века и длительное время рассматривалось в рамках интересов страны в целом, силами общегосударственного топливно-энергетического комплекса, в парадигмах природопользования, складывавшегося в тот период в СССР. Практическое значение придавалось возможности обеспечения топливными ресурсами энергетики Камчатской области. Возникающие при этом противоречия носили, в основном, локальный характер.

В конце XX – начале XXI веков эта проблематика вырастает до общерегиональных, общегосударственных и глобальных масштабов, затрагивая сложные совокупности социальных, экономических, геополитических, природных процессов.

Среди основных проблем общероссийского и глобального масштаба назовем следующие. Для России этого периода экспорт углеводородов стал одной из основ сырьедобывающей специализации ее экономики. От объема этого экспорта и уровня мировых цен на нефть и газ зависит развитие социально-экономических процессов в стране в целом. Пытаясь использовать этот фактор для преобразования экономики России в одну из сильнейших в мире, государство объявило о намерении стать мировым лидером в топливно-энергетическом секторе мировой экономики. При этом можно ожидать расширения и углубления интеграции нефтегазодобывающих и транспортирующих сфер экономики России в мировой рынок, со всей противоречивостью такого процесса, требующего, в частности, значительного увеличения объемов промысла и продаж углеводородов.

В то же время, современное и будущее социально-экономическое развитие России во всех аспектах должно, в соответствии с принятыми международными обязательствами, укладываться в общие для мирового сообщества, установленные на форумах ООН, концептуальные требования «устойчивого развития», гармонично сочетающего экономические, социальные и экологические интересы человечества и отдельных стран (Рио-де-Жанейро, 1992 г.). В развитии этой стратегии, одно из важнейших положений которой состоит в предотвращении глобального природно-ресурсного кризиса, в 2002 г. (Йоханнесбург) были определены наиболее остро дефицитные для человечества виды природных ресурсов. Неожиданно для многих специалистов, не занимавшихся природопользовательской проблематикой специально, к таким видам были отнесены не топливно-энергетические ресурсы, а пресная

диапазоне вариантов: от полной ассимиляции в суперэтнос до почти полного уничтожения одного народа другим. В новейшей истории, когда течение исторических экономических и социальных процессов интенсифицировалось и ускорилось, межполитические взаимодействия, как правило, не принимают характера физического уничтожения этносов (геноцида), а носят характер ассимиляции или ассоциированного (с большей или меньшей степенью ассоциации) совместного проживания. В тоже время нельзя исключить, что теоретически описываемые процессы «интернационализации», «плавильного котла народов», «конвергенции» и т.п., обнаруживаемые в XX веке, не могут приводить к таким же общим «этническим» результатам, к каким приходили «сильные» в «древние и средние века» этносы и государства Средиземноморья; Северной, Центральной и Южной Америки; Ближней, Южной, Восточной и Центральной Азии. Методы и формы взаимодействий этносов и государств в I и XXI веках новой эры могут быть различными, но последствия могут быть сходными.

Прогнозирование возможных исторических результатов междонародных, межгосударственных, межэтнических процессов, происходящих в социальной, экономической, демографической сферах в конкретных условиях Северо-Востока Азии, складывающихся в XXI веке, необходимо для определения стратегии внутригосударственного и межгосударственного поведения стран, взаимодействующих в этой субглобальной зоне. Только на такой основе можно оценить присущую современным сценариям международного развития абсолютизацию значения социально-экономических процессов. Даже анализ развития мирового сообщества (человечества) с цивилизационных позиций основывается на разделении народов на «цивилизованные», социально-экономически «развитые», «западные» и прочие, «неразвитые» или «развивающиеся», а потому «нецивилизованные». И последние социально-экономически «менее развитые» и «менее цивилизованные» страны обязаны, в силу аксиоматически принимаемого допущения, развиваться из «нецивилизованного» состояния в близкое к «цивилизованному», «западному». Сохранится ли при этом и в какой степени действие фактора межэтнической совместимости, остается невыясненным, хотя определенный исторический опыт не только социально-экономических и политических, но и этнических взаимодействий в этой зоне накоплен и нуждается в комплексной оценке.

Очевидно, что для второй половины XX века и начала XXI века менее характерны военные, вооруженные способы реализации от-

дельных государственных интересов при их столкновении в геополитическом пространстве. Даже отдельные локальные конфликты, откровенно инициируемые сверхдержавой, вызывают резко противоречивые реакции, несомненно оказывающие хотя и ограниченное, но сдерживающее влияние. Основные взаимодействия между странами или блоками стран организуются в сфере экономической, в сферах регулирования потоков товаров, услуг, прямых или портфельных инвестиций, трудовых ресурсов, научно-технической информации, идей, знаний, технологий и т.д., и т.п. Такого рода взаимодействия обеспечивают не только передел зон экономического влияния в мире между отдельными странами или группами стран; не только формирование устойчивых зон (таковы, например, стерлинговая, долларовая, франковая зоны); но и формирование целостного глобального экономического пространства, в котором образуются, перемещаются, переливаются стуски целостных глобального значения социально-экономических потенциалов. Формирование социально-экономических взаимодействий на Северо-Востоке Азии проходит в общем пространстве глобальных взаимодействий, в общемировой системе социально-экономических процессов, характерной для рассматриваемого периода. В этих новых, быстро меняющихся процессах раздела и передела сфер влияния в мире, необходимо, в комплексе с ними, оценить последствия процессов взаимодействия в сферах бытовой, отношений с окружающей средой, семейных отношений и т.п. Сочетания всех этих взаимодействий могут привести к последствиям не только экономическим и социальным, но этническим и цивилизационным, существенно отличающимся от ожиданий, базирующихся на конкретных экономических аргументах (рентабельность, объем прибыли, объем производства и т.д.).

Варианты таких последствий для Российского Дальнего Востока, например, могут укладываться в диапазон от экономически развитого региона Российской Федерации до покинутой российским населением субглобальной зоны, осваиваемой соседствующими этносами в более или менее мирно регулируемых противоречиях.

Библиография.

1. Алексеев, В.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. Постановка проблемы // Вестник ДВО РАН, 1998. - № 3 с. 63-66.
2. Арин, О.А. Россия: ни шагу вперед. – М.: Издательство Эксмо, 2003. – 352 с. (Серия «История XXI века»).
3. Болховитинов, Н.Н. Русско-Американские отношения и про-

При оценке рынка сбыта титана важна динамика ценового фактора в отдаленной перспективе. Один из таких прогнозов [25] показывает возможность стабильного, около 6 раз, роста цен на титановый пигмент за период с 2006 по 2036 год с дальнейшей стабилизацией до 2050 года. Сбытаемость такой динамики цен может повлиять на развитие в Камчатской области производств по разработке титановых месторождений. Однако реализуемость названного прогноза проблематична, поскольку основная задача – оценить перспективы открываемости новых месторождений.

Титан относится к материалам, наиболее перспективным для использования в отраслях, связанных с развитием научно-технического прогресса. Многие прогнозисты полагают, что развитие новых наукоемких высоких технологий, интенсификации которого ожидают в XXI веке, может подхлестнуть существенно большее, чем ожидалось, потребление титана в мировой экономике. Ожидается рост потребности в титане со стороны «космической», авиастроительной, судостроительной, машиностроительной, оборонной, химической, металлургической промышленности и в других отраслях хозяйства. Этому способствуют такие качества этого металла, как малый удельный вес, высокая коррозионностойкость, возможность создания на его основе новых материалов и т.п. В современной России потребление титана в виде титанового пигмента, титановой губки и других формах (а такое потребление – один из главных индикаторов высокого уровня экономического развития, использования высоких технологий) практически сведено к нулю.

Надежды на рывок России в развитии высокотехнологичных производств как единственный способ вырваться из исторического тупика подавляюще сырьедобывающей специализации могут быть реализованы в том числе и только с развитием комплекса титано-производящих производств и формированием достаточной для производства титана минерально-сырьевой базы. В связи с этим ориентация на экспорт сырья и готового титанового продукта может способствовать не только экономическому развитию отдельных регионов, но и увековечиванию экономической отсталости страны в целом. Глубокий комплексный анализ всей связанной с этим проблематики является поэтому необходимым условием, предваряющим решения о разработке титановых месторождений и развития энергоемкого производства титана на экспорт.

* * *

К наиболее дискуссионным относится проблематика, связанная с оценкой необходимости и возможности изучения и разработки

которых не имеют металлургических комбинатов. Целесообразно ли создавать комбинат на базе месторождения, которое планируется эксплуатировать 7,4 года, добывая ежегодно по 340 тыс.т руды, в которой содержится около 15,7 тыс.т никеля (данные объекта «Шануч»), - такой вопрос для инвесторов существовать не может.

* * *

Глубокого не только технологического и оперативного экономического, но и стратегического общегосударственного и геополитического анализа требует оценка возможности и целесообразности освоения титановых месторождений Камчатки. Балансовые запасы титана (по Ti O₂) по категориям А+В+ С?¹+С?² составляют в них 0,8-0,9 млн.т. Даже в случае удвоения запасов этого металла они в обозримый период вряд ли вызовут интерес на мировом рынке.

После разрушения СССР и всех наукоемких, определяющих научно-технический прогресс отраслей производства, в России внутрисоюзный рынок потребления титана рухнул, исчез. Имея около 21 % от мировых подтвержденных запасов титана (которые по Ti O₂ составляют около 800 млн.т.), Россия не имеет собственной горнодобывающей промышленности титана (она осталась на Украине), полностью импортирует сырье, но имеет мощности по производству металлического титана, в 3-4 раза превышающие аналогичное производство в США, и является крупнейшим в мире экспортером титана. Так, например, весь произведенный в России в 1998г. титан, в объеме 39,2 тыс.т., был вывезен за рубеж в виде металла и изделий по контрактам с фирмами «Боинг» и «Дженерал электрик» [12].

Считается, что общий объем запасов титанового сырья в мире позволяет обеспечить мировые потребности на 70 лет (с учетом роста потребления на 2-3 % в год). Основная добыча титановых концентратов в мире производится из россыпных месторождений в прибрежной зоне Мирового океана. Основные известные месторождения расположены в южных странах с более благоприятным климатом и запасами от 11 до 36 млн.т. в каждой (Южная Африка, Австралия, Индия) [12, 25].

На Камчатские месторождения может быть обращено внимание только отдельными потребителями, желающими пробить монополизированный рынок добычи и производства; или в случае, если титановая руда (концентрат), является полиметаллической рудой и содержит, кроме титана, другие ценные компоненты (за которые можно не заплатить); или за «Камчатский титан» будут запрошены цены, существенно меньшие, чем средние на мировом рынке.

дажа Аляски 1834-1867 г. – М.: Наука, 1999. – 368 с.

4. Кин, Д. Японцы открывают Европу, 1720-1830 г.г. – М.: Экономика, 1972. – 115 с.

5. Ли, Ин Сонг. Россия и модель развития Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения, 1977, №8, с. 121-127.

6. Лузянин, С.Г. Российско-Китайское взаимодействие в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения, 2005, № 5, с. 61-70.

7. Моисеев, Р.С. Дальний Восток: геополитические проблемы региональной стратегии развития. – Петропавловск-Камчатский: ПКВМУ, 1996. - 63 с.

8. Советско-Японская Декларация 1956 года и проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Материалы парламентских слушаний 12-13 сентября 2001 года. Ведомости Сахалинской областной Думы – Южно-Сахалинск, 2001 г. – 146 с.

9. Чешко, С.В. Распад Советского Союза – М.: 1996. – 309 с.

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2004, № 4.

О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

В конечном счете нормы права предназначены для обеспечения развития общества в соответствии с объективными условиями и целевыми установками правотворца, законодателя. В связи с этим можно выделить две основные группы факторов развития российского Дальнего Востока. Одна – совокупность объективных достаточно долговременных природных и социально-экономических условий. Вторая – субъективные действия органов государственной власти, определяемые, в конечном счете, её отношением к возможностям использования объективных условий. В этой группе факторов важное значение имеет степень соответствия исторически устойчивых долговременных общенациональных интересов суперэтноса, организовавшегося в Российскую Федерацию, с исторически часто меняющимися интересами, воззрениями и оценками, складывавшимися в высших органах государственной власти.

Смены таких воззрений со времени выхода России на Дальний Восток в середине XVII века и до конца XX века были неоднократны. Результатами были чередовавшиеся формирования и разрушения экономических и расселенческих структур, а также межгосударственные переделы территорий и акваторий. Примеры: Приаму-

рье, Сахалин, Курильские и Алеутские острова, Аляска, акватории Охотского и Берингова морей [3].

После периода повышенного внимания к развитию Дальнего Востока в составе СССР, в 1990-е годы наступил очевидный период пониженного внимания к его развитию в составе нового государства, России. Это связано, в частности, с гипертрофированно проявляющейся проевропейской ориентацией; недооценкой евразийских факторов развития России; формированием конъюнктурно-прагматического отношения к северным и отдаленным районам и их природно-ресурсному потенциалу; затянувшееся определение геополитических стратегий государства. Результат: резкое, на 15-25%, сокращение численности населения на Дальнем Востоке; разрушение около половины производств, в первую очередь, в несырьедобывающих отраслях; сокращение структур общегосударственного значения, в т.ч. оборонных и военно-промышленных [1].

В 2001-2002 гг. намечилось повышение оценок роли и места Дальнего Востока в развитии России, выраженное в участившихся визитах и содержании заявлений представителей высшей государственной власти. Является ли это тенденцией, насколько она устойчива и длительна – покажет время. Но и её можно считать основанием, чтобы рассмотреть главные направления, по которым могло бы формироваться правовое обеспечение её реализации. Перспективы развития отдельных субъектов Федерации на российском Дальнем Востоке рассматриваются при этом только в составе России.

Среди особенностей Дальнего Востока можно выделить следующие, имеющие стратегическое значение для России в целом.

1. Гигантские в мировом масштабе территория и прилегающие континентальный шельф и морские акватории. По этим показателям Дальний Восток сопоставим с крупнейшими странами мира: Китаем, США, Канадой, Бразилией, Австралией. Являясь одной из крупнейших субглобальных систем, Дальний Восток, как и Сибирь, вызывает в XXI веке возрастающее внимание экономически наиболее развитых государств и межгосударственных блоков. Это обстоятельство требует от России при оценке Дальнего Востока учитывать не только свои интересы, но и наличие интересов других государств.

2. Важное место в геополитическом и геоэкономическом пространстве, обусловленное географическим положением и природно-ресурсным потенциалом, который по многим видам природных ресурсов оценивается, как редкий или уникальный в России. До 1990-х гг. Дальний Восток занимал одно из заметнейших мест в от-

тыс.т в год. К 2010 году мировой спрос на никель ожидается в 1,2 - 1,5 млн.т в год. Можно предположить, что никель Камчатских месторождений не оказывает заметного воздействия на состояние мирового рынка никеля. Надо учитывать, однако, что географическая структура спроса на никель может зависеть от разовых ситуаций. Например, считают, что решения Китая о развитии крупномасштабного автомобилестроения, потребляющего никель в больших объемах, вызвало резкий, в 3 раза, рост цен на никель в начале 2000-х годов. Полагают, что это обусловило форсирование освоения Шанучского медно-никелевого месторождения на Камчатке. Попавшие в прессу сигналы о стабилизации спроса на никель в Китае вызвали предположения о предстоящем в ближайшем времени снижении цен на этот металл. Однако, полагают, что снижение не будет резким во времени и по объемам [15, 25].

В этой ситуации можно ожидать, что интерес ограниченных секторов мирового рынка никеля к никелесодержащим месторождениям Камчатки может на определенное время оказаться высоким. Но если не будут совершенно определенно доказаны существенно большие, чем в настоящее время, запасы никеля в месторождениях, этот интерес будет, с точки зрения развития региональной экономики, - кратковременным.

Совершенно необоснованным с экономической, социальной, экологической точек зрения представляется умозрительное предположение о строительстве в Камчатской области металлургического комбината для переработки руд с собственных Камчатских месторождений.

Ориентировочно называемые данные об известных в настоящее время месторождениях: запасы меди в Камчатской области могут составлять около 50 тыс.т, могущих быть извлеченными как попутные компоненты. За последние 30 лет объем подтвержденных, постоянно возобновляемых запасов меди в мире колеблется в диапазоне 550-640 млн.т, а потребление ее существенно не увеличивает. Можно ожидать, что медь из камчатских месторождений самостоятельного интереса у мирового рынка в обозримый период вызвать не может.

Конечно, такой комбинат, как Шанучский, не может быть поставлен с уникальным Норильским горнометаллургическим комбинатом, который планирует в 2006 году выпустить 243-248 тыс.т никеля; 422-427 тыс.т меди; 90-92 т – палладия; 21-22 т – платины [26]. Кроме него, в России добычу никеля обеспечивают 20 горнодобывающих предприятий различной мощности, большинство из

России ежегодно поставлялось до 60 т палладия, существенно расстраивая конъюнктуру рынка [10,25].

* * *

Что касается обнаруженных на Камчатке месторождений и рудопроявлений металлов, могущих представлять интерес для металлургии и машиностроения, то в настоящее время в качестве реальных для освоения рассматриваются месторождения медно-никелевых и титано-магнетитовых руд. Главными компонентами этих руд, предлагаемыми для поставок во внерегиональный оборот (независимо от вида продаваемого продукта: руда, концентрат или чистый металл), рассматриваются никель, медь и титан. Остальные металлические компоненты, содержащиеся в этих месторождениях, как правило, не рассматриваются как товарный продукт, а определяются в качестве примесей, попутных и малоценных вследствие трудностей при извлечении [6, 8, 9, 19].

Оснований для долгосрочных экономико-географических разработок и стоимостных обоснований стратегии освоения медно-никелевых месторождений Камчатской области пока нет, вследствие как недостаточной изученности недр, так и неустойчивости рынка этих металлов [6, 8, 9].

Конъюнктуру спроса на никель определяют потребности в металлургии, а также в производстве аппаратуры, антикоррозионных покрытий, конструкций атомных реакторов и других отраслях машиностроения, характеризующих научно-технический прогресс. Можно ожидать устойчивого роста потребностей мировой экономики в этом металле.

Конъюнктуру предложения определяет наличие на начало 1999г. общих запасов никеля в мире в 136,7 млн.т., а подтвержденных запасов – в 51,1 млн.т [9]. Добыча никеля в мире составляла в 1998 г. около 1,1 млн.т. Из них около 0,24 млн.т – в России [9]. Общая обеспеченность мировой экономики «запасами богатых руд» составляет около 19 лет. Около 2025 года ожидается снижение темпов роста (возможно, и объемов!) производства никеля в мире, резкий рост цен на никель, резкое увеличение расходов на воспроизводство природно-ресурсной базы никеледобывающей промышленности [25].

Весьма ориентировочные оценки общих запасов никеля в ожидаемых месторождениях медно-никелевых руд в Камчатской области, высказываемые специалистами, укладываются в диапазон от 150 до 220 тыс.т. Предположив полную разработку этих месторождений за 10 лет, можно рассчитывать на производство никеля по 15 - 22

носителем устойчивом сочетании военных структур, обусловленных конфигурацией геополитических взаимодействий России и СССР. В составе России конца XX – начала XXI веков, не определившей своё место в еще неустоявшейся системе геополитических сил, оборонный потенциал на Дальнем Востоке резко сокращается. Последствия этого обстоятельства в ближайшей и отдаленной перспективе оцениваются неоднозначно и часто не в пользу России.

В геоэкономическом отношении Дальний Восток оценивается в основном как средоточие разнообразных природных ресурсов, неотъемлемая часть динамично развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона, зона прохождения перспективных в XXI веке межконтинентальных направлений железнодорожных, авиационных, морских транспортных связей. Использование этих факторов имеет значение не только для России, но и для других государств и межгосударственных блоков, сложные сочетания интересов которых, как правило, не совпадают с интересами России.

3. Низкая и быстро сокращающаяся заселенность. Численность населения Дальнего Востока в десятки раз меньше, чем у сопредельных государств, крупнейших по численности населения, экономическому и научно-техническому потенциалу и потребностям в природных ресурсах. Что не менее важно, у этих государств есть исторически длительная практика территориальных переделов на Дальнем Востоке и севере Тихого океана и основания для предъявления территориальных претензий. Учитывая складывающуюся в конце XX – начале XXI вв. международную практику экономического и политического передела мира, нередко силовыми методами, слабая освоенность территории, выражающаяся, в первую очередь, в её низкой заселенности, может привести к потере Россией Дальнего Востока частично или полностью, в тех или иных формах.

4. Протяженное морское побережье, выводящее Россию в северную часть Тихого и восточную приазиатскую часть Северного Ледовитого океанов. Выход государства к морскому побережью – необходимое условие для развития крупной, мирового масштаба экономики, в особенности в XVIII- XXвв. Значение этого фактора усиливается в XXI в. по мере возрастания значения для человечества природно-ресурсного потенциала Мирового океана.

5. На Дальнем Востоке размещен один из двух опирающихся на значительные по площади участки суши отрезков незамерзающего морского побережья России, выходящих непосредственно в Мировой океан, с портом Петропавловском-Камчатским. При современных военных технологиях это обстоятельство имеет важнейшее стратегическое значение.

6. Разнообразие климатических, геоморфологических, гидрологических, других природных, а также комплекса социально-экономических условий освоения. Это обуславливает необходимость дифференцированной политики развития отдельных регионов.

7. Значительный накопленный в годы советской власти производственный, инфраструктурный, социальный, демографический, интеллектуальный потенциал. В разрушительных экономических, социальных, правовых, административно-организационных, других условиях 1990-х годов этот потенциал проявил способность к самосохранению, самовоспроизводству.

С этими особенностями связаны основные проблемы развития Дальнего Востока и входящих в состав федерального дальневосточного округа субъектов Федерации. Возможные направления решений этих проблем, начиная с правового обеспечения этих решений, рассмотрим в рамках названной выше, наметившейся в начале XXI века тенденции формирования государственной политики на Дальнем Востоке, в Тихом океане, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и т.п.

1) Отсутствуют утвержденные на высшем уровне федеральной власти основные положения долговременной государственной политики развития Дальнего Востока. В первую очередь, это касается вопроса, намерена ли Россия сохранить Дальний Восток российским: в экономическом или политическом отношении; в целом или отдельными участками территорий и акваторий, отдельными видами природных ресурсов, особенностями географического положения. От решения этого вопроса, в конечном счете, зависит развитие структуры экономики, формирование населения, долговременная судьба отдельных населенных пунктов и крупных регионов.

Так, одно только многолетнее открытое обсуждение судьбы Южных Курильских островов с вариантами их передачи Японии за большие или меньшие экономические или политические компенсации оказывает разрушительное воздействие государственного масштаба. Оно не получает жесткой правовой реакции государственной власти, но сопровождается устными многократными, а потому неэффективными неправовыми заявлениями. Поэтому оказываются безосновательными и беспредметными любые призывы к стабильности в экономической и социальной сферах. У населения, экономических субъектов, в органах региональной власти и управления на Дальнем Востоке развивается устойчивое ощущение нестабильности своего положения в настоящем и будущем. В сопредельных государствах стимулируются открытые претензии и необъявляемые

его масштабы и размещение в географическом пространстве. Пока нет оснований предполагать, что в предстоящие несколько десятилетий тенденции развития капиталистического мирового рынка, жестко обуславливающие эти процессы, изменятся.

Таким образом, развитие золотодобывающего производства на Камчатке может оцениваться как временное (возможно, пульсирующее) функционирование отдельных высокорентабельных предприятий с высоким уровнем риска закрытия из-за резкого спада цен на золото. Основой для создания исторически устойчиво функционирующей отрасли специализации, обеспечивающей длительную устойчивость экономики региона в целом, это производство скорее всего не станет, как не стало и в других регионах мира с аналогичным набором «рядовых» месторождений золота.

* * *

Ситуация на мировом рынке металлов платиновой группы определяется эксплуатацией месторождений «двух комплексов-гигантов: Бушвельдского и Норильского» [5, 10, 25]. Вслед за всплеском цен на металлы этой группы в 1970 - 1980-е годы и связанным с этим бурным ростом геологоразведочных работ, к 1991 году запасы платиновых металлов в мире выросли до 65 тыс.т. Общая мировая обеспеченность запасами платиноидов оценивалась около 200 лет, в том числе запасами палладия – около 60 - 70 лет.

Долгосрочные прогнозы потребностей мировой экономики в металлах платиновой группы пока неопределенны. Спрос на эти металлы, как утверждают, будет существенно зависеть от структуры и динамики научно-технического прогресса. Не исключается долговременный подъем спроса под влиянием новых, не известных в настоящее время технологий, в особенности в сферах массового спроса. В любом случае, производство небольших по мировым масштабам объемов платины на Камчатке (например, до 10 т. металла в год) может расцениваться как заметный временный вклад в экономику региона, подверженный, однако, влиянию рыночной конъюнктуры. В связи с этим, если уж рассчитывать на развитие разработок платиноидов на Камчатке в стабильно функционирующую отрасль, необходимо обеспечивать это направление и концептуальными разработками.

Следует учитывать, что конъюнктура рынка металлов платиновой группы может зависеть не только от географии и технологий спроса или расширения географии и объемов геологоразведочных работ [например, 17], но и от непредсказуемого поведения некоторых стран. Так, в 1990 – 2001 году на мировой рынок из Госхрана

млн. долл. США за 1 тонну приводит к результату: на Камчатке может быть добыто золота на сумму от 45 до 96 млрд. долл. США за период.

Необходимо учитывать, однако, что главная цель приведенного прогноза состояла совсем не в том, чтобы считать доходы отдельных предприятий или регионов. Прогноз был ориентирован на получение предположений о вероятном характере и продолжительности ценовых циклов для планирования усилий по воспроизводству запасов и развитию золотодобывающего производства и т.п.

Прогноз исходит из того, что не уникальные месторождения (Витватерсранд, Гросберг, Карлин, Мурунтау, Наталкинское и Сухой Лог), с которыми связано 60,2% запасов, будут основой «золотого бизнеса». Основу «золотого бизнеса» составляют средние месторождения (100-300 т) со средним сроком отработки 15 - 20 лет. Рядовые месторождения с коротким сроком отработки в 7 - 8 лет (приведен пример месторождения Кубака, подобный месторождениям Камчатки), «не могут составлять основу минерально-сырьевой базы золота» [5, 25].

Для справки, крупнейшие в России месторождения Наталкинское и Сухой Лог «суммарно при вводе в эксплуатацию... могут дать 3% мирового производства золота» [5, 25].

Прогноз, конечно же, не учитывает возможные изменения за предстоящие полвека в характере и объемах потребностей мирового сообщества в золоте, например, для формирования государственных запасов, в качестве мировых денег и т.п. Он не учитывает динамики валютных рынков, изменений в технологиях и многих других факторов, радикально меняющих не только экономическую, но и социально-политическую ситуацию в мире (вспомним судьбы прогнозов 1900-го года о 1950-х годах, а 1950-го года о начале 2000-х годов).

Для оценки вероятности развития золотодобывающей промышленности на Камчатке рационально предположить, что ее «рядовые по запасам» месторождения будут разрабатываться в периоды, когда реальная ценовая конъюнктура на золото на мировом рынке будет обеспечивать конкретным золотодобывающим предприятиям реальные прибыли. По мере снижения цен до уровня, не обеспечивающего получение прибыли, предприятия будут консервировать производство, а функционирование золотодобывающей отрасли может прекращаться до очередного повышения цен на золото на мировом рынке. Такими были реальные процессы в золотодобывающем производстве в мире в предыдущие периоды, меняющие

намерения к очередному перераспределению экономического и политического влияния в зоне исторически длительных взаимодействий российского, китайского, японского, североамериканского суперэтносов. Стратегически неопределенная позиция государственной власти по поводу всего двух-трех островов имеет несомненную связь с такими явлениями, как утечка населения с огромной территории, хищническое отношение к природным ресурсам, усиливающиеся миграции из сопредельных государств. В связи с этим очевидно, что одни только провозглашенные в настоящее время частные усилия по нейтрализации или ликвидации этих явлений (борьба с браконьерством, упорядочение миграционных процессов и т.п.) окажутся недостаточными.

2) Отсутствие недвусмысленной, правовым образом выраженной общей стратегической позиции государства является причиной неопределенности менее общих направлений структурной экономической, социальной, демографической, экологической государственной политики на Дальнем Востоке.

Так, Программой его развития, утвержденной постановлением Правительства РФ № 169 от 129.03.2002г. [4], за Дальним Востоком закрепляются функции сырьедобывающей провинции и предоставления территории для прохождения международных транспортных коридоров. В то же время, тормозится внедрение необходимых для рыночной капиталистической экономики форм рентных отношений. Функции промышленного обеспечения оборонного потенциала, развития машиностроительного межотраслевого комплекса и обрабатывающей промышленности не названы ни в качестве базовых для экономического обеспечения политического и экономического освоения Тихого океана, ни в качестве основы комплексного освоения и исторически устойчивого заселения территории Дальнего Востока в целом. Поскольку эти направления государственной структурной политики интенсивно реализовывались до 1990-х годов, то такое умолчание может иметь следствием продолжение разрушения ранее созданных соответствующих этим направлениям отраслей экономики и сложившегося к 1990 году населения.

Непоследовательна реализация сырьедобывающей ориентации в развитии отдельных отраслей промышленности. Так, политика освоения возобновимых водных биологических (рыбных) ресурсов на Дальнем Востоке ориентирована фактически на вахтовые, экспедиционные методы с применением в основном крупного флота, крупных организационных форм с крупными возможностями получения кредитов и мобилизации оборотных средств, с относительно высокими возможностями неконтролируемого государством выхода на

мировой рынок. Применяемые при этом, или планируемые к применению способы распределения квот и лимитов промысла на аукционах, конкурсах и т.п. соответствуют интересам соответствующих этой ориентации рыбопользователей. Такая политика гарантированно ведет к вывозу основного объема стоимости рыбных ресурсов (в том числе ренты) за пределы регионов, где расположено сырье, в том числе за пределы государства; к разрушению исторически сложившихся объективно не могущих быть крупными сырьедобывающих и перерабатывающих экономических субъектов на побережье и связанных с ними населенных пунктов. Результатом этого процесса в конечном счете оказывается постепенное обезлюживание почти пятидесятикилометрового побережья Дальнего Востока. В экологическом и ресурсном отношении этот процесс ведет к гарантированному истреблению популяций наиболее высоко оцениваемых на рынке видов организмов, деструкции водных экосистем, разрушению природно-ресурсной базы рыбного хозяйства как отрасли.

3) Вследствие реализации государственной политики реорганизации, реформирования, реструктуризации энергетики и транспорта, которая разработана без учета социально-экономических особенностей Дальнего Востока, складываются устойчивые экономические, в том числе ценовые барьеры, ставящие экономические и социальные сферы дальневосточных регионов в тупиковые ситуации без перспектив развития. Разовые включения общегосударственных ресурсов для нейтрализации возникающих при этом наиболее острых кризисов только подчеркивают необходимость системного решения проблемы. В последние годы обостряется кризис в функционировании жилищно-коммунального хозяйства, государственная политика организации которого очевидно неадекватна реальным проблемам ЖКХ, платежеспособности населения и субъектов социальной сферы, политике бюджетообразования на уровне субъектов Федерации и муниципалитетов.

4) Складывающиеся как следствие вышеназванных проблем факторы: низкая занятость, низкий уровень жизни, экстремальные, катастрофические энергетические, транспортные и т.п. ситуации; отсутствие уверенности в завтрашнем дне, отторжение населения регионов от природно-ресурсной базы развития и др., - стимулируют интенсивный миграционный отток с Дальнего Востока ранее сложившегося постоянного российского населения. Освобождающиеся территориальные и экономические ниши начинает занимать население сопредельных государств.

5) Отсутствует соответствующий изменившимся в течение

в силу меньшей изученности, в вышеназванный перечень пока не включены. Поскольку содержание золота в руде изученных месторождений Камчатки выше, чем в среднем по стране, и составляет от 10 до 25 граммов металла на тонну руды (на Наталкинском месторождении – 1,95 г/т; Сухой Лог – 3,35 г/т), они могут представить интерес для малых и средних компаний, способных вести разработку месторождений при относительно небольших объемах и быстрой окупаемости капиталовложений, небольших сроках извлечения. Существовавшая в 1990-е годы ценовая конъюнктура на золото на мировом рынке (от 260 до 380 долл/унция) не обеспечивала получение на рудных месторождениях Камчатки достаточной прибыли. В связи с этим многие зарубежные (США, Канада, Австралия) и отечественные компании получали лицензии на их разработку, но не осваивали их. Только с повышением цены на золото на мировом рынке до уровня 600-700 долларов за унцию несколько компаний приступили к освоению золоторудных месторождений Камчатки (Агинское, Асачинское, Аметистовое и др.).

Можно предположить, что при возможном снижении цены на золото до уровня, не обеспечивающего среднюю по отрасли прибыль, работы на месторождениях золота на Камчатке будут свернуты.

По одной из немногих долгосрочных прогнозных оценок конъюнктуры золота на мировом рынке, которая учитывает: 1) наличие подтвержденных запасов в месторождениях золота в мире, известных на начало XXI в., 2) динамику открываемости (воспроизводства) запасов золоторудных месторождений и 3) возможное колебание цен на золото в первой половине XXI в., - предполагается, что волна между минимумами цен займет период от конца 1990-х годов, начала 2000-х годов до 2040-х годов. В начале периода она фиксируется на уровне около 10-20 млн. долл. США за 1 тонну золота; в середине 2040-х годов ожидается – около 60-80 млн. долл. США; около 2030 года – около 110-145 млн. долл. США. В период максимальных цен вероятны частные колебания цен до около 180 млн. долл. США за 1 тонну золота [25].

На фоне такого прогноза возможно возникновение непреодолимых желаний использовать благоприятную конъюнктуру и бросить все доступные инвестиции на разработку золоторудных месторождений Камчатки в период, близкий к пику цен. Стандартный для состояния золотой лихорадки метод расчетов доходов золотодобывающих предприятий путем умножения 450-800 т. золота (варианты прогноза запасов золота на Камчатке) на цену в среднем в 100-120

государства ориентирована на обеспечение интересов крупнейших финансово-промышленных группировок как продукта этих общественных условий.

2. Какова отраслевая и территориальная структуры сложившейся «сырьедобывающей экономики» России; какова география ее основных производств, инфраструктуры, организационно-финансовых центров; какова географическая структура рынков сбыта ее продукции? Как могут повлиять эти факторы на сырьедобывающую специализацию экономики Камчатки?

3. Какие сырьедобывающие отрасли относятся к основным для развития страны с точки зрения общегосударственных интересов власти и управления? Какими методами обеспечиваются их приоритеты в экономическом и географическом пространстве России? Каковы соотношения объективно и субъективно обусловленных приоритетов развития отдельных предприятий, отраслей, рынков сбыта и т.п., влияющих на формирование структуры экономики Камчатки?

4. Каково место отдельных известных в настоящее время видов и месторождений минерально-сырьевых ресурсов Камчатки в известном природно-ресурсном потенциале России и мира? Каково место отдельных видов предполагаемой продукции горнодобывающей промышленности Камчатской области в мировом экономико-географическом пространстве?

Рассмотрим некоторые примеры.

* * *

Оценивая месторождения золота на Камчатке с точки зрения ожидаемых запасов металла в них, необходимо отметить, что эти месторождения относятся далеко не к самым крупным в России. По общероссийским данным на 2006 г. [2] с запасами более 100 т золота в стране насчитывается не менее 8 месторождений, в том числе:

- Наталкинское - 1560 т;
- Сухой Лог - 1543 т;
- Надеждинское - 477 т;
- Олимпиадинское - 425 т;
- Благодатное - 222 т;
- Майское - 136 т;
- Куранах - 126 т;
- Многовершинное - 100 т

В этой же методике на Камчатке выделены 3 месторождения золота: Аметистовое – 52 т; Родниковое – 40 т; Агинское – 30 т. На Камчатке известны и другие месторождения рудного золота: Озерновское, Золотое-Балхач, Бараньевское, Асачинское и т.д., - но они,

1990-х годов общественным отношениям учет объективных принципиальных различий между Дальним Востоком и европейскими районами страны (это обстоятельство характерно и для других отдаленных, в том числе северных районов страны) [3]. Так, попытки пролонгирования действия законодательства о районах Крайнего Севера, сложившегося в общественном строе при советской власти и неадекватного реальным общественным условиям начала XXI века, не обеспечивают декларируемых конституционных прав населению, условий для эффективного развития региональной экономики и, в конечном счете, для обеспечения общегосударственных социально-экономических интересов. Необходимость приведения вышеуказанного законодательства в соответствие с реальным состоянием общества и с природными и социально-экономическими особенностями Дальнего Востока и Крайнего Севера подтверждается примерами эффективной региональной политики в других странах с безусловно рыночной экономикой. Таковы политика США в штате Аляска, Японии на острове Хоккайдо, Канады в зоне Северных территорий и т.п.

Названные проблемы не исчерпывают тему, но достаточно убедительно показывают неопределенность ситуации, сложившейся на российском Дальнем Востоке. Оценивая её с позиций обеспечения целостности и конституционных основ развития Российской Федерации, можно констатировать, что в дальневосточном федеральном округе развивается сложносоставное разноуровневое сочетание угроз общественной, государственной безопасности. В иерархическом отношении угрозы безопасности имеют место для отдельных населенных пунктов и слоёв населения, субъектов Федерации, Дальнего Востока и России в целом. В видовом отношении эти угрозы проявляются в сферах геополитической, оборонной, пограничной, экономической, социальной, демографической, экологической, энергетической, продовольственной безопасности. Несомненно, что связанное с этим состояние непрерывной, повсеместной всеобщей опасности в экстремальных кризисных условиях чревато угрозой целостности государства. Анализируя воззрения влиятельных представителей государственной политической "элиты", можно обнаружить широкий спектр представлений о возможностях развития Дальнего Востока, вплоть до оценки его как сырьевого придатка России, могущего быть частями или в целом разменным материалом в построении геополитических комбинаций. В этих вариантах целостность государства не является приоритетом. Однако, даже если эти варианты будут реализовываться в долговременной государственной политике России (исторический анализ обязывает учи-

тивать такую вероятность), следует иметь в виду, что все остальные названные выше компоненты общей государственной безопасности должны быть обеспечены и в этом случае. Иначе Россия потеряет Дальний Восток спонтанно или под внешним давлением, без разменов и компенсаций. Следовательно, правовое, а вслед за ним социально-экономическое обеспечение устойчивого развития Дальнего Востока при любом сценарии оценок является насущной государственной необходимостью.

Все вышеназванные обстоятельства в полном объеме относятся к Камчатской области, дополнительные особенности развития которой состоят в полной оторванности от сухопутных систем внерегионального транспорта, моноотраслевой рыбохозяйственной специализации экономики, редком сочетании разрушительных природных явлений, повышенном и специфичном геополитическом значении географического положения.

Переходя к рассмотрению предложений об основных формах и методах правового обеспечения развития Дальнего Востока и отдельных его регионов (на примере Камчатской области), остановимся только на необходимости принятия основных законов, базовых для создания системы нормативных актов, регулирующих развитие отдельных сфер общественных отношений.

Важнейшее, основополагающее значение имеет принятие Федерального Закона, утверждающего главные стратегические позиции российского государства в вопросах о значении, роли и месте Дальнего Востока в развитии Российской Федерации на долгосрочную, историческую перспективу. На этой основе должна быть утверждена система стратегических и тактических целей и задач государства по развитию Дальнего Востока и составляющих его регионов; система приоритетных общегосударственного значения функций, которые российское государство будет реализовывать на Дальнем Востоке, в Мировом океане, в Тихом океане и в его северной части, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Соответственно должны быть сформулированы принципиальные положения экономической, социальной, демографической государственной политики на Дальнем Востоке и в основных его регионах; основные положения о распределении прав, обязанностей, ресурсов и ответственности за развитие региональных общественных комплексов в целом и их отдельных межотраслевых и отраслевых блоков; основные принципы, цели, задачи, масштабы, формы политики государственного протекционизма, сочетающего полноту общегосударственной ответственности за решение задач общегосударственного значения с системой социально-экономических стимулов, позволяющей эффективно

дителем» в «страны – изгои» (в эту категорию включены и страны иного ряда, но это совершенно самостоятельная тема). Для познания характера сырьедобывающей специализации России необходимо знать, какую позицию в процессе раздела и передела мира занимает Россия.

В связи с этим, для понимания происхождения, движущих сил и механизмов политик (их, как минимум, две) развития горнодобывающей промышленности на Камчатке, необходимо знать, в каком русле развивается сырьедобывающая специализация экономики России в мировом рынке. Есть несколько вопросов, на которые необходимо иметь ответы.

1. Насколько объективно или субъективно обусловлена сырьедобывающая (или первых пределов сырья) экономическая специализация страны Россия в межотраслевом обмене товарами и услугами в рамках противоречиво развивающейся мировой экономики [1, 11].

Есть точки зрения, что в условиях полной экономической открытости мировому рынку Россия не может быть ничем иным, кроме как поставщиком сырья или продукции «экологически нечистых» производств в экономику «развитых стран» или стран, специализирующихся на развитии обрабатывающих производств. Это обусловлено суровыми природными условиями, особенностями энергетического и транспортного обеспечения производства и жизнедеятельности населения и т.п. Преодолеть эту обреченность можно путем регулирования в национальных интересах внешних экономических связей и обобществленного (возможно - в форме государственной собственности) энергетического и транспортного обслуживания.

Есть точки зрения, сходящиеся в том, что Россия как страна имеет предпосылки для того, чтобы основной экономической специализацией ее хозяйства стало новое, наукоемкое производство, а сырьедобывающая специализация была только временной, для создания фундамента новой экономической специализации. Продажа сырья за рубеж может остаться одним из источников доходов страны, но не единственным и важнейшим, а вспомогательным и дополняющим. Насколько реален такой вариант развития, судить сложно, поскольку он не обеспечен даже принципиальной схемой формирования экономических процессов, могущих привести к названному результату. Представляется, что в сложившихся в настоящее время в России общественных условиях преобладание сырьедобывающей экономической специализации и вывоз капитала в другие страны – гарантированы. До последнего времени политика

в свою очередь, с необходимостью создать систему объективно обоснованного прогнозирования этих интересов. Необходимо выработать методы рационализации потребностей человеческих, что противоречит важнейшим принципам формирования «общества потребления» в развитых странах. Сложность перехода к «устойчивому развитию» связана не только с необходимостью разработки эффективных механизмов для обеспечения этого перехода, но и с сопротивлением эпохи «неустойчивого развития», стремлением законсервировать привычные, удобные старые стереотипы.

Экономика России в течение 15 лет развивается в рамках формирующегося капиталистического уклада; в условиях государственно провозглашенной политики отказа государства регулировать экономические процессы; в условиях полной формальной открытости мировому рынку. Не углубляясь в подробное рассмотрение всех разнообразных, динамично меняющихся особенностей этого процесса, в том числе и специфично «российских» особенностей, дающих основание многим исследователям квалифицировать капитализм, функционирующий в России в конце XX – начале XXI века специальным обобщающим термином «российский капитализм», выделим одну черту современной российской экономики, важнейшую для рассматриваемой нами темы. Эта черта – сырьедобывающая специализация экономики России в мировом рынке [1, 11].

После разрушения СССР, «социалистического лагеря», «объединения стран экономической взаимопомощи» и других структур, обозначавших существование не только политического, но и экономического объединения стран социалистической ориентации, в мире происходит раздел и передел сфер влияния не только в политической, но и в экономической сфере. И, опять, ограничиваясь рамками рассматриваемой темы и не углубляясь в сложный анализ этого процесса, констатируем, что этот процесс неоднозначен. «Победа» «лагеря империализма» в «холодной войне», как и любая победа, противоречива. В «побежденном» «лагере социализма» не все составлявшие его страны повели себя одинаково. Одни, признав поражение и даже обрадовавшись ему, пошли - если следовать аналогиям Древнего Рима - «за колесницей триумфатора», полностью принимая диктуемые правила политического и экономического поведения. Другие, сохранив свое политическое мировоззрение и политическую самостоятельность, используют сильные экономические стороны от взаимодействия с победившей стороной для наращивания своего экономического потенциала. Третьи, сохранившие политическое и экономическое мировоззрение, произведены «побе-

развиваться региональным хозяйственным комплексам с учетом объективно обусловленной специфики местных условий. Должна быть законодательно закреплена система правовых и экономических механизмов, исключающая не соответствующее государственным интересам развитие событий. Так, если интересам России соответствует развитие Дальнего Востока как равноправного региона Российской Федерации и полное использование Россией геополитических и геоэкономических функциональных возможностей Дальнего Востока, то законодательно должна быть исключена, под ответственность высших органов государственной власти, возможность развития на Дальнем Востоке катастрофически разрушительных процессов в сферах социальной, экономической, демографической, энергетического и транспортного обеспечения. Поскольку эти кризисные процессы имеют перманентный характер, обусловленный институциональными правовыми и экономическими тупиками, то не исключено, что их воздействие может превысить критический уровень устойчивости региональных социально-экономических систем и привести к их спонтанной деструкции и стихийно эвакуационному разрушению систем расселения.

Вторая группа Федеральных Законов должна регулировать всю систему отношений, связанных с развитием северных районов Дальнего Востока и России в целом. На основе закрепления долгосрочных целей и задач развития этих районов должна быть создана система социально-экономических условий, обеспечивающих эффективное рациональное развитие экономики, достойное качество жизни населения, устойчивое и гарантированное энергетическое, транспортное и товарное обеспечение и т.п. Законодательно должна быть исключена возможность повторения и развития в северных районах разгромных экономических и социальных ситуаций, массовых эвакуационных настроений населения; принятия официальных правительственных решений, способствующих превращению северных районов в зоны гуманитарных катастроф.

Законодательное закрепление ускоренного и системного внедрения в экономические процессы рентных отношений, органично присущих рыночной капиталистической экономике и определяющие важные для Дальнего Востока, многие районы которого имеют исключительно сырьедобывающую специализацию. Отсутствие системы таких отношений является причиной нищенского состояния социальной и несырьедобывающей экономической сфер, создает питательную среду для крупномасштабного и агрессивного отечественного и международного браконьерства, приводит к разграблению природных ресурсов, недостатку средств в консолидированном

бюджете, резкому социальному расслоению и формированию устойчивой демонстративной социальной несправедливости. Понятно отчаянное, труднопреодолимое сопротивление внедрению рациональных рентных отношений, разработке видовых и комплексных территориальных кадастров природных ресурсов со стороны преуспевающих сырьедобывающих экономических субъектов в России в целом. Но если принятие законодательства о внедрении рентных отношений затруднено в масштабах всей страны, оно бы могло быть, хотя бы в экспериментальном порядке, принято для Дальнего Востока.

Важнейшее значение для Дальнего Востока имеет совершенствование системы организации и построения взаимоотношений органов государственной власти и управления и органов местного самоуправления. Если в обозримом будущем соответствующее законодательство, касающееся России в целом, не может быть принято, необходимо принять Закон о системе государственной власти и местного самоуправления для Дальнего Востока и Крайнего Севера. Эти районы не могут рационально, некризисно управляться без учета специфики их социально-экономического развития, состоящей в гигантской территориальной разбросанности субъектов и объектов управления; отсутствии дублирующих жизнеобеспечивающих систем; транспортной отдаленности от комплексно и исторически устойчиво освоенных районов страны и мира; специфичных природных условиях, в связи с которыми систематически возникают безальтернативные социально-экономические ситуации, требующие быстрого оперативного разрешения и соответствующего ресурсного обеспечения и других особенностей. Для Дальнего Востока и Крайнего Севера построение системы власти и управления, регламентирующее адекватное реальным условиям распределение прав, обязанностей, ресурсов и ответственности между федеральным центром, субъектами Федерации и местным самоуправлением, наиболее актуально. Существующая система власти, выносящая практическое разрешение кризисов жизнеобеспечивающих процессов даже в отдельных населенных пунктах на федеральный уровень, не обеспечивает необходимой управляемости развитием общественных структур не только на средние и долгосрочные периоды, но и на краткие сроки.

Актуально для Дальнего Востока и принятие не только Федеральных Законов, регламентирующих общие направления развития отдельных отраслей хозяйства (так называемых рамочных), но и Федеральных Законов, регламентирующих управление конкретными процессами развития отраслей хозяйства и межотраслевых ком-

рыночные регуляторы, влияющие на формирование этой движущей силы и развитие инициируемых ею процессов: спрос и предложение, издержки производства, стоимость, себестоимость, цена и т.п. - известны из экономических теорий, описывающих капиталистическое общество в т. н. «развитых» странах конца XX века.

В мировой экономике формируется процесс т. н. «глобализации», ориентированный на интересы т.н. «развитых стран» («большая восьмерка»). По каким сценариям и с какой скоростью будет развиваться мировая экономика в обозримый период, если учесть скоротечность современных общественных процессов; действие закона неравномерности развития стран; действие других общих законов общественного развития, в настоящее время поддается прогнозированию только в самом общем виде.

Вследствие ориентации развития всей «глобализирующейся» мировой экономической системы на интересы узкой части этой системы, процессы «глобализации» неизбежно управляемы, регулируемы, и очень часто – в явной и жесткой форме. Это противоречие с принципами «свободной, либеральной рыночной экономики капиталистического типа» может свидетельствовать о формировании в XXI в. нового типа общественных отношений. Рассмотрение этой проблематики выходит за рамки темы этой статьи. Учитывать возможность действия этого фактора, однако, необходимо [например, 16].

Человечество переходит в принципиально новую фазу развития, вызванную накопившимися и неразрешимыми в современных условиях противоречиями в экономической, социальной, экологической сферах. Формализовано принятая Организацией Объединенных Наций политика, ориентированная на т. н. «устойчивое развитие» человечества, предусматривает для всех стран переход к гармоничному, взаимоувязанному учету экономических, социальных и экологических интересов при принятии всех решений, определяющих социально-экономическое развитие стран, регионов, предприятий.

Возникающая в связи с принятием политики «устойчивого развития» ситуация вносит в развитие мировой экономики и национальных экономик принципиально новые «необходимости». Можно привести некоторые их примеры. Необходимо, например, включать в механизмы развития сложную в видовом отношении систему взаимоувязанных ограничителей, сдерживающих, вплоть до ничтожного, влияния движущей силы капитализма – прибыли. Необходимо в качестве важнейшего критерия качества управленческих решений принять учет интересов будущих поколений, что связано,

экономических и эколого-экономических разработок.

Основная особенность этих «идей» состоит в том, что, предлагая решения для регулирования развития сложнейших региональных природно-общественных систем, они не опираются на системную всестороннюю научную аргументацию и комплексные расчеты и оценку. В их основе – субъективно сформировавшиеся убеждения, неизбежно несистемные, некомплексные, зауженные, компенсирующие слабую доказательность сильными эмоциями.

Однако, вследствие очевидной простоты, до последнего времени эти «идеи» являются не только постоянным предметом публичных обсуждений, но и руководящим началом для принятия отдельных управленческих решений. Среди таких решений можно назвать, например, долгосрочную программу Камчатской области «Экология и природные ресурсы», утвержденную в 2005 году.

* * *

Рассматривая вопросы развития горной промышленности на Камчатке в начале XXI века, выделим две группы факторов, влияющих на ее формирование. Одна группа – внерегиональные факторы, обуславливающие производства для внерегионального оборота, формирование горной промышленности как отрасли специализации региона в глобальном экономико-географическом пространстве. Другая – факторы внутрирегиональные, влияющие на создание производств внутрирегионального значения, на формирование отраслевой и территориальной структуры горнопромышленного регионального комплекса и на его встраивание в региональное экономико-географическое пространство. Для удобства анализа рассмотрим эти группы факторов порознь [1, 11, 20].

Внешние факторы складываются, в основном, в зависимости от условий общественного развития, складывающихся в России и в мировом сообществе в начале XXI в. Назовем основные из них. Отметим также, что мы не анализируем относительно краткий во времени процесс ускоренного изъятия из Природы, Госзапаса и т.п. и продажи за рубеж всего, что за рубежом готовы купить. Этот процесс опирается на исторически нерациональную готовность государства разрешать такую безудержную распродажу или неготовность остановить распродажу неразрешенную. Такой процесс исторически быстро ведет к разрушению страны, рациональному анализу не поддается.

В России формируется капиталистический уклад, при котором развитие экономических структур подчинено в конечном счете главному стимулу, главной движущей силе – прибыли. Основные

плексов, функционирующих в специфичных условиях Восточной и Северо-Восточной Азии и Тихого океана. Это управление должно осуществляться в механизмах, территориально и содержательно приближенных к району функционирования отраслей, а не из Центра, расположенного за многие тысячи километров в условиях Восточной Европы, тяготеющей к Атлантическому океану. Это объективно обусловленное требование относится к управлению ключевыми для развития Дальнего Востока рыбохозяйственным, топливно-энергетическим, горнопромышленным, транспортным, жилищно-коммунальным комплексами. Важнейшей проблемой становится законодательное регламентирование природопользования на Дальнем Востоке и в прилегающей зоне Тихого океана, где попытки разрозненно развивать отдельные сырьедобывающие отрасли гарантированно приведут к деградации водных экосистем и, как минимум, к существенному снижению воспроизводственного потенциала водных биологических ресурсов.

Разработка нормативно-правовой базы, регламентирующей более конкретные общественные проблемы с учетом местных условий, возможна в рациональных сочетаниях на всех уровнях власти и управления.

Библиография.

1. Дальний Восток-2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010г. / Под ред. Минакера П.А.-М.: ЗАО «Экономика», 2002-434с.
2. Добрецов, Н.А. , Конторович, А.Э., Кулешов, В.В. Стратегические точки роста и проблемы государственной значимости в Сибири//Вестник РАН, октябрь 2001, с.867-880.
3. Моисеев, Р.С. Дальний Восток: геополитические проблемы региональной стратегии развития. Петропавловск-Камчатский: ПКВМУ, 1996. - 63с.

Документы:

4. Постановление правительства РФ № 169 от 19.03.2002г. «О федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005гг.».

Проблемы законодательного регулирования социально-экономического развития и совершенствования межрегиональных связей на Дальнем Востоке с целью обеспечения рационального сочетания общегосударственных и региональных интересов. Материалы конференции. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ. -2002.

О ПРОБЛЕМАХ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ (НА ПРИМЕРЕ КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Прежде всего, проблема интеграции науки и образования исторически длительна, многопланова, многоуровневая, разнохарактерна и несамоцельна. Одно содержание она имеет в плане общечеловеческого развития, другое – в общегосударственном, третье – в региональном. Одно – в стабильном, другое – в бурно развивающемся, третье – в кризисном обществе. Одно в стране и регионе с высоко-развитой наукой и образованием, другое – в стране слабообразованной. От таких особенностей зависят цели и конкретные формы проблем интеграции, с которыми сталкивается Дальний Восток в начале XXI века.

Дальний Восток в целом продолжает находиться в глубоком системном кризисе. На юге региона обозначаются точки экономического роста – траектории их развития покажет время. Богатый природно-ресурсный потенциал, выход в Тихий океан, близость экономических гигантов Азии – некоторые из основных условий, определяющих резкую специфику роли ДВ в России и в АТР, места ДВ на шахматном поле геополитических игр.

Эта специфика недостаточно внятно учитывается на федеральном уровне. Развитие ДВ фактически подчинено приоритетам европейски ориентированных интересов. Основные направления его развития ограничены стандартным усредненным набором. Привычная для страны сырьедобывающая специализация периферийных регионов. Использование транзитных транспортных возможностей на оси Европа-Азиатско-Тихоокеанский регион. Перевод освоения природных ресурсов в районах Севера, составляющих около 2/3 территории страны, на вахтовые методы. В абсолюте – без постоянного населения.

В связи с этим в центральной прессе открыто и часто обсуждаются вопросы, выражающие идеологию кругов, считающихся федеральной элитой. На каких условиях выгодно продать часть территории Дальнего Востока и его природных ресурсов? Задержать ли население на Дальнем Востоке? Не слишком ли дорого обходится содержание Дальнего Востока? "Зачем НАМ нужен Дальний Восток?"

Реализация подобных кажущихся кому-то общественно значимыми установок тормозится в частности потому, что до 1990 года на Дальнем Востоке были сформированы проявляющие живучесть

последнего времени отличаются высокой степенью непредсказуемости даже со стороны высших органов экономической государственной власти России.

Однако, даже краткое, приведенное выше описание ретроспектив развития знаний о минерально-сырьевом потенциале Камчатки и оценок возможностей его освоения позволяет утверждать о неслучайности формирования подходов к развитию горной промышленности в Камчатской области в реальных общественных условиях. Оно позволяет даже в начале XXI века в России, когда многим политическим и экономическим деятелям представляется, что развитие горной промышленности зависит от наличия или отсутствия желания у «зарубежных стратегических инвесторов» и состоит в том, что должно быть «добыто все, что открыто», понимать, что развитие горной промышленности зависит от сочетания фундаментальных экономических, социальных, экологических, географических факторов.

Необходимо отметить также, что в течение XX-го века и в настоящее время по поводу формирования горной промышленности в структуре социально-экономического комплекса Камчатской области не только велись разработки, но и высказывались «идеи», в том числе принципиально противоположные. Их можно сгруппировать в три основных направления.

Одно – объявить Камчатку с прилегающими морями особо охраняемой природной территорией с функционированием здесь только строго регулируемого рационально организованного рыбного промысла.

Второе – допустить в пределах Камчатки и прилегающих морей освоение всех обнаруженных природных ресурсов, в том числе и всех обнаруженных минерально-сырьевых ресурсов. Саморегулируемое развитие отдельных экономических единиц и их самопроизвольно формирующихся совокупностей приведет к результату, обеспечивающему экономическое процветание региону и благосостояние его населению.

Третье – придать приоритет развитию на Камчатке горнодобывающей и нефтегазодобывающей промышленности как обеспечивающей наибольший экономический эффект. Сконцентрировать на их развитии инвестиционные ресурсы. Допускать функционирование любых других отраслей хозяйства, ориентированных на освоение других природных ресурсов.

Ни одна из отдельных «идей» в составе этих групп не доведена до уровня пусть укрупненных, но комплексных социально-

сти их вовлечения в межрегиональный оборот.

В конце 1980-х годов, при разработке прогнозов развития Камчатской области в составе СССР, на основе оценки не только накопившихся данных о минерально-сырьевом потенциале Камчатки, но и изменившихся экономических возможностей СССР при переходе экономики страны в «постиндустриальную» фазу развития, были поставлены вопросы о разработке программ создания в структуре народнохозяйственного комплекса Камчатки горной промышленности, в том числе внерегионального значения. Отраслевая и территориальная структура, объемы производства, инфраструктурное обеспечение, рынки сбыта, характер межотраслевых связей и другие стороны развития горнопромышленного регионального комплекса рассматривались вариантно, в режиме предварительных обобщенных обоснований.

Комплексные оценки приводили к выводам, что в условиях в основном сбалансированного внутригосударственного рынка СССР освоение большинства месторождений полезных ископаемых Камчатки оказалось не необходимым, нерентабельным. Кроме того, оно было сомнительно по экологическим соображениям, вступало в противоречие с утвержденными приоритетами рыбного хозяйства, поскольку могло разрушительно воздействовать на среду обитания и воспроизводства водных биологических ресурсов.

В то же время, все варианты разработок показывали необходимость диверсификации районообразующего блока экономики Камчатки. Предлагалось сформировать новые отрасли экономической специализации, дополняющие единственную отрасль специализации региона, рыбную промышленность. В качестве дублирующих производств, придающих устойчивость народнохозяйственному комплексу, во всех вариантах разработок развития экономики Камчатки рассматривалось создание отдельных горнопромышленных предприятий при условии обеспечения экономической рентабельности и экологической допустимости [3, 4]. Более подробное описание этих разработок могло бы быть полезно для рассматриваемой темы, но требует значительно большего объема, чем краткая статья. Кроме того, рассматриваемый нами период, начало XXI века, радикально отличается от предшествующих по внутригосударственным и внешним условиям, определяющим характер развития экономики страны, регионов, отраслей, отдельных предприятий. В связи с этим многие, не только более или менее конкретные расчетные экономические показатели, но и общие оценки периода конца XX – начала XXI веков имеют радикально иной, чем до 1990 года характер и до

территориально-производственные комплексы; создан значительный по объему и сложный по структуре производственный, инфраструктурный, демографический, социальный потенциал. И этот потенциал, в сложнейших условиях общегосударственного кризиса, проявил способность к самозащите, самосохранению, самовоспроизводству. Особую роль в этом играет интеллектуальный и воспроизводящий его часть – научный и образовательный потенциал Дальнего Востока. Обсуждая сегодня вопрос о возможностях участия этого потенциала в развитии Дальнего Востока, необходимо отметить неразрывную его связь с вопросами развития каждого компонента в социально-экономическом организме региона.

Камчатская область обладает основными системообразующими характеристиками для Дальнего Востока чертами и накопила определенный опыт в интеграции науки и образования и сотрудничестве их с органами власти и управления. Возможно, выводы из анализа этого опыта будут полезны не только для одного региона.

На первом месте по значимости, безусловно, стоит проблема выработки стратегии развития Дальнего Востока в целом и отдельных его регионов. В такой стратегии выделяются две главных задачи. Одна – полно использовать все преимущества Дальнего Востока для, в первую очередь, долгосрочных интересов страны, для обеспечения исторически длительных национальных интересов России. Вторая – на основе полного использования регионального природного и общественного потенциала обеспечить формирование на Дальнем Востоке целостного и дифференцированного социально-экономического комплекса, эффективно и динамично развивающегося, самостоятельно и полно решающего внутренние вопросы своего функционирования. Решение этих двух задач не только взаимосвязано, а неразрывно.

Постановка таких задач и организация их решения – дело политического руководства страны и регионов. Разработка этих задач, алгоритмов их решения – дело той социальной сферы, которую составляет интеллектуальный потенциал (в который входят, конечно, и управленцы). Одна из важнейших проблем – добиться понимания и принятия этих задач на федеральном уровне. И эта проблема – общая.

Главные отраслевые проблемы развития Дальнего Востока не могут быть ни решены, ни поставлены без ведущей роли научного и образовательного потенциала региона, начиная от разработки, до кадрового обеспечения и научного сопровождения. Это касается разработки экономических и правовых механизмов развития, технологий, экологических обоснований, демографических и социаль-

ных программ. Можно назвать несколько конкретных важнейших направлений, решение задач которых возможны только с использованием научных подразделений. Необходимы разработка и внедрение рационального механизма рентных отношений в освоение природных ресурсов. Для регионов преимущественно сырьедобывающей специализации эта проблема жизненно важна. В современной же России построение капитализма проходит в рентных отношениях самого дремучего уровня.

Для Дальнего Востока важно внедрение производств не требующих ручного труда, наукоёмких, ресурсосберегающих, строго соответствующих специфике его совокупного потенциала, точно выверенных по экономической эффективности с учетом окружения из наиболее развитых стран мира. Так, в приоритетное направление должно быть превращено глубокое использование биологических, в первую очередь, водных биологических ресурсов. Мало того, что должен быть прекращен вывоз рыбы в подмороженном виде и налажена её переработка до конечного пищевого продукта. Самое важное – внедрить биохимические, биотехнологические технологии. Все это в совокупности позволит кратно повысить экономический эффект для отрасли и региона практически на той же природно-ресурсной базе.

Без комплексных научных разработок не разобраться в противоречивых, экологически и экономически разрушительных подходах к использованию природных ресурсов шельфа и исключительной экономической зоны Дальнего Востока. Современные механизмы управления рыбным хозяйством и поспешного планирования промысла углеводородов гарантированно в обозримые сроки приведут к ликвидации ресурсной базы и той, и другой деятельности. Без научнообоснованной рационализации природопользования современная практика затыкания сиюминутных федеральных фискальных дыр лишает исторических перспектив и рыбное хозяйство, и топливно-энергетический комплекс.

Без научнообоснованной долговременной политики, на базе современных случайных управленческих импульсов невозможно решить сложнейшие по структуре, специфичные, острые, важнейшие в геополитическом отношении демографические и социальные проблемы Дальнего Востока.

Готов ли к решению этих задач интеллектуальный потенциал Дальнего Востока? Во многом готов. Количественные и качественные его параметры, сложившиеся к 1990 году, и в целом соответствовавшие потребностям развития Дальнего Востока в основном со-

Камчатки установлены газ, конденсат, уголь каменный, уголь бурый и др. Некоторые относимые к этой группе виды природных ресурсов могут быть использованы не только в качестве «топливно-энергетических», например, торф, термальные воды и пароводяные смеси.

По группе «нерудные полезные ископаемые»: строительные материалы (инертные, вяжущие, отделочные), а также драгоценные, полудрагоценные и поделочные камни.

По группе «подземные воды», кроме геотермальных, представлены пресные питьевые и технические воды, а также минеральные воды, в том числе столовые и лечебные почти всех известных видов вод, различающихся по бальнеологическим качествам.

До 1990-х годов в Камчатской области практически широко использовались только месторождения общестроительных материалов (камень для изготовления щебня, вулканический шлак, песок, песчано-гравийная смесь) в объемах, определяемых внутрирегиональным строительным производством. Для обеспечения локальных энергетических потребностей использовались или рассматривались для использования расположенные вблизи от потребителей месторождения бурых углей (Тилички, Корф, Палана, Тигиль, Аянка и др.). Использовались, или подготавливались к использованию для формирования субрегиональных энергетических систем геотермальные месторождения Паужетское, Мутновское, Эссовское.

Для формирования бальнеологических комплексов использовались месторождения термоминеральных вод Паратунское, Начикинское, Малкинское, Пущинское, а также холодных минеральных вод – Малкинское.

Перечисленные виды использования природных ресурсов недр Камчатки связаны с внутрирегиональным потреблением, не имели районообразующего значения. Вовлечение месторождений полезных ископаемых Камчатки в межрегиональный, общесоюзный оборот ограничивалось сугубо экономическими и географическими факторами. В СССР, вблизи от промышленно развитых районов, потребляющих продукцию горнодобывающей промышленности, было достаточно месторождений, часто уникальных. В общесоюзный оборот были включены только некоторые россыпные месторождения золота, с производством не более 0,5 т металла в год.

В оценках общегосударственного минерально-сырьевого потенциала СССР основные месторождения Камчатки были отнесены к резервным. Только некоторые виды ресурсов, например: перлит, обсидиан, пемза - предлагались для изучения на предмет возможно-

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАМЧАТКИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Оценка возможностей создания на Камчатке отдельных горно-промышленных предприятий начиналась в XVIII, XIX, начале XX веков при эпизодических, чрезвычайно редких посещениях региона специалистами и дилетантами, в рамках экспедиционного изучения территории по случайным маршрутам методами визуального обследования. Не анализируя конкретных причин, констатируем устойчиво отрицательные результаты этих оценок. Выскажем предположение, что, при всей эпизодичности и поверхностности таких обследований, результаты получены под воздействием и объективных экономических и географических факторов: отдаленность от базовых районов освоения; отдаленность от промышленных центров – потребителей продукции горной промышленности; транспортные сложности и т.п.

Специализированные, профессионально обеспеченные геологические исследования на Камчатке начались во второй половине XX века. В это время СССР перешел в период развития производительных сил, который условно можно определить, как вторую, «послевоенную» стадию индустриализации. В условиях плановой экономики необходимо было с достаточной точностью оценивать перспективы обеспеченности страны минерально-сырьевой ресурсной базой.

К началу 1990-х годов была выполнена геологическая съемка территории области; поисковые и геологоразведочные работы на многих перспективных площадях и месторождениях минеральных, нерудных, топливно-энергетических полезных ископаемых и подземных вод; защищены запасы на многих месторождениях; сформированы региональные фонды геологических данных [3, 4, 21, 22].

Выявленный природно-ресурсный потенциал недр Камчатской области, не затрагивая прилегающий шельф, по состоянию на 1991-2005 гг. (за эти пятнадцать лет набор видов ресурсов не изменился), можно разделить на следующие основные группы.

По группе «черные и цветные металлы»: месторождения и проявления руд с содержанием некоторых металлов, вызывающих интерес для металлургической промышленности, а именно железа, титана, никеля, меди, алюминия, ванадия.

По группе «драгоценные металлы»: месторождения и проявления руд и россыпей, содержащих золото, серебро, платиноиды.

По группе «топливно-энергетические ресурсы» на территории

хранились. Как оказалось, интеллектуальный потенциал проявил очень высокую способность к самосохранению и самовоспроизводству. Вопрос: надолго ли сохранится этот потенциал, оставаясь невостребованным. Его недостаточное использование – это проблема политическая, управленческая. Пути использования этого потенциала: кооперация, интеграция, координация, концентрация сил и средств на решении первостепенных задач – в общем верны, как верно многое в общем. Очевидно, что основные проблемы обнаруживаются при конкретизации этих общих путей.

Сложные проблемы связаны с воспроизводством интеллектуального потенциала. Одна из его реакций на кризисную ситуацию 1990-х годов в стране, на Дальнем Востоке, в Камчатской области состояла в резком росте спроса населения на получение высшего образования. На Камчатке это выразилось в росте числа студентов на 1000 чел. населения с около 8 в 1990 году до более 35 в 2002 году. Но этот спрос стихийен, ориентирован на потребности в специалистах во время поступления в вуз, а не во время его окончания. На этот спрос ориентируется и большинство вновь образовавшихся вузов.

Воспроизводство специалистов по рыночному закону спроса населения на образование и без учета спроса общества на специалистов определенных профессий и квалификаций в реальных социально-экономических ситуациях порождает много разнообразных проблем. Современная экономика и социальная сфера, например, неспособны принять то количество экономистов и юристов, которое на платной основе готовят вузы. Это порождает не только общую и профессиональную безработицу, резкое снижение перспектив профессионального роста, отток молодых специалистов за рубеж, дефицит в специалистах реально развивающихся производств, не бывших привлекательными для населения пять и более лет назад.

Наше политическое руководство вероятно еще не осознало, что образованные и получающие образование молодые люди, не востребованные обществом, носят очень динамичный, социально взрывной потенциал. Но тот же взрывной потенциал содержит и молодежь, не получающая доступ к образованию. Очевидно, что в стране, но, в первую очередь, в регионах необходима разработка научнообоснованных прогнозов и программ, совмещающих количественные и качественные параметры систем высшего образования с количественными и качественными параметрами общественной потребности в специалистах в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Продолжая развивать высшее образование по прави-

лам конъюнктурного спроса и предложения, мы получим клубок острых и разрушительных проблем.

Важно и внесение научнообоснованных изменений в систему хозяйственного управления в стране. Не касаясь других многочисленных вопросов рационализации систем управления, обсуждаемых на всех уровнях власти, начиная от администрации Президента, отметим следующее. В управлении необходимо соблюдать принцип: ответственность управляющего звена должна быть обеспечена правами и ресурсами. Без этого условия эффективного управления, в первую очередь на низких иерархических уровнях, не будет.

Дальний Восток как экономическое пространство удалён от столицы на многие тысячи километров, на расстояния не регионально-го, а глобального и субглобального масштаба. Он не будет рационально развиваться, пока оперативное управление реальными экономическими процессами будет осуществляться из столицы. Какими бы благими намерениями ни руководствовались столичные управленцы, они никогда не смогут учесть оперативные и, тем более, непредвиденные изменения реальных ситуаций. Поэтому слишком часто их управленческие воздействия оказываются неадекватными и вызывают неожиданные и неприятные для управленца реакции, в особенности в сфере природопользования. Выход известен, он выработан человечеством давно. Необходимо из столицы определить только твердые контуры, так называемые рамочные условия развития. Оперативное и тактическое управление должно осуществляться на месте событий. Проблема состоит в том, чтобы определить меру применения этого общего правила в конкретных условиях Дальнего Востока. И в выработке научных обоснований для принятия такой меры должны быть использованы возможности интеллектуального потенциала региона, способного внести объективные обоснованные, уравновешенные предложения.

В Камчатской области практика работы Совета по науке и образованию при Администрации области позволяет считать, что скоординированные анализ проблем и определение приоритетов их решения могут принести положительные результаты, а также что многие проблемы могут быть решены только для ДВ в целом.

Проблемы образования и науки в Камчатской области. Бюллетень Совета по образованию и науке, № 1. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2003. 2003 г.

с.10-16.

12.Моисеев, Р.С. Тенденции развития миграционного потока в районы нового освоения севера Сибири и Дальнего Востока, сб. Исследования регионального расселения, Владивосток, ДВНЦ АН СССР, 1978.-с.214-219.

13.Моисеев, Р.С., Тенденции развития природопользования на Камчатке. сб. Ученые труды Дальневосточной Академии управления, бизнеса и права и ДФ ВАВТ, вып. Пятый, -Петропавловск-Камчатский: Изд-во ДФ ВАВТ, 1998.-с.80-94.

14.Моисеев, Р.С. Факторы и перспективы развития г. Петропавловск-Камчатского // Вопросы географии Камчатки, выпуск 10, Петропавловск-Камчатский, 1990.-с.18-25.

15.Моисеев, Р.С. Экономические проблемы развития народов Севера России в переходный период.- Петропавловск-Камчатский; Камчатский печатный двор. Кн.изд-во.-1990.-216с.

16.Народное хозяйство Камчатской области. Статистический сборник, Камчатоблстатуправление, -Камчатское отделение Дальиздат, Петропавловск-Камчатский, 1971.-203с.

17.О плане развития местного хозяйства Камчатской области на 2963 год. Приложение к решению № 628 исполкома Камчатского областного Совета депутатов трудящихся от 11 декабря 1962г.- Петропавловск-Камчатский, 1963-138с.

18.Программа социально-экономического развития Камчатской области на среднесрочную и долгосрочную перспективу (2000-2005, 2006-2010гг.) (краткое изложение)-Петропавловск-Камчатский :Изд-во Госкомкамчатэкологии,2000.-124с.

19.Попова И.П. Профессиональный статус научных работников-вариации поведения /Социологические исследования №12 2001.-с.64-72.

20.Российский статистический ежегодник, Стат. сб./ Госкомстат России, М.,2000.-с.484.

21.Сергеев И. Миксер для кухаркиных детей /Московский комсомолец, 17-24.01.2002.

22.Социально-экономическое положение Камчатской области за январь-декабрь 2000 года. Годовой доклад, Камчатоблкомстат, Петропавловск-Камчатский, 2001-157с.

23.Чередниченко, Г.Л. Личные планы выпускников средних учебных заведений (сравнительный анализ) /Социологические исследования.- №12.- 2001.- с. 108-115.

Проблемы образования и науки в Камчатской области. Бюллетень совета по образованию и науке. № 1. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГТУ, 2003.

ствием других социально несомненно негативных процессов. При этом возникают предпосылки для исчезновения живого, непрерывно развивающегося, преемственного, накопленного в течение 1930 – 1980-х годов опыта, учитывающего своеобразные для человеческой деятельности региональные условия: опыта научных исследований, строительства, ведения рыбного, охотничьего, лесного хозяйства и т.д.; опыта, накопленного ценой совершения многих ошибок, осознания экономического, социального, экологического ущерба и ликвидации его последствий.

Библиография.

1. Камчатка на пороге тысячелетия, статистический сборник. Камчатоблкомстат, Петропавловск-Камчатский, - 2000- 321с.
2. Крухмалева, О.В. Современные тенденции в получении образовательных услуг./ Социологические исследования № 9 2001 с.83-88.
3. Матвеев, А. Ключи к жизни/ Экономика и жизнь № 20 2001г.
4. Моисеев, Р.С. К вопросу о закономерностях механического движения населения в районы нового освоения. Сб. Проблемы формирования и размещения населения на Дальнем Востоке.- Владивосток: ДВНЦ АН СССР, - 1978.-с.111-116.
5. Моисеев, Р.С. Концепция природопользования в Камчатской области: подходы и особенности // Вестник ДВО РАН.-1994.-№1.-с.72-79.
6. Моисеев, Р.С. К стратегии развития Камчатки // Вестник ДВО АН СССР-1990.-№4-с.72-79.
7. Моисеев, Р.С. Некоторые вопросы управления развитием северных районов России в конце XX века. Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор.-1999.-110с.
8. Моисеев, Р.С. Некоторые особенности социально-демографической структуры населения районов нового освоения. Сб. Исследования регионального расселения, Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978.-с.172-178.
9. Моисеев, Р.С. О проекте концепции развития г. Петропавловск-Камчатского, сб. Петропавловску-Камчатскому – 260 лет. Материалы научно-практической конференции 17-18 октября 2000г., Петропавловск-Камчатский,-2001.-с.59-68.
- 10.Моисеев, Р.С. Особенности форсирования трудового потенциала сельского хозяйства камчатской области, в сб. Социально-экономические проблемы дальневосточного села, Владивосток: ДВО АН СССР, 1987.-с.34-41.
- 11.Моисеев, Р.С. Развитие производительных сил и система расселения на Камчатке.// Вопросы географии Камчатки. Вып.8 1982.-

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНАХ СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (совместно с Разумеевым М.Л.)

Под интеллектуальным потенциалом региона мы понимаем совокупность взаимосвязанных общественных явлений, в которую входят:

- организационно, социально и экономически оформленные и неоформленные сферы научных исследований, образования, культуры, искусства, инженерно-технической, архитектурно-строительной, хозяйственной и административной управленческой и общественной деятельности на высоком профессиональном уровне;
- устойчивые системы информационных и личных взаимосвязей с интеллектуальным потенциалом других регионов и государств, позволяющие функционировать в общем поле культурного и научного развития человечества;
- сложившиеся в населении региона в целом и в отдельных его социально-территориальных группах социальные установки на приобретение и повышение личного образовательного, профессионального, квалификационного уровня.

При таком понимании интеллектуального потенциала его носителем является население в целом, отдельные социальные группы, отдельные личности, функционирующие в сложившихся в регионе государственных и негосударственных структурах [1].

Интеллектуальный потенциал в районах Севера Дальнего Востока, по состоянию на 1990 год, сформировался вместе с населением и экономическим потенциалом этих районов в течение XX века, за годы советской власти. Это - результат долгосрочной демографической и социально-экономической политики советского государства, ориентированной на промышленное, транспортное, сельскохозяйственное, расселенческое освоение районов Севера, Сибири и Дальнего Востока; формирование в стратегически важных районах оборонного потенциала с оснащением на высшем в мире научно-техническом уровне; создание региональных научно-исследовательских и проектно-конструкторских структур, обеспечивающих постоянные научные исследования и стабильное научно-исследовательское, опытно-конструкторское и проектное сопровождение экономического и социального развития; создание системы общего и профессионально-технического, среднего и высшего спе-

циального образования, а также системы подготовки и привлечения в районы Севера специалистов редкой и узкой профессиональной специализации [1, 2].

В 1990-е годы, в процессе проводимой в России реформации, социально-экономические структуры Севера Дальнего Востока испытали изменения, по характеру близкие к катастрофическим. Более чем в два раза снизилось промышленное, а еще более - сельскохозяйственное производство. Некоторые отрасли производства, в основном внутрирегионального значения, снизили производство в 5 и более раз. На 25-50% снизилась численность населения и резко изменилась его социально-демографическая структура. Разрушились производственные и снабженческо-сбытовые системы, обеспечивающие жизнедеятельность народов Севера, в несколько раз сократилось поголовье домашних оленей [1, 2].

Рассмотрим два важных обстоятельства, прямо касающихся рассматриваемой нами темы.

Первое состоит в следующем: в структуре потока населения, покидающего районы Севера Дальнего Востока в 1990-е годы, большую долю составляли (и это близко к обычным тенденциям формирования миграционных потоков) люди среднего возраста, профессионально относительно высоко подготовленные, с повышенными для своего социального слоя запросами, материально и финансово обеспеченные выше среднего уровня, социально и экономически активные, по психосоциотипу обладающие повышенной «готовностью к перемене мест», активные и миграционно.

В связи с этим, в остающемся на Севере населении (вопреки стратегическим ожиданиям и установкам современного государства на выезд с Севера «ненужного населения», «социальных иждивенцев и т.п.») увеличивается доля лиц старше трудоспособного возраста, пенсионеров, людей экономически менее активных и миграционно менее подвижных.

В результате этого процесса демографическая структура населения, пока сохраняющегося на Севере Дальнего Востока, исторически мгновенно, почти рывком приблизилась к структуре постоянно-исторически устойчивого населения исторически давно обжитых районов [2].

Такой рывок произошел от структуры населения, формировавшегося за счет интенсивных миграционных обменов, имевшего в своем составе малую долю населения в возрасте старше трудоспособного (известны журналистские стереотипы тех времен о формирующемся населении Севера: «Молодые города»). Скорость этого

или существенно сократившихся блоках социально-экономического комплекса Камчатской области (производство, транспорт, проектное и конструкторское дело и т.п.), переместилась в другие сферы хозяйства или стала безработной. Эти сферы: торговля, материально-техническое обеспечение и т.п., - как правило, не связаны с потребностями в этих высококвалифицированных специалистах по их базовой профессии.

Не затрагивая морально-этические, бытовые, психологические, социальные аспекты этого процесса, отметим следующее. Создание благоприятной экономической обстановки для рациональной востребованности вышеназванного, пока еще сохраняющегося интеллектуального и культурного потенциала (количественные и качественные показатели его сохранности – отдельный вопрос) может стать одним из важных условий экономического развития Камчатской области. При невостребованности эта часть потенциала общего интеллектуально-культурного потенциала постепенно, но достаточно быстро потеряет способность к самосохранению и воспроизводству и без притока молодых специалистов разрушится. В особенности это касается сферы технических знаний, сосредотачивающихся в проектных, конструкторских, технологических организациях не только в форме разработок, систематизированных и закрепленных на бумажных и других носителях. Не менее важен персонифицированный опыт, зафиксированный в памяти, навыках, умении, мастерстве, передающихся только в длительном непосредственном личном общении высококвалифицированных специалистов с целенаправленно подготавливаемыми преемниками.

7. Представляется также несомненным, что пока еще сохраняющаяся восходящая линия в самосохранении и самовоспроизводстве интеллектуального потенциала Камчатской области в целом не может быть долговременной. Сохранение этого потенциала зависит не только от названных выше его способностей, но от его востребованности социально-экономическим комплексом области в целом. Продолжение экономического спада и ухудшения общей социальной обстановки неизбежно приведет к снижению востребованности и пока еще занятых в общественном труде и вновь подготавливаемых специалистов, обострению социальных противоречий и конфликтных ситуаций. В результате можно ожидать ухудшения отдельных количественных и качественных параметров, а то и почти полной деградации интеллектуального потенциала Камчатки в целом за счет стихийного перераспределения персональных носителей этого потенциала в другие регионы страны, а также под воздей-

интересов общества. Не выработано рациональное сочетание сиюминутных, часто субъективно сформированных потребностей в на-полнении специалистами сегодняшних общественных структур с долговременными потребностями в кадрах.

Выявление и оценка равнодействующей проявления вышена-званных факторов и тенденций представляет самостоятельную за-дачу, для решения которой необходима разработка региональной программы подготовки научных, научно-педагогических, инженер-ных экономических, юридических, иных кадров по приоритетным для Камчатской области направлениям.

5. Уменьшение количественных параметров сферы научных ис-следований на Камчатке, в первую очередь в области финансирова-ния, существенно негативно сказалось на объемах, количестве на-правлений научных исследований, научно-технической оснащенно-сти, кадровой обеспеченности научно-исследовательской деятель-ности. Этот процесс неоднозначен. С ним связаны не только общее сокращение численности научных сотрудников, почти полностью прекратившийся приток молодежи в научную деятельность, бы-строе неуклонное старение корпуса научных кадров. Проявилась способность научного потенциала к самосохранению и саморазви-тию, что выразилось в повышении квалификации продолжающих научную деятельность ученых (по критерию присвоения ученых степеней) и относительному увеличению количества научных пуб-ликаций и научных конференций.

Проведение научно-экспедиционных работ, развитие информа-ционной обеспеченности, пополнение и обновление научно-технической базы, издание научных работ оказались возможными в основном за счет сторонних, в т.ч. зарубежных финансовых источ-ников, связанных со случайными обстоятельствами в особенности в сфере фундаментальных исследований. При этом усилилось прояв-ление «пробивных способностей» и «доставательства», имевших значение и в «плановой» экономике. Эти качества проявились, в ча-стности, в том, что если число регистрируемых статистикой органи-заций, ведущих научные исследования за 1992 – 1999 гг. сократи-лось с 19 до 16, то число их, не учитываемых статистикой, выросло многократно. В органах, регистрирующих предприятия в Камчат-ской области, на 01.01.2000 года из 10751 зарегистрированных предприятий 93 относились к сфере науки и научного обслужива-ния.

6. Часть инженерно-технического и гуманитарного корпуса вы-сококвалифицированных кадров, ранее занятая в разрушившихся

рынка допускает предположение, что он может продолжиться, а де-мографическая структура населения северных районов может при-близиться к структуре населения депрессивных районов обжитой зоны России. В качестве примера можно назвать сельские районы Нечерноземной зоны, население которых в значительной мере «по-старело» настолько, что утратило демографические возможности к самовоспроизводству.

Второе важное обстоятельство состоит в том, что на фоне обще-го экономического, социального и демографического спада в Рос-сии, произошедшего в конце XX века, интеллектуальный потенциал населения и России, и Дальнего Востока проявил высокую способ-ность к самосохранению и самовоспроизводству (таб.1).

Таблица 1

**Охват населения обучением
в государственных высших учебных заведениях**

	Численность населе- ния млн.чел.			Численность студентов в чел.			Численность сту- дентов чел. на 10 тыс. чел. населе- ния		
	1998	2000	2003	1998/ 1999	2000/ 2001	2003/ 2004	1998	2000	2003
Россия	Около 146	Около 145	Около 145	3347000	4271000	5596000	229	294	386
Приморский край	2,194	2,155	2,051	49842	66413	88530	227	308	432
Хабаровский край	1,523	1,495	1,427	47562	58299	75155	312	390	527
Магаданская область	0,246	0,233	0,178	3614	4251	7090	147	182	398
Камчатская область	0,396	0,384	0,354	6492	9130	16861	164	238	476
Сахалинская область	0,608	0,591	0,538	4050	6203	10869	67	105	202
Республика Саха	1,001	0,986	0,949	13908	20814	40261	139	211	424

Примечание. Составлено по [3, 4].

В сконцентрированном виде эта способность проявляется в рез-ком увеличении численности студентов, получающих высшее обра-

зование. Она намного превышает реальные потребности хозяйственных, социальных, управленческих структур общества в кадровом потенциале. В индивидуальном плане, на уровне отдельного человека, стремление получить высшее специальное образование может быть объяснено различными факторами личностного характера. На уровне страны в целом и отдельных крупных регионов, крупных территориальных сообществ населения увеличение удельного показателя в виде численности студентов вузов на 10 тыс. человек населения может быть объяснено не только этим. Такое массовое увеличение не может произойти не под давлением «интеллектуального потенциала» общества в целом, инициирующего в населении повышенный массовый спрос на получение формального или содержательного высшего образования, часто - малополезного, с последующими переобучениями другим профессиям, но формально или неформально обозначающего принадлежность к «интеллектуальному потенциалу» общества. Для удовлетворения этого спроса существующая сфера высшей школы развивает подразделения, предоставляющие в условиях России 1990-х - начала 2000-х годов высшее образование по случайно, но массово заявленным потребностям в профессиях экономистов, менеджеров, юристов и т.п.

Социально-психологические механизмы, реальные результаты, количественные и качественные характеристики этого процесса, несомненно противоречивые, - самостоятельные темы исследований. Но сам процесс в целом - несомненное общественное явление объективного генезиса.

Обращает на себя внимание несколько характерных проявлений этого процесса, требующих глубокого анализа. Общий вектор процесса одинаков в России и в регионах Дальнего Востока, независимо от исходного состояния. За него исходя из наличного материала принят 1998 г., хотя процесс, несомненно, начался раньше, а к 1998 г. только сформировался в устойчивое явление. Скорость этого процесса в северо-восточных районах Дальнего Востока (исключение - Сахалинская область) выше, чем по России в целом. Общий уровень этого процесса особенно высок в районах, где в годы советской власти накоплены и сформированы до высшего профессионального уровня научные, образовательные, производственные структуры.

Кратко анализируя общие параметры названного процесса, содержащиеся в таб. 1, можно выделить некоторые проблемы.

Прежде всего, очевидная стихийность этого процесса не позволяет определить характер динамики и пределы его развития в бу-

образования. Разнообразие социально-демографической структуры этого компонента интеллектуального потенциала велико, охватывает возрастные группы от 15 - 16 до около 30 лет; социальные группы от иждивенцев, вступающих в трудоспособный возраст и не занятых в общественном труде, до социально-экономически самостоятельных граждан; социально-психологические группы от юношей и девушек с формирующимися не полностью самостоятельными жизненными установками, до зрелых людей, самостоятельно принимающих и реализующих решения.

3. Потребности (во многом спонтанные) этого компонента интеллектуального потенциала общества явились главной объективной причиной интенсивного увеличения числа и повышения статуса организаций высшего и среднего специального образования. Создание в Камчатской области спонтанно формирующихся на использовании этих потребностей Академий, Университетов, Институтов или региональных Филиалов и Отделений таких организаций опирается также на потребность сложившегося в пределах области научно-образовательного, административно-организационного и педагогического потенциала предоставлять образовательные услуги. Этот двусторонне мотивированный процесс происходит в условиях сочетания бесплатного и платного образования, с увеличением объемов последнего.

4. Менее очевидны, в связи с отсутствием статистических данных, тенденции, проявляющиеся в других основных направлениях. За повышением формального статуса учреждений образования должны следовать повышение общей культуры и содержательного уровня образовательного процесса. Однако эти тенденции не могут быть не замедленными из-за отсутствия инвестиций и необходимого времени для подготовки научно-педагогических кадров. В связи с часто меняющимися под воздействиями спонтанно возникающих конъюнктурных факторов или идеологического пресса методическими и содержательными требованиями к образовательным процессам, возможно, а зачастую и неизбежно снижение эффективности этих процессов. При чрезмерно быстром количественном росте корпуса преподавательских кадров возможно также снижение качественного уровня работы этих кадров в целом по региону. Ухудшает качество подготовки специалистов и ставшая устойчивой практика частых изменений перечня специальностей и обязательных для преподавания дисциплин, не подкрепленная практикой устойчивого и своевременного методического обеспечения этих изменений, зачастую конъюнктурная, не опирающаяся на анализ долгосрочных

Таблица 18

**Распределение безработных в Камчатской области
по уровню образования в % [1]**

	1994	1995	1997	1998	1999
Безработные, всего	100	100	100	100	100
В т.ч.: с образованием высшим профессиональным	9,2	8,3	6,1	6,5	6,1
средним профессиональным	23,3	20,6	19,3	18,9	19,0
средним общим	44,6	47,5	54,7	55,7	55,0
ниже среднего общего полного	22,9	23,6	19,9	18,9	19,9

Конечно же, приведенные в этой таблице данные не отражают такие особенности безработицы, как скрытая безработица во всех ее формах. Не учтена и специфика психологии высоких профессионалов, которые, внезапно потеряв работу, не идут на «биржу труда», а сами находят новое место работы, или сами «создают» себе занятость в частных формах собственности и т.п. Тем не менее, тенденция уменьшения доли лиц с высшим и средним специальным образованием среди безработных очевидна. Хотя сама эта доля - каждый четвертый безработный имеет высшее или среднее специальное образование - не может не вызывать вопросов, исследование которых, однако, представляет самостоятельную тему. Например, на некоторых предприятиях Камчатки до 1/3 лиц, имеющих высшее образование, заняты на рабочих должностях.

* * *

Анализ экономической, социальной и демографической ситуации, развивающейся в Камчатской области в 1990-е годы, и происходящих в это же время изменений в сфере, которую мы определили как региональный интеллектуальный, научно-образовательный потенциал, позволяет сделать следующие выводы, характеризующие современное состояние этого потенциала.

1. Интеллектуальный потенциал населения и объединяющих его организованных социально-экономических структур региона в разрушительных экономических условиях проявил способность к самосохранению, самозащите, самоорганизации и самовоспроизводству.

2. Наиболее полно эта способность проявилась в тех группах населения, у которых наблюдается повышенная потребность в получении или совершенствовании высшего и среднего специального

образования. До 2005 г., при снижении численности населения в рассмотренных регионах, численность студентов в них (в абсолютных и удельных показателях) росла. Очевидно, что эта тенденция не может быть бесконечной. Количественные и качественные характеристики факторов, которые вызовут и будут сопровождать изменения этой тенденции, целесообразно выявить до или во время течения процесса, а не изучать по его результатам.

Отсюда возникают проблемы производного (для этой темы) характера. Сколько специалистов и каким профессиям целесообразно обучать, если ориентироваться на рационализацию обучения в соответствии с сегодняшними и прогнозируемыми потребностями общества в экономической, социальной, управленческой, технологической и т.д. сферах. Какого характера материально-техническую базу и профессиональную подготовку обучающихся специалистов-преподавателей создавать для этих целей и в каких районах страны их размещать. Преподносимые в виде Государственных Программ надежды на быструю стихийную рационализацию всех названных процессов на основе «запросов бизнес-сообщества» в условиях современной России наивны, как минимум, с точки зрения исполнимости. Такие надежды могут реализоваться, только если рассчитывать на исторически длительный срок в несколько десятилетий, необходимый для того, чтобы сбалансировались (а могут и не сбалансироваться!) многосложные стихийные процессы в сложнейшей общественной системе.

Но пока нет оснований ожидать, что за этот срок сохранится способность «интеллектуального потенциала» к активному самосохранению и самовоспроизводству, если он уже почти пятнадцать лет не востребован в общественных отношениях так называемого «переходного периода в России». Самый высокий уровень безработицы пока отмечается у возрастной группы от 18 до 30 лет, той самой, которая должна пополнять «интеллектуальный потенциал». Одна из наиболее острых проблем развития российской науки состоит в отсутствии средних возрастных категорий ученых, которые в развитии «интеллектуального потенциала» должны воспринимать, углублять и передавать другим поколениям научный опыт. Когда старые поколения ученых уйдут из жизни, может «прерваться связь времен», и есть основания ожидать деградации российской науки.

Кроме того, около 2010 г. начнется длительный период вступления лиц, родившихся после 1992 г., в возраст, когда у молодых поколений возникают потребности в высшем образовании. Их численность, в годовых когортах, в 1,5-2,0 раза меньше, чем в когор-

тах, рождавшихся до 1991 года. В некоторых регионах численность поколения, вступающего в 18-летний возраст, окажется меньше, чем численность студентов, ежегодно выпускаемых из региональных вузов в настоящее время.

Не исключено, что это может привести к закрытию многих вузов (филиалов, представительств) не только вследствие их нужности или ненужности для объективно формирующихся потребностей общества, но вследствие случайных обстоятельств.

Не исключено также, что стихийные «заказы бизнес-сообщества» на специалистов с высшим профессиональным образованием будут обусловлены не будущими (хотя бы на 5 лет вперед, к моменту выпуска) потребностями хаотично формирующегося общества, но потребностями прошедшими или сиюминутными, сложившимися как случайные последствия воздействий так называемого «переходного периода».

Не исключено также, что пока еще очевидные устремления к самовоспроизводству существующего, сохраняющегося «интеллектуального потенциала», проявляющиеся в очевидно бессистемном, но очевидно высоком спросе на высшее образование, не совпадут с этими «заказами» ни по количественным, ни по качественным параметрам. Это может проявиться в разнонаправленных воздействиях на формирование системы организаций высшего образования. При этом одна часть этой системы будет намного лучше материально-технически и финансово обеспечена, в соответствии с реальными «заказами бизнес-сообщества» и его высокими финансовыми возможностями. Другая часть этой системы будет намного хуже обеспечена в финансовом отношении, в соответствии с возможностями имеющих низкие доходы конкретных носителей массовых потребностей «интеллектуального потенциала» России и ее регионов. Это обстоятельство, несомненно, проявится, в конечном счете, в сокращении и снижении качественного уровня второй части системы высшего образования. Это, в свою очередь, несомненно, окажет разлагающее влияние на «интеллектуальный потенциал» в целом, разделив его на востребованную «бизнесом» «элиту» и невостребованную «обществом» «массовку», могущую превратиться в своеобразный «андеграунд» общества с плохо предсказуемыми потребностями и будущим.

При таком варианте общего развития «интеллектуального потенциала» в стране можно предвидеть появление специфичных проблем развития «интеллектуального потенциала» в районах Севера Дальнего Востока. Так, может оказаться реализованной совре-

циале Камчатской области. Гипотетически допустимое объяснение этого феномена прибытием нескольких сотен преподавателей извне Камчатской области практически нереально. Единственным выдерживающим критику может быть предположение о перетоке на преподавательскую работу в вузы специалистов из других сфер народного хозяйства. Этим специалистам, следовательно, предстояло самостоятельно или организованно совершенствовать знания и приобретать необходимую для преподавания методическую подготовку.

Можно отметить также продолжение тенденции расширения процессов получения специального образования. По предварительным статистическим данным в фиксируемой официальной статистикой системе вузов и ССУЗов в 2000/2001 учебном году обучалось на 15,9 % студентов больше, чем в 1999/2000 учебном году [22]. О продолжении этой тенденции свидетельствует также и то, что при общей численности выпускников общеобразовательных школ в 2000 году в 5,5 тыс. чел., получивших «основное общее образование» (в том числе 3,3 тыс. чел. получивших среднее полное образование), численность лиц, пытавшихся поступить в вузы и ССУЗы в Камчатской области в этом году составила около 7 тыс. чел.; из них поступило около 6 тыс. чел.

Это явление совпадает с тенденцией стремления выпускников средних учебных заведений в России к продолжению образования (таб.17).

Таблица 17

Ориентация выпускников средних учебных заведений России в 1998г. по результатам выборочных исследований в % [23]

Выразили желание продолжить образование в % от общего числа выпускников	Выпускники		
	Средних школ	Средних специальных учебных заведений	Профессиональных училищ
ВСЕГО	98,5	73,3	54,2
В т.ч. вузов	84,4	70,5	31,2
Реально учатся	87,8	29,9	31,5

Для характеристики факторов, обуславливающих возрастание потребностей населения в получении высшего и среднего специального образования, отметим особенности структуры безработных в Камчатской области по уровню образования (таб. 18).

В то же время текущей статистикой фиксируются данные, свидетельствующие о дополнительных процессах, сопровождающих видимое и, казалось бы, очевидное снижение научного потенциала Камчатской области. Так, при 16 научных организациях, отмеченных в таб. 16, имеются данные о том, что на 01.01.2000 г. в Камчатской области зарегистрировано 93 предприятия в сфере науки и научного обслуживания; 73 – в сфере геологии, геодезии и гидрологии; 83 – в сфере информационно-вычислительной деятельности [22]. Такого рода предприятия несомненно должны концентрировать специалистов с высоким уровнем специальной подготовки, подтверждая отмечающуюся в 1990-е годы общую тенденцию формирования поведения научных работников в России в зависимости не только от «статусных», но и от «личностных» факторов и перетекания их из «научной» в другие сферы общественной жизни [19].

По данным текущей статистики в 2000 году, при среднестатистической численности работающих на всех предприятиях в 139,4 тыс. чел., на предприятиях, где повышена потребность в специалистах высокой и высочайшей квалификации, работает 54259 чел. К этим предприятиям, организациям и учреждениям относятся функционирующие в сфере науки, образования, здравоохранения, геологии, гидрометеослужбы, информационно-вычислительной деятельности, культуры и искусства, органов управления. Если учесть инженерно-технический состав предприятий производственной сферы, а также оказавшихся безработными или перешедших в нерегистрируемые статистикой сферы экономики бывших работников разрушенных проектных, конструкторских, иных насыщенных специалистами организаций, - можно считать, что в категорию «интеллектуальный потенциал» могут входить до 25 – 30% экономически активного населения Камчатки [22].

Показателен при этом такой факт, что численность преподавателей в вузах, по определению должны быть специалистами высокой и очень высокой квалификации, составлявшая 158 чел. и 195 чел. соответственно в 1980/1981 гг. и в 1990/1991 гг., выросла до 646 чел. в 1999/2000 гг.; из них численность штатных сотрудников вузов составила 427 чел. [22]. Такой количественный рост вузовской интеллектуальной элиты в течение 10 лет только за счет общепринятой системы подготовки (высшие классы общеобразовательной школы, студенчество, ассистирование на кафедре, аспирантура, соискательство ученой степени и т.п.) должен был потребовать большего времени и в обычных условиях невозможен при небольшом по численности и быстро сокращающемся демографическом потен-

циальная российская государственная политика, направленная на преимущественное развитие в северных районах так называемого «вахтенного способа» организации и трудоустройства производства. Это приведет, в конечном счете, к смещению систем подготовки относительно небольшого количества востребованных для этих производств специалистов с высшим образованием в «элитные» вузы за пределами районов Севера. Системы же обучения желающих получить «обычное», «не элитное» высшее образование и не имеющих финансовой возможности выехать за пределы районов Севера и обучаться в «элитных» вузах относительно быстро деградируют. Не исключено, что потенциал региональных вузов, качественный уровень которых не может опускаться ниже определенного критического, сократится быстрее, чем демографический потенциал северных регионов.

«Интеллектуальный потенциал» северных регионов, вслед за постепенным снижением количественных и качественных параметров развития постоянного населения этих регионов, может разложиться на «интеллектуальные возможности и запросы» разрозненных индивидуумов, перестать быть самовоспроизводящейся целостностью.

Вместе с такими изменениями неизбежны сокращения в тех сферах «интеллектуального потенциала» северных регионов, которые специализировались на научном обеспечении регионального развития. Можно ожидать смещения в сторону «вахтовых» методов организации научных исследований (экспедиции, командировки, сезонные стационары и т.п.), с базированием на структуры, постоянно функционирующие в обжитых районах страны. С этим процессом неизбежно будет связана полная или частичная утрата научного и практического опыта, накопленного стационарными научно-исследовательскими, опытно-конструкторскими и проектными организациями, ранее постоянно функционировавшими в районах Севера.

При таком подходе, велика опасность полной замены комплексных подходов к научному и плановому обеспечению развития северных регионов на исключительно отраслевые подходы, с учетом развития только районообразующих предприятий.

Таким образом, главная современная проблема развития «интеллектуального потенциала» в районах Севера Дальнего Востока состоит в том, какие реальные действия по освоению этих районов осуществляют федеральные власти. В 1990-е - 2000-е годы для этих действий характерны нецелесообразность, непоследователь-

ность, противоречивость. Неоднократные попытки устно и формализованно поставить цели, сформулировать стратегию, определить концептуальные положения поведения нового российского государства в отношении северных районов и, в частности, районов Севера Дальнего Востока, были неустойчивы и зачастую спонтанны.

В этих условиях сложилась общая тенденция постепенного разложения освоенности этих территорий по таким признакам, как сокращение численности и преобразование социально-демографической структуры населения, снижение экономического потенциала, постепенное разрушение жизнеобеспечивающих структур регионального значения (коммунальная сфера, производственная и социальная инфраструктура и т.п.). В рамках этой тенденции одной из проблем является возможное достижение предела способности «интеллектуального потенциала» северных районов к самосохранению и самовосстановлению. С большой долей уверенности можно предположить, что принятие и устойчивая реализация государственной политики на вахтенное освоение северных районов, как и продолжение непоследовательного отношения к развитию этих районов, в равной степени приведут к разрушению или резкому сокращению в них регионального «интеллектуального потенциала». Различия могут быть только в скорости и нюансах форм этих процессов.

Сохранение и развитие «интеллектуального потенциала» в районах Севера Дальнего Востока возможно только при проведении государственной политики их освоения на основе возвращения к дифференцированным подходам. Разработанные в 1950-1980-е годы, эти подходы предусматривали освоение вахтенными способами исчерпаемых сырьевых ресурсов и развития постоянных базовых и опорных зон для освоения этих районов, а также населенных пунктов с концентрацией в них населения.

Библиография.

1. Бушелева, Б.В., Весна, Е.Б., Моисеев, Р.С. Региональный учебно-научный комплекс: вопросы обеспечения. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2003, - 99 с.

2. Моисеев, Р.С. Об оценке интеллектуального потенциала в Камчатской области. Образовательный аспект // Проблемы образования и науки в Камчатской области. Бюллетень Совета по образованию и науке, №1. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2003- с. 27-33.

3. Россия в цифрах, 2004. Краткий статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. – М. 2004.- 431 с.

рона преподавания в этих сферах общественных, а потому неизбежно в большой степени идеологизированных и политизированных наук, неоднократно менялись. Кроме того, данные текущей статистики очевидно отражают не всю структуру вузовской системы образования в Камчатской области. Так, с 1960-х годов на Камчатке функционирует, меняясь только организационно, эффективная система подготовки специалистов в сфере права, однако за 1990/1991 гг. данные об этом в статистических отчетах не отмечены. Очевидно также, что эти отчеты содержат не полные данные о многочисленных региональных филиалах, отделениях, представительствах и т.п. вузов других регионов страны. Вместе с постоянными камчатскими вузами их насчитывается 18 – 20. Но систематизированная информация об их общей совокупной образовательной деятельности в форме платного и неплатного очного, заочного, вечернего, дистанционного образования, повышения квалификации, переподготовки, получения второго образования и т.п., отсутствует. В связи с этим есть основания предположить, что через некоторый, возможно небольшой по длительности период времени наступит перепроизводство соответствующих специалистов и обострение связанных с этим социальных конфликтов.

Более адекватна тенденциям общего экономического спада ситуация, складывающаяся в сфере науки и научного обслуживания в Камчатской области. Численность рабочих и служащих в этой сфере за 1990 – 1999 гг. уменьшилась почти в 4 раза (таб.11). Эта тенденция соответствует общим сложившимся в научной сфере России, хотя превосходит их по интенсивности. Число исследователей, занятых научными исследованиями в России, сократилось за 1992-1999г.г. с 804 тыс чел. до 420,4 тыс чел. [20]. Однако этот процесс также неоднозначен. При резком снижении численности исследователей и умеренном снижении количества организаций, ведущих научные исследования, резко возросла численность докторов наук и, в меньшей степени, кандидатов наук (таб. 16).

Таблица 16
Развитие научного потенциала Камчатской области
в 1990-е годы [22]

	1992	1995	1997	1998	1999
Количество организаций, ведущих научные исследования	19	15	14	14	16
Численность исследователей	711	455	453	467	443
В т.ч. докторов наук	15	24	28	31	32
кандидатов наук	126	141	145	143	137

и в деталях ориентациями в социально-экономическом развитии страны и региона.

Так, обследованиями по России в целом в начале 2000г. выявлено, что родители желают для детей получения образования в следующих сферах: военная – 5%, естественно-научная – 8,5%, техническая – 13%, социальная и гуманитарная – 18,5%, новые информационные технологии – 22%, финансово-экономическая – 23%, юридическая – 24%, иностранные языки – 28% [3]. Практика показывает, что эти пожелания оказывают влияние на формирование отраслевой структуры системы образования, хотя сомнительно, соответствуют ли они реальным потребностям социально-экономических комплексов в специалистах.

В середине 1990-х годов произошли резкая вспышка, а затем почти полное падение массовой потребности в приобретении знаний английского языка. Более устойчивыми были тенденции в системе подготовки специалистов для сфер «промышленность и строительство» и «экономика и право» (таб. 15) [22]. Однако резкий рост численности подготавливаемых специалистов для первой сферы неадекватен тенденциям в развитии производственных отраслей хозяйства.

Таблица 15

Межотраслевая структура специалистов, подготавливаемых в вузах Камчатской области в 1990 – 2000 гг.[22]

	1990/1991 гг.				1999/2000 гг.			
	Всего	Промышленность и стр-во	Экономика и право	Промышленность и право	Всего	Промышленность и стр-во	Экономика и право	Промышленность и право
Учится	3327	1803	-	1444	8333	3504	2220	2603
Принято	764	418	-	346	2590	1126	682	782
Выпущено	388	206	-	182	1085	576	147	362

Более сложна ситуация с подготовкой специалистов в сфере «экономика и право». С одной стороны, радикальное изменение в первую очередь экономических и правовых общественных отношений объектов требует подготовки и переподготовки соответствующих профессионалов. Однако ни качественных, ни количественных параметров этого соответствия ни одна государственная или негосударственная организация для нужд регионов, отраслей, межотраслевых комплексов, страны в целом не определяли. Не только методическая обеспеченность, но идеологическая и сущностная сто-

4. Социально-экономическое положение Камчатской области в сравнении с районами Дальневосточного федерального округа. Статистический сборник / Камчатстат. – г. Петропавловск-Камчатский, 2004 г. – 185 с.

Вестник КРАУНЦ. Серия "Гуманитарные науки". – 2006. - № 1.

ИСТОРИЯ ПАРАДОКСА: ПРИСОЕДИНЕНИЕ РОССИИ К КАМЧАТКЕ

Называя социально-экономические, межэтнические, межгосударственные отношения термином "присоединение", имеют в виду присоединение явления малого, имеющего меньший социальный, экономический и т.п. потенциал, к явлению большему, имеющему большой потенциал. На евразийском материке, в азиатском этнологическом поле, на протяжении XVII-XX вв. Камчатка - несомненное "малое" в сопоставлении с Россией - несомненно "большой".

С таким пониманием "малого" шли русские землепроходцы через Сибирь в XVI-XVII вв., присоединяя к Великой России отдельные долины рек, горные массивы, местообитания относительно небольших этносов, называя все это уменьшительно - "землицами" и присоединив, в конце концов, пространства много большие, чем метрополия. Главной целью этого движения было присвоение Россией ценных для экономики тех времен природных ресурсов "присоединяемых" территорий, в основном, пушнины. Другие виды ресурсов этих территорий долгое время метрополии не интересовали.

Но уже в XVIII в. один великий русский человек афористично формулирует начинающее пробиваться новое понимание того обстоятельства, что присоединенная Сибирь - не просто некое физико-географическое явление, что величие России будет прирастать Сибирью. А в конце XIX в. другой видный русский деятель обратит внимание на то, что главным фасадом Россия обращена на Север, в Арктику.

У землепроходцев такого понимания не было. Не возникло и понимание того, что движение энергично развивающегося русского этноса на восток Азии приобрело, с выходом на Камчатку, новое качество. Это качество связано с тем, что Камчатка в географическом отношении является навигационно удобным элементом и Азиатского материка, и Тихого океана. Тихий же океан в физико-географическом, экономико-географическом, геополитическом, этнологическом смыслах есть явление намного пространственно большее, сложное, имеющее в истории человечества большее зна-

чение, чем Россия. Раскрывшиеся при этом особенности российского движения на восток были сформулированы тем же, что и в первом случае, великим русским человеком второй половины XVIII в. следующим образом:

"Когда желаемой путь по Северному океану на Восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить Российское могущество на Востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири, на берега Тихого океана" (Ломоносов, 10).

В этой, не осознанной в конце XVII в., когда она была заложена, и становящейся все более осознаваемой в XVIII, XIX, XX вв. потенциальной, разрастающейся возможности полноценного включения России в крупнейшее в масштабах Земли геоэкономическое и геополитическое пространство и состоит содержание исторического парадокса, образуемого включением Камчатки в состав России. Факт, понимаемый как присоединение Камчатки к России, имеет основание быть понимаемым как присоединение России через Камчатку к Тихому океану.

Такого рода интерпретации этого факта в России известны. В конце XX в., например, редкое, "ориентированное на Восток", выступление политических деятелей "Запада" и России обходится без упоминаний о роли Азиатско-Тихоокеанского региона в развитии человечества, России, российского Дальнего Востока. Однако публичные выступления политиков и реальные усилия государств не всегда совпадают по направлениям и интенсивности. Поскольку речь идет и о Камчатке, нельзя не отметить, что социально-экономическое развитие полуострова за всю историю XVIII-XIX вв. определяюще, главным образом, зависело от степени внимания и масштабов усилий, которые уделяла Россия освоению Тихого океана. Нельзя не отметить также, что такое внимание и усилия не всегда были однозначными и адекватными потенциальным возможностям, предоставляемым фактом географического "присоединения России к Тихому океану".

Развитие государств в целом определяется сложными сочетаниями объективных и субъективных факторов. Движение России к Тихому океану в XVII в. определялось, наверно, в конечном счете, энергией, пассионарностью находящегося на подъеме, интенсивно формирующегося великорусского этноса [4]. Спады влияния России на Тихом океане в XVIII-XX вв. можно связать с ослаблениями в развитии социально-экономических структур России, вызванными консервацией феодальных отношений и заторможенностью перехода к капитализму. В рассматриваемых нами процессах велика роль

При общем характерном для периода 1990-2000 гг. экономическом спаде, почти разрушении целых отраслей хозяйства; при сокращении численности населения, численности занятого населения, рабочих и служащих; при соответствующем спаде потребностей в специалистах, требующим объяснения феноменом проявилось резкое развитие системы высшего и среднего специального образования (таб. 14).

Таблица 14

Развитие высшего и среднего специального образования в Камчатской области [22]

Учебный год	вузы				ССУЗы			
	В них студентов (чел)				В них студентов (чел)			
	кол-во (шт.)	учит-ся	принято	выпущено	кол-во (шт.)	учится	Принято	Выпущено
1960 – 1961	1	871	284	84	6	1748	801	222
1970 – 1971	2	1616	470	222	6	5291	1469	1041
1980 – 1981	2	2075	489	351	6	5968	1595	1244
1990 – 1991	2	3327	764	368	6	5345	1587	1472
1999 – 2000	10	8333	2590	1085	13	6303	2416	1538

Рост почти в 2,5 раза численности обучающихся в вузах; в 3,4 раза – численности принятых абитуриентов; в 3 раза – выпущенных из вузов специалистов резко контрастирует с общим развитием экономической ситуации. Понимание этого феномена нужно тем более, что бурное развитие сферы подготовки специалистов с высшим образованием в Камчатской области происходило в обстановке грандиозных изменений не только в производственной и социальной сферах хозяйства, но и во всей системе общественных отношений. Развитие этой сферы требует разумного сочетания консервативности и революционности, соответствия реальной и планируемой не менее чем на 5 лет, а также прогнозируемой не менее чем на 15 лет структуре производственной и социальной сфер и т.п.; требует в связи с этим достаточно жестких плановых начал. Ранее сложившаяся планомерность подготовки таких специалистов в масштабах отдельных регионов и страны в целом в увязке с дифференцированными по видам заявленными потребностями всех сфер общественного комплекса – разрушилась. Потребности в подготовке специалистов в течение 1990-х начале 2000-х гг. определялись спонтанно, под воздействием хаотичных флуктуаций представлений в среде лиц, стремящихся получить высшее и среднее специальное образование, обусловленных неопределенными по сущности

сти рабочих и служащих занятых в экономике области, за 1990-1999 гг. произошли разнохарактерные изменения по двум отраслевым блокам. Численность занятых в науке и научном обслуживании сократилась почти в 4 раза, а численность занятых в образовании, культуре и искусстве сохранилась почти неизменной, несколько даже увеличилась в середине периода. При этом в сфере образования произошли существенные структурные, качественные и количественные изменения (таб. 12).

Таблица 12

Численность учащихся и учителей в общественных школах Камчатской области (чел.) [1]

Годы	1914 - 1915	1927 - 1928	1940 - 1941	1950 - 1951	1960 - 1961	1970 - 1971	1980 - 1981	1990 - 1991	1999 - 2000
Численность учащихся	404	1139	17058	30951	36905	47182	58252	73674	53714
Численность учителей	28	52	832	1254	2404	2761	3390	5109	4247
Численность учащихся на 1 учителя (укрупнено)	14	22	20	25	15	17	17	14	13

Со снижением численности учащихся нагрузка на одного учителя к 1999/2000 учебному году уменьшилась до самого низкого из зафиксированных в XX веке уровня. Учитывая тенденции к снижению численности и уменьшению доли детей школьного возраста в населении, можно полагать, что потребность в численности учителей для общеобразовательных школ в обозримой перспективе будет снижаться. В то же время численность учителей, подготавливаемых в камчатской вузовской системе, за 1990 – 2000 год увеличилась на 80 % (таб. 13).

Таблица 13

Подготовка специалистов в сфере просвещения в высших учебных заведениях Камчатской области (чел.) [22]

учебный год	по специальностям в сфере просвещения		
	учится	принято	выпущено
1960/1961	871	204	84
1970/1971	1103	-	222
1980/1981	1325	389	211
1990/1991	1444	346	182
1999/2000	2603	782	302

факторов и субъективных, включая способность единоличных правителей или правящих групп осознать исторические перспективы развития государства и соответственно сориентировать его усилия.

В начале XVIII в. государственный гений Петра I не только провидчески, еще не конкретно, осознавал характер новых возможностей, появившихся у России с выходом к тогда еще крайне слабо исследованному европейцами Тихому океану. Петр I задал общий импульс государственной, исследовательской, политической, экономической деятельности на Тихом океане, на долгое время позволивший ориентированно использовать эти возможности.

Таковы 1-я и 2-я Камчатские экспедиции, государственными усилиями открывшие России путь к Американскому континенту. Такова государственная поддержка усилиям русских промышленников, постепенно хозяйственно осваивавших этот путь, Алеутские острова, часть Северной Америки. Таково создание и длительное функционирование Российско-Американской компании, экономически достаточно уверенно для своего времени осваивавшей природные ресурсы Аляски. Таково налаживание хозяйственных и политических связей с Китаем, Японией, Гавайями, испанскими колониями в Северной Америке. Таково использование Камчатки как единственной базы европейских государств на севере Тихого океана при проведении морских экспедиций.

Эти всплески траектории государственного внимания и усилий России по освоению Тихого океана и, соответственно, развитие Россией базовых хозяйственных функций на Камчатке чередовались со спадами. В связи с этим были периоды использования Камчатки в качестве надежного места ссылки. Были периоды обезлюдения и полного хозяйственного запустения.

Не углубляясь в анализ этих интересных самих по себе и достаточно известных [5, 12] исторических процессов, отметим одну присущую им особенность: волнообразность, периодическую смену пиков и спадов. Камчатка становилась то базой для обеспечения деятельности России в тихоокеанском субглобальном геополитическом и геоэкономическом пространстве, то заурядной хиреющей колониальной окраиной. В этой волнообразности можно найти, как отмечено выше, отражение колебаний в развитии таких факторов, как пассионарность этноса, социально-экономический потенциал развития общества, уровень осознания правящими кругами возможностей политической и экономической деятельности России на Тихом океане. Очевидно, что одна из критических фаз спада в таком волнообразном развитии приходится на конец XX в. [8]. Россия

в начале 1990-х гг. потеряла до 1/3 южных и западных территорий, до 1/2 демографического и до 1/3 природно-ресурсного потенциала, морские торговые порты и военные базы на Балтийском и Черном морях, более половины экономического потенциала. Дискуссионными могут быть только представления о глубине, динамике, характере этого спада, но не сам его факт.

В качестве причин спада в деятельности России на Тихом океане могут быть названы следующие. В конце XX в. Россия ("россияне", "народ России", "российский этнос") переживает явную депрессию, вызванную в немалой степени несколькими внутренними (гражданскими) и внешними войнами, неоднократно значительно подрывавшими ее демографический и экономический потенциал. Сыграло роль и длительное перенапряжение нации, связанное с оказавшимся непосильным решением эпохальных глобальных социальных и экономических задач, идеологических по характеру и мировых по значению. На это перенапряжение наложился глубочайший системный общественный и, в первую очередь, диверсифицированный экономический кризис. Россия, переживая эту депрессию и этот кризис, уже потеряла значительную часть территории, демографического, природно-ресурсного, производственного, оборонного потенциала. С какими историческими потерями, добавляющимися к тем, что уже есть, и когда выйдет Россия из этого исторического провала, ответит будущее.

С другой стороны, Россия переживает период очередного "западничества", очередного гипертрофированного увлечения правящих кругов европейской ориентацией интересов, преобразующихся в ориентацию государственной политики. Вследствие этого, как это бывало и ранее, в конце XX в. правящие круги России, как минимум, недостаточно учитывают выраженные в названных выше высказываниях наших великих предков прозрения о возможностях государственного развития России через Сибирь, Дальний Восток.

Проиллюстрируем это отвлеченное положение констатацией реальных социально-экономических процессов, происходящих на фоне празднования действительно знаменательных и имеющих в данном случае символическое значение дат: 850-летия со дня основания Москвы и 300-летия присоединения Камчатки к России. Спад национального, общегосударственного внимания и усилий к сохранению и конструктивному преобразованию позиций, к развитию перспектив участия России в геополитических и геоэкономических процессах на Севере, Дальнем Востоке и Тихом океане проявляется в 1900-1997 гг. по многим направлениям.

личивались потребности в научном обеспечении социально-экономического развития региона. Усложнялись процессы образования. Развивались фундаментальные научные исследования специфических природных и общественных процессов путем создания в регионе стационарных научных организаций. Динамику формирования кадрового потенциала, связанного со сферами науки, образования, культуры, иллюстрируют данные, приведенные в таб. 11.

Таблица 11

Среднегодовая численность рабочих и служащих в сферах экономики, характеризующих интеллектуальный потенциал Камчатской области (тыс. чел.) [1]

Годы	1937	1940	1950	1960	1970	1980	1990	1995	1999
1. Всего в экономике	26,6	43,1	58,3	91,2	135,0	187,1	198,3	176,5	143,6
В т.ч. образования, культуре и искусстве	1,2	1,8	3,4	7,0	12,8	17,7	22,1	23,4	22,2
В науке и научном обслуживании	0,2	0,7	1,1	2,3	4,2	7,4	1,5	2,0	1,9
2. В образовании и т.п. в % к общей численности (строка 1)	4,5	4,1	5,8	7,7	9,4	9,5	11,1	13,2	15,6
3. В науке и т.п. в % к общей численности (строка 1)	0,7	1,6	1,9	2,5	3,1	4,0	3,8	1,1	1,3

Из представленных данных очевидно, что в 1980-е годы в процессах развития интеллектуального потенциала Камчатской области произошли существенные изменения. Можно предположить, что в 1980-е годы интеллектуальный потенциал, соответствующий сложившемуся уровню социального и экономического развития области, сформировался и относительно стабилизировался по доле составляющих его кадров в общей численности рабочих и служащих. Она составила 12,5 % в 1970 г.; 13,5 % в 1980 г.; 14,9 % в 1990 г.

В 1990-е годы общий грандиозный спад в экономике (см. выше) и значительные разрушения в финансовом обеспечении социальной сферы неоднозначно отразились на состоянии интеллектуального потенциала. Численность и доля инженерно-технического персонала среди занятых в производстве в статистике за этот период не отражена. По отрывочным данным можно судить о его перемещении в иной социальный статус. При общем снижении на 28 % численно-

обучения уроженцев и жителей Камчатки в Камчатских вузах или филиалах вузов, а также средних специальных учебных заведениях в очной, заочной и вечерней системах обучения; предоставления населению возможности получения обязательного полного общего среднего образования в общеобразовательных школах и в ПТУ. Если численность учащихся в общеобразовательных школах всех видов с 1960 г. по 1970 г. увеличилась в 1,22 раза, то численность учащихся в средних специальных учебных заведениях (включая заочное) увеличилась в 3,12 раза, а численность студентов в вузах выросла в 1,78 раза. С 1959 г. по 1970 г., по данным переписи населения, численность людей с высшим законченным образованием увеличилась с 5165 до 15897 чел., т.е. более чем в 3 раза. За 1960 – 1970 гг. доля инженерно-технических работников в составе промышленно-производственного персонала в Камчатской области увеличилась с 11 % до 16 %, то есть каждый шестой из работников, занятых в производстве, имел высшее или среднее специальное образование. Всего в народном хозяйстве было занято специалистов с высшим и средним специальным образованием на 1 декабря 1960 – 13248 чел., а на 15 ноября 1970 г. – 30684 чел. Принято в вузы Камчатской области студентов в 1960 г. – 284 чел., в 1970 г. – 470 чел., а в средние специально учебные заведения соответственно 801 чел. и 1489 чел. С 1956 г. по 1970 г. количество научных учреждений увеличилось более, чем в 1,5 раза, а численность научных сотрудников выросла более, чем в 2,7 раза (таб. 10).

Таблица 10

Научные учреждения и численность научных сотрудников в Камчатской области в 1950 – 1960 годы [16]

Годы	1956	1960	1966	1970
Количество научных учреждений	5	7	7	8
Численность научных сотрудников (без совместителей)	81	99	191	223

В течение 1970 – 1980-х годов формирование и развитие интеллектуального потенциала населения Камчатки продолжалось под воздействием тех же факторов.

Насыщались новой техникой производственная, инфраструктурная и оборонная сферы. Обновлялись технологии, создавались отрасли, связанные с развитием научно-технического прогресса. Уве-

Правительство практически, не успев еще дооформить документально, передало США принадлежащие России акватории и шельф в Беринговом море [2, 6]. "Достаточно сложной" называют ситуацию с нерешенностью разграничений морских пространств между Россией и сопредельными государствами по всему периметру границ бывшего СССР и периметру границ со странами СНГ. В частности, сложна проблема разграничения экономической зоны и континентального шельфа в Северном Ледовитом океане [1,9]. И это особенно важно иметь в виду в свете утверждения, что "тот, кто владеет Арктикой, владеет миром" [1].

Политические деятели периодически запускают в прессу более или менее четко выраженные мнения о возможности альтернативных решений по поводу сохранения суверенности России над Камчаткой, Курильскими островами, островом Сахалин [3, 11].

Разрушены "Севморгеоразведка" и "Дальморгеоразведка" - производственные и исследовательские структуры, ранее ориентированные на экономическое освоение минеральных ресурсов дна Мирового океана. Сокращается сеть гидрометеорологических станций на российских побережьях Северного Ледовитого и Тихого океанов, ранее обеспечивавшая длительные непрерывные подробные наблюдения за климатом, надежное обслуживание навигаций на Севморпути и в Тихом океане, качественную разработку прогнозов погоды. Снижен производственный потенциал транспортного и промыслового флота на Дальнем Востоке. Снижен оборонный потенциал России на Тихом океане [1].

Сезонный завоз грузов на Север, в том числе топлива и продовольствия, регулярно срывается, вследствие чего ежегодно эвакуируются и ликвидируются отдельные населенные пункты. Право на промысел рыбных ресурсов Дальнего Востока в значительных объемах перераспределяется в европейские, континентальные регионы России, откуда перепродается дальневосточным и зачастую иностранным рыбопромышленным предприятиям.

Могут быть названы и другие симптомы общественной жизни, достаточно часто описываемые в научных публикациях и средствах массовой информации, подтверждающие реальный спад участия России в развитии тихоокеанского региона. В качестве примера назовем один, интегрирующий: Россия до сих пор не вступила полноправным членом в действующую в Азиатско-Тихоокеанском регионе Организацию экономического сотрудничества и развития (АТЭС).

Полного комплексного анализа всей совокупности обстоятельств этого процесса пока нет. В общем виде вопрос может быть

поставлен так: использует ли Россия шанс на развитие своей экономики, полноправно участвуя через Дальний Восток в экономической жизни на Тихом океане, тот шанс, что получен был ею в конце XVII в., начиная с присоединения Камчатки. Или Дальний Восток останется "дальним востоком", далекой восточной провинцией европейской России [7].

Это один из тех парадоксальных вопросов, какие ставит перед народами история и ответ на которые дают сами народы и личности, управляющие их усилиями. Траектория дальнейшего социально-экономического развития Дальнего Востока и Камчатки как частей России полностью зависит от общероссийского ответа на этот исторический вопрос.

Библиография.

1. Алексин, В., Шевелев, Э. ВМФ в обеспечении национальной безопасности России // Независимая газета. Приложения № 20 (24): октябрь 1996 г.
2. Виноградов, Г. Россия может потерять еще одну Аляску // Известия. 1997. 30 авг.
3. Горбачев, М. Интервью газете АиФ. 987. № 36. С. 8-9.
4. Гумилев, Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспрос, 1993. 576с.
5. Дитмар, К. Поездки и пребывание в Камчатке 1851-1855 гг Ч. 1. Исторический отчет по путевым дневникам. СПб. 1901.
6. Зиланов, В. А после Аляски еще одна клякса // Вести. 1997. 22 янв.
7. Ли, Ин Сонг. Россия и модель развития Восточной Азии. // МЭиТО, 1997. №8. С. 121-127.
8. Моисеев, Р. С. Дальний Восток: геополитические аспекты региональной политики. Петропавловск-Камчатский: ПКВМУ, 1996. 63с.
9. Налетов, И. И. России брошен серьезный вызов // Независ. газ. 1997. 5 июня.
10. Славин, С. В. Советский Север. М.: Просвещение, 1980. 176с.
11. Суриков, А. Секвестром по самый Алтай // Правда-5. 1997.. № 19 (256). 23-30 мая.
12. Тюшов, В. Н. По западному берегу Камчатки. СПб, 1906.

Третьи международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения, посвященные 300-летию присоединения Камчатки к России. – Петропавловск-Камчатский: Белый шаман, 1998.

Таблица 9
Некоторые показатели жилищной обеспеченности населения Камчатской области [1]

Годы	1980	1990	1995	1997	1998	1999
Средняя обеспеченность населения жильем, кв. м общей площади на 1 жителя	10,5	13,1	17,1	19,2	19,7	19,2
Капитально отремонтировано жилых помещений в домах за год, тыс. кв. м общей площади	222,0	87,7	32,0	8,5	7,5	1,1

В то же время, необходимо учитывать, что в экономике в целом, в том числе в денежных доходах населения, в Камчатской области (как и в других регионах России и в России в целом) существенную долю, по косвенным оценкам до 50 %, имеет теневая экономика. Этот фактор – несомненно, хотя и неопределимо количественно – оказывает влияние на реальные процессы формирования экономики в целом и уровня жизни населения, отличающиеся от фиксируемых в официальной статистической и иной отчетности.

* * *

Для характеристики процессов формирования интеллектуального, культурного, научно-образовательного потенциала Камчатки, который можно считать собственно региональным, сложившимся в регионе, составляющим неотъемлемую, органичную, постоянную, преемственную часть социальной сферы региона, выделим следующие периоды развития интеллектуального потенциала, опираясь при этом на вышеприведенные характеристики и периодизацию социально-экономического развития региона.

Периодом, в который произошел всплеск в формировании собственного интеллектуального потенциала Камчатской области не только за счет привлечения в область высококвалифицированных сложившихся профессионалов из развитых районов страны, можно считать 1960 – 1970-е годы [16]. Этот всплеск обеспечивался также за счет подготовки профессионалов из молодых специалистов, закончивших вузы в других районах СССР (Российской Федерации);

ЗАМЕТКИ К ПРОБЛЕМЕ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

вания по 20-30 тыс. рублей в год при средней заработной плате около 4 тыс. рублей в месяц (Камчатская область, 2001-2002 год) способны далеко не все слои населения. Необходимо отметить, что платность образования как выбор встала перед населением, уровень жизни которого в среднем существенно снизился по сравнению с 1990 годом. Один из наиболее показательных (не очень убедительных в стоимостном, но убедительных в натуральном выражении) индикаторов такого снижения, в интегрированном виде отражающих проблему в целом, приведен в таб. 8.

Таблица 8

Количество продуктов питания, которое можно приобрести на величину среднедушевого денежного дохода населения Камчатской области (в месяц, килограммов) [1]

Годы	1990	1995	1997	1998	1999
Говядина	137	46	52	41	34
Молоко (литров)	1083	194	186	190	183
Яйца (штук)	2861	1500	1524	1147	1175
Рыба мороженная	321	249	290	263	162
Сахар (песок)	422	159	241	180	160
Масло растительное	117	59	120	69	71
Масло животное	113	37	46	34	27
Маргарин	260	57	84	59	45
Картофель	977	299	341	450	294
Капуста	564	132	278	215	174
Цитрусовые	87	82	141	98	53
Хлеб пшеничный из муки 1 сорта	1083	271	146	159	249

За этот период значительно увеличилась средняя обеспеченность населения жильем, но только за счет усредненного перераспределения жилья, построенного до 1991 года, в сокращающемся по численности населении (это не означает, что улучшилась обеспеченность жильем у всего населения). В то же время, резко ухудшилось общее состояние жилого фонда, капитальный ремонт которого к концу периода фактически прекратился (таб. 9).

У межгосударственной российско-японской проблемы Курильских островов много сторон. Рассмотрим кратко три основных: историческую, социально-политическую, экономическую.

Исторический аспект. Курильские острова и остров Сахалин оказались на стыке между двумя крупными этносами: японским и русским. В многовековом процессе расширения пространственных сфер жизнедеятельности эти этносы подчинили, ассимилировали, истребили менее крупные народности и отдельные племена. На Курильских островах и острове Сахалин они долго «притирали» территориальные границы, в разных исторических ситуациях вынужденно передавали эти земли друг другу. В зону «притирки» попал народ айнов. Очень отвлеченно рассуждая, Курильские острова можно было бы рассматривать как территориальную основу для создания государства айнов. Это было бы умозрительно справедливо, исключило бы претензии равно и России, и Японии, но реальных предпосылок для этого нет, да и, возможно, не айны были первопоселенцами на Сахалине и на Курилах.

В настоящее время каждая из претендующих на Курильские острова сторон представляет в качестве исторических обоснований документальные подтверждения первенства в качестве завоевателя (первооткрывателя, покорителя). При любом межправительственном соглашении (их было немало «в пользу» обеих сторон) о решении территориального спора в традиционном русле («или мое, или твое») эти доказательства не станут исторически устойчиво общепринятыми, будут отвергаться достаточно крупными группами населения и в той, и в другой стране.

Курильские острова относятся к таким зонам Земного шара, где территориальные «притирки» вылились в длительный, острый конфликт с неоднократной сменой побед и поражений. Для его решения при относительном равенстве потенциала этносов исторические доказательства завоевательских приоритетов не могут быть решающими, а любая односторонняя историческая аргументация – бесперспективна. Это не значит, конечно, что хранить и изучать исторические документы бессмысленно. Это значит, что исторические документы в данном запутанном случае не могут быть решающим аргументом, если стремиться решить спор не по форме, а по существу.

Хельсинкской Декларацией 1975 года признано (хоть и только

для Европы, но в этом положении выражена историческая перспектива для человечества в целом), что в таких ситуациях соблюдение принципа стабильности, неизблемости государственных границ является единственным средством устойчивого упорядочения межгосударственных политических и экономических отношений, а также отношений между народами, включая личностные. История ведет человечество к формам международных отношений, при которых межгосударственные границы не будут решающим фактором в организации взаимодействия между народами. Государственные границы, несомненно, важны в настоящее время и будут важны неопределенно долгое время, но не являются единственным, абсолютным условием таких взаимодействий: абсолютизация этого фактора приводит к перманентному противостоянию, а не сотрудничеству. Формы новых межгосударственных отношений по поводу государственных границ еще не выработаны, но общее представление ясно – решение пограничных проблем путем перекройки границ станет анахронизмом.

Представляется, что длительный пограничный спор из-за Курильских островов и Сахалина (гипотетически в предмет этого спора может быть включена и Камчатка - предпосылки для этого могут быть найдены в работах японских ученых и политиков конца XVIII – начала XIX веков), не урегулированный за предыдущие века, не следует продолжать старыми методами силового давления, экономического шантажа, от которых рукой подать до вооруженного противостояния. Временные изменения в пользу той или иной сторон на этом пути возможны; решение проблемы – нет. Решение целесообразно искать в направлении общеисторического развития человечества к многостороннему международному сотрудничеству. Прошлый исторический багаж при этом, конечно же, должен использоваться, но опираться на него как на единственный и вечный фундамент нельзя, тем более, что опыт показывает: в районе Курильских островов государственные границы передвигались неоднократно – не помогало.

Социально-политический аспект. Для любого народа передача части территорий другому государству в результате войны ли, мирных ли соглашений является травмой. В большей или меньшей степени она будет отзываться на протяжении поколений. В моменты социальных осложнений такая травма – дополнительный фактор дестабилизации. Если такая передача осуществлена мирно, как акт миролюбивой инициативы и доброй воли народа, находящегося в фазе подъема, осознающего свои силы и достойное место в миро-

ния, уровня жизни.

При общем росте численности безработных сложилась неравномерная половозрастная структура занятого, экономически активного и безработного населения. Возрастной когорте населения в 20 – 29 лет трудно найти работу: доля безработных среди них составляет более 20 % (1999 г.). Во всех возрастных когортах повышена доля женщин в экономически неактивном населении, превосходя долю мужчин в 1,5 – 2 раза. Значительно ниже доля женщин в занятом населении, доходя в когорте 20-29 лет до уровня почти в 1,5 раза меньше, чем доля мужчин [1]. Для России в целом есть данные, что среди молодежи в РФ безработные составляют 36% [3]. Учитывая, что в целом социально-экономическая ситуация в Камчатской области не лучше средней по стране, можно ожидать, что и в Камчатской области безработица среди молодежи столь же тревожно высока.

Эти обстоятельства позволяют предположить, что социально активная часть молодежи и, в особенности, женщин (и их родителей) будет прилагать дополнительные усилия для получения работы, в частности за счет повышения образования. Можно предположить также, что социально менее активная часть населения не будет прилагать таких усилий, тем более, что эти усилия всё чаще могут реализоваться лишь в сфере платного образования. Есть данные, что в конце 1990-х годов в этой сфере в России обучалось около 30% студентов, а по прогнозу на 2005 год эта доля может вырасти до 50-70% [2]. Полагают, однако, что уже в 2004 году этот показатель превысит 50% [21]. Минвузом РФ планируется развитие систем высшего образования в сторону недопущения преобладания платного образования, но это требует значительных дополнительных средств. Их масштаб можно представить, сопоставляя данные о затратах на образование, выделяемых из государственного бюджета в сумме около 2,5 млн. \$, с утверждением вице-премьера Правительства РФ, что «теневой оборот средств в российском образовании составляет от 2 до 5 млрд. \$ в год» [21]. По другим оценкам теневые финансовые потоки в образовании превышают 20 млрд. руб. [3]. Давление такого «платежеспособного спроса» несомненно деформирует систему образования в нужном ему направлении. Соответственно формируется социальная структура студенчества, в котором уже в середине 1990-х годов до 17% составляли дети предпринимателей, до 60% - интеллигентов и служащих, около 23% - остальных групп населения [2].

Платить за получение высшего и среднего специального образо-

ских сложностей сбора и обработки данных, в эти годы значительно возросших. Так, даже в одном сборнике на соседних страницах можно обнаружить противоречивые цифры. Численность экономически активного населения за 1999-й год указано в 217,6 тыс. чел. и 230,4 тыс. чел.; численность населения, занятого в экономике, названа в 177,0 тыс.чел., а занятого – 188,4 тыс. чел.; численность безработных указана в 40,6 тыс. чел. и 42 тыс. чел.; численность населения в трудоспособном возрасте – в 271,7 тыс. чел. и 219,6 тыс. чел.[22]. Не исключено, что численность населения области за 1990-е годы, уточненная по материалам предстоящей переписи населения, будет существенно отличаться от расчетной. Однако тенденции социально-демографических процессов в Камчатской области могут быть установлены по существующим материалам с достаточной точностью, поскольку для их обоснования использованы в динамике данные, характеризующие разные стороны жизни населения. Часть этих данных приведена в таб. 5, 6, 7.

Таблица 5

Структура возрастного состава постоянного населения Камчатской области (% к общей численности населения) [1]

Годы	1959	1970	1979	1989	2000
Моложе трудоспособного возраста	33,6	28,5	27,8	28,2	19,9
Трудоспособный возраст	63,8	67,5	67,9	66,5	69,2
Старше трудоспособного возраста	2,6	4,0	4,3	5,3	10,9

Таблица 6

Рабочие и служащие в % к численности наличного населения [1]

Годы	1970	1980	1990	1995	1997	1998	1999
Рабочие и служащие в населении (в %)	45,3	48,6	42,2	41,7	41,4	37,9	37,1

Таблица 7

Среднегодовая численность безработных (тыс.чел.) [1]

Годы	1990	1992	1994	1995	1997	1998	1999
Безработные	-	16,2	22,9	33,3	35,6	36,1	40,6

Связанное несомненно с экономическим спадом снижение численности населения Камчатской области стоит в одном ряду и с изменениями его демографической структуры, социального состоя-

вом сообществе, восприятие травмы будет минимальным, а негативные последствия менее значительными. Но какая страна в период подъема сама отказывалась от своих территорий? Если же такая передача пришлась на фазу спада экономики, фазу социально-экономического кризиса, да еще под жестким давлением страны, требующей территориальные уступки; если передача происходит в форме вынужденной продажи, то социальная травма в сознании народа, уступившего территорию, будет значительной, сохранится долго, будет постоянным фактором внутрисоциальной и международной нестабильности. Сейчас эта передача не будет воспринята как законная, как бы формально безукоризненно ее не зафиксировали в документах. И, конечно же, в этом случае передача территории не станет фактором развития дружбы народов, как утверждают некоторые сторонники передачи Курильских островов. Народ, получивший территориальное приобретение в результате силового политического (вплоть до военного) или экономического давления, неизбежно будет осознавать себя победителем, отдавший территорию – побежденным. Если пропаганда и притупит эти чувства, то только на время. Отношения, сопровождаемые этим осложнением, не могут определяться как дружба, тем более, прочная.

Внешнестранная сторона этой проблемы не менее сложна. Японо-российские межгосударственные отношения длительное время развиваются под воздействием (среди многих других) и фактора постоянных взаимных территориальных и акваториальных претензий. Поэтому в долговременном плане передача некоторых из Курильских островов принципиальных изменений в эти отношения не внесет.

Можно сказать, что, приобретая южные Курильские острова, Япония, пока еще находящаяся в стадии подъема, сразу, или по прошествии времени, заявит другую территориальную (остров Сахалин, часть его, другие Курильские острова), или акваториальную (часть экономической зоны Охотского моря и Тихого океана), или иную (шельф) претензию.

Можно ожидать также, что Россия в будущем, войдя в стадию подъема и дождавшись спада в развитии Японии (в историческом плане это вполне реально), заявит свои встречные претензии.

Принципиальное изменение двусторонних межгосударственных отношений на бесконфликтной основе может возникнуть только в случае взаимного отказа от территориальных и акваториальных претензий и перехода к поиску иных форм взаимодействия. Международное положение на границах России и других государств,

образовавшихся из останков СССР, после передачи Японии Курильских островов существенно осложнится. Этот акт станет прецедентом для предъявления территориальных претензий по всем внешним границам бывшего СССР (не говоря уже о границах между бывшими союзными, республиками), установившимся не только в результате длительного исторического процесса, в том числе и военных противоборств, но и на основе некоего установившегося ранее, но в настоящее время разрушенного геополитического равновесия. В поисках нового геополитического равновесия естественны вопросы о перекройке границ, и здесь важно не дать повод. Ибо юридические и исторические обоснования, чтобы отнять территорию у показавшего податливость на нажим государства, будут приисканы незамедлительно. Заблуждения на сей счет, высказываемые о незыблемости южных и западных границ бывшего СССР, тем более опасны, что опираются даже не на иллюзии по поводу исторического опыта, а на измышления по поводу общегуманистических принципов поведения идеального человека (известные «не убий», «не укради»). Международное положение России в мировом сообществе в целом несомненно понизится, и в глазах сообщества, и в глазах захвативших территорию государств, какими бы формальными актами одобрения доброй воли со стороны некоторых третьих государств не сопровождалась передача территории. Нисколько не умаляя ни общее гуманистическое значение уступчивости, ни способности к компромиссу в международных отношениях, нельзя не считаться с тем, что в современном мире слова о гуманизме не определяют реальную политику. Мировое сообщество пока еще не детский сад, где всезнающий воспитатель похвалит мальчика Мишу или мальчика Борю за то, что они поделились ложкой каши с мальчиком Петей. Долгосрочная политическая оценка государств определяется по их реальной силе, и такая оценка России при передаче Курильских островов неизбежно понизится. Россия приобретет репутацию страны, торгующей территориями: такого рода репутация держится веками.

Экономический аспект. В кратковременном плане передача открывает возможность получения кредитов и ссуд, возможно, беспроцентных займов, возможно, безвозмездных «откупных» подаваний, компенсаций в финансовой и материально-технической формах или в виде «ноу-хау».

Возможность эта, несомненно, будет конечной во времени, если не разовой. Эффективность таких вложений, как показывает практика, намного ниже, чем ожидается. Весьма вероятно, что компен-

постоянного населения области за 1991 – 2000 гг. с 487,7 тыс. чел. до 389,1 тыс. чел., или почти на 20 % [1]. За этот период резко изменились все показатели миграционного движения населения (таб. 3).

Таблица 3

**Характеристика миграционного движения населения
Камчатской области [1]**

Годы	1970	1980	1990	1995	1997	1998	1999
Абсолютные показатели (чел.)							
Число прибывших	36948	27368	22195	13329	9664	8133	6564
Число выбывших	24514	22747	21048	24851	16625	14551	13054
Сальдо миграций	13434	4621	1147	-11528	-6961	-6418	-6490
Относительные показатели (чел на 100 чел населения)							
Прибывшие	126,5	70,6	47,1	31,9	24,2	20,7	17,0
Выбывшие	84	58,7	44,7	59,5	41,6	37,0	33,7
Сальдо миграций	42,5	11,9	2,4	-27,6	-17,4	-16,3	-16,7

Радикальные изменения произошли за этот период и в процессах естественного воспроизводства населения Камчатской области; в целом соответствующие тенденциям изменений в населении России (таб. 4).

Таблица 4

**Естественное воспроизводство населения Камчатской области
[1]**

Годы	1970	1980	1990	1995	1997	1998	1999
Абсолютные показатели (чел.)							
Родившиеся	5108	6517	5905	3806	3669	3761	3525
Умершие	1970	2709	2966	4656	3794	3690	3968
Прирост, убыль (-)	3138	3808	2939	-850	-125	71	-443
Относительные показатели (чел. на 1000 чел. населения)							
Родившиеся	17,5	16,8	12,5	9,1	9,2	9,6	9,1
Умершие	6,7	7,0	6,3	11,2	9,5	9,4	10,3
Прирост, убыль (-)	10,8	9,8	6,2	-2,1	-0,3	0,2	-1,2

Приведенные данные о динамике демографических процессов в Камчатской области за 1990-е годы в значительной степени иллюстративны, поскольку (кроме естественного движения) опираются на статистические данные несовершенные вследствие методиче-

В начале 1990-х годов в социально-экономическом и демографическом развитии Камчатской области произошли радикальные изменения. Их идеологическая и политическая подготовка происходила во второй половине 1980-х годов, практическое же их проявление началось около середины 1991 года. Общая причина этих изменений на Камчатке состоит в общегосударственной смене основополагающих ориентиров социально-экономического развития: изменении отношений собственности; отказе государства от планомерного регулирования экономических процессов с целью удовлетворения основных общественных интересов; резком (не менее 10 раз) уменьшении государственного бюджета и финансирования экономической и социальной сфер; резком сокращении финансирования оборонного комплекса страны и в целом организаций, выполняющих общегосударственные функции; резком сокращении бюджетного финансирования науки, культуры и образования на всех уровнях; неопределенности геополитических оборонных, экономических, внешнеполитических, идеологических ориентиров; гипертрофированном преобладании централистских политических и экономических приоритетов в региональной политике. Для Камчатки важное значение имеет явная практическая и законотворчески подготавливаемая ориентация государства на смену политики развития северных районов России с постоянного на временное освоение. Эта политика формально не выражена, правовым образом не закреплена, и полно не сформулирована (условно назовем ее «вахтовой»), но практически выражается в разрушении экономики и вытеснении населения из северных районов путем ликвидации систем жизнеобеспечения и т.п.[7].

Некоторые конкретные проявления воздействий этих основополагающих факторов на социально-экономические процессы в Камчатской области в 1990-е годы в сопоставлении с показателями за 1960 – 1980 гг. приведены выше в таб. 2. и свидетельствуют о крупнейшем спаде в экономике и снижении численности населения на Камчатке. Некоторая стабилизация экономических процессов и даже увеличение отдельных показателей, зафиксированные текущей статистикой в 2000 году [22], в наибольшей степени связаны с конъюнктурной ситуацией в рыбной промышленности и пока не подтверждаются состоянием объективных факторов экономического развития. Тенденция экономического спада в Камчатской области существенно повлияла на развитие социально-демографических процессов. Стабильный рост численности населения сменился стабильным снижением, что привело к общему снижению численности

сацией (кредиты, займы, субсидии, ссуды) будут выделяться, когда острова уже перейдут от страны к стране, с гораздо большим трудом, чем сейчас выдаются обещания: примеров тому человечеству известно достаточно. И, в конечном счете, эти вложения могут вылиться в прямой ущерб, аналогичный наблюдаемому в лесной промышленности: за лес получаем технику для заготовки леса и остаемся без леса и с изношенной техникой, ни на что более не пригодной. В долгосрочном плане Россия может понести несомненные экономические потери, лишившись природных ресурсов общегосударственного значения, один только краткий перечень которых достаточно внушителен:

- биологические и минеральные ресурсы шельфа и морской экономической зоны;
- лососи, нерестящиеся в реках крупнейших из южных Курильских островов;
- химические компоненты геотермальных вод;
- рекреационные, в основном туристические, и бальнеологические ресурсы;
- возможность базирования и обслуживания рыбохозяйственного флота, как отечественного, так и других государств.

Это потеря не только ресурсов, непосредственно связанных с островами: неизбежна перекройка границ экономических зон, особенно сложная в Охотском море, где дополнительный интерес представляют нефть и газ на шельфе.

Есть и еще одна сторона экономического аспекта проблемы, которая проявляется в экономическом проникновении Японии в оспариваемый регион. В общем плане такое проникновение, если оно осуществляется в рамках равноправного взаимовыгодного экономического сотрудничества, должно оцениваться как прогрессивное и даже необходимое, подготавливающее экономическую основу для будущих взаимовыгодных и взаимодоброжелательных политических решений. Вопрос: состоится ли взаимовыгодное сотрудничество, пока события развиваются не в направлении двусторонних экономических вкладов в освоение региона, а в обычную для эпохи колонизации и для современного мира практику предоставления для освоения природных ресурсов займов под высокие проценты, и выполнения других разовых условий - чаще всего в форме строительства дополнительного объекта (больница, школа, жилье, региональные очистные сооружения). Когда страна бедна, и такие условия можно расценивать как доход. Но при этом важно учитывать, что эта практика приобретения кратковременных односторонних

экономических преимуществ, не вписанная в программу перехода к равноправному сотрудничеству, приведет со стопроцентной гарантией к неокOLONиальному освоению оспариваемого региона. Суть его - экономическое отпадение этого региона от бывшей метрополии и экономическое тяготение к новой метрополии. В этом случае политическая перекройка границ возможна иными способами, а не межгосударственными соглашениями. Пример - суверенизация и сепаратизация, которыми всё более увлекаются обломки СССР и союзных республик. При этом Японии не обязательно сразу требовать присоединения Курильских островов. Достаточным окажется поддержать суверенитет самостоятельной Южно-Курильской республики и призвать к защите ее прав международное сообщество.

В свете тенденций 1990-х годов такой поворот событий представляется не опереточным, а вполне возможным.

Таким образом, анализ проблемы южных Курильских островов показывает, что ее решение путем передачи их Японии может принести (но может и не принести!) положительный кратковременный и частный внешнеполитический и экономический эффект. В долгосрочном же плане передача не даст России ничего, кроме устойчивых негативных последствий. Несомненная, казалось бы, выгода такого решения для Японии тоже оказывается со скрытым ядом, могущим проявиться в отдаленной перспективе.

Представляется, что взаимовыгодное решение этой проблемы следует искать в иных формах межгосударственных отношений, не связанных с передачей территорий. Возможности для этого отчетливо проявляются в экономической сфере. Более того, России нужно проявить нетрадиционный для наших внешнеторговых операций разум, чтобы не отдавать зарубежным фирмам что-либо, как нефтяные и газовые месторождения Сахалинского шельфа таким образом, чтобы не остаться без нефти, газа и доходов. Из одного этого примера видно, что новые решения трудны, требуют поисков, анализа, времени. Но только на этом пути решения будут истинно решениями, а не порождением новых неразрешимых проблем.

Ведомости Сахалинской обл. Думы. № 33.

Материалы парламентских слушаний 12-13 сентября 2001 г. - Южно-Сахалинск, 2001.

ли в повышенной доле мигранты из городских населенных пунктов социально-экономически наиболее развитых районов РСФСР и УССР. В исходящем с Камчатки миграционном потоке выезжающие в города устойчиво составляли еще большую долю. (Численность мигрантов в г. Москву, например, ежегодно превышала численность мигрантов из г. Москвы). Это обстоятельство позволяет предположить, что работа и проживание на Камчатке способствовали повышению уровня социального развития прибывающего на Камчатку населения в целом. При анализе динамики социально-демографической структуры населения Камчатки обнаружилось устойчивое превышение доли населения, проживающего в городах, относительно сложившихся в наиболее социально-экономически развитых районах СССР сопоставимого таксономического уровня. Количество населения Камчатки с высшим, неоконченным высшим, средним общим и специальным образованием на 1000 человек было существенно выше, чем в развитых районах СССР и могло быть сопоставимо с уровнем, сложившимся в столицах социально наиболее развитых союзных республик и крупнейших городах СССР. Эти обстоятельства позволяют считать население Камчатской области в целом, сложившееся к началу 1990-х годов, и, в особенности, население г. Петропавловска-Камчатского и Петропавловско-Елизовской агломерации, одним из наиболее социально-развитых в СССР и РСФСР.

Анализ структуры населения Камчатки позволяет также выявить, что в результате длительных крупномасштабных миграционных перемещений с высоким механическим приростом населения, а также за счет высокой рождаемости, на Камчатке сложилось не только переменное (с разной продолжительностью проживания) население, но и население, которое может быть определено, как постоянное, сформировавшее здесь несколько поколений и проживающее соответствующим бытовым укладом.

Учитывая высокую насыщенность производственной и непроизводственной сферы Камчатской области техникой и технологиями относительно высокого по отечественным и мировым стандартам уровня; большое количество организаций научных, проектных, конструкторских, высшего и среднего специального образования; высокий уровень урбанизированности образования, подвижности населения, есть основания полагать, что к концу 1980-х годов в населении Камчатской области сложился высокий интеллектуальный научно-образовательный потенциал с достаточно устойчивыми, высокими, инерционно развивающимися социальными установками.

деления научно-исследовательских институтов АН СССР и ДВНЦ АН СССР, ориентированные на выполнение фундаментальных научных исследований, а также на комплексное научное обеспечение развития народного хозяйства Камчатской области. В конце 1980-х и инерционно в начале 1990-х годов на базе этих подразделений были сформированы - в дополнение к Институту вулканологии ДВО РАН - институты вулканической геологии и геохимии, космофизики и распространения радиоволн, экологии и природопользования, а также Научно-исследовательский геотехнологический центр ДВО РАН. Эти подразделения были объединены в Камчатский научный центр ДВО РАН.

Формирование населения за 1920-1980-е годы в Камчатской области как в районе нового освоения происходило в подавляющей степени за счет миграционных процессов, обеспечивавших высокий механический прирост населения и удовлетворявших потребности интенсивно развивающейся экономики в трудовых ресурсах [4,8,10,12].

В 1930-е – 1940-е годы и частично в 1950-е годы миграционные потоки на Камчатку формировались в основном в рамках положений об организованном наборе («органанбор») рабочих и специалистов предприятиями на работу (в основном сезонную, на лососевой путине), а также, в соответствии с законодательством о Крайнем Севере, по срочным трудовым договорам. Ограничивающими факторами миграционных процессов были объективные пределы потребностей народного хозяйства в целом и отдельных предприятий в трудовых ресурсах, а также субъективные ограничения по въезду населения в пограничную зону. Со второй половины 1950-х годов миграции в Камчатскую область происходили в большой степени по закономерностям свободных миграционных процессов, зависящих, в конечном счете, от потребности развивающегося народного хозяйства в трудовых ресурсах, но регулируемых в значительной мере – в особенности по качественным характеристикам – родственными, личными, профессиональными и т.п. связями населения. Главными факторами, стимулирующими стабильно высокий миграционный приток населения на Камчатку, были повышенный уровень денежных доходов (заработной платы) и возможность работы по избранной специальности с быстрым ростом профессионального уровня.

В результате, в соответствии со сложившимися в тот период тенденциями формирования населения в районах нового освоения на Севере СССР, в Камчатскую область (извне Камчатки) приезжа-

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНО-РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИБРЕЖНЫХ ЗОН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Проблемы освоения природно-ресурсного потенциала прибрежных зон Дальнего Востока, в частности Дальневосточного шельфа, укладываются в общую проблематику формирующихся со второй половины XX века общепланетарных процессов «устойчивого развития» и «глобализации», рационализации природопользования, поисков путей преодоления дефицита ресурсов экономического развития, крупномасштабного освоения природных ресурсов Мирового океана и других, которые определяют многие параметры развития человечества в XXI веке.

Для представления о сложности, иерархии, генезисе, структуре совокупностей противоречий, с которыми сталкиваются эти процессы, назовем некоторые из них.

С принципиальной новизной сочетания этих процессов связано отсутствие достаточной для их обеспечения научной, мировоззренческой, технической и технологической, социальной и экономической, организационной и управленческой, психологической и т.п. подготовки. У человечества пока не сформировались устойчивые, апробированные опытом навыки решения новых по характеру проблем.

Отсутствует материальная база, полноценно соответствующая характеру принципиально новых целей и задач развития. Более того, исторически накопленная материально-техническая база, являясь продуктом предшествующих эпох развития (в основном, индустриальной эпохи), соответствует их стереотипам. Она является не только одной из основных причин общего системного кризиса индустриальной стадии развития человечества, выход из которого предложен путем перехода к «устойчивому развитию». Она является одним из основных факторов, препятствующих этому переходу, поскольку одномоментно заменить или трансформировать ее невозможно.

Нарастает, часто искусственно подогревается и используется в частных, разрозненных интересах, дефицит некоторых природных ресурсов производства и жизнедеятельности человечества. Эти ресурсы необходимы для сложившихся и сохраняющихся технологических и потребительских стереотипов, которые, в конечном счете, определяют количественные и качественные параметры потребностей в них. Преодоление сложностей, связанных с этим дефицитом, связано поэтому с преодолением этих стереотипов, что, в свою оче-

редь, связано не только со сменой технологии, но и с изменениями системы социально-экономических отношений; этических, информационных парадигм и т.п.

Человечество в очередной раз проявляет объективно и субъективно присущую ему неспособность к относительно быстрой и безболезненной смене всей системы общественных социально-экономических и технологических условий производства и организации жизни. Это проявляется не только в консерватизме, приверженности к привычному, устоявшемуся прошлому и настоящему, но и в противодействии развитию качественно новых экономических, управленческих, технологических, потребительских стереотипов производственной и жизненной деятельности.

В России начала XXI века, например, эти консерватизм и противодействие, усиленные сменой приоритетов развития с общественных на узкие, частнособственнические, вылились в разгром созданной с конца 1980-х годов системы государственных органов управления рационализацией взаимоотношений человечества и природы. Это остро сказывается на процессах освоения природно-ресурсного потенциала прибрежных регионов.

Для человечества в целом, переходящего в конце XX века к крупномасштабному освоению природных ресурсов Мирового океана, стало необходимостью ускоренно, исторически – внезапно преодолеть относительно слабую изученность гидрологических, геологических, геохимических, биологических, физических, климатических, иных природных процессов, происходящих в океане и прибрежных системах типа суша – море. Особенно велики были и остаются пробелы в системном изучении совокупностей этих явлений.

Специфичные процессы переноса и трансформации вещества и энергии в этих природных системах существенно отличаются от процессов, происходящих в природных системах суши, намного более длительно осваиваемых и изучаемых человеком. Но на суше человечество только в конце XX века dorosло до осознания необходимости и до практической выработки методов рационального природопользования, переходя к ним от методов, сложившихся исторически, имевших, как правило, покомпонентный характер, часто приводивших к непредвиденным последствиям, преимущественно – негативным. Еще менее рациональным оказывается применение этих исторически привычных покомпонентных методов использования природных ресурсов в слабо изученной подвижной природной среде Мирового океана, где динамичность развития природных

сударственная академия рыбного промыслового флота, Камчатский государственный технический университет); подразделения ВЮЗИ (впоследствии факультет Дальневосточного государственного университета) и др.

Таблица 2

**Некоторые показатели социально-экономического развития
Камчатской области за 1960 – 1999 гг. [1]**

Показатели	1960	1990	1999
Численность постоянного населения (на конец года) в тыс. чел.	220,7	478,7	389,1
Ввод в эксплуатацию жилых домов, общей площадью тыс.м ²	-	210,0	11,3
Грузооборот транспорта общего пользования, млн.тонно-км	10,4	240,0	1,2
Пассажирооборот транспорта общего пользования, млн. пассажира-км	91,1	886,7	222,7
Производство электроэнергии млн.Квт. час	146,7	1863,6	1536,6
Вывозка древесины тыс. м ³	627,0	718,3	130,1
Сборные железобетонные конструкции и детали тыс. м ³	26,0	252,5	3,3
Улов рыбы, включая добычу морепродуктов, морзверя тыс.тонн	254,6	1348,1	707,0
Среднегодовая численность рабочих и служащих в тыс.чел.	91,2	198,3	143,6
в т.ч. в науке и научном обслуживании, тыс.чел.	2,3	7,5	1,9

К ранее созданным, качественно и количественно развивающимся подразделениям отраслевой науки и научного обслуживания добавились Камчатская лесная опытная станция института «ДальНИИЛХ», «Дальморгеология», подразделения, обеспечивающие космические полеты и исследования и др.

Для обеспечения народного хозяйства проектно-конструкторскими разработками на Камчатке создаются Камчатские подразделения институтов «Гипрорыбпром», «Гипроводхоз», «Росгипрозем»; институты «Камчатскгражданстрой», «Камчатск-коммунпроект», «Камчатагропромпроект», Центральное проектно-конструкторское технологическое бюро института судостроения.

На протяжении этого этапа были сформированы новые подраз-

развития в интенсивно развивающиеся районы нового освоения.

Для обеспечения комплексного развития Камчатки фундаментальными научными исследованиями привлекаются экспедиции АН СССР. Для проведения вулканологических исследований создаются научные подразделения, впоследствии преобразованные в Институт вулканологии АН СССР. Для научных исследований, обеспечивающих прогнозы промысла рыбную промышленность, создается региональное подразделение ТИНРО. Созданы подразделения для научного сопровождения хозяйственного развития и комплексного освоения региона в сфере гидрометеослужбы, геологических исследований, сейсмических наблюдений и исследований, сельскохозяйственных наук.

Основные заботы органов регионального управления на этом этапе сосредотачивались в сфере общего среднего полного и неполного образования, развития сети библиотек, музеев, домов культуры и т.п. [17].

С конца 1950-х годов, на фоне резкого сокращения береговой рыбохозяйственной базы, связанного с деградацией популяций лососевых рыб, в Камчатской области быстрыми темпами развивается дальний морской и океанический промысел рыбы с насыщением флота и береговой инфраструктуры сложной техникой и технологиями, требующими высокообразованных специалистов. Развиваются обрабатывающая, легкая и пищевая промышленность, машиностроение, строительная индустрия. Формируется научно-технически высоконасыщенный крупномасштабный народнохозяйственный комплекс с развитой инфраструктурой. На этом этапе в Камчатской области сложилась индустриальная наукоемкая экономика, открытая, широко ориентированная на межрегиональные связи, выполняющая крупномасштабный и разнообразный в видовом отношении комплекс функций общегосударственного значения. Развитие народного хозяйства Камчатской области в это время может быть охарактеризовано некоторыми выборочными данными по отдельным отраслям (таб. № 2).

Потребность формирующихся социального, производственного, инфраструктурного, оборонного межотраслевых комплексов в профессионально высоко подготовленных специалистах послужила причиной создания в г. Петропавловске-Камчатском Камчатского государственного педагогического института (впоследствии Камчатский государственный педагогический университет); регионального подразделения Дальрыбвтуза (впоследствии Петропавловск-Камчатское высшее инженерное морское училище, Камчатская го-

процессов является одной из принципиальных отличительных черт и наступление крупномасштабных, широко распространяющихся, трудно локализуемых, негативных последствий – неизбежно.

Переход человечества к крупномасштабному, разностороннему, быстро распространяющемуся, бессистемному освоению ресурсов Мирового океана сопровождается противоречивыми процессами экономического и политического раздела и передела его акватории и дна. Со второй половины XX века эти процессы сдерживаются в основном в мирных формах за счет сложных совокупностей международных соглашений, заключаемых в широком диапазоне по субъектам и предметам регулирования.

Одна из важнейших проблем состоит в том, что в конце XX – начале XXI веков уровень развития производительных сил в переходных по технологиям странах обуславливает высокую скорость и расширение масштабов не только извлечения частных полезных из Мирового океана, но и непродуманных воздействий на его природную среду с наступлением непредвиденных и незнакомых по аналогии с сушей последствий. С этим связана высокая скорость возникновения и развития острых кризисных ситуаций. Открытым для человечества остается вопрос – сумеет ли оно успеть преодолеть ускоренно развивающиеся системные экологические и социально-экономические кризисы. Преодолению кризисов противодействуют исторически накопленные материально-технические база, технологический опыт, социально-экономические, организационно-управленческие, мировоззренческие, поведенческие, потребительские стереотипы, замедляющие и без того замедленные, консервативные реакции общества в сфере природопользования.

* * *

К настоящему времени известны методы управления развитием общества, позволяющие эффективно решать сложные в видовом, структурном, иерархическом отношении задачи, каковой является и рационализация природопользования. Один из важнейших методов состоит в применении системного, комплексного подходов к анализу и разработке управленческих решений при планировании действий в системах, сложных по структуре и механизмам развития. Второй - метод строгого научного подхода - не имеет альтернативы, когда планируются новые по характеру, исторически не апробированные действия в новой, плохо изученной, исторически не апробированной среде.

Человечество имеет практику эффективного изменения этих методов обеспечения управленческих решений практической деятель-

ности для регулирования общественных действий в сложных, в том числе международнозначимых ситуациях, таких, как освоение ядерной энергии, космоса и т.п.

Но человечеству известна и основная опасность в таких ситуациях: склонность органов управления действовать в непривычных, нестандартных сложных условиях простейшими методами по привычным стереотипам.

Часто в таких случаях не только не применяются научно обоснованные системные подходы. Органы управления часто мимикрируют, изображают системный и научный подход к решению проблем, принимают общественно значимые решения на основе анализа покомпонентного, не системного, значимого для частных интересов; на основе воззрений, не соответствующих изменившимся объективным условиям общественного развития.

В таких случаях человечество гарантированно получает разрушительные, негативные для общества и природы конечные результаты. Органы управления фактически игнорируют эти результаты до тех пор, пока их отдельные проявления локальны в территориальном и общественном отношении. Переход к применению для подготовки управленческих решений истинно системного и научного подходов, а не их видимости, становится вынужденно необходимым, когда разовые или накопленные масштабы негативных результатов приобретают широко общественно значимые, национальные, субглобальные или глобальные масштабы.

* * *

Современное планирование деятельности по видовому и пространственному расширению освоения природно-ресурсного потенциала Дальневосточных морских и океанических акваторий и шельфа не может быть эффективным не на основе научного системного подхода.

Длительное время в Дальневосточных морских акваториях и на шельфе широко использовались водные биологические ресурсы, биологическая и промысловая продуктивность которых достигает здесь на отдельных крупных участках высочайшего в мире уровня. Управление этим видом пользования ресурсами в СССР было относительно высоко эффективно с точки зрения сохранения и воспроизводства ресурсного потенциала рыбохозяйственного комплекса и охраны видового и популяционного биоразнообразия.

В течение XX века расширялось использование транспортных возможностей морских акваторий для обслуживания пассажирских и грузовых перевозок между интенсивно развивающимися района-

Таблица № 1

**Численность наличного населения
Камчатской области по данным общегосударственных
переписей населения [1]**

Даты переписей населения	Численность населения (тыс. чел.)		
	Всего	Городское	сельское
17.12.1926 г.	19,4	1,7	17,7
17.01.1939 г.	109,3	35,4	73,9
15.01.1959 г.	220,7	140,5	80,2
15.01.1970 г.	287,6	219,0	68,6
15 (17).01.1979 г.	378,5	312,7	65,8
12.01.1989 г.	466,1	379,1	87,0

Этот период может быть подразделен на несколько этапов, различающихся по характеру процессов развития экономики и социальной сферы, что отражалось на формировании населения и его образовательно-научного, интеллектуального, культурного потенциала [13,14]. Названные этапы могут быть кратко описаны следующим образом. С конца 1920-х до второй половины 1950-х годов в развитии Камчатки преобладали приоритеты развития берегового «лососевого» рыбного хозяйства; лесозаготовок и лесопереработки для потребностей внутрирегиональной экономики; сельского хозяйства; строительства в г. Петропавловске-Камчатском капитальной портовой инфраструктуры и индустриальной базы для развития морского транспорта, морского и океанического рыбного промысла. На этом этапе, в соответствии с потребностями растущих производственной и социальных сфер, создаются мореходное училище, рыбопромышленный техникум, торгово-кооперативный техникум, педагогическое училище, фельдшерско-акушерская школа (впоследствии – медицинское училище), другие средние специальные учреждения, призванные обеспечивать народное хозяйство специалистами со средним специальным образованием соответствующего профиля. Экстенсивно и интенсивно растущие потребности населения Камчатки в получении высшего образования, непрерывно повышающиеся и стимулируемые государством в это время у населения СССР в целом могли быть удовлетворены только обучением в вузах других районов страны. Потребности экономической и социальной сферы в высококвалифицированных специалистах обеспечивались государственной политикой привлечения профессионально подготовленных кадров с высоким уровнем социального

Интеллектуально-культурный потенциал населения Камчатской области по состоянию на 2001 год сложился в течение XX века в результате длительного разнохарактерного социально-экономического и демографического развития. Оно может быть подразделено на несколько этапов по таким признакам, как общая направленность развития (рост, спад, застой); интенсивность изменения общих и отраслевых экономических показателей и численности населения; характер отраслевой и территориальной структуры регионального социально-экономического комплекса [11].

Во второй половине XIX века Российская империя не проявляла государственного интереса к социально-экономическому развитию Камчатки и, в результате такой политики, могла лишиться этой территории. Такая опасность стала наглядной в свете итогов Русско-Японской войны по Портсмутскому мирному договору 1905 года. В связи с этим для Камчатки был восстановлен статус губернии; здесь была увеличена численность вооруженных сил, построена радиостанция, созданы структуры управления. Численность населения г. Петропавловска-Камчатского увеличилась с 0,3-0,4 тыс. чел. до 1,5-1,6 тыс. чел., но численность населения на территории области в современных ее границах выросла несущественно, составив в 1915 г. около 10,3 тыс. чел. [1]. Местной интеллигенции на Камчатке было мало, лица с высшим образованием насчитывались единицами. В этих условиях предполагать наличие или зарождение интеллектуального потенциала региона как социально-экономического образования, оснований нет.

После Первой мировой войны, Февральской и Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны и интервенций, нескольких лет поисков организационно-хозяйственных форм, должных обеспечить ускоренное социально-экономическое развитие Камчатки, в Советском Союзе в 1927 году было создано Акционерное Камчатское Общество. В задачи общества входило обеспечение комплексного экономического освоения природных ресурсов, устойчивое заселение и социальное развитие Камчатки и Охотско-Анадырского края. Условно с этого года и до начала 1990-х годов продолжался период интенсивного развития Камчатской области с непрерывным увеличением численности населения и опережающим ростом численности городского населения (таблица 1).

ми Дальнего Востока.

Во второй половине XX века велись интенсивные разрозненные покомпонентные исследования отдельных видов природных ресурсов Дальнего Востока и прилегающих морей, с целью формирования в этой зоне России территориально-производственных комплексов, сбалансированных по целям, роли, структуре, механизмам развития. В рамках этих исследований были обнаружены месторождения или проявления на шельфе нефти, газа, газогидратов, россыпей золота и других металлов, конкреций и т.д. Были предварительно оценены энергетический потенциал морских приливов, волновые и ветровые энергетические ресурсы. Были выявлены районы, сезоны, биологические особенности воспроизводства, нагула, миграций, формирования промысловых скоплений промыслово-значимых видов морских организмов. Изучались гидрологические, гидрохимические, климатические, навигационные, другие особенности акваторий. Исследовались возможности производственного, инфраструктурного, расселенческого освоения прибрежных районов.

В 1990-е и 2000-е годы управляемость рыбохозяйственной деятельностью в России разрушилась. Это привело, в конечном счете, к сокращению почти в 3 раза природно-ресурсного потенциала этой отрасли и создало угрозу ее распада.

В системе власти и управления в России были ликвидированы структурные подразделения и механизмы, обеспечивавшие системный подход к управлению социально-экономическим развитием страны в целом и отдельных регионов.

Из идеологических соображений была в первую очередь прекращена практика комплексного долгосрочного и среднесрочного планирования развития хозяйственных, социальных, демографических, иных процессов. Сложнейший социально-экономический организм страны не имел внутренних механизмов для саморегулирования межотраслевых, межрегиональных, иных процессов. Одномоментное появление таких механизмов было невозможно теоретически, хотя на это надеялась верховная власть. Задачи создать рациональное сочетание механизмов саморегулирования и государственного регулирования развития страны не ставились. Развитие сложных по структуре, пространственно-развитых социально-экономических организмов не координировалось. Ставились задачи по регулированию отдельных, с большой долей неопределенности фиксируемых показателей, абстрагированно отражающих состояние некоторых «макроэкономических» процессов. Социально-

экономический организм страны реагировал на управленческие воздействия власти неадекватно ее ожиданиям и очень быстро разрушался. Опережающими темпами разрушились не могущие существовать без государственного участия «нерыночные», технически насыщенные, высокого уровня обобществления системы жизнеобеспечения. В последнее время восстанавливается внимание органов власти и управления к процедурам среднесрочного (около 3-х лет) планирования, однако комплексный, системный подход в этих процедурах не применяется. Основная особенность этих процедур – покомпонентный, выборочный характер. В процедуры планирования вовлекаются «интересные» с точки зрения получения сверхприбыли сферы хозяйства, а также сферы хозяйства, оказавшиеся в критическом состоянии, не позволяющем выполнять политически важные общественно значимые функции.

Переход к системному управлению развитием социально-экономических процессов в России на общегосударственном и региональном уровнях становится необходимостью. Без этого восстановление целостного, рационально функционирующего социально-экономического организма страны на уровне, соответствующем современным параметрам цивилизационного развития, в обозримые сроки (как надеются) невозможно, как невозможно и в принципе. Состоится ли этот период, в какие сроки и в каких формах – покажет время.

Управленческие подразделения, ранее предназначенные для целостного, системного регулирования взаимодействий развивающегося Общества и Природы, ликвидированы. Их ликвидация обусловлена не только идеологическими «частнособственническими» соображениями, нацеливающими на «удаление государства» из управления экономикой, а, следовательно, и экономическими, производственными воздействиями на социальную сферу и природу. Не в меньшей степени их ликвидация произошла по соображениям прагматическим, объективно связанным с исключительно сырьевой, разрушающей природу специализацией хозяйства современной России и отдельных ее регионов в мировой экономике, а также с возможностью получения в этой сфере сверхприбылей, в частности за счет экономии на выполнении социальных и природоохранных требований. Во многом, для обеспечения таких сверхприбылей ликвидированы системы, регулировавшие комплексную рационализацию природопользования и комплексно регулировавшие развитие социально-экономических процессов в стране и регионах.

нально-территориальных и общественных структур; резкие изменения воспроизводственных социальных и демографических процессов (смертность, рождаемость, депопуляция, уровень жизни, система социальных установок, уровень образования и т.д.); формирование новых геополитических ориентиров государственного развития с новой системой приоритетов в системе межгосударственных политических, экономических и личностных связей; радикальные изменения насаждаемых в обществе идеологических императивов, в том числе в развитии общественных наук [7,15].

В Камчатской области решение такой задачи связано с необходимостью учета не только общих для России тенденций развития в прогнозируемый период, но и особенностей их проявления в региональных социально-экономических и демографических условиях.

* * *

Интеллектуальным, научно-образовательным потенциалом региона мы считаем сложившуюся в регионе совокупность взаимосвязанных общественных явлений, в состав которой входят организационно и экономически оформленные и неформальные сферы научных исследований, образования, инженерно-технической и архитектурно-строительной деятельности, культуры и искусства высокого профессионального уровня; устойчивая система информационных и личных взаимосвязей с интеллектуальным потенциалом других регионов и государств, позволяющая функционировать в общем поле научного и культурного развития человечества; сложившиеся в населении региона в целом и в отдельных его группах социальные установки на приобретение и повышение личного образовательного, профессионального, квалификационного уровня, считающегося у населения и этих социальных групп социально предпочтительным. Носителем интеллектуального потенциала региона является население в целом, организованные в нем специфические государственные и негосударственные структуры, отдельные его социальные группы, а в наивысшем проявлении интеллектуального и культурного уровня – отдельные личности. Интеллектуальный потенциал рассматривается в развитии, в связи с чем в отношении его могут возникать вопросы о качественном и количественном критических уровнях его существования; стадиях возникновения, становления, достижения уровней, на которых этот потенциал приобретает способность к самосохранению, самовоспроизводству, о проявлениях инерционности в процессах его развития и т.п.

ОБ ОЦЕНКЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ (ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Проблема определения перспектив развития научных и образовательных блоков социальной сферы, ориентированных на рациональную и эффективную подготовку и использование специалистов с высшим образованием, является одной из сложнейших и актуальнейших в XXI веке на уровне не только государств в целом, но и отдельных их регионов. От решения этой проблемы зависят место и роль, которые будут занимать эти государства и регионы в научно-техническом прогрессе; развитие отраслевой структуры их хозяйственной сферы, формирование социальных процессов. Отставание или неправильно выбранная структура экономики, замедленная реакция на научно-технический прогресс, недостаточно эффективная организация процессов обучения и подготовки специалистов для хозяйственной, социальной и научной сфер неизбежно приведут к отставанию в экономическом, научно-техническом и социальном развитии в целом.

В то же время, процесс подготовки специалистов с высшим образованием как не изолированная от развития всего общества часть, а как органичная его составляющая, неразрывно связанная со всем его интеллектуальным, культурным, образовательным, научным потенциалом, - процесс длительный, непрерывный, наукоемкий, капиталоемкий, требует создания многозвенной и разнообразной по видам образовательной и научной сферы, в связи с чем и весьма инерционный. В силу этих факторов рациональное определение качественных и количественных параметров учебно-научной сферы государств и регионов являются одним из главных условий их социально-экономического развития в целом.

Решение этой проблемы в условиях России в настоящее время усложнено тем, что российское общество в прошедшие 1990-е годы пережило и, как показывает анализ, неопределенно длительное время в XIX веке будет переживать системный кризис, называемый «переходным периодом». Характерными чертами этого кризиса, имеющими отношение к теме исследования, являются: смена формационного уровня общественных отношений (отношения собственности, классовая структура и т.п.); формирование нового государства с новыми ориентирами социального развития, в частности, в сфере развития науки и образования; формирование новых государственных отношений в новой системе органов власти и управления, в новой системе административно-территориальных, нацио-

* * *

В настоящее время Российское государство осваивает побережье, морские акватории и шельф Дальнего Востока в совокупности следующих основных системных проблем, обусловленных вышеназванными объективными и субъективными обстоятельствами.

Природная сфера этой субглобальной зоны может быть подразделена на взаимосвязанные природные системы разных видов, различного таксономического уровня.

В качестве примера можно назвать морские природные системы: моря Берингово, Охотское и Японское, не только отличающиеся характером природных явлений, но и связанные формирующими некоторое сходство природными процессами, в конечном счете сводящимися к процессам переноса и трансформации вещества и энергии. Таковы процессы обмена водными массами, циклонический перенос вещества и энергии, формирование сходства состава флоры и фауны и т.п.

В качестве примера можно назвать локальные островные экологические системы, а также региональные и субглобальные природные зоны, например, Камчатско-Курило-Беринговскую природную систему.

В качестве примера можно назвать переходную геологическую зону контактов Азиатской материковой и Тихоокеанской плит земной коры, где сформировались гигантский по масштабам и тектонической активности разлом земной коры, а также активный вулканический пояс.

Можно назвать также наличие на Дальнем Востоке зон Мирового океана с высочайшей биологической и рыбопромысловой продуктивностью, обусловленной благоприятными условиями переноса биогенных веществ, активным апвеллингом, особенностями температурного режима и т.п. Наиболее продуктивны зоны, прилегающие к полуострову Камчатка, северной и южной частям гряды Курильских островов.

Одна из основных особенностей морских водных систем состоит в высокой подвижности водной среды, высокой скорости переноса не только веществ, способствующих интенсификации биологических процессов, но и загрязняющих веществ, приводящих к деградации или полной деструкции экологических систем. Общим выводом из практики загрязнений человечеством морских и океанических акваторий является невозможность локализации механических загрязнений (долго не оседающие твердые вещества, нерастворимые нефть и нефтепродукты и т.п.) в небольшом пространстве и не-

возможность воспрепятствовать распространению растворимых и мелкодисперсных загрязнений, которые переносятся в природных системах исключительно под воздействием природных факторов.

На суше Дальнего Востока сформировалось несколько районов с крупными устойчивыми социально-экономическими системами (территориально-производственными комплексами), с развитой индустрией, крупными, большими и средними городами, транспортными комплексами, обслуживающими отраслями производственной и социальной сферы. Эти районы имеют в качестве районообразующих факторов не только отрасли специализации, но и функции базовых для развития менее освоенных районов, для освоения районов со сложными природно-климатическими условиями. На больших участках морского побережья Дальнего Востока сложились линейные системы расселения из небольших, локализованных населенных пунктов сельского и поселкового типа, в основном рыбохозяйственной специализации. Во многих из них исторически постоянно проживают коренные народы Севера.

Сложившиеся в XX веке при советской власти система расселения и демографический, производственный, инфраструктурный, социальный, интеллектуальный потенциал, которые до 1990 года в основном обеспечивали социально-экономическое развитие Дальнего Востока, при обвальном разрушении ранее существовавших общественных отношений, в 1990-е годы в значительной степени сохранились. В большой мере это было обусловлено естественными для объективных явлений действительности, устойчивых до определенного предела, способностями к самосохранению, самовосстановлению, самовоспроизводству, как покомпонентному, так и системному.

Разрушительные же воздействия 1990-х - начала 2000-х годов обусловлены, в основном, субъективными воздействиями, опирающимися на идеологические верования или личные заблуждения. В настоящее время эти воздействия и их мотивы характеризуются участниками управленческих процессов 1990-х годов следующим образом.

«В центре задали тон самоуверенные самоучки, некомпонентные, часто корыстно настроенные лидеры либо властолюбцы, обладающие избытком амбиций, но лишенные нужного арсенала знаний...» [Попов Г.Х. // Вопросы экономики. – 2005. - № 8.]

...«Популизма новых российских властей в 1990-е годы (нередко издевательски именуемого радикальными либеральными реформами)» [А. Илларионов // РГ. - 23.09.2005].

лям. У них есть инвестиционная составляющая, связанная с необходимостью развития дублирующих резервных структур, инвестиционное обеспечение которых становится дополнительной проблемой общества.

Недостаточно учитывается при анализе «геотермальных ресурсов», если рассматривать их шире, чем те, что связаны с водной субстанцией, то геосистемное по характеру обстоятельство, что их проявления могут быть представлены как функционирование природного «химического комбината» (например, основанного на гидрометаллургических или пирометаллургических процессах). Такого рода аналогии проводились не однажды, но на фундаментальном уровне ресурсные, технологические, социально-экономические, экологические, иные аспекты этого подхода к взаимодействию развивающегося общества с названным природным явлением не изучены. А ведь полное изучение этого обстоятельства может открыть познание новых технологий, новых форм и методов воздействия на природную среду, новых видов продукции и т.п.

Не оцениваются, не исследуются даже такие, не гипотетические, а реально функционирующие процессы, как многолетнее крупное по объемам излияние геотермальных вод, использованных на Паужетской ГеоЭС, в бассейн реки Озерной, сохраняющей высочайшую рыбопродуктивность.

До последнего времени не дискутируется и даже не ставится в серьезных исследованиях такой принципиальный для классификации природных ресурсов вопрос, как отнесение «геотермальных ресурсов» к возобновимым или к невозобновимым ресурсам. Это необходимо не только для конструирования понятийного аппарата, что имеет в большей степени теоретическое значение. Это имеет исключительно важное значение, например, при определении приоритетов, расчёте капитальных и текущих затрат, рентных платежей и затрат на воспроизводство природно-ресурсной базы.

В этой работе, повторим, - не ставилось задачей дать ответы на все возможные, или даже только на поставленные в ней вопросы. В этой работе, надеюсь, хоть в малой степени охарактеризована важность комплексного, всестороннего подхода к раскрытию проблематики освоения «природных геотермальных ресурсов», с которыми человечество взаимодействует очень давно, более или менее масштабно начинает использовать их исторически совсем недавно и, возможно, ещё не осознало широты диапазона возможностей освоения этого ресурса своей жизнедеятельности.

В печати. 2003 г.

гические, социально-экономические и экологические особенности освоения природного ресурса.

При этом, если речь идёт о возможности полного или покомпонентного использования геотермального ресурса для внутрирегионального потребления, а не в качестве районообразующего фактора, следует трезво оценивать возможности и потребности в освоении этого ресурса, даже если он кажется преимущественным по запасам, технологическим параметрам, другим эксплуатационным качествам. Поскольку наиболее капиталоемким в настоящее время оказывается использование энергетической компоненты геотермальных ресурсов, необходимо учитывать правила, которые можно кратко сформулировать, как: «энергия нужна там, где она нужна, а не там, где она есть», «энергия нужна в той форме, в которой нужна, а не в той, которая есть», «энергия нужна в том режиме, который нужен, а не в том, который есть». В связи с этим должен быть трезво переоценен перечень месторождений, предлагаемых для освоения геотермальных ресурсов.

Общественному собственнику природного ресурса, предоставляющему право пользования этим ресурсом отдельным пользователям, необходимо не только знать точный компонентный состав этого ресурса и стоимостные характеристики этих компонентов и ресурса в целом, но использовать экономически грамотные механизмы, в частности, механизмы рентных отношений для экономического стимулирования рационального использования потенциала, заложенного в этом ресурсе. При этом оценка эффективности освоения этих ресурсов должна учитывать не только категории дохода, прибыли, рентабельности для проектируемых объектов, но и комплексные показатели для регионов в целом.

Можно определённо утверждать, что до последнего времени недостаточно или совсем не учитываются такие экономические требования к создаваемым производственным объектам, которые не выражаются прямо в стоимостных характеристиках. Для энергетических объектов, например, одним из главных требований является надёжность. С учётом этого фактора, размещая Мутновскую ГеоЭС в непосредственной близости, измеряемой километрами, от кратера действующего вулкана, следовало не только технически, геологически оценить возможность рискованных ситуаций в форме разрушения станции, изменения режима функционирования геологических структур, вмещающих субстанцию, которая выступает в качестве непосредственного «геотермального ресурса», и т.п. У этих рисков есть социальная и экономическая сторона, связанная с возможностью внезапного прекращения подачи электроэнергии потребите-

«Те «эксперименты», которые были проделаны за последние 15 лет в России, несомненно, привели бы к «бархатной революции» в любой западной стране ... Между тем в России... все прошло относительно гладко» [Л. Радзиховский // РГ. - 09.08.2005].

В результате сложнейшего сочетания этих объективных и субъективных процессов, часть которых охарактеризована выше, условия развития прибрежных районов Дальнего Востока существенно изменились. Полный анализ совокупности этих условий – задача для монографического исследования. Краткое описание некоторых из них, наиболее проблемных, приведено выше. Краткое их обобщение может быть представлено следующим образом.

Объективные природные факторы и географическое положение, обуславливающие необходимость и возможности социально-экономического развития Дальнего Востока в геоэкономическом и геополитическом пространстве, сохранились. Особо значимы в этом отношении прибрежные районы Дальнего Востока, роль которых определяется не только природно-ресурсным потенциалом суши, но выходом на транспортные связи с важнейшими экономически развитыми зонами мира, а также возможностью участия в комплексном освоении ресурсов Мирового океана. Властными структурами современной России эта возможность пока еще осознана весьма не полно.

Объективные общественные факторы, необходимые для перехода социально-экономических комплексов прибрежных районов Дальнего Востока к развитию, в определенной степени сохранились, в большей степени – в южных районах. В северных зонах они местами разрушены настолько, что их в большой степени надо создавать заново. Их воссоздание и функционирование без опоры на базовые районы невозможно.

Субъективные общественные факторы в настоящее время являются наиболее проблемной сферой, изменения в которой необходимы для обеспечения развития Дальнего Востока и его прибрежных районов.

К таким факторам относятся:

— восстановление общегосударственной политики, ориентированной на реальное, а не декларативное и не декоративное развитие Дальнего Востока;

— восстановление административно-территориальной управляемости в северных районах Дальнего Востока; построение системы административно-территориального деления по принципу отдаления приоритетов управлению целостными природно-

общественными системами и объединению управления в базовых районах освоения и осваиваемых территориях; в качестве примера – необходимо безотлагательное восстановление единой управляемости социально-экономическими процессами в Камчатской области и Корякском автономном округе;

— обеспечение комплексного подхода к освоению природно-ресурсного потенциала в пределах огромной субглобальной Зоны, площадью более 8 млн. кв. км., охватывающей Северо-Восток Азии и прилегающие районы Мирового океана; некомплексный, покомпонентный подход к их освоению при современных технологиях неизбежно приведет к уничтожению отдельных видов природных ресурсов, быстрому оскудению природно-ресурсного потенциала в целом, к быстрому ухудшению состояния природной среды;

— установление на Дальнем Востоке России специфического режима налоговых, таможенных, бюджетных, социальных, других отношений с целью обеспечения рациональной ценовой, инфраструктурной, производственной, инвестиционной, социально-демографической политики;

— обеспечение рациональных сочетаний частной, корпоративной, государственной организации экономических процессов на Дальнем Востоке, обеспечивающих переход к устойчивому социально-экономическому развитию и обеспечению общероссийских государственных интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В печати. 2006 г.

ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОГО ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНО-РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОХОТСКОГО МОРЕЯ

Во второй половине двадцатого века, входя в фазу глобального природно-ресурсного кризиса «индустриальной» эпохи развития, экономически развитые страны резко наращивали объемы и расширяли географию изъятия из природы природных ресурсов, необходимых для развития индустриальных производств. На этот период приходится интенсивные научные, технологические, политические, общественные, поиски человечеством рациональных путей развития экономики, позволяющих обеспечить достижение приближенных к идеальным представлениям условий социального развития; сохранить возможность не только современному, но и будущим поколениям обеспечивать производство природными ресурсами; сохранить природную среду обитания человека (биосферу; субгло-

Среди первых по важности такого рода причин целесообразно отметить отсутствие стремления у провозглашённого собственника природных ресурсов иметь данные о социально-экономической дифференциации, в том числе о стоимостных характеристиках природных ресурсов, а также об их месте и роли в экологических системах. Важность этого обстоятельства усиливается в условиях провозглашенного государством движения к развитию рационально организованной многоукладной экономики капиталистического типа и к «устойчивому развитию» общества. Наиболее наглядно и сконцентрированно отсутствие такого стремления выражено в неосторожных публичных заявлениях государственных деятелей: «В России ренты нет».

Вследствие этого до последнего времени в Камчатской области и в России в целом «геотермальные природные ресурсы» не только комплексно не изучены и не оценены в социально-экономическом и экологическом отношении, но даже не поставлены задачи такого изучения и оценки. Поэтому, при любом действии по предоставлению таких ресурсов в пользование возникают вопросы, какая полезность предоставляется в пользование, какова её стоимость, какие полезности и какой стоимости при этом ликвидируются как ресурсы и т.д., и т.п. Сугубо практические вопросы о взимании платы за ресурсы решаются с первобытным примитивизмом: то по аналогии с платой за питьевую воду, поставляемую жителям городов, то по аналогии с энергией, произведённой на теплоэлектростанциях. Такой подход к использованию редкого, специфического и потенциально очень ценного природного ресурса может привести только к его безоглядному уничтожению в экономически разорительных процессах.

Для решения назревшего вопроса о переходе к полному комплексному рациональному использованию геотермальных ресурсов необходимы не только затраты интеллектуальных, материальных, финансовых сил и средств, но, в первую очередь, желание найти ответ. Для этого надо комплексно исследовать не только материальную структуру природного ресурса, что в настоящее время поставлено как задача перед геологическими науками, но его структуру в системе социально-экономических потребностей общества. И не только общества вообще, но и того конкретного пространственно-общественного организма, в котором этот конкретный ресурс предполагается использовать. Должна быть построена планировочная схема развития конкретного общественного организма в конкретном географическом пространстве, учитывающая все техноло-

ривалось даже использование не только тепловой, но и кинетической энергии вод. Из конфликтных ситуаций, связанных с разработкой вариантов технологической, технической реализации предложений и их инвестиционного обеспечения, до реального воплощения доведена только принципиальная схема освоения геотермальных ресурсов Мутновского геотермального месторождения для производства электрической энергии на системе Мутновской и Верхне Мутновской ГеоЭС. При этом капиталоемкость одного киловатта на них превысила 3000 долларов, что в полтора раза выше средней по отрасли.

Практика развития всех населённых пунктов Камчатской области, в непосредственной близости от которых располагались естественные выходы геотермальных вод, показывает, что с каждым таким совпадением связано теплообеспечение посёлков и создание общедоступных бассейнов для купания населения как проживающего, так и приезжающего. Увеличение численности посетителей, усложнение технической оснащённости и структуры услуг приводило к коммерциализации пользования такими бассейнами. Переход этой деятельности в экономические отношения, связанные с получением прибыли, стал приводить к отступлению от идеи общедоступности таких бассейнов, к делению пользователей по платежеспособности и т.п. Тем не менее, технологическая реализуемость таких комплексов несомненна, сохраняется только необходимость в отработке социально-экономических механизмов их функционирования.

Не описывая здесь все ситуации, связанные с подходами к более или менее комплексному использованию геотермальных ресурсов, можно назвать некоторые основные выводы, характеризующие причины полных или частичных неудач этих попыток. Эти причины могут быть разделены по несколько неожиданному принципу: очевидные и неочевидные. К очевидным, то-есть к тем, которые находятся в поле зрения и обсуждаются с большей или меньшей обстоятельностью, относят ведомственную разобщённость усилий, несовпадение экономических интересов, поисковый характер технологических решений, недостаточную определённости принадлежности ресурсов в отношениях собственности. Подчеркивая важность этих причин и необходимость их полного комплексного исследования, сосредоточим внимание на неочевидных причинах, пока находящихся вне внимания исследователей, тем более, что часть их имеет объективный открытый характер, а часть – скрываемый субъективный, требующий сейчас хотя бы названия.

бальные, региональные и т.д. экологические системы) в состоянии, благоприятном (как сомнительный минимум - пригодном) для биологического (популяционного, физиологического и т.д.), психологического, социального развития [7, 12].

К началу двадцать первого века человечество накопило некоторый теоретический и практический научный, технологический, политический, организационный, образовательный, природоохранный опыт существования и развития в новой для себя ситуации. Вырабатывает стратегии рационального природопользования, устойчивого развития. Определяет принципы и подходы к решению конкретных практических проблем. На этом пути отмечаются как эколого-экономически и социально эффективные решения, так и очевидные поражения. Это заставляет человечество выделять не только приоритеты в природопользовательской деятельности, но и острейшие ситуации, требующие незамедлительных мер в глобальном масштабе. Так, на конференции ООН в Йоганесбурге (2004г.) были определены наиболее острые природно-ресурсные дефициты, ограничивающие развитие человека. К таким глобального значения дефицитам отнесены запасы питьевой воды и водные биологические ресурсы как источник животного белка естественного происхождения [10].

Проблематика освоения природно-ресурсного потенциала Охотского моря и окружающей суши может быть рассмотрена в этом контексте современного развития человечества. В формате доклада мы можем только обозначить вопросы, имеющие прямое отношение к этой сложной, комплексной проблематике. Полная, глубокая ее оценка, учитывая важность ее для развития не только региона, но и России в целом, заслуживает специального исследования.

Охотское море является природным комплексом субглобального (или макрорегионального) таксономического уровня со сложной структурой и сложной системой внутренних связей между компонентами. Оно находится в непрерывных сложных по структуре механизмах внешних связей с другими прилегающими или накладывающимися природными системами суши Азии и Тихого океана. Его развитие формируется в непрерывных, динамичных потоках вещества и энергии. Ставить вопрос о крупномасштабном освоении одного природного ресурса или природно-ресурсного потенциала в целом в этом регионе без учета всего комплекса этих взаимосвязей ни теоретически и методологически, ни методически и практически некорректно. Так, воспроизводство и освоение лососевых популя-

ций в реках Охотского моря не может рассматриваться и не рассматривается вне проблематики развития их кормовой базы на севере Тихого океана; вне проблематики переноса огромной массы биологического вещества из Тихого океана. Формирование гидрологического, гидрохимического и гидробиологического режима Охотского моря не рассматривается вне обмена водными массами в той зоне бассейна Тихого океана и прилегающей зоны Евразии, частью которых Охотское море является [6].

Охотское море относят к водоемам с наиболее сложным сочетанием абиотических условий, экстремальных для антропогенного освоения. В них включают количество штормовых дней, холодный климат, ледовый режим, частоту повторяемых сильных ветров, количество дней с туманами и т.д. (см., например, таб. 1)

Таблица 1

**Некоторые экстремальные показатели
природных явлений береговой зоны Охотского моря [по 1]**

Максимальный прилив	Максимальная высота волны	Максимальное суточное количество осадков	Максимальная скорость ветра
12,8 Пенжинская губа	12,0 м Устье р. Большой	206 мм о.Симушир	60м\с м. Тайгонос

В связи с этим полная комплексная оценка воздействия природных факторов на весь комплекс процессов освоения региона: навигационных, технических, технологических, экономических, социально-демографических, экологических и т.д. - является необходимым требованием при подготовке к разработке прогнозов и предплановых соображений по любому из вариантов хозяйственного освоения Охотоморья и социально-экономического развития территорий, прилегающих к Охотскому морю. Неполный учет этого комплекса условий может привести к прекращению отдельных важных видов деятельности вообще или к усложнению мер для обеспечения освоения по техническим, экономическим, социальным, иным соображениям. В Охотоморье известны такие ситуации, связанные с резким снижением региональной социально-экономической эффективности; разрушением населенных пунктов при размывах кос и неожиданных землетрясениях; ежегодными человеческими жертвами в прибрежной зоне и приустьевых участках рек и т.д.

Сложный комплекс принципиальнейших проблем связан с эко-

Так, в Елизовском районе в 1970-е годы была начата частичная реализация попытки создать на базе Средне-Паратунского месторождения геотермальных вод комплекс из экспериментальной фреоновой электрической станции, теплично-парникового комбината, рыбоводного завода, селитебного образования (посёлка Термальный), открытого бассейна для купания населения общего пользования.

Условия развития этого комплекса были усложнены изначальной ведомственной раздробленностью его компонентов. Например, фреоновая геотермальная электростанция прекратила существование, когда научная фаза электроэнергетического эксперимента была завершена, а для продолжения производственной (опытно-промышленной и промышленной) его фазы не нашлось ведомственной формы. Однако, в остальном комплекс продолжил существовать достаточно устойчиво до начала 1990-х годов. Из начального периода системной «общественной перестройки» в 1990-е годы этот комплекс вышел в сложной, еще не определившейся структуре отношений собственности, организационных связей. Через разрушительные кризисы проходят его производственные компоненты: теплично-парниковый комбинат и рыбоводный завод. В нестабильной системе финансирования остаются социальные части комплекса. В связи с этим подробная оценка результатов этого эксперимента является самостоятельной задачей. Но по общему впечатлению от современного его состояния можно сделать вывод о живучести этого комплекса в целом, если не в экономическом и организационном, то в технологическом отношении.

Неоднократно выдвигались предложения, доводимые до стадии разработки технического проекта, о теплоснабжении Озерновского производственно-селитебного узла геотермальными водами Паужетского месторождения, отработавшими при производстве электроэнергии на Паужетской ГеоЭС. В этих разработках показана техническая и экономическая реализуемость энергетического комплекса в существовавшей до 1991 года системе общественных отношений. Эксперимент не был реализован до начала 1990-х годов вследствие, в основном, ведомственной разобщённости интересов. Затем вопросы о его реализации перешли в стадию гипотез.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов разрабатывались предложения о совокупном теплоснабжении и электроснабжении населённых пунктов Петропавловско-Елизовской агломерации от энергетического комплекса «Мутновская геотермальная электрическая и тепловая станция (ГеоТЭС)». Одним из вариантов идеи предусмат-

нентные геотермальные природные ресурсы используются в организованных формах как правило покомпонентно. Более того, отсутствует теоретическая, методологическая, методическая база, позволяющая даже хотя бы оценить возможность полного использования всех компонентов геотермальных ресурсов.

Вследствие этого, с одной стороны, из этих ресурсов используются не все полезности, не извлекается вся стоимость, которая потенциально в них заложена. С другой стороны, не только отсутствуют, но и не создаются правовые и экономические механизмы, которые способствовали бы комплексному освоению этих ресурсов и внедрению в это освоение принципов рационального природопользования, повысили бы экономическую эффективность их освоения для отдельных предприятий, отраслей, регионов.

Известно, что крупномасштабное, технологически насыщенное освоение геотермальных ресурсов привязано, как правило, к инфраструктурно неосвоенным или слабо освоенным районам и требует длительной, научно-технически сложной подготовки этих ресурсов к экономическому использованию. Общеизвестно также, что дорогостоящее в таких случаях создание т.н. общеплощадочных сооружений обслуживающего, коммунально-бытового, административного, социального, природоохранного назначения с применением методов кооперации значительно сокращает общие объемы работ, масштабы вторжения в природу, затраты на их сооружение и эксплуатацию. Специалистам известно также, что некоторые виды использования отдельных компонентов геотермальных ресурсов (например, теплоэнергетических, электроэнергетических, химических) могут быть объединены во взаимодополняющие технологические цепочки. Известно также, что высокие себестоимости продуктов, полученных из одного сырья, могут быть существенно снижены за счёт технологического и организационного объединения процессов их получения. В идеале может рассматриваться возможность создания многопрофильного комбината, комплексно использующего этот многокомпонентный ресурс.

Известно однако, что только абстрактное понимание и частной, и общественной выгоды названных выше и других способов комплексного освоения природных ресурсов достаточно заметно распространено у многих специалистов и представителей органов власти и управления. Конкретных попыток комплексного подхода к освоению геотермальных природных ресурсов немного. Примеры, которые можно привести из практики Камчатской области, дают материал для анализа и некоторых выводов.

номическими по характеру вопросами, дифференцированными в территориальном, временном, отраслевом, геополитическом отношении. Это разнохарактерная проблематика эффективности на уровнях предприятия, территориально-производственного узла, населенного пункта, муниципального образования, субъекта Федерации, территориально-производственного комплекса, экономического района, страны, межгосударственных образований и т.д. Это проблематика, связанная с определением эффективности пульсирующих (сезон, путина, вахта, экспедиция и т.д.) и стационарных, устойчивых в пространстве и времени способов организации производств; с сопоставлением эффективности освоения самовоспроизводящихся и исчерпаемых природных ресурсов; учетом динамики стратегических долговременных геополитических и геоэкономических интересов, например соображений продовольственной, энергетической, оборонной безопасности и т.д. Это учет кратко-, средне- и долгосрочных изменений на рынках спроса и предложения природных ресурсов производства и жизнедеятельности человечества - изменений, зависящих от сложившихся, отмирающих, возникающих и развивающихся технологий, потребительских предпочтений, экономических и социальных стереотипов и т.д.

До последней четверти двадцатого века в программных документах и научной литературе фигурировал только один реальный вариант хозяйственного освоения Охотского моря – использование водных биологических природных ресурсов. В его основе констатация неоспоримого факта: в Охотском море имеется комплекс природных условий, обеспечивающих один из высочайших в мире воспроизводственный потенциал водных биологических ресурсов. У берегов Западной Камчатки он превышает 3000 кг/км. кв. производства первичной биопродукции [2, 3, 9]. Наряду с интенсивно развивающимся на этой базе рыбным хозяйством, в Охотском море проводились не всегда взаимоувязанные исследования по выявлению других видов природных ресурсов [14].

В 1980-1990 годы проявляются все более энергичные попытки перейти к покомпонентному освоению отдельных видов таких ресурсов в различных организационных формах. Таковы предложения различных ведомств о строительстве приливных электростанций в заливах Охотского моря с наивысшей (более 12 м) высотой прилива; о разработке морских россыпных месторождений золота на приустьевых участках рек, в основном у берегов Западной Камчатки; о подготовке к освоению месторождений фосфорсодержащих конкреций в центральных котловинах Охотского моря; о разработке,

разведке и поиске нефтегазовых месторождений на шельфе, в первую очередь, прилежащем к острову Сахалину, полуострову Камчатка, Магаданской области; о строительстве рыбообрабатывающих круглогодично работающих предприятий; об ориентации коренных народов Севера на обеспечение жизнедеятельности за счет промысла и переработки рыбы и морепродуктов [13, 14]. Отстаиваемые различными ведомствами, не увязанные между собой, эти предложения могут оказаться конфликтными, противоречивыми. Но противоречия эти окажутся практически очевидными, только когда проявятся их негативные, разрушительные последствия в виде невозполнимых потерь общественного труда и человеческих жизней; в виде безвозвратной потери одних ресурсов в стремлении освоить другие.

Отсутствие учета разноуровневных и разных по видам экономических интересов проявляется не только при оценке вариантов освоения природных ресурсов для развития отдельных регионов в краткосрочном и среднесрочном планах. Не видно в этих ведомственных покомпонентных подходах следов учета и долгосрочных комплексных интересов страны не только в узкоэкономических стоимостных количественных, но и в качественных показателях. Не видно учета отдаленных интересов в форме общих экономических показателей заселенности территорий, продовольственного и энергетического баланса, формирования инфраструктуры базовых районов экономического освоения и политического присутствия в регионах и субглобальных зонах мира [15, 16, 17, 18, 19].

Экосистемная проблематика освоения природно-ресурсного потенциала Охотского моря могла бы быть рассмотрена как специальная тема с большей легкостью, чем в некоторых других водоемах мира. Здесь длительное время специализация освоения была рыбохозяйственной, а созданная за годы советской власти система рыбохозяйственных и фундаментальных научных исследований на Дальнем Востоке позволила накопить значительный объем соответствующих знаний [1, 8, 14]. Однако, основными инициаторами комплексных экосистемных исследований проблем хозяйствования, социально-экономического освоения природных ресурсов Охотского моря до последнего времени разрозненно выступают только представители некоторых крупных рыбохозяйственных ведомств, некоторых регионов преимущественно рыбохозяйственной специализации, рыбохозяйственной и академической науки. Со стороны государственных органов управления общей компетенции, которые должны представлять совокупные интересы страны во всех сферах,

курортной зоне, доходящими до судебного разбирательства. Предметами рассмотрения оказываются кажущиеся простенькими ситуации, такие как отсутствие надлежаще оформленного полномочного представителя «собственника геотермальных ресурсов» в гражданских правоотношениях. Или – отсутствие правового и экономического определения сущности и конкретной материальной формы «геотермального природного ресурса». Или – отсутствие надлежаще подготовленных методик расчёта, механизмов взимания и расходования платежей за использование этого «ресурса».

Можно с полной уверенностью утверждать, что сохранение пробелов в экономических механизмах пользования «природными геотермальными ресурсами» будет и впредь приводить к тем большим конфликтам, чем более масштабным будет пользование; будет тормозить расширение этого пользования.

Сложный клубок проблем связан с тем, что материальный природный объект, называемый «геотермальными природными ресурсами», является не только сложным природным образованием, но и, вследствие этого, сложным носителем социально-экономических полезностей, комплексным природным ресурсом для многих видов человеческой деятельности.

Даже рядовое перечисление этих полезностей даёт представление о сложности названной проблематики:

- тепловая энергия, могущая быть использованной для отопления жилых, общественных и производственных зданий и сооружений без преобразования в другие формы энергии, прямо или через бойлеры;
- тепловая энергия, прямо используемая в производственных процессах, например в сельском хозяйстве для выращивания растений в закрытом грунте;
- электрическая энергия, получаемая путём преобразования из тепловой энергии;
- химические вещества, извлекаемые для реализации в виде конечного или промежуточного химического продукта;
- бальнеологические (лечебные) качества геотермальных вод, живущих в них организмов, приготовленных из них препаратов в лечебных и лечебно-профилактических учреждениях;
- оздоровительные свойства геотермальных вод, используемые для отдыха населения в неорганизованных и организованных формах (базы кратковременного отдыха, организованный туризм и т.п.).

До последнего времени не только на Камчатке многокомпо-

потустороннем мире просто обязано волшебным образом решить все финансовые вопросы, даже если эти вопросы фантастичны. Не обращаясь к практике СССР, вспомним, что только в Камчатской области исторически одновременно не просто ставились вопросы, а документально подготавливались требования о строительстве крупных Мутновской, Кошелевской, Киреунской ГеоЭС; Жупановской и Кроноцкой ГЭС, по совокупной мощности в разы превосходящих потребности в электроэнергии. А уж доведение мощности Паужетской ГеоЭС до 12 Мвт не считалось вопросом.

Капиталистические рыночные отношения, исторически внезапно внедряющиеся в современной России, поставили непосредственно перед всеми их российскими участниками всю совокупность экономической проблематики, связанной с исследованием, разведкой, извлечением, транспортировкой, переработкой, продажей, перепродажей, конечным потреблением, утилизацией отходов использования геотермальных ресурсов. Попытаемся рассмотреть часть этих проблем на примере освоения геотермальных ресурсов Камчатки. Наша задача сейчас не в том, чтобы их решить, а в том, чтобы обозначить, охарактеризовать и наметить направления для решения.

Вопросы о собственности на геотермальные природные ресурсы, казалось бы, всесторонне и недвусмысленно решены в Конституции РФ, Законе о недрах, законодательстве о собственности. Практика показывает, однако, что эти вопросы недостаточно отрегулированы даже в отношении давно и широчайше используемых природных ресурсов недр: руд, нефти, газа, угля. Еще больше сложностей с геотермальными ресурсами.

В какие, например, моменты материализованное явление абстрактного «геотермального ресурса» переходит из юридических статусов «достояние народа» и «государственной собственности» (Федеральной? Субъекта Федерации? Муниципальной?) в статусы собственности отдельных юридических или физических лиц, а затем возвращается в юридический статус «достояние народа» после использования и излияния в окружающую среду?

Как, например, соотносятся отношения собственности на технические сооружения (скважины, обвязка, трубопроводы и т.п.) и земельные участки, на которых они расположены, с правом взимания платы за явившийся из недр «геотермальный ресурс».

Ненадуманность этих вопросов подтверждается многочисленными, хотя пока ещё относительно не крупномасштабными правовыми и экономическими коллизиями в Паратунской санаторно-

соответствующей конструктивной инициативы не наблюдается. Более того, без комплексной эколого-экономической оценки принимаются решения об освоении на шельфе Охотского моря нефтяных месторождений Сахалина [1, 2, 3, 4], проведении конкурсов на разведку и промышленное освоение нескольких нефтяных месторождений на шельфе, примыкающем к территориям Магаданской и Камчатской областей [15, 16, 17, 18, 19]. Из газетных, а не из правительственных сообщений на Дальнем Востоке становится известно, что освоение нефтегазовых месторождений Охотского моря будет отдано американским, японским, корейским компаниям [4, 5]. Эти действия находятся в очевидном противоречии с развитием рыбного хозяйства, поскольку могут подорвать биопродуктивность наиболее рыбохозяйственно значимых участков шельфа, но нет видимых попыток разобраться в этом противоречии со стороны органов, принимающих государственно значимые решения.

И это, как представляется, является основной современной проблемой освоения природных ресурсов Охотского моря: нежелание (неумение предположить невозможно) государственных органов, обязанных путем комплексного анализа последствий для краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного развития страны оценивать возможность тех или иных социально-экономически и экологически значимых решений. С этой важнейшей проблемой связаны два других круга вопросов, имеющих значение не только для освоения Охотского моря.

Один круг вопросов имеет правовой характер. В Конституции РФ и во многих общего значения и так называемых «рамочных» Законах названы положения, декларативно предусматривающие необходимость комплексных и видовых экологических, экономических и социальных оценок всех вопросов функционирования социально-экономического организма страны; взаимодействия между федеральными и региональными уровнями управления в сфере природопользования, охраны природы, экологического контроля, освоения природных ресурсов и т.д. Однако конструктивные эффективные правовые механизмы, гарантирующие комплексную и видовую, территориальную и временную оценку проблем развития хозяйства, в нашей стране не созданы ни в законодательстве, ни в административно-организационной, ни в правоохранительной и правоприменительной сферах. Более того, по состоянию на конец 2004 года, система государственных органов управления, формировавшаяся в 1988-1994 годах с ориентацией на управление в Российской Федерации взаимодействиями общества и природы как цело-

стностью разгромлена. Слово «разгром» в данном случае означает не эмоциональную оценку, а точное определение ситуации. В Российской Федерации управление отдельными видами и стадиями природопользования (процессом, по определению, целостным) раздроблено на отдельные компоненты, в связи с чем в принципе не может быть эффективным по общественно значимым критериям.

Другая принципиальная крупномасштабная проблема, складывающаяся в правовой сфере, состоит в том, что за последние годы, на основании последовательной серии Законов, в федеральной собственности оказались практически все виды природных ресурсов: подавляюще большая часть земель, недра, леса, животные суши, водные биологические ресурсы, все природные ресурсы исключительной экономической зоны и шельфа. С принятием нового Водного Кодекса РФ в федеральной собственности могут оказаться и водные природные ресурсы. Такие отношения собственности могут поставить в безвыходное положение экономику любого региона сырьедобывающей специализации. Они позволяют федеральным ведомствам не учитывать мнения прибрежных регионов при решении любых вопросов природопользования за пределами уреза воды. Эти правовые коллизии – одна из главных проблем на пути формирования рационального природопользования в Охотском море.

Еще одна сторона правовой проблематики связана с международной значимостью процессов природопользования. В особенности это проявляется в морских и океанических акваториях, где активны трансграничные переносы вещества и энергии. Обращая внимание на правовую регламентацию государственных границ, обеспечение полного контроля за соблюдением пограничного режима, государство оставляет без достаточного внимания разработку и применение на Дальнем Востоке международноправовых механизмов регулирования природопользования и охраны природы. Такого рода механизмы (их эффективность – отдельный вопрос) созданы для комплексного контроля и исправления катастрофических экологических и природноресурсных ситуаций в Балтийском и Баренцевом морях. Не менее целесообразно было бы создание таких механизмов управления в морях, где еще не сложилось катастрофическое положение, где возможно предотвращение такого положения и обеспечение устойчивого исторически длительного рационального природопользования.

В последнем из рассматриваемых круге проблем, казалось бы не связанном прямо с вопросами освоения природно-ресурсного потенциала Охотского моря, отвлеченном от экономики и экологии,

что объект их занятий – тепловая энергия Земли. Не Земли как планеты, у которой есть ещё энергия гидросферы и атмосферы, а возможно, и энергетические ресурсы, о которых мы только догадываемся, или даже ещё не догадываемся. Не тепловой энергии мантии и более глубоких слоёв планеты Земля, об использовании которой человечество ещё не ставило теоретических и практических задач, разве что в форме очень отвлечённых гипотез.

Без претензий на завершённость, но не ожидая существенных возражений, геотермальные природные ресурсы можно на высоком уровне абстракции определить как тепловую энергию твёрдой оболочки Земли, доступную для использования её в человеческой деятельности с целью получения неких социально-экономических польностей. Но это определение пригодно для употребления только на уровне абстрактном. При переходе на уровень конкретных определений мы обнаруживаем, что геотермальным природным ресурсом в качестве конкретного материального объекта для нас выступает некая водная субстанция. Мы можем называть её носителем энергии, переносчиком, передатчиком, но дело мы имеем только с ней. Эта водная субстанция проявляется в форме жидкости, пара, парогазовой или пароводяной смеси; имеет температурные параметры, превышающие параметры вод, находящихся на поверхности Земли в естественном состоянии; отличается от них по химическому составу; попадает из недр на поверхность Земли естественным путем или извлекается с помощью искусственных сооружений.

Естественен вопрос: зачем такие сложности в определении? Естественен и ответ. Они необходимы, как минимум, при анализе этой субстанции как экономического объекта. Без этих сложностей невозможно анализировать место и роль этой используемой человеком субстанции в отношениях собственности; в отношениях социально-экономического, организационного, технологического использования её в разных сферах, комплексах, отраслях человеческой деятельности. Без них невозможно определить место этого ресурса в рентных отношениях; определить такое грубое, но общественно необходимое практическое явление, как цена ресурса и получаемого из него продукта; определить даже такое примитивное качество, как название товара, который мы продаём.

В эпоху рыночных отношений, которые существовали в СССР, эта проблематика регулировалась в специфической централизованной системе экономических механизмов. Такая система позволяла исследователям и пользователям отвлекаться от экономической прозы, романтически уповая, что всемогущее государство в своём

Библиография.

1. Берг, Л.С. Географические зоны Советского Союза. М., 1947. 527 с.
2. Моисеев, Р.С. Целостность природно-общественных систем и административно-территориальное деление // Территориальная организация общества и проблемы межнациональных отношений. Материалы IX съезда ГО СССР. Ленинград, 1990. С. 130-132.
3. Моисеев, Р.С. Концепция природопользования в Камчатской области: подходы и особенности // Вестник ДВО РАН, 1994, №1. С. 72-80.
4. Одум, Г., Одум, Э. Энергетический базис человека природы. М., 1978. 379 с.
5. Ресурсный потенциал Камчатки: состояние, проблемы, использование. Петропавловск-Камчатский, 1994. 270 с.
6. Ширков, Э.И., Ширкова, Е.Э., Токранов, А.М., Авдеев, А.С., Егина, Л.В. Сравнительная экономическая эффективность различных вариантов природопользования на Западной Камчатке и её шельфе. – Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор, 2002, - 49 с.
7. Шунтов, В.П., Темных, О.С. Не знаем, или не умеем? // Рыбное хозяйство.- 2003.- №1.

Вопросы географии Камчатки. Выпуск 11. - 2005.

О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ К ОСВОЕНИЮ ГЕОТЕРМАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

История использования человечеством того природного явления, которое мы сейчас называем «геотермальными ресурсами», весьма велика, восходит, наверное, к безыскусным способам использования их предчеловеческими сообществами гоминид.

Но история использования его современными, в том числе индустриальными методами, относительно невелика. Настолько невелика, что в этой сфере не сложился ещё достаточно определённый понятийный аппарат, необходимый для решения важных, связанных с использованием этого вида природных ресурсов проблем, в том числе социально-экономических и экологических, на рассмотрении которых мы сосредоточимся в большей степени.

В аудитории, где собираются профессионалы, посвятившие всю жизнь изучению и освоению «геотермальных ресурсов», вопрос об определении понятия этих ресурсов кажется неуместным с точки зрения изучения их сущности как объекта природного. Все знают,

есть смысл выделить вопросы психологического, мировоззренческого сопровождения процессов природопользования; вопросов, касающихся характеристики того психологического и мировоззренческого поля, в котором совершаются и конкретные природопользовательские действия и управленческие акции, регламентирующие эти действия. В самом деле, первопричина стимулов, интересов, потребностей в содержании тех или иных сознательных или подсознательных действий зачастую кроется в сфере психологических и мировоззренческих стереотипов, сформировавшихся в более или менее отдалённом прошлом и управляющих нашими поступками.

Практика показывает, что уверенность в неисчерпаемости водных и водных биологических природных ресурсов до последнего времени, несмотря на тревожную ситуацию, отмеченную на высшем по представительности международном форуме [10], определяет содержание всех управленческих и производственных действий, затрагивающих водную среду. Другой стереотип – гипнотическое воздействие на многих предпринимателей и государственных деятелей (и на значительную часть населения) таких слов, как «Золото» и «Нефть». В художественной литературе возникающие при этом состояния описывают, как преклонение перед Золотым или Нефтяным Тельцом, как золотую или нефтяную лихорадку.

Для конкретных ситуаций с промыслом нефти такое социальное психологическое состояние – не лирика, не медицина, а жесткая экономическая и экологическая действительность. Появление в центральных газетах заголовков «Корейцев пустили на Камчатку» (точнее «пустили» за нефтью на шельф Охотского моря) или «Газ-промнефть» получил Восточную Сибирь и Дальний Восток – не случайность и не художественная вольность. Это – точное по смыслу содержание социально-психологических установок социальной группы, связанной с торговлей российской нефтью, а также группы лиц, информационно обслуживающих эту торговлю [4,5].

В начале двадцать первого века мировое сообщество, Россия, Дальний Восток, Охотское море, Камчатка столкнулись с проявлениями этой болезни и этих противоречий, когда цена золота на Лондонской бирже поднялась с 260-270 долларов за тройскую унцию до 400-420 долларов, а цена нефти с 12-15 долларов за баррель до 40-50 долларов.

В связи с этим гипнотическим состоянием при звучании слов «Золото» и «Нефть» на шельфе Охотского моря у предпринимателей не возникает сомнения в возможности разведки и добычи золота и нефти в тех прибрежных водах Западной Камчатки, где нерес-

тятся крабы и минтай, где запрещены в связи с этим промысел рыбы, куда запрещено заходить рыбопромысловым судам.

Опасность превращения Охотского моря в рыбопромысловую незначимый водоем не учитывается. Очевидно противоречие. Между нефтью и рыбой? Между золотом и крабом? Очевидны противоречия в общественных отношениях по поводу использования человеком этих невинных в социальном-экономическом смысле объектов природы. Очевидны противоречия в характере оценок конъюнктурной и долговременной общественной значимости этих объектов природы в качестве природно-ресурсной базы.

Прогнозные запасы нефти на шельфе Охотского моря предполагаются (достаточные для даже ориентировочных расчетов данные отсутствуют) в сотни раз меньше, чем разведанные в Карском море [11, 15, 16, 17, 18]. Рыбохозяйственное значение Карского моря несоразмерно ниже, чем Охотского. Попыток сопоставить эти обстоятельства на уровне государственной власти не обнаружено.

Очевидны противоречия в выводах, которые делают органы государственного управления, и в решениях, которые принимаются на основании этих выводов.

Эти тенденции обусловлены массовым социальным психозом в сфере предпринимателей и государственных финансовых и экономических деятелей, имеющих отношение к распределению и перераспределению сверхприбыли, получаемой при реализации нефти и золота. Они откровенно не соответствуют тенденциям, которые мировоззренчески, идеологически заявлены от имени мирового сообщества в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Одно из главных мировоззренческих положений «устойчивого развития» состоит в необходимости перехода в природопользовании от покомпонентного к комплексному подходу при анализе, оценке, планировании освоения и практического освоения совокупного природного-ресурсного потенциала отдельных регионов, субглобальных систем, планеты Земля в целом.

Теоретически изначально предвидимо, что такой революционный переворот в мировоззрении, в массовом сознании населения может произойти нелегко и небыстро. Еще трудней, еще дольше он будет происходить в умах предпринимателей и государственных деятелей, занятых в сфере конкретной, то есть отраслевой экономики. Строго говоря, для того, чтобы произошел переворот не столько в их мировоззрении, сколько в их практических действиях, необходимы не только идеологические, не декларативно-правовые, а экономические стимулы, экономические механизмы, подталкивающие

го поведения земной коры (сейсмика, вулканизм и т.п.).

Для решения этой проблемы надо иметь резервы мощностей в других звеньях региональной энергосистемы, в построение которой должны быть заложены принципы дублирования, взаимозаменяемости, создания дополнительных мощностей и линий электропередач, гарантирующих от катастрофических перебоев.

Относительно небольшую экологическую безопасность энергообеспечения связывают с применением установок, использующих «нетрадиционные источники»: энергию ветра, приливов, морских волн, ресурсы которых в Камчатской области имеются в избытке. Опираясь на данные об известных в мировой практике технических разработках, можно рассчитывать, что локальные небольшие потребители энергии могут быть в обозримый период полностью переведены на обеспечение от нетрадиционных источников энергии. Однако экологические последствия их применения, в особенности в крупных масштабах, пока изучены слабо и не только эмпирически, но и теоретически. Человечеству малоизвестны данные о последствиях вторжения в электромагнитные, акустические, энергетические, другие поля природных систем, что характерно для названных установок.

Приведенные в настоящей статье данные, конечно же, не исчерпывают тему и освещают только некоторые основные эколого-экономические проблемы энергообеспечения Камчатской области. Однако, они дают достаточно широкое представление о сложном характере проблематики в целом.

В заключение необходимо отметить следующее. Объективные экологические и экономические проблемы развития энергетики, как и других отраслей хозяйства Камчатки, могут быть или решены, или отнесены к нерешаемым только на основе достаточно полных научных разработок, поскольку структура этой проблематики относительно нова, динамика экономических отношений плохо предсказуема, а региональные экосистемы недостаточно исследованы. В связи с этим главным препятствием для решения названной проблематики в целом является субъективный фактор: упорное нежелание, а зачастую – увиливание хозяйственных и государственных органов от выполнения таких разработок. До последнего времени в практику не вошли разработки комплексных схем развития отраслей и межотраслевых комплексов, проведение фоновых экосистемных съемок, постановка мониторинга, другие необходимые для культурного хозяйствования мероприятия. В настоящее время эту проблему можно назвать главной в развитии энергетики Камчатки.

ки. Однако, концентрированные выбросы отработанных геотермальных вод, в особенности в небольшие реки, могут привести к значительному изменению теплового режима и загрязнению природных гидросистем агрессивными и токсичными веществами. На уровне современных технологий эти проблемы представляются преодолимыми. Одним из наиболее рациональных способов их решения могло бы быть комплексное (в идеале «полное») использование геотермальных ресурсов не только в тепловой и электроэнергетике, но и для сельского хозяйства, бальнеологии, туризма, извлечения ценных химических компонентов, с последующей утилизацией отработанных вод.

В связи с этим ждёт комплексной оценки опыт функционирования Паужетской ГеоЭС, который можно оценить как положительный по двум показателям. В течение нескольких десятилетий она обеспечивает электроэнергией Озерновский промышленный узел при самой низкой на Камчатке цене за киловатт час. В то же время не установлено негативных последствий для рыбовоспроизводительного потенциала бассейна р. Озерной.

Очень сложная проблема, до последнего времени являющаяся одним из главных препятствий освоения геотерм, состоит в том, что наиболее крупные по запасам и технологически «удобные» для освоения их месторождения расположены на большом удалении от потребителей электрической и, в особенности, тепловой энергии. Освоение таких месторождений требует развития сложной, крупномасштабной, дорогостоящей инфраструктуры, отличается высокой капиталоемкостью, что существенно ухудшает экономические показатели. В то же время оно опасно по экологическим соображениям, поскольку связано с вторжением (в особенности – инфраструктурой) в нетронутые, зачастую уникальные природные комплексы.

Важная, в последнее время не обсуждаемая, хотя и давно известная проблема состоит в том, что геотермальные месторождения размещены в зонах геологической активности. Так, Мутновское месторождение геотерм связано с действующим Мутновским вулканом, в непосредственной близости от кратера которого размещена ГеоЭС. Не вступая в дискуссии о правомерности столь рискованного эксперимента, необходимо в любом случае иметь в виду, что указанное связанное с высокой степенью риска, обстоятельство существенно снижает степень устойчивости энергообеспечения от Мутновской ГеоЭС. Мало обсуждается также возможность изменения гидрологического и термального режимов, пространственных характеристик геотермальных месторождений вследствие активно-

к смене технологий, техническому перевооружению, внедрению прогрессивных наукоемких направлений в производстве, ориентирующие на новые экономические приоритеты. Даже если в умах отдельных представителей предпринимательства и государственного управления возникнет понимание необходимости перехода к «устойчивому развитию», но действующие в обществе практические экономические стереотипы останутся прежними, максимальный эффект, которого можно ожидать от деклараций Рио-де-Жанейро, будет состоять в раздвоении сознания у этих представителей.

Смена мировоззрения – задача общечеловеческая, общенациональная, общественно важная. Это задача государственных властей, обязанных учитывать, в первую очередь, долговременные исторические интересы наций и человечества, которые они представляют. Российское государство приняло обязательство решать эту задачу.

То, что происходит в настоящее время в попытках освоения отдельных природных ресурсов Охотского моря – продукт отжившего покомпонентного подхода, стимулированного легкой возможностью внутриотраслевого, частного по характеру получения и распределения сверхприбыли.

Альтернативой ему представляется комплексный подход к оценке и освоению совокупного природно-ресурсного потенциала, на основе сочетания, в первую очередь, долгосрочных экономических, социальных и экологических критериев.

Конфликт между этими принципиально разными подходами, как правило, представляют в искаженной форме. В одних случаях говорят об учете отдельно нефти, газа, металлов, рыбы в повседневной жизни людей. В других – о конфликтах между ведомствами и крупными финансово-промышленными группами, экономически оперирующими в разных отраслях хозяйства: нефтедобывающей, газодобывающей, золотодобывающей, рыбодобывающей и т.п. промышленности. В третьих – о местных, о местечковых конфликтах между, например, Камчатской областью, у берегов которой ловят рыбу и намерены добывать нефть «другие регионы», и этими «другими регионами». Таким образом, общего значения конфликт по поводу рационального или нерационального природопользования переносится в плоскость, где в качестве критериев правильности принимаемого решения используются частные факторы. Например, отсутствие или наличие электрического света и тепла в домах у населения: способы и случаи искусственной организации такого аргумента известны. Или – размеры отчислений в местный и феде-

ральный бюджет: способы организации частых перемен бюджетных отношений также известны. Или – местечковый корыстный интерес «региональных удельных князей и бояр», «пытающихся наложить лапу на ресурсы региона» и угрожающих «распадом государства».

Несомненно, что вся такого рода аргументация носит отвлекающий, частный характер. Сущность конфликта, проявлениями которого являются и ситуация в Охотском и Карском морях, и разгром системы целостного государственного управления природопользованием, и скоординированный передел в отношениях собственности на природные ресурсы, состоит в столкновении общественного интереса в исторически устойчивом рациональном использовании природно-ресурсного потенциала регионов, страны, планеты с частными интересами по получению и распределению сверхприбыли, возникающей при покомпонентном раздельном освоении отдельных видов природных ресурсов.

Несомненно, в связи с этим, что полное разрешение таких конфликтов, имеющих не частное, а общественное, общенациональное значение, может быть найдено не в отдельных ведомствах и не в отдельных регионах, а только в органах общегосударственной власти, обязанных действовать, в первую очередь, в соответствии с общенациональными интересами, не разрешать одни конфликты путем создания других конфликтов.

Международная практика показывает, что органы государственной власти и управления, как правило, в большей или меньшей степени подвержены прямому или косвенному воздействию вышеназванных сверхприбылей. В связи с этим, важную часть общественного давления, ориентированного на то, чтобы заменить природоразрушительное мировоззрение, психологию, технологии, технику, экономические механизмы, правовые системы на стереотипы «устойчивого развития», обеспечивают не только органы государственной власти, но непосредственно Общество через общественные движения. В Советском Союзе, например, революционный по мировоззрению и по последствиям правовой переворот, приведший в 1988 году к созданию Госкомприроды СССР и Госкомприроды РСФСР, вопреки сопротивлению всемогущих тогда отраслевых Министерств, произошел с участием давления мощных общественных движений.

Итак, мы ознакомились с, наверное, не исчерпывающим перечнем проблем, с которыми сталкивается современное освоение природно-ресурсного потенциала Охотского моря. Часть проблем но-

роэнергетики, имеют рыбохозяйственное значение как лососевые нерестововыростные водоемы.

Разрушительные государственные и экономические процессы начала 1990-х годов сняли вопросы о капиталоемком строительстве крупных гидроэлектростанций не только на Камчатке. В настоящее время рассмотрение эколого-экономических проблем гидроэнергетики сосредоточено на эксплуатации каскадов ГЭС на реках Толмачевой и Быстрой. Первый из них размещен на водотоке с водопадами, практически не имеющем ихтиофауны. Другой – основан на опробовании деривационных ГЭС, позволяющих сохранить основное русло водотока относительно не тронутым. Практика покажет (научные исследования последствий не проводятся), насколько обоснованными были экологические допущения при строительстве этих объектов, но надо иметь в виду, что подобные рыбохозяйственные малозначимые водотоки в Камчатской области чрезвычайно редки.

В качестве одних из основных и наиболее перспективных для тепло- и электроэнергетики давно считают геотермальные ресурсы, общие запасы которых на Камчатке велики, а теоретически возможная возобновимость позволяет рассчитывать на них как на исторически наиболее надежный энергетический источник. Некоторое время назад считали, что уже к 2005 году около половины электроэнергетических мощностей Камчатки составят ГеоЭС. В настоящее время построены Верхне-Мутновская и Мутновская ГеоЭС, совокупной мощностью более 50 Мвт, дающие электроэнергию в Петропавловско-Елизовский энергоузел. Что касается современных экономических проблем энергообеспечения на Камчатке, то эксплуатация названных ГЭС и ГеоЭС показала, что в основе этих проблем лежит несовершенство экономических отношений. Завышенные тарифы, неплатежи, отключения, ненадежность энергообеспечения оказались мало зависящими от видов энергоресурсов. Для энергообеспечения Быстринского и Большерецкого энергоузлов до сих пор сохранены дизельные электростанции. А в г. Вилючинске, обосновывая это только необходимостью надежности, планируют строительство плавучей АЭС, хотя энергетические мощности, расположенные вблизи от этого города, в несколько раз превосходят его потребности.

В то же время, возможность крупномасштабного использования геотермальных ресурсов связана с некоторыми «нетиповыми» экологическими и экономическими проблемами, в целом тормозящими их освоение. Геотермальные воды не являются чем-то необычным для природных комплексов Камчатки, подпитывая многие водото-

достаточной долей уверенности утверждать, что рыбохозяйственное значение подвергшихся браконьерскому прессу рек существенно снизится (речь идёт о более чем 150 водотоках).

Это последствие может быть оценено не только как экологическая катастрофа не локального (одна река), а регионального (Западно-Камчатская низменность) характера, ибо все экосистемы этого региона до последнего времени носят «лососевую специфику», развиваются в значительной мере под воздействием огромной массы биогенных веществ, приносимых стадами лососей из районов нагула северной части Тихого океана.

Это последствие может быть оценено в краткосрочном и среднесрочном плане как экономическая катастрофа для расположенных на Западно-Камчатском побережье рыбохозяйственных предприятий и связанного с ними населения. Условно оценивая вылов только горбуши на Западной Камчатке в 2002 году в 50 тыс. т. [7] и стоимость реализации конечной продукции из одного килограмма горбуши в 30 руб., можно полагать, что уничтожение нерестилищ только горбуши лишает экономику Камчатки валового продукта на сумму не менее 1,5 млрд. руб.

Но это последствие может быть оценено и как разрушение существовавшего до конца XX века на территории Западной Камчатки от реки Большой до р. Ичи рыбохозяйственного типа природопользования. И это стратегическое последствие является не менее важным, чем тактическое, связанное с сокращением объёмов продаж (если это сокращение окажется временным).

В связи с этим комплексная эколого-экономическая оценка реальных последствий прокладки газопровода и автодороги в ранее необжитых районах предгорий Срединного Камчатского хребта Западной Камчатки осталась важнейшей нерешённой проблемой независимо от решения о такой прокладке, принятого в заметной мере волюнтаристски.

Предметом неоднократных дискуссий в конце 1980-х годов были предложения Минэнерго СССР, его преемников в РФ и института «Ленгидропроект» о строительстве в Камчатской области системы гидроэлектростанций. Началом этой компании были проектные работы на Кроноцком озере, а затем на р. Жупановой. Дискуссии выявили необходимость научных разработок для обоснования экологической допустимости и экономической эффективности строительства не только отдельных объектов, но и в целом широкомасштабного развития гидроэнергостроительства в условиях Камчатской области, где почти все реки, представляющие интерес для гид-

сит в основном технический характер; они решаемы относительно легко. Таковы проблемы и природно-климатического, технологического характера. Сложнее решаются проблемы комплексной эколого-экономической и социальной оценки. Но для их решения есть научные, материальные, информационные, кадровые ресурсы, методические разработки.

Наиболее сложна проблема готовности властных органов проявить политическую волю, противоречащую стремлениям соответствующих социальных групп продолжить сложившуюся практику покомпонентного природопользования, обеспечивающую им получение и распределение сверхприбыли. Будет она проявлена сейчас – применение комплексного подхода возможно еще на стадии подготовки к широкомасштабному разнородному освоению природных ресурсов Охотоморья. Будет она проявлена позже – а в том, что рано или поздно она будет проявлена, сомнений нет – комплексный подход понадобится для нейтрализации потерь общественного труда, ликвидации экологического ущерба, поисков замены потерянного природно-ресурсному потенциалу. Комплексный подход понадобится для исправления именно таких последствий, ибо общество, ориентированное на обеспечение частным лицам сверхприбылей, ничего иного, кроме разрушений, в конечном счете произвести не может.

Библиография.

1. Арчиков, Е.Н., Бровко, П.Ф., Краснов, Е.В. Физическая география Дальневосточных морей. - Владивосток. Издательство ДВГУ 1985г. – 76с.
2. Биологические ресурсы Тихого океана. - Москва.: Наука, 1986г. – 568с.
3. Биология океана. т.2. Биологическая продуктивность океана. - Москва.: Наука – 1977г. – 399с.
4. «Газпромнефть» получил Восточную Сибирь и Дальний Восток // Известия 22.09.2004г.
5. Корейцев пустили на Камчатку // Известия 23.09.2004г.
6. Леонов, А.К. «Региональная океанография» часть 1. «Берингово, Охотское, Японское, Каспийское и Черное моря» Гидрометиздат Л. 1960г. – с.765
7. Медоуз, Д.Х., Медоуз, Д.Л., Рэндерс, Й., Беренс, В. Пределы роста. - Москва. Издательство МГУ – 1991 – 205с.
8. Моисеев, Р.С. Захоронение радиоактивных отходов в геологических структурах на Дальнем Востоке. Проблемы оценки. Владивосток: Дальнаука 1998г. – 140с.

9. Моисеев, Р.С. К вопросу о развитии промышленности Камчатской области // Состояние и перспективы социально-экономического развития Дальневосточного региона.» Сборник докладов. Петропавловск-Камчатский. Издательство ДВО ВВАТ – 2004г. – 172с.

10. Моисеев, Р.С. Тенденции формирования концепции и стратегий устойчивого развития // «Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей» Доклады 3 научной конференции. Издательство КамчатНИРО. 2003г. – 140с.

11. Нефтегазовые месторождения России и республик Бывших СССР // Деловые люди.- октябрь 1994г.

12. Программа действий. Повестка дня на 21 век и другие документы в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. Женева. Швейцария. 1993г. – 70с.

13. Ресурсный потенциал Камчатки.-Петропавловск-Камчатский, АО «Камчаткнига», 1994г. – 272с.

14. Север Дальнего Востока.- Москва: Наука 1970 – 488с.

Документы: (в фондах КФ ТИГ ДВО РАН).

1. Дальневосточная программа лицензирования пользования потенциала нефтегазоносными недрами 2000г.- Москва: ГосКомГео РФ, 1994.

2. Концепция изучения и освоения углеводородных ресурсов шельфа морей Дальнего Востока и Северо-Востока России (Японское, Охотское, Берингово, Чукотское, Восточно-Сибирское).- Роскомнедра, 1996.

3. Программа геолого-геофизических работ на акваториях дальневосточных и северо-восточных морей РФ на ближнюю перспективу. - ГП Трест Дальморнефтегеофизика. ПО Союзмергео, Южно-Сахалинск, 1999 (проект).

4. Протокол совещания по рассмотрению проекта «Концепция изучения и освоения углеводородных ресурсов морей Дальнего Востока и Северо-Востока России (Японское, Охотское, Берингово, Чукотское, Восточносибирское)». – Геленджик: Роскомнедра, Минтопэнерго, Минэкономики и др., 28.09.1995.

5. Перечень участков недр, аукционы по которым будут проведены в 2004г.-2005г.г.//Российская газета 22.10.2004г.

Экономические, социальные, правовые и экологические проблемы Охотского моря и пути их решения. Материалы конференции. – Петропавловск-Камчатский. КамчатГТУ, 2004.

Решающую роль в реализации этого проекта играет отсутствие устойчивого инвестирования. Это вызывает периодические остановки строительства и газопровода, и автодороги вследствие отказов инвесторов, что подтверждает сомнения скептиков (ВС ГИ) в надёжности экономических показателей проекта.

Главные «экологические» сложности реализации идеи газоснабжения юга Камчатской области обусловлены следующими основными обстоятельствами.

Для освоения месторождений Западно-Камчатской газоносной системы, которые представлены отдельными линзами с относительно небольшими запасами, необходимо бурение относительно густой сети скважин (около 6 на 1 млрд. м³ прироста запасов). Они рассредоточены в обширном районе с тундровым ландшафтом и густой речной сетью, содержащей, по некоторым оценкам, до 60% потенциала лососевых нерестилищ Камчатской области. Не только бурение параметрических, разведочных и эксплуатационных скважин, но их оборудование и связь системой трубопроводов и автомобильных (или вездеходных) проездов неизбежно приведут к существенному изменению условий развития сложившихся здесь экосистем и к снижению рыбовоспроизводственного потенциала.

Во всех вариантах газоснабжения юга Камчатки проложение главного магистрального газопровода связано с пересечением большого числа водотоков, имеющих важное рыбохозяйственное значение. Выбранный для реализации вариант трассировки газопровода в этом отношении наиболее сложен, связан с пересечением более 150 водотоков в районах основных нерестилищ лососевых рыб, ранее недоступных для наземного транспорта. При рассмотрении проекта ставились вопросы о необходимости изучения экосистем, на которые оказывается воздействие при строительстве и функционировании газопровода, в особенности, в необжитых районах трассы. Ставились также вопросы о предотвращении опасности, связанной с появляющейся возможностью массового проникновения браконьеров на нерестилища рек Западной Камчатки. Практика показала, что средств на проведение систематических комплексных исследований нет, удаётся проводить только выборочные мониторинговые наблюдения. В то же время, предотвращение браконьерства на нерестилищах рек вдоль строящейся автодороги не состоялось и в течение, как минимум, нерестовых сезонов 2000-2003 годов это браконьерство имело массовый механизированный характер. Учитывая продолжительность сроков возвращения на нерест разных видов лососей от 2-х до 7-ми лет, можно с

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ РЕСУРСОВ БЕРИНГОВА МОРЯ

стоятельствах, которые были предметом обсуждения на стадиях проектирования. 1) Утвержденные запасы газа на Западной Камчатке составляют около 16 млрд. м³ в 4-х месторождениях. По самому скептическому расчёту этих запасов хватает для энергообеспечения Петропавловско-Елизовской агломерации на 5 лет (BC GAS International Incorporated). По самому оптимистическому (отечественному) – на 16 лет. Малый срок – результат ориентации на интересы инвесторов, желающих знать точный срок окупаемости капиталовложений и их эффективность от всего проекта газоснабжения. Увеличенный срок – производное от желания сократить стоимость строительства газопровода, повысить его расчетную эффективность. 2) Трасса газопровода предполагалась в трех основных вариантах: транзитное газообеспечение производственно-селитебных очагов вдоль автомагистрали Петропавловск - Мильково; транзитное обеспечение рыбохозяйственных очагов в прибрежной части Соболевского и Усть-Большерецкого районов; строительство в безлюдных предгорьях Срединного Камчатского хребта со строительством ответвлений к рыбохозяйственным объектам в приустьевые зоны нерестовых лососевых рек. Расчётные балансы возможностей и потребностей в этих вариантах газообеспечения по видовой и территориальной структуре и затратам – противоречивы. 3) Для расходов на приращение запасов газа, строительство газопровода и перевооружение энергообеспечивающих мощностей надежные источники инвестиций отсутствовали. В их качестве рассматривались отчисления от «региональных рыбных квот»; прямые вложения газонефтедобывающих предприятий; кредиты зарубежных и отечественных «сторонних» инвесторов под государственные гарантии.

Для реализации был выбран вариант, отличающийся следующими особенностями.

1. Работы (и затраты не менее 200 млн. \$) по переоснащению энергогенерирующих сооружений и строительству внутриселенных сетей отнесены на неопределённое время.

2. Работы (и затраты не менее 200 млн. \$) на геологическую разведку для наращивания запасов газа отнесены на неопределённое время.

3. Первоочередной задачей было поставлено строительство газопровода по наименее затратному и наиболее удобному для строительства варианту трассы (затраты более 150 млн. \$) При этом строительство обслуживающей газопровод автодороги ведётся за счёт других источников финансирования и со статусом дороги общего пользования.

Берингово море как экономически осваиваемую природную систему рассматриваем в исторический период, за 350 - 400 лет. К началу этого периода на побережье Берингова моря сложилась многовековая относительно устойчивая собирательского типа экономика малочисленных населявших его народов. Они проживали первобытным укладом, с техническим уровнем производства, свойственным каменному веку, в основном не товарным, ориентированным на обеспечение жизнедеятельности отдельных общин, представленных крупными семьями, небольшими родами и племенами. Экономическая деятельность была основана на промысле биологических ресурсов моря и суши для удовлетворения относительно небольших по объёму потребностей этих народов и далеко не достигала воспроизводственных возможностей осваиваемых популяций, вписываясь в естественные структуры и механизмы развития экологических систем, подчиняясь естественным циклам природных процессов. В этом смысле жизнь и экономическая деятельность человека в то время входили в биологическую составляющую локальных экологических систем в качестве их естественного органичного элемента, что отражалось в идеологической организации его мировоззрения, носившего тотемный религиозный характер.

С выходом на азиатское, а затем на североамериканское побережье Берингова моря интенсивно развивавшегося в VYII - XYIII веках Российского государства природные ресурсы суши и моря оказались вовлеченными в общероссийские экономические процессы. Реально это проявилось в виде включения в общероссийский валютообразующий оборот добываемой в регионе пушнины. Параллельно с этим развивалось использование других природных ресурсов для обеспечения жизнедеятельности вновь образующихся в регионе немногочисленных социально-экономических структур общегосударственного и регионального значения. Для организованного освоения природных ресурсов и представления государственных интересов в Беринговом море и на прилегающей части суши Северной Америки была создана первая в России крупная организация полукapиталистического-полугосударственного типа - Российско-Американская компания (аналогичны компании европейских государств в других районах Земного шара: Ост-Индская, Вест-Индская и др.).

В это же время проводились исследования для оценки возмож-

ной организации Северного морского торгового пути из Европы в Тихий океан через Берингово море для связи с восточными азиатскими странами. Известные крупномасштабные для XVIII века ориентированные на эту цель экспедиции России и других стран не дали ожидаемого результата.

Со все более частым появлением в Беринговом море кораблей России и других европейских и американских стран освоение водных биологических ресурсов Берингова моря стало ускоренно расширяться, включаясь в мировые экономические процессы. Складывающийся при этом новый тип природопользования, ориентированный на товарное производство внутригосударственного, а затем и межгосударственного значения, быстро приобрел характер международной экономической деятельности. Главная составляющая этой экономики на первых стадиях - экспедиционный сезонный промысел в основном одновидовой, а затем нескольких видов морских млекопитающих, сначала пушных, а затем и китообразных, для реализации полученной продукции на мировом рынке. Такая экономическая деятельность не нуждалась в развитии на побережье Берингова моря длительно существующих производственных структур и связанных с ними населенных пунктов. Промежуточное базовое обслуживание морских экономических и иных экспедиций в этой зоне обеспечивалось двумя небольшими морскими портами: на юге Камчатки и на юге Аляски.

С другой стороны, в силу все более увеличивающейся масштабы, эти экономические процессы затрагивали жизнедеятельность коренных народов, продолжавших проживать на побережье Берингова моря в основном в традиционном для них типе природопользования. Влияние европейцев на этой стадии происходило в форме привнесения в жизнедеятельность этих народов не только технических новаций. В первобытный, не товарный уклад экономики этих народов вносились товарные формы общественных отношений, сначала в виде простого товарного обмена, а затем и более сложных товарно-денежных отношений. Начинаясь со случайных контактов с экипажами отдельных судов, эти отношения быстро стали системными на базе нескольких предприятий, относительно быстро монополизировавших деятельность по заготовке и скупке пушнины. Прямой конкуренции в использовании природно-ресурсной базы, которая заметно сказалась бы на одновременном функционировании двух типов природопользования, длительное время не наблюдалось. Это позволило, при заметных социальных обострениях, сосуществовать им более ста лет.

шельф Дальневосточных морей России, в одном из наиболее рыбопродуктивных районов мира. Необходима в связи с этим разработка концепций, комплексно оценивающих возможности использования совокупного природно-ресурсного потенциала Дальневосточных морей экономической зоны и шельфа при сохранении в удовлетворительном состоянии их экологических систем. Без такой разработки следует не только на региональном, но в первую очередь, на федеральном уровне категорически запретить и общие, и частные (в объеме одного-двух компактных участков) попытки отдельных ведомств в разных формах форсировать освоение нефтегазовых месторождений шельфа. Нельзя исключить, что сейчас, в обстановке общей государственной неустроенности, ведомственный и поопытный подход возобладают. Печальная участь экосистем Дальневосточных морей в этом случае неизбежна, и придется вынужденно сосредотачивать капиталоемкие усилия на спасении отдельных наиболее ценных водных биологических ресурсов, зачеркнув на неопределенно долгое время надежды на восстановление общей высочайшей рыбопродуктивности [6].

Практика других стран мира показывает, что полноценное восстановление естественной рыбопродуктивности в регионах с разрушенной природной средой при современном уровне научно-технических возможностей недостижимо.

Наиболее перспективно для использования в энергетике юга Камчатской области Западно-Камчатское месторождение газа, расположенное в Соболевском районе, в тундровой зоне Охотского побережья. Разведанных здесь запасов гарантированно хватает для долговременного обеспечения энергетики небольших населенных пунктов, расположенных на небольшом удалении от готовых к эксплуатации скважин. Есть утверждения о возможности прироста запасов до уровня, позволяющего рассчитывать на долгосрочное решение с помощью западно-камчатского газа комплекса тепло- и электроэнергетических проблем всего юга Камчатской области, включая Петропавловско-Елизовскую агломерацию. С этой целью длительное время, более 10 лет, прорабатывались варианты газоснабжения юга Камчатки, различающиеся трассировками газопроводов; рассмотрением возможностей снижения газа, использования газоконденсата; сжигания газа на месте со строительством крупной электростанции; очередностью подключения производственно-селитебных узлов и т.д.

Основные, «экономические» сложности реализации идеи газоснабжения юга Камчатки заключались в следующих основных об-

возможности их освоения, кроме общего требования обеспечить отраслевую экономическую, а также комплексную региональную социально-экономическую эффективность, в качестве основного, необходимого ограничивающего условия выдвигается экологическая обоснованность предлагаемого хозяйственного вторжения в природу.

В свое время, в качестве одного из основных местных топливно-энергетических ресурсов рассматривался уголь, месторождения которого рассеяны во многих районах Камчатки, а общие запасы составляют более 350 млн. т. Предлагаемые для энергообеспечения экономически наиболее развитых районов юга Камчатской области, с транспортировкой на относительно дальние расстояния, угли Крутогоровского месторождения имеют утвержденные запасы более 250 млн. т. при зольности почти до 40%. При доразведке считается возможным увеличение запасов с понижением зольности угля. Месторождение расположено в районе с густой сетью нерестовых лососевых рек. До решения научных и технологических проблем экологически «чистой» разработки месторождения, создания производственной инфраструктуры, организации транспортировки и использования угля освоение этого месторождения рекомендовано быть не может. Сомнительна и требует дополнительных расчетов экономическая эффективность использования Крутогоровских углей. Даже при наиболее экономичном, в отраслевом смысле, и наименее «экологичном» способе их использования расчетный срок окупаемости капиталовложений, рассчитанный при утверждении запасов, составил около 200 лет.

Более перспективны варианты маломасштабных разработок месторождений угля для энергообеспечения расположенных на близком от них расстоянии мелких локальных потребителей. Малые объемы добычи и использования, небольшие расстояния транспортировки позволяют ожидать и относительно небольших, допустимых негативных экологических последствий при достаточной экономической эффективности энергообеспечения за счет сжигания угля из близлежащих месторождений в селах Тигиль, Палана, Манилы, Хаилино, Аянка и др.

Нефтегазовые ресурсы Камчатского региона пока мало изучены. Полагают, что их запасы достаточно велики и могут использоваться не только для обеспечения потребностей Камчатской области, но и для вовлечения в межрегиональный оборот. Для реализации этих предположений формируются ведомственные планы и программы. В качестве перспективных на нефть площадей рассматривают

Пик развития первой стадии нового типа природопользования, связанного с экономической деятельностью в Беринговом море государств с европеоидным капиталистическим укладом, пришелся на вторую половину XIX века (китобойный промысел продолжался и в первой половине XX века). Его особенности отражены не только в отчетах коммерческих и государственных структур, но и в мировой литературе. Достаточно назвать Редьярда Киплинга и Джека Лондона, ярко описавших хищнический, природоразрушительный характер этой деятельности, приведший к логическому результату. Крупномасштабный моновидовой промысел морских млекопитающих, морских бобров (каланов) и котиков привел к истреблению природно-ресурсной базы промысла настолько, что эта экономическая деятельность к началу XX века почти прекратилась. Служившие объектом промысла популяции животных не смогли выйти из депрессивного состояния даже при строгом охраняющем их международном режиме, применявшемся в течение всего XX века. Пока нет оснований ожидать, что эти популяции восстановятся и в обозримое время.

В XX-м веке основными видами экономической деятельности в Беринговом море оставались те, которые вписывались в крупнотоварное собирательского типа природопользование, ориентированное на многовидовой промысел водных биологических ресурсов. В связи с перепромыслом китов практически прекратилась китобойная деятельность. Быстро развился и с периодическим затуханием функционирует прибрежный и речной лов лососей. В основном во второй половине XX века развилось морское рыболовство на индустриальной основе, с применением крупнотоннажных технически высокооснащенных судов, с переработкой рыбы на борту и транспортировкой для доработки и конечного потребления в южные высокоиндустриализированные густо населенные районы мира. Водные биологические ресурсы Берингова моря в течение XX века оказались почти полностью вовлеченными в использование на мировом рынке, который заявляет все возрастающие запросы на пищевую продукцию, полученную в пока еще естественной морской среде обитания, а не из преобразованных культурным образом организмов.

Оставшаяся практически нерегулируемой или неэффективно регулируемой, широкомасштабная международная экономическая деятельность по изъятию водных биологических ресурсов на протяжении всего XX века периодически и неизменно приводит к названным выше логическим последствиям. В экономическом смысле

за это время исчезали или резко сокращались (биологически сохраняясь как редкие и исчезающие виды или находящиеся в депрессивном состоянии и охраняемые популяции) такие объекты промысла, как лососи, окунь, сельдь, крабы, минтай и т.п.

На этой стадии развития описываемый тип природопользования вступил в острый конфликт с типом природопользования коренных народов. В основе конфликта лежат видовое единство и экосистемные связи объектов природы, составляющих их природно-ресурсную базу. Крупномасштабная экономическая деятельность, связанная с мировым рынком, раздавила локальные мелкомасштабные, но социально очень острые экономические интересы обеспечения жизнедеятельности коренных народов на побережье Берингова моря. Эти народы вынуждены искать новые дополнительные или основные источники для обеспечения своего существования.

Для второй половины XX века характерно постепенное нарастание международных усилий по регулированию промысловой деятельности в Беринговом море и северных районах Тихого океана. Принятие и методичная реализация двух и трехсторонних Конвенций о регулировании промысла морских млекопитающих, анадромных и других рыб; внедрение международных соглашений о шельфе, исключительной экономической зоне, ограничении китобойного промысла и др. - демонстрируют устойчивую тенденцию перехода к рациональным способам освоения водных биологических ресурсов и в Беринговом море, и в Мировом океане в целом. Положительная роль этих соглашений отмечалась неоднократно. Однако очевидно, что решив совершить вышеуказанный переход, человечество должно осознанно развивать эту тенденцию, переходить от разовых акций к системным взаимоувязанным долговременным мероприятиям, совершенствовать ранее принятые соглашения на новой основе, которую будут давать новые знания о предмете.

В настоящее время есть основания выделить некоторые основные особенности развития природопользования в Беринговом море. СобираТЕЛЬСКИЕ способы экономического промыслового использования биологических ресурсов содержат внутренние противоречия: без рационального эффективного внешнего регулирования промысел уничтожает свою природно-ресурсную базу. Применяющиеся в настоящее время методы регулирования очевидно неэффективны, в частности потому, что раздроблены по ведомствам, объектам промысла, экономическим субъектам, в пространственном и правовом отношениях, по стадиям рыбохозяйственной деятельности и т.п. До последнего времени рыбопромысловое значение Берингова моря сохраняется не столько вследствие попыток государств рационали-

гетика Камчатки более чем на 90% базируется на привозном топливе (жидкое топливо и уголь). Из местных ресурсов используются дрова, в относительно малых количествах - уголь небольших месторождений (Корфское, Горелое и т.п.) и энергия геотерм (Эссо, Паратунка) [5]. Производство электроэнергии до недавнего времени почти полностью базировалось на привозном жидком топливе. За последние годы начато заметное использование геотермальной и водной энергии.

Зависимость от нестабильных по объему, ассортименту, срокам и ценам поставок топлива извне области и отсутствие дублирующих источников - одна из главнейших проблем современного развития не только самой энергетики. Это - проблема развития всего социально-экономического комплекса Камчатки, поставленного в условия хронической неустойчивости энергообеспечения.

Предварительные оценки показывают, что после выхода экономики Камчатки из состояния депрессии, дальнейшее развитие её по любому из учитываемых в настоящее время вариантов связано с увеличением энергетических потребностей. При сохранении ориентации на внерегиональные источники топливно-энергетических ресурсов возникает необходимость увеличения не только энергетических мощностей. Соответственно, необходимо увеличение объема закупок топлива, тоннажа флота, пропускной способности всей транспортной и складской цепочки на суше, строительство дорогостоящих сооружений и т.д. С ростом масштабов хозяйственного комплекса энергетика может стать одним из основных ограничивающих факторов развития, а проблема зависимости энергетики от внерегиональных условий более масштабной и острой. Это обстоятельство кажется парадоксальным в начале 2000-х годов, когда существующие мощности энергетики Камчатки совокупно более чем вдвое превосходят энергетические потребности полуразрушенной социально-экономической сферы и сократившегося населения. Тем не менее, возможные варианты развития береговой перерабатывающей рыбной, горной промышленности и массового туризма делают этот вопрос актуальным.

Среди направлений решения энергетических проблем Камчатки важнейшим считают вовлечение в использование собственных топливно-энергетических ресурсов.

Камчатская область располагает значительными топливно-энергетическими ресурсами, как традиционными, (уголь, газ, нефть, гидроресурсы), так и нетрадиционными, из которых на первое место ставят геотермальные [5]. При рассмотрении практической воз-

воздействием конъюнктурных интересов экономики одного дня.

Несомненно, что практика такого рода случайно-конъюнктурных решений ведёт к необратимым изменениям географического пространства, обостряет необходимость перехода к рациональной системе управления, которая должна учитывать комплексный анализ возможных экологических и социально-экономических последствий.

Исследования теоретических, методологических, методических вопросов разработки эколого-экономических обоснований развития Камчатки с учетом уникальных сочетаний геологических, климатических, гидрологических, биологических процессов являются актуальной необходимостью тем более, что изученность последних крайне недостаточна. Рациональное природопользование здесь требует глубокого изучения структуры и механизмов развития региональной природообобществленной системы и составляющих её локальных экосистем, постановки экологического мониторинга, в том числе биоиндикационными методами; разработки системы нормативов, регулирующих природопользование; исследований по другим направлениям.

Одна из важнейших народнохозяйственных и сложнейших экологических задач – развитие топливно-энергетического комплекса Камчатской области. Энергетика Камчатки имеет исключительно внутрирегиональное, однако незаменимое, жизненно важное значение. Дело не только в том, что удельный вес одной лишь электроэнергетики стабильно составлял около 1/5 в стоимости основных промышленно-производственных фондов области и около 1/3 в промышленных капиталовложениях, уступая только ведущей рыбной промышленности. Определение более точных современных количественных соотношений станет возможным только после стабилизации экономических процессов формирования социально-экономической структуры, ценовой сферы и т.п.

Значение энергетики определяется тем, что без её продукции невозможны современные производство и жизнедеятельность населения [4]. Даже при огромном, более чем в два раза, спаде производства в 1990-х годах, объем производства энергетических отраслей сократился относительно незначительно, что подчеркивает их значение и необходимость сохранения такого качества, как устойчивость. В то же время энергетика, в особенности коммунальная тепловая, относится к одним из основных загрязнителей воздушного бассейна в районах концентрации производства и населения – основных потребителей энергии. До последнего времени теплоэнер-

гизировать экономическое поведение природопользователей, сколько вследствие относительной ненарушенности экосистемы моря в целом. Первостепенное значение имеет сохранение природной среды в состоянии, обеспечивающем высокую и высочайшую первичную биопродуктивность как базу существования локальных водных экосистем и экосистемы Берингова моря в целом. Истребление или сокращение численности отдельных объектов промысла деформировало экосистемы, но не разрушало их воспроизводственные биологические возможности.

Для одной из важнейших, обостряющейся в XXI веке продовольственной проблемы человечества характерен быстро растущий дефицит животного белка естественного происхождения, основным крупномасштабным источником которого является Мировой океан. Это обстоятельство объективно приводит к постоянному повышению роли водных биологических ресурсов Берингова моря в формировании продовольственного баланса человечества. С этим связано возрастание международного экономического внимания к этому морю, где сосредотачиваются интересы многих стран мира, имеющих крупнотоннажный рыболовный флот. Один из основных уроков прошлых периодов состоит в том, что только административная деятельность государственных органов и применение только запретительных мер не обеспечивает в сложившемся типе природопользования ни сохранения экономически используемых природных ресурсов, ни ориентированных на их использование экономических структур, вплоть до целых отраслей экономики.

Это соображение может быть отнесено ко многим видам природных ресурсов и далеко за пределами Берингова моря. Это касается использования не только биологических, но и топливно-энергетических, водных, лесных, минерально-сырьевых, других природных ресурсов, а также способности биосферы к переработке отходов деятельности человечества. История развития природопользования в Беринговом море складывается в общечеловеческие процессы чисто рыночного использования Природы Обществом, в результате которых выработано убеждение, что эти процессы губительны и для Природы, и для Общества. Оказывается необходимым переход к природопользованию, построенному на иных экономических моделях, на ином мировоззрении, на иных методах управления. Объективно назрел переход к экономическому стимулированию не только внедрения природосберегающих технологий, но и решения задачи сохранения возобновляемых природных ресурсов для длительной устойчивой экономической деятельности на основе,

например, формирования длительной экономической связи субъектов с объектами промысла. Объективно назрел переход от фрагментарного в видовом, пространственном, правовом, экономическом, административном отношении регулирования использования водных биологических ресурсов к целостному международно скоординированному регулированию всего комплекса хозяйственной деятельности в водной среде на базе экосистемного подхода.

В конце XX - начале XXI веков начинает вырабатываться новый глобальный тип природопользования, развитие которого в Беринговом море имеет региональные особенности и проблемы.

Одни из них связаны с инерционно сильными и продолжающимися действовать стереотипами природопользования, характерного для «индустриального» периода развития экономики и общества в целом.

1. Крупномасштабное вовлечение в мировой экономический оборот водных биологических ресурсов Берингова моря дополняется подготовкой к крупномасштабному освоению углеводородных природных ресурсов шельфа. И тот, и другой процессы стимулируются дефицитами, складывающимися в продовольственном и энергетическом балансах человечества в целом и отдельных стран в особенности. Очевидно, что одновременное нерегулируемое ведение в крупных масштабах и той, и другой хозяйственной деятельности в рамках одной экосистемы невозможно вследствие пока еще не преодоленной экологической несовместимости. Очевидно, что рациональный подход требует в этой ситуации комплексного анализа и оценки; выработки системы приоритетов по критериям, не только стоимостным и рассчитанным на короткий период. Необходим учет таких экономических факторов, как скорость истощения природных ресурсов; возможность их замены другими в человеческой деятельности; социально-экономические последствия развития отдельных отраслей хозяйства и их совокупностей. Необходим учет экосистемных факторов, интегрированное выражение которых - состояние экосистемы в отдельные периоды хозяйственной деятельности и после ее окончания.

Однако подготовка к освоению углеводородных ресурсов шельфа Берингова моря проводится в мировоззренческих, экономических и организационных стереотипах отживающего периода природопользования. Она доведена до стадии разделения шельфа на участки для поиска, разведки и промысла и выставления этих участков на тендерные торги. Она переходит в практическую плоскость после предоставления этих участков для освоения конкретным природ-

ся в период безудержного и бессистемного использования природных ресурсов, ряд других факторов обуславливают продолжение обострения противоречий в природопользовании, возникновение конфликтных межотраслевых ситуаций и сложных экологических проблем. Преодоление этих противоречий требует глубокого научного подхода.

Так, на концептуальном уровне установлена необходимость безусловного сохранения и расширенного воспроизводства биологических ресурсов, в первую очередь – рыбных. Однако до последнего времени нет убедительных, научно строгих обоснований на уровне конкретных, пространственно-дифференцированных разработок для конкретного обеспечения признанного в общем безусловно приоритетным природно-ресурсного потенциала рыбного хозяйства. Причины этого, в частности, в отсутствии кадастров рыбных ресурсов, в несовершенстве методик определения комплексной региональной социально-экономической и экологической эффективности хозяйственной деятельности.

Нет завершенных научных разработок, обосновывающих пределы промышленных заготовок древесины с целью сохранения леса как природной системы, как комплексного природного ресурса, с целью обеспечить выполнение лесом средоохранительных, в том числе водоохранительных и рыбоохранительных функций. Нет конкретных обоснований для ограничений развития сельского хозяйства и мелиорации земель с целью исключить ущерб гидрологическим и геохимическим системам, составляющим среду для формирования водных биологических ресурсов рыбного хозяйства. Не исследуются в региональном плане экологические аспекты гидротехнического, в том числе гидроэнергетического, строительства в лососевых экосистемах Камчатки. Широко велись и, несомненно, будут продолжаться геолого-разведочные работы для создания базы горнорудной промышленности, но отсутствуют региональные эколого-экономические обоснования развития этой отрасли. Не разработаны экологические регламенты для проведения геологоразведочной и горнопромышленной деятельности.

Хозяйственные решения продолжают приниматься на основе частных, эмпирических оценок уже наступивших негативных последствий на отдельных объектах, а также – по аналогии с пообъектной практикой в других регионах мира. Зачастую при обсуждениях, в виду отсутствия строгих научных доказательств, возникают взаимные острые обвинения в «корыстных», «эмоциональных» и т.д. подходах. При этом, как правило, решения принимаются под

смагивать как природо-общественную систему, состоящую из двух подсистем:

1) относительно сбалансированной, малонарушенной и устойчивой природной и

2) открытой, малоустойчивой, плохо сбалансированной социально-экономической. [2].

Эта, субглобального уровня обобщения экономико-географическая особенность региона определяет и долговременный характер его развития по всем возможным направлениям, укладываемым в широкий диапазон: от продолжения социально-экономической деградации до устойчивого экономического роста с обеспечением достойных условий проживания населения.

Управление социально-экономическим развитием Камчатской области и смежных административно-территориальных единиц, деятельностью отдельных экономических субъектов, воздействиями на природные физико-географические комплексы в настоящее время разрозненно. В соответствии с общими тенденциями развития общества оно будет, преодолевая противоречия, преобразовываться во взаимоувязанное, единое управление развитием всей природнообщественной системы как целостности. Эта задача поставлена в рамках концепций «устойчивого развития» мирового сообщества и Российской Федерации. Однако, она пока не решается практически. Пока еще только разрабатываются теоретические, методологические, методические основы её решения.

При разработке проблем природопользования в Камчатской области были рассмотрены некоторые комплексные межотраслевые вопросы её социально-экономического развития, учитывающие названные выше тенденции [3].

Было показано, что дальнейшее социально-экономическое развитие Камчатки связано с решением, наряду с другими, трех важнейших задач:

1) сохранения и увеличения биопродуктивности природных экосистем;

2) снижения степени риска в экономике;

3) экономически обоснованного использования природных ресурсов.

Одновременно и взаимоувязанно решать эти задачи оказалось сложно. Сохраняющаяся гипертрофированная зависимость развития Камчатки от «централистских» тенденций в государственном управлении; состояние техники и технологий; устойчивость общественных психологических стереотипов человечества, сложивших-

допользователям. И пока нет данных, что при этом учитывались механизмы функционирования природных систем и, в первую очередь, экосистем Берингова моря. Не оценивалось и долгосрочное экономическое и социальное значение освоения совокупного природно-ресурсного потенциала Берингова моря.

2. Предпринимаются попытки правовой и экономической подготовки для перехода от использования Северного морского пути в экономических интересах не только СССР и России, а к крупномасштабному использованию его в широких международных экономических интересах. По этому пути могут оказаться экономически выгодными транспортные связи Европы с Восточной Азией и тихоокеанским побережьем Северной Америки. Результатом этого может оказаться напряженный сезонный поток морского транспорта через Берингово море с концентрацией его у Берингова пролива, что потребует развития соответствующей инфраструктуры и обслуживающих производств.

3. В связи с особенностями системы основных океанических и морских течений в северной части Тихого океана, Берингово море является промежуточным резервуаром в потоках вещества, переносимого этими течениями. В частности, в этих течениях осуществляются трансграничные миграции загрязняющих веществ из загрязненных акваторий, прилегающих к индустриально развитым регионам, в относительно чистые акватории, расположенные в индустриально неосвоенных или слабо освоенных регионах мира. В этих потоках Берингово море, как можно ожидать и как подтверждают отдельные исследования, выполняет функции накопителя загрязняющих веществ в зонах циркуляции, с транзитной миграцией этих веществ в Северный Ледовитый океан и переброской их Анадырским-Камчатским-Курильским течениями на юг, через акватории с высокой и высочайшей биопродуктивностью. Комплексные исследования этого обстоятельства, в совокупности с исследованиями процессов переноса вещества и энергии атмосферными потоками, оказываются необходимыми для познания динамики гидрохимических и температурных изменений в Беринговом море и прилегающих акваториях.

4. До последнего времени комплексно не оценивалось (во всяком случае в доступной литературе) геополитическое значение Берингова моря и его использование в импульсивно меняющихся конфигурациях международных экономических, политических, оборонных интересов и движущих сил. Значимая роль Берингова моря в стратегически важном продовольственном балансе челове-

чества, в организации субглобальных транспортных связей, в близости его побережья к многим уязвимым центрам социально-экономического развития отдельных государств и другие обстоятельства, позволяют и в настоящее время полагать, что Берингово море и его пустынные берега находятся в поле активного внимания основных геополитических разработок.

Учитывая вышеизложенное, есть основания полагать, что дальнейшее развитие природопользования в Беринговом море продолжится с ориентацией на сырьедобывающую специализацию экономики; имеет редкую возможность регулироваться международными условиями только двух государств; может опираться на складывающееся на рубеже XX - XXI веков, хотя и хрупкое, но вселяющее надежды доброжелательное взаимодействие этих государств. В связи с этим в Беринговом море есть возможность более быстро и, возможно, в экспериментальном порядке осуществлять переход от старых, покомпонентных и фрагментарных типов природопользования к новому, основанному на экосистемном подходе, на комплексной оценке экономических и социальных последствий, на выработке долговременных приоритетов в пользовании целостными природными системами, на внедрении экономических стимулов для формирования рационального экономического поведения субъектов хозяйственной деятельности, на создании достойных условий жизнедеятельности народам, проживающим на берегах этого моря.

В кратком докладе, посвященном рассмотрению проблем вековой смены типов природопользования в Беринговом море, не было возможности привести статистические и фактические данные. Надеюсь, что в докладах других участников конференции такие данные содержатся в достаточном количестве, а все выступления в совокупности позволят всем нам вместе сделать еще хотя бы один шаг в правильном направлении.

Международная конференция по сотрудничеству для устойчивого развития Берингова моря. An International Conference for Collaboration (Girdwood, Alaska, April 1-4 2003). – Oakland, 2003.

моря приходится не менее 60% вылова современной рыбы в отечественной экономической зоне.

К началу 2000-х годов экономика Камчатки, в сопоставлении с состоянием на 1990-й год, оказалась существенно разрушенной как в количественном отношении, так и по отраслевой и территориальной структуре.

Производство основных видов продукции в Камчатской области

№	Вид продукции	1990 г.	2003 г.	2003 г. к 1990 г. в %
1	Электроэнергия млн. кВт. ч.	1863,6	1584,5	85,0
2	Теплоэнергия тыс. Гкол.	2769,8	3279,9	118,4
3	Металлоконструкции сварные т.	2956,5	-	0
4	Нестандартное оборудование т.	252	-	0
5	Пиломатериалы тм?	209,5	12,7	6,1
6	Улов рыбы тыс. т.	1348,1	651,5	48,3
7	Консервы рыбные млн. усл. бан.	262,1	5,25	2,0

Наибольшие разрушения произошли в экономике Милюковского, Быстринского, Соболевского районов, не имевших дублирующих отраслей специализации. Диверсифицированная структура социальной и экономической сфер позволила устоять Петропавловско-Елизовской агломерации, хотя и здесь потери 1990-х годов существенны.

Экономика Камчатской области имеет открытый характер. На 1 тонну вывоза до 1990-х годов приходилось до 5 тонн ввоза почти всей продукции, необходимой для функционирования экономики. При этом многие производственные отрасли, в особенности энергетика и строительство, зачастую не имеют страховых запасов, работают с колес. Внутрорегиональные транспортные связи слабы. Обусловленная этим высокая степень риска в состоянии экономики усугубляется межотраслевыми и внутриотраслевыми диспропорциями, слабым развитием социальной сферы, относительно слабой закрепленностью населения. В совокупности эти обстоятельства приводят к негативным социально-экономическим и экологическим последствиям, усилившимся в 1990-е годы, в период экономического кризиса.

В целом регион Камчатка с прилегающими морями можно рас-

15. Концепция развития туризма в Российской Федерации (проект), Минэкономразвития РФ, 1999

16. План развития Камчатской области, CRC Институт, Хоккайдо, Япония, 1993.

17. Программа социально-экономического развития Камчатской области на среднесрочную и долгосрочную перспективу (2002-2004, 2005-2011 гг.) (проект), разработан КФ ТИГ ДВО РАН.

18. Программа “Развитие туризма на Камчатке в 2002 – 2010 гг.”. утверждена Постановлением губернатора Камчатской области № 179 от 19.04.2002 г.

Общество и сервис: региональные проблемы. Материалы конференции. Апрель 2005 г. – Петропавловск-Камчатский: КФ Московского гос. университета сервиса, 2005. 2003 г.

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ

Полуостров Камчатка с прилегающими островами, материковой частью, шельфом и морями – молодая по геологическому возрасту, относительно мало нарушенная природная система, сохранившая богатый биологический природно-ресурсный потенциал, в особенности в морских акваториях [1]. В «лососевых экосистемах» Камчатки наглядно проявляется неразрывность связей земной, воздушной и водной сред, объединенных потоками вещества и энергии, включая переносы биогенного вещества из открытых районов Тихого океана.

В социально-экономическом смысле территория Камчатки также представляет собой неразрывное единство с прилегающими морями, являясь базой для экономической и политической деятельности России в северной части Тихого океана. Площадь суши Камчатской области 473 тыс. кв. км (с Корякским а. о.). Численность населения – менее 360 тыс. чел. (2002 г.).

Около 250 тыс. чел. сосредоточено в агломерации, сформировавшейся в районе Авачинской бухты. Здесь базируется флот рыбной промышленности, сюда поступает основная масса грузов из развитых районов страны. Практически единственная отрасль специализации – рыбное хозяйство, которое до начала 1990-х годов давало около 50% валовой и 80% промышленной продукции области, около 12% рыбы и морепродуктов, добывавшихся в СССР. Но значение рыбных ресурсов Камчатки гораздо шире: на прикамчатские

ЧАСТЬ II

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ НА КАМЧАТКЕ

Производительные силы Камчатской области неуклонно развиваются высокими темпами от пятилетки к пятилетке. Их территориальная организация включает размещение не только производства, но и населения—главной производительной силы общества. От правильного решения вопроса: как, по какому принципу разместить население, - будет зависеть, с какими материальными затратами, с каким моральным и социальным эффектом, в какие сроки будет в конечном счете создано расселение, обеспечивающее наилучшие условия проживания при наибольшей эффективности труда.

Целенаправленное развитие расселения при социализме – одна из актуальнейших проблем. Создающиеся в настоящее время населенные пункты должны служить многим поколениям, эффективно удовлетворять социально-экономическим требованиям, которые предъявит к ним человечество через многие годы. Познание общих закономерностей развития расселения, выявление основных влияющих на этот процесс общих и региональных факторов дает основу для такой целенаправленности.

Расселение рассматриваемое в целом как социально-экономическое явление, исторически развивающееся в определенном географическом пространстве, зависит в конечном счете от способа производства. Многоплановость содержания понятия «расселение» и многосложность фактора «способ производства» позволяют дифференцированно рассматривать действие этого закона в отдельных конкретных случаях, проявлениях, взаимосвязях.

Расселение, как явление, может быть представлено состоящим, как минимум, из трех элементов: собственно населения, т. е. совокупности людей, находящихся в определенном географическом пространстве; системы расселения, т. е. системы территориального распределения социально-экономических структур, в которые объединено население; измененной природной и искусственной материальной среды, в которой обитает население, т. е. производственной и социальной инфраструктуры и антропогенного ландшафта.

Системы расселения зависят, в первую очередь от тех компонентов способа производства, которые опережают коренные стороны развития общественных структур. В то же время, система расселения развивается под влиянием и других факторов, имеющих не

менее важное значение. В числе их, например, обеспечение условий существования и развития человека как биологического вида. Не претендуя на полноту раскрытия закономерностей развития систем расселения, некоторые особенности их проявления можно проследить на истории развития системы расселения на Камчатке.

Построение системы расселения как производного от территориального размещения производительных сил было подчинено, среди прочих частных факторов, таким, как территориальное размещение и характер природных ресурсов, служащих объектом освоения; основной способ хозяйственного освоения этих ресурсов, определяющий в значительной степени характер не только общественных отношений, но и взаимосвязей общества и природы (собираательство, промысел, культурное земледелие и животноводство и т.п.).

Учитывая определяющую роль систем и способов связи в построении любой жизнеспособной биологической и общественной системы, можно предположить, что характер и направление транспортных связей должны оказывать определяющее влияние и на построение систем расселения.

Определяющим для построения системы расселения должно быть также обеспечение населению наиболее комфортных из возможных в регионе природных условий обитания как одного из основных факторов демографического воспроизводства и исторической устойчивости населения.

Построение системы расселения на Камчатке с достоверностью может быть прослежено с конца XVIII в., когда о ней можно судить по письменным источникам, до нашего времени. За этот период произошел ряд изменений, обусловленных радикальными изменениями социально-экономических условий.

В конце XVII в. на территории Камчатской области в современных границах проживали в основном ительмены и коряки, численность которых, по различным оценкам, составляла соответственно 15- более 40 и 12-20 тысяч человек (Гурвич, 1966; Долгих, 1960). В общественном развитии эти народности находились на стадии разложения первобытнообщинного строя, устойчивых значительных внерегиональных связей не имели. Расселившиеся в северной зоне коряки вели кочевой образ жизни, обусловленный оленеводческо-промысловым циклом освоения, не имея стабильной системы расселения. К началу XVIII в. частью коряжского населения, занятого ловлей рыбы и охотничьим промыслом (береговые коряки), было сформировано около 13 постоянных поселений с населением до

Библиография.

1. The Alaska Almanac. 17-th edition. Anchorage. Alaska Northern Books, 1993. – 224 p.
2. Бакланов, П. Я. / Рекреационная география Азиатской России: современное состояние и перспективы развития – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН. – 2000. – 167 с.
3. Балабанов, И. Т. Балабанов, А. И. Экономика туризма. – М.: Финансы и статистика. 2001. – 174 с.
4. Глазырина, И. П. Природный капитал в экономике переходного периода. – М.: НИИ-природа, РЭФНА. – 2001.-204 с.
5. Камчатка на пороге тысячелетий. – Статистический сборник, Петропавловск-Камчатский. – 2000. – 321 с.
6. Камчатский статистический ежегодник. Статистический сборник, Петропавловск-Камчатский, 2002. – 221 с.
7. Косолапов, А. Б. Теория и практика рекреационного природопользования, Владивосток.: ДВГАУ. – 2001. – 120 с.
8. Моисеев, Р. С. Условия развития рекреационной деятельности в Камчатской области // Вопросы географии Камчатки, выпуск 9, Петропавловск-Камчатский. – 1985. – С. 77-84.
9. Моисеев, Р. С. Проблемы оценки рекреационных природных ресурсов Азиатской России// Рекреационная география Азиатской России: современное состояние и перспективы развития: Матер. Первой Всерос.конф. (Иркутск, 5-7 сентября 2000 г.) – Иркутск, 2000. – С. 95-97.
10. Программа социально-экономического развития Камчатской области на среднесрочную и долгосрочную перспективу (2000 – 2005, 2006 – 2010 гг.) (краткое изложение), Хабаровск – Петропавловск-Камчатский – 2000 – 124 с.
11. Ресурсный потенциал Камчатки. Петропавловск-Камчатский.: АО Камчаткнига, 1994. – 270 с.
12. Сергеев, М. А. Камчатский заповедник Лопатка// Камчатский сборник – М. – Л.: АН СССР, 1940.- с. 226-276.
13. Экотуризм – дело выгодное (зам. нач. департамента туризма Иркутской областной администрации В.А. Бережных)// Российская Федерация сегодня № 19 – 2002 – с. 42.
14. Моисеев, Р. С., Черныгина, О. А., Карпучин, Н. С., Михайлова, Т. Р., Новикова, О. О. Проблемы развития туризма на особо охраняемых природных территориях // Рекреационная география Азиатской России: современное состояние и перспективы развития: Матер. Первой Всерос.конф. (Иркутск, 5-7 сентября 2000 г.) – Иркутск, 2000. – С. 98-99.

точной достоверностью оценить не только совокупные доходы региона. В самом оптимистическом варианте, с численностью “массовых” иностранных туристов в 25 тыс. чел. в год, средним сроком пребывания их на Камчатке в 7 дней и расходами около 150 долларов США в день, можно предположить, что совокупные доходы экономики области от деятельности по их обслуживанию составят около 25 млн. долларов США. С этим следует сопоставить не только затраты на развитие специфичной инфраструктуры, текущие расходы, подготовку соответствующих кадров и т.п. Должны быть оценены также такие факторы, как занятость населения, поступления в бюджеты разных уровней и т.п. Следует учесть также, что валовый внутренний продукт Камчатской области в 2001 году составил около 700 млн. долларов США и доля рассматриваемого вида туризма составила бы в нем не более 3,5 %, в то время как в реальности она не превысила 0,7 %.

Что касается массового туризма (возможности которого для Камчатки оценивают в сотни тысяч человек), который, как правило, составляет основу экономически крупномасштабной туристической деятельности, то для реальной оценки развития его на Камчатке необходимо установить следующие, пока неизвестные обстоятельства. Есть ли основания ожидать на Камчатке массового туризма из России, то есть туризма людей с небольшим достатком. Есть ли основания ожидать такой численности туристов из других стран, и на какой по платежеспособности социальный состав туристического потока следует рассчитывать экономические параметры такого туризма. Какими средствами, кроме рекламирования привлекательности природных комплексов, можно стимулировать интерес “среднего класса” “развитых” стран, составляющего социально-демографическую основу массового туризма на дальние расстояния для удовлетворения потребности в ознакомлении с редкими и уникальными природными комплексами, к туристической поездке в Камчатскую область.

Как видим, существующие данные не дают оснований для эколого-экономической и социальной оценки возможностей развития туризма на Камчатке в полноценный межотраслевой комплекс, занимающий заметное место в ее экономике. Применяемый в современных общерегиональных оценках метод аналогий позволяет судить только о характере задач, которые должны быть решены при разработке Программы развития на Камчатке туризма и в том числе международного туризма как отрасли специализации.

50—100 человек каждое (Крашенинников, 1949). Плотность населения составляла около 0,04—0,06 чел./км², что близко к средней плотности населения тундровых и лесотундровых зон с аналогичным типом хозяйства.

Ительмены, жившие в южной части полуострова Камчатка, вели оседлый образ жизни, обусловленный охотничье-промысловым циклом освоения в условиях повышенной биологической продуктивности водных и наземных природных ресурсов. Они сформировали устойчивую линейную систему расселения в наиболее благоприятной для обитания человека зоне лесов вдоль Охотского и Тихоокеанского побережий и в долине реки Камчатки. Постоянные поселения (свыше 60) с населением до 300 и более человек размещались на берегах рек, служивших основной хозяйственной базой и транспортной связью (Крашенинников, 1949). Плотность населения в этой зоне достигала более 0,3 чел./км², что выше уровня, характерного для этого цикла освоения, и может быть объяснено только высокой биологической продуктивностью ресурсов региона. Для систем расселения, сформировавшихся вдоль морских побережий, характерно удаление постоянных населенных мест на расстояние до 20—60 км от берега моря в зону лесов, что обеспечивало смягчение морского ветрового и влажного режимов, неблагоприятно действующих на человека. На морском побережье ительменами была сформирована система временных поселений и хозяйственных сооружений, функционирующих в периоды интенсивной хозяйственной деятельности, связанной с сезонным рунным ходом лосося (не будет большой смелостью назвать этот способ хозяйствования сезонно-экспедиционным). Внутрирегиональные транспортные связи осуществлялись по рекам, пешеходным тропам, нартовым трассам, построение сети которых было обусловлено рельефом.

Период освоения Камчатки царской Россией, начавшийся в XVIII в., может быть разделен на два этапа, первый из которых закончился после Крымской войны 1854—1856 гг., ликвидации северо-американских колоний, организации южных Тихоокеанских портов России.

Содержание этого этапа, с точки зрения его влияния на расселение, имело двойственный характер. С одной стороны, для него характерно образование сети поселений с военно-административными, а также торговыми и узловыми транспортными функциями, использование региона для ссылок и каторжных работ. С другой стороны, на этом этапе развивались социально-экономические структуры, обусловленные выгодами географиче-

ского положения Камчатки и включением ее в общественную систему, находившуюся на более высокой стадии общественного развития. В XVIII в. Камчатка стала не столько поставщиком пушнины, сколько опорной базой для освоения Россией северной части Тихого океана, а также базой для тихоокеанских экспедиций европейских государств. С этим связаны функционирование одного из первых в России проявлений капиталистических отношений — Российско-Американской компании; переселение крестьян с целью насаждения традиционных для России способов зернового земледелия; попытки создания элементов хозяйственной структуры, обеспечивающих внутрорегиональные нужды: ткачество, железоделание, кораблестроение, тепличнопарниковое хозяйство, лечебницы курортного типа, действовавшие некоторое время, но не оставившие никаких следов, кроме воспоминаний.

Появившиеся в этот период регулярные внерегиональные морские транспортные связи внесли в характер расселения черты приморской ориентации, сохранившиеся и развивавшиеся в дальнейшем. Характер внутрорегиональных транспортных связей остался прежним: летом — по рекам и пешеходным тропам, зимой — по этим же направлениям на нартах. Основной характер занятий населения, не связанного с отправлением военно-бюрократических функций, практически не изменился. Переселенцы переняли у коренного населения промыслово-охотничий цикл хозяйства. Созданная в этих условиях на остатках ительменской новая система расселения оказалась менее насыщенной, но по начертанию и функциональному назначению отличалась от нее только добавлением вновь образованных военно-бюрократических поселений-острогов: Большерецк, Верхне-Камчатск, Средне-Камчатск, Нижне-Камчатск, Петропавловск, Тигиль и острожков с ительменским населением, Начики и Пушино, основанных для обеспечения регулярности транспортных сообщений (Дитмар, 1901).

Содержание второго этапа освоения Камчатки, начавшегося около 1897 г., после длительного застоя, состояло в капиталистическом освоении рыбных ресурсов полуострова сезонно-экспедиционным методом. На расселении такое освоение сказалось некоторым увеличением численности военно-бюрократического аппарата, изменением административного положения региона и развитием обслуживающих административные функции инфраструктур. Но заметного влияния на построение системы расселения оно не оказало. Основой хозяйственного уклада постоянного населения остались рыбный и охотничий промысел, к которому прибав-

ленных в начале 2000-х годов, численность въездных туристов в 2010 году предварительно определяется в 50 тыс. чел. в год, в том числе иностранных до 25 тыс. чел. [10, 17]. Аналогичные разработки, выполненные в начале 1990-х годов, оценивают возможности развития иностранного туризма более масштабно. В наиболее оптимистической оценке численность иностранных туристов, посещающих Камчатскую область за год, предполагалась за 1995 год — 50 тыс. чел., 2000 год — 200 тыс. чел.; 2005 год — 500 тыс. чел. [16].

Для оценки перспектив этого направления необходимо также знать, из каких стран, какой численности, в каком половозрастном составе будет формироваться этот поток. Эти показатели пока не определены ни на близкое, ни на отдаленное будущее. Есть только предположение, что можно ожидать наплыва туристов на Камчатку из США, Канады и Японии [16].

Из реально сложившихся ситуаций, с которыми можно сопоставить рассматриваемую тему, можно привести развитие туризма на начало 2000-х годов в Иркутской области, где видовая ориентация туризма аналогична Камчатской (“виды отдыха и путешествий, для которых главным ресурсом является естественная природная среда” [13]), за последние годы “бывает до полумиллиона российских и около 25 тысяч иностранных гостей” [13]. Учитывая большую транспортную доступность Иркутской области для населения России, можно полагать, что это обстоятельство играет важное значение для формирования соответствующего потока туристов, в десятки раз большего, чем в Камчатскую область. Учитывая существенно большую рекламную подготовку туризма на озеро Байкал и регулярное проведение в г. Иркутске крупных международных научных и научно-практических, экономических и “экологических” конференций, можно полагать также, что превышение потока иностранных туристов в Иркутскую область в 3 раза по сравнению с Камчатской областью объясняется этими факторами. Можно предположить, что любители путешествий не будут повторять путешествия по уже посещенным местам и одним из следующих мест могут выбрать Камчатку. Можно утверждать также, что участники Иркутских конференций, ставших традиционными, будут посещать именно Иркутск. По аналогии, можно предположить, что в обозримом будущем иностранный туристический поток в Камчатскую область при усилении рекламной подготовки может составить около 25 тысяч человек.

Переходя, однако, к выяснению комплексной экономической эффективности этого направления туризма, необходимо с доста-

струменты антимонопольного законодательства. С другой стороны, некоторые экономически более сильные предприятия изыскивают способы закрепления за собой отдельных наиболее привлекательных природных объектов на правах собственности или долгосрочной аренды. Такой подход мог бы обеспечить рациональное использование природных комплексов в туристической деятельности на основе полноценных эколого-экономических обоснований, однако отсутствие правовой базы не гарантирует его эффективности.

К наиболее важным проблемам относятся связанные с количественной и качественной оценкой возможных в перспективе въездных потоков туристов в Камчатскую область. Развитие спортивной охоты и рыболовства ориентировано на социальную группу, по численности весьма ограниченную специфичными интересами и с высоким уровнем материальной обеспеченности. Российский туризм такого вида пока представлен на Камчатке единичными персонами и в качестве базы для развития экономики не рассматривается. Иностранный туризм этого вида на Камчатке в настоящее время по предварительной оценке близок к максимальному уровню допустимой нагрузки на наиболее ценные охотничьи природные ресурсы. Основания для такой оценки дают обострившаяся конкуренция между специализирующимися на этом виде туризма юридическими и физическими лицами и передел участков, пригодных для такого вида туризма. Свидетельства этому сложно найти в официальных документах и статистических материалах вследствие ограничений доступа к коммерческой и бюрократической тайне, но их более чем достаточно в публичных выступлениях на научных конференциях и в средствах массовой информации. Анонимные опросы показывают также, что многоступенчатый и конфиденциальный порядок оплаты услуг по охотничьему туризму позволяет вывести до 80 % оплачиваемых сумм из финансового оборота, совершаемого в регионе и основанного на эксплуатации природных ресурсов региона. Следовательно, вклад этой деятельности в развитие региона требует дополнительной эколого-экономической оценки, соответственно которой должны корректироваться меры по ее регулированию и, тем более, стимулированию.

Важным направлением для Камчатской области может быть обслуживание иностранных туристов, проявляющих интерес к путешествиям по хорошо разрекламированным, модным “нетронутым природным объектам”. Однако, количественные параметры этого потока оцениваются неоднозначно. В обобщенных программах социально-экономического развития Камчатской области, разрабо-

вилось огородничество и молочное животноводство для собственных нужд. Сеть внутрирегионального транспорта и его технические средства оставались неизменными. В целом за период феодального и капиталистического освоения система расселения Камчатки по построению и функциональному содержанию мало изменилась. До 1926 г., от которого можно начать отсчет нового периода — периода социалистического освоения, — система расселения существовала в почти неизменном виде около 200 лет. Плотность населения всей области в 1926 г. составила около 0,04 чел./км²; южной ее зоны — 0,06—0,07 чел./км²; северной — около 0,02 чел./км². Средняя плотность постоянного населенного пункта (без г.Петропавловска-Камчатского) составила менее 100 человек. В г.Петропавловске-Камчатском проживало 1,7 тыс. человек (отчет Камчатского окресткома, 1928 г.). Для начала социалистического периода развития производительных сил в Камчатской области характерны два важных в развитии расселения направления: 1) переориентация с освоения исключительно рыбных ресурсов методами сезонно-экспедиционного промысла на комплексное освоение природных ресурсов региона, начало которому — создание очагов рыбодобывающих и рыбообрабатывающих производств с постоянно функционирующим хозяйством; 2) ускорение перехода коренных народов Севера от разложения первобытнообщинного строя к социализму. Для этого этапа характерны хозяйственные, финансовые, транспортные трудности и в то же время острая государственная потребность в получении скорейшей экономической отдачи от вкладываемых в освоение Камчатки средств. Именно в это время Камчатка давала до 50—70% экспорта всей рыбной продукции СССР.

Создаваемая в этих условиях система производств и расселения представляла децентрализованную, ориентированную, в основном, на внерегиональные морские транспортные связи сеть не связанных между собой рыбодобывающих и обрабатывающих комплексов, расположенных в местах концентрации рыбных ресурсов. Населенные пункты образовывались при каждом из них, в некоторых случаях по 2—3 поселения на один производственный комплекс (Сергеев, 1936). В общей системе расселения намечались населенные пункты с функциональной ролью узловых, базовых для дальнейшего освоения. Перевод кочевого населения к оседлой жизни вылился в образование населенных пунктов, зачастую мелких и неперспективных в развитии, но важных по конъюнктурным социальным соображениям. В итоге количество населенных пунктов со 112 в 1926

г. увеличилось к 1939 году до 571, из которых 225 считались кочевыми. Плотность населения области выросла до 0,26 чел./км²; северной зоны — до 0,08 чел./км²; южной (без г. Петропавловска-Камчатского) — до 0,30 чел./км². Средняя людность постоянного населенного пункта (без коренного населения и г. Петропавловска) составила 191 человек. В г. Петропавловске жило 35,4 тыс. человек [1].

Несмотря на такие разительные изменения в системе расселения, построение ее практически не изменилось. Изменение технической вооруженности рыбного хозяйства не изменило основной принцип хозяйствования — промысел. Внутрирегиональный транспорт за этот короткий период измениться не успел. Многие населенные пункты создавались на морском побережье, которое, особенно западная часть, отличается от более глубинных районов полуострова суровым климатом и ландшафтом и не обеспечивает возможных в регионе комфортных природных условий проживания.

Эта система расселения, создаваемая стремительными темпами в условиях жесткого давления конъюнктурных обстоятельств, не могла быть долговременной, многие ее элементы должны были видоизмениться или отмереть в процессе отбора при изменении общей социально-экономической обстановки в стране, развитии внешнего транспорта, создании региональной инфраструктуры и т.п. Процесс трансформации происходил по общим закономерностям, присущим социалистическому обществу: с укрупнением населенных мест, созданием для населения наиболее комфортных условий проживания, усилением межселенных связей, концентрацией основных и обслуживающих производств в многофункциональных производственно-селитебных образованиях, обеспечивающих большую эффективность производств и лучшие условия для социального развития населения; ликвидацией мелких пунктов, потерявших социально-экономическое значение или не соответствующих изменившимся требованиям и возможностям технических средств, технологий и т.п. На этот закономерный прогрессивный процесс наложилось влияние резкого сокращения производств, основанных на добыче лососевых рыб, запасы которых катастрофически снижаются в 1950-е годы. Действие этого фактора оказалось настолько сильным, что привело к вымиранию больших участков в системе расселения Камчатки, ликвидации нескольких населенных пунктов, имевших население более 1000 человек, обезлюдению отдельных районов.

ное” ликвидирует одно из главнейших завоеваний человечества, позволивших ему стать Обществом из предчеловеческого стада. Это завоевание, зафиксированное заповедями “не убий”, “не укради”, “не обмани” и т.д., состоит в системе самоограничений не правового государственного, а общественного и личного характера, принятых по убеждению, а не по принуждению. Ликвидируя это завоевание, человечеству не следует надеяться на переход к “устойчивому развитию”, который может произойти только путем развития мировоззрения к системе еще больших самоограничений и, в первую очередь, в отношениях к природе.

Проблемы, связанные с организацией туризма на особо охраняемых территориях другого типа, не имеют столь принципиального характера, но не менее остры. Они состоят в отсутствии или несовершенстве правовой базы, регламентирующей режим пользования природными комплексами и взаимоотношений между всеми имеющими отношение к проблеме субъектами: государственными органами разных видов и уровней, органами местного самоуправления, хозяйствующими организациями (в том числе туристическими фирмами), проживающим на этих территориях населением и т.п. В Камчатской области к таким проблемным относятся социально острые обстоятельства, связанные с территориями традиционного природопользования коренных народов Севера, формирование которых в устойчивый институт землепользования и жизнеобеспечения сталкивается с развитием туристической деятельности и горной промышленности. Не менее сложна, хотя и не столь остра социально, проблематика развития туризма в природных парках и санаторно-курортных зонах, правовое, проектное, кадровое, материально-техническое обеспечение которых до последнего времени не сформировалось, хотя разрозненная туристическая деятельность в них мелкими предприятиями становится все более интенсивной. Международное значение имеют проблемы, связанные с развитием деятельности на территориях, включенных в объекты Всемирного природного наследия.

Эти и другие обстоятельства обусловили возникновение в развитии туристической отрасли на Камчатке нескольких противоречивых тенденций. Большое количество туристических организаций, недостаточно подготовленных в экономическом отношении, но обладающих визуальными и эмпирическими данными о туристической привлекательности отдельных (как правило широко известных и относительно легко достижимых) природных объектов, стремятся нескоординированно эксплуатировать эти объекты, используя ин-

Одна из важных связанных с этим проблем – постепенно переходящая из практической в идеологическую и лингвистическую – носит общий для Российской Федерации характер. Заповедники в СССР (в Камчатской области расположены Кроноцкий и Командорский заповедники) создавались с целью полного запрета на их территории хозяйственной деятельности, сохранения природных комплексов в нетронutom человеком состоянии, “невторжения человека” в естественные природные процессы. Эта цель, эта идея находила полное выражение в названии: заповедник, заповедный, то есть неприкосновенный. Как бы ни украшали слово “туризм” прилагательным “экологический”, туризм является одной из форм хозяйственной деятельности, направленной на организацию отдыха людей в природной среде, формой “прикосновения” к природе. Как бы ни ограничивалась эта деятельность в пространстве, времени и способах осуществления, она неизбежно связана с периодическим появлением людей, техники, строительными процессами, пассивным интродуцированием новых видов, растений и т.п. Природные процессы на “прикосновенной” территории теряют характер естественности, а следовательно, нарушается цель и идея заповедности.

Природоохранные органы России в настоящее время явочным и “полуправовым” образом разрешают “экологический туризм” в российских заповедниках, практически объясняя это невозможностью финансировать существование заповедников иным способом, а идейно обеспечивая это лозунгом недопустимости сокрытия от народа красоты природы. Однако, утвердив эти меркантильные и идейные соображения в качестве основы для практической деятельности, природоохранные органы, честные чиновники и ученые обязаны официально исключить цель сохранения и изучения естественных природных процессов из целей государственной деятельности по охране природы. А как “порядочные мужчины с честными намерениями”, обязаны изменить статус “неприкасаемых” территорий с заповедных на другие, менее строгие, исключив слово “заповедание” из определяющих отношение человека к природе там, где ведется хозяйственная деятельность. Продолжение же рекламных кампаний об организации туристических экскурсий в заповедник означает одно из проявлений грубейшего насилия над русским языком. После таких насилий со стороны не следует удивляться, что прикосновенным окажется все, до этого считавшееся неприкосновенным, заповедным, то есть любые виды чести и достоинства, общественные интересы, непорочность, чистота души и тела и т.д. В конечном счете, такое обращение со словом “заповед-

Сокращение запасов лососей ускорило наметившийся в конце 1930-х годов закономерный процесс ориентации на более широкое освоение ресурсов Тихого океана, для которого Камчатка имеет несомненные географические и экономические предпосылки стать опорным районом. Быстрая перестройка рыбного хозяйства на дальний морской и океанический промысел позволила при резких изменениях и даже разрушениях расселенческих структур внутри региона обеспечить в целом по области сохранение темпов роста населения. К 1959 г. плотность населения области выросла до 0,47 чел./км²; северной зоны—до 0,09 чел./км²; южной зоны (без г. Петропавловска) — до 0,64 чел./км². Количество населенных пунктов составило 225 со средней людностью (без г. Петропавловска) в 605 чел. Кочевых населенных пунктов не стало. В г. Петропавловске проживало 85,6 тыс. человек (Народное хозяйство, 1966; Кусков, 1967).

Эволюция системы расселения, связанная с прогрессирующим социально-экономическим развитием и завершением переориентации рыбной промышленности, продолжается до настоящего времени. Главной чертой этого процесса является концентрация населения в г. Петропавловске-Камчатском как основной базе дальнего морского и экспедиционного промысла. В построении же системы расселения в этот период принципиальных изменений не происходит. Сохранившиеся береговые рыбные производства остались привязанными к сырью и морскому транспорту. Развивающаяся сеть автомобильных дорог не только в целом, но и в частностях подчинена тем же особенностям рельефа, что и сеть пешеходных и нартовых связей, и не отличается от них по рисунку. Авиационный транспорт, ставший основным для внутрирегиональных пассажирских связей как наиболее гибкий по возможностям, не сыграл системообразующей роли, подчинившись построению системы расселения. В избирательном процессе исчезновения одних и развития других населенных мест проявилась устойчивая тенденция к концентрации населения в населенных пунктах и зонах, обеспечивающих наиболее комфортные природные условия для проживания.

Таблица 1

Населенные пункты, с численностью населения свыше	Количество поселений					
	Всего за период 1926 – 1970 гг.	На 1970 г.	Из них образованы			
			До 1926 г.		После 1926 г.	
			Всего за период	На 1970 г.	Всего за период	На 1970 г.
5000 чел.	7	7	5	5	2	2
2000 чел.	20	15	11	9	9	6
1000 чел.	43	30	18	17	25	13

Примечание: Использованы данные справочников «Камчатская область. Административно-территориальное деление» за 1970 и 1976 гг.

В процессе бурных хозяйственных и социальных перестроек наиболее живучими оказались населенные пункты, занимающие узловые места в системе расселения, расположенные в наилучших природных условиях и обеспечивающие оптимальное приближение к объектам промысла. Местоположение этих населенных пунктов определилось в процессе длительного исторического отбора, что наиболее наглядно проявляется в развитии поселений с населением свыше 1000 человек, составляющих социально-экономическую основу системы расселения (таблица 1).

В 1970-е годы система расселения Камчатской области стабилизировалась, в ней сформировались локальные групповые системы расселения, такие как Петропавловско-Елизовская, Большерецко-Октябрьская, Усть-Камчатская, Корфо-Тиличикская. Количество населенных мест в 1970 г. составило 121, в 1976 г. — 111. Плотность населения всей области составила в 1970 г. 0,62 чел./км² (в 1976 г. — около 0,75 чел./км²); северной зоны — 0,10 чел./км²; южной зоны (без г. Петропавловска-Камчатского) — 0,60 чел./км². Средняя людность населенного пункта в 1970 г. (без г. Петропавловска-Камчатского) составила 1105 чел.; в г. Петропавловске проживало 154 тыс. чел. (Народное хозяйство, 1971 и 1976 гг.).

Развитие системы расселения Камчатской области за период, охватывающий почти 300 лет, позволяет сделать вывод, что начертание системы расселения проявило историческую устойчивость. Население концентрировалось в основном в южной зоне, в полосе лесов, на берегах и в устьях рек, т. е. в зависимости от приведенных в начале статьи факторов (рис. 1, 2). Опираясь на эти зависимости, можно высказать ряд предположений о характере развития системы расселения в Камчатской области в перспективе.

До 2000 года не предполагается значительных изменений в характере развития производительных сил Камчатки. Не изменятся ни вид осваиваемого ресурса, ни промысловый метод его освоения, ни основные виды и направления транспортных связей. Следовательно, принципиальных изменений в построении системы расселения за это время ожидать не следует. Деформации в системе расселения могут проявиться только с развитием горнопромышленных производств, и размер деформаций будет зависеть от масштабов и мест размещения предприятий.

гические данные о видовой структуре и динамике туристической деятельности; социальная и половозрастная структура, платежеспособность, страны происхождения, другие характеристики туристического потока. Без этих данных невозможно определить не только общие объемные показатели необходимой общей и специфичной инфраструктуры, такие, как количество мест в стационарных зданиях, их территориальное размещение, пропускная способность транспорта и т.п. Невозможно определить и более тонкие, но не менее важные показатели качества инфраструктуры, такие как уровень и стоимость обслуживания, сезонные колебания интенсивности ее использования, учет национальных и психофизиологических особенностей туристов. Невозможно в долгосрочном, региональном отношении ориентировать развитие количественных и качественных показателей кадрового потенциала отрасли, его связь с трудовыми ресурсами и т.п.

В настоящее время названная неопределенность научной экологической и социально-экономической обоснованности развития туризма на Камчатке, а вследствие этого и недостаточной его правовой обеспеченности, уже приводит к проявлениям негативных тенденций. Недостаточно регулируемая “спортивная трофейная” охота на медведей зачастую приобретает формы осуждаемого “охотничьей общественностью” и правовым образом запрещенного отстрела животных с использованием снегоходной и вертолетной техники. Селективный и гарантируемый отстрел наиболее крупных особей, как показали выборочные исследования, может привести к изменению популяционных характеристик промысловых сообществ камчатских медведей, их измельчению, а следовательно и к снижению туристической привлекательности этого природного ресурса. Интенсификация “экстремальных” видов туризма привела к человеческим жертвам и выявила недостаточную правовую, техническую, экономическую, кадровую подготовку туристической сферы к таким видам деятельности.

Не находит рационального решения комплекс проблем, связанных с организацией туристической деятельности на особо охраняемых территориях Камчатской области. Одна из главных особенностей туризма на Камчатке состоит в том, что природно-ресурсные объекты, составляющие основу туризма, относятся к разрядам уникальных, особо ценных, редких природных объектов, вследствие чего нуждаются в режиме особой охраны. Значительная часть этих объектов уже отнесена к особо охраняемым территориям разного типа, занимающим около 1/3 площади Камчатской области.

са, природно-туристской зоны, региона в целом. Невозможно определить такие ограничивающие развитие туризма критерии, как уязвимость, устойчивость, восстановительная способность, рекреационная емкость и другие важные характеристики экологических систем.

С другой стороны, отсутствие научно выверенных данных о некоторых исходных факторах формирования мирового и российского туризма, в рамках которого могут формироваться туристические потоки, ориентированные на Камчатку, оставляет любые разработки о развитии “въездного” туризма на Камчатку в стадии предположений, не позволяя составить даже обоснованный бизнес-план отдельных предприятий, а тем более – региональную программу развития отрасли.

В самом деле, ориентация на привлечение количества туристов, близкого к около 1 млн. человек, посещающему за год Аляску, могла бы быть конструктивна только при наличии данных не только об источниках и структуре этого потока. Необходимы достаточно точные сведения и о методах привлечения такого количества туристов. Привлечены они на Аляску, конечно же не инфраструктурой, являющейся только условием туризма, но не фактором возникновения потребности получать туристические услуги именно в этом месте. Нужны знания о причинах колебания масштабов этого потока в пределах 0,9 – 1,2 млн. чел., видовой и иной структуре этих колебаний, источниках платежеспособного спроса и т.п.

Ориентации при формировании массового въездного российского туризма в Сибирь, на Дальний Восток и Камчатку будут в определенной мере зависеть не только от рекламы отдельных объектов и развития инфраструктуры, но в большей степени от стоимости проезда и структуры платежеспособного спроса. И этот фактор может существенно деформировать вышеприведенную ориентацию, если учесть, что в туристическом потоке, посещающем Аляску, по косвенным данным, значительно более половины составляют граждане других штатов США, большая часть которых являются пенсионерами (необходимо пояснить, что это означает льготы по оплате “трэйвила”, т.е. билетов).

Таким образом, можно констатировать, что без предварительной экономической и социальной фундаментальной оценки невозможно установить факторы, необходимые для планирования развития туристической деятельности на Камчатке, а уж тем более для планирования в условиях частной капиталистической экономики. К таким факторам относятся: масштабы, формы, сезонные колебания и дру-

Продолжится концентрация населения, укрупнение поселений и объединение их в локальные групповые системы расселения, обеспечивающие наибольшую эффективность производств и удобство межселенных связей. Продолжится также и концентрация населения в южной зоне полуострова и особенно в Петропавловско-Елизовском производственно-селитебном узле.

Развивая в перспективе автотранспортные связи вдоль западного и восточного побережий, необходимо учитывать исторический опыт освоения трассы дорог и места размещения основных масс населения следует выбирать в районах с наиболее благоприятными природными условиями, в зоне лесов.

В настоящей статье рассмотрено развитие только пространственного построения системы расселения. Социально-экономическое содержание, масштаб и роль заполняющих ее структур представляют самостоятельные предметы рассмотрения, анализ которых, в совокупности с вышеприведенным, позволит комплексно оценить развитие системы расселения на Камчатке в целом.

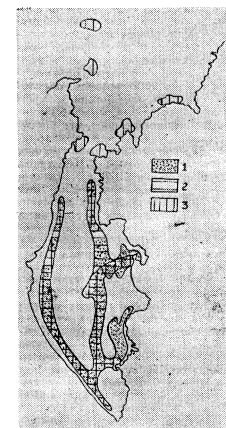

Рис. 1. Схема развития зон расселения на Камчатке в XVII – XX вв. Основные зоны постоянного (оседлого) расселения:
1 – XVII – середина XVIII в.;
2 – XIX – начало XX в.;
3 – 1930-е – 1970-е гг.

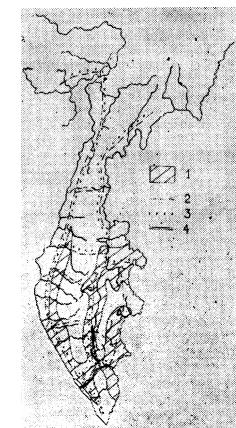

Рис. 2. Схема размещения факторов расселения. Основные обозначения:
1 – зона лесов;
2, 3, 4 – основные направления сухопутных транспортных связей:
2 – тропы XVII – XVIII вв.;
3 – тропы XIX в.;
4 – шоссе, 1970-е гг.

Библиография.

1. Административное деление районов в 1939 г. Камчатский областной архив, ф. 169, оп. 1, е. х. 6.
2. Гурвич, И. С. Этническая история Северо-востока Сибири. М., «Наука», 1966.
3. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., АН СССР, 1969.
4. Дитмар, К. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901.
5. Камчатская область. Административно-территориальное деление. Петропавловск-Камчатский, 1970.
6. Камчатская область. Административно-территориальное деление. Петропавловск-Камчатский, 1976.
7. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки. М.-Л., Главсевморпуть, 1949.
8. Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.
9. Народное хозяйство Камчатской области. Хабаровск, «Статистика», 1966.
10. Народное хозяйство Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1971.
11. Народное хозяйство Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1976.
12. Отчет Камчатского окрревкома 1-му Камчатскому окружному съезду Советов. Петропавловск-Камчатский, 1928.
13. Сергеев, М. А. Нар. хозяйство Камчатского края. М.-Л., АН СССР, 1936.

*Вопросы географии Камчатки. –
Петропавловск-Камчатский. 1982.*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СЕЛИТЕБНЫХ РЕСУРСОВ В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ НОВОГО ОСВОЕНИЯ

Одна из главных и в настоящее время недостаточно разработанных проблем освоения новых районов Севера — формирование постоянного населения и связанное с ней выявление территорий с пригодными для постоянного проживания природными условиями, т. е. выявление территориальных селитебных ресурсов.

Для достижения поставленной цели первостепенное значение имеет выбор критериев оценки территориальных ресурсов, особен-

но-ресурсному потенциалу с Аляской, находящейся в сопоставимых основных природных и социально-экономических условиях. На этом основании сформировался столь же распространенный вывод о возможности развития на Камчатке аналогичной с Аляской видовой структуры туристической деятельности. Распространены также надежды на достижение в относительно близком будущем тех же основных экономических параметров туристской деятельности: численность “въездных” туристов около 1 млн. чел. в год; объем продаж товаров и услуг, связанных с туризмом, более 1 млрд. долларов США [1]. На основании этих выводов и надежд сформулировано и распространенное мнение о том, что главным препятствием развития туризма на Камчатке является отсутствие соответствующей надеждам общей и специфично туристской инфраструктуры, а главным условием развития туризма – инвестиции в создание такой инфраструктуры. Недостаточность вышеприведенной цепочки логических построений для практических действий обусловлена тем, что эти построения не дают оснований для определения ни укрупненных, ни конкретных качественных и количественных параметров развития туристической отрасли в рамках социально-экономического комплекса Камчатской области, а также для разработки и реализации крупных инвестиционных проектов.

Разрозненные данные об отдельных компонентах природной среды, даже относительно полно изученных, не могут быть основой для выводов о возможности их использования в качестве рекреационных ресурсов. Объектом использования в таком качестве являются не отдельные компоненты природы, а экологические системы, ландшафты, природные комплексы. В связи с этим и возможности их использования должны оцениваться только на теоретической и методологической основе учений об экологических, биоэкономических, биосоциальных системах; на методических положениях комплексного, системного анализа.

При отсутствии зонирования территорий и акваторий региона на макро, мезо и микроуровнях; по типам ландшафтов; по основным особенностям функционирования экологических систем; по характеру совокупностей видов природных ресурсов можно определенно судить только об индивидуальной, для одного человека, или групповой, для небольшой группы людей визуальной привлекательности того или иного вида ресурса. Но по ним невозможно конструктивно, то есть достаточно конкретно в количественном и качественном отношении определить масштабы туристской деятельности на отдельном туристском объекте, в пределах природного комплек-

достаточное содержание понятий “допустимая антропогенная нагрузка”, “сохранение биоразнообразия”, “экономический ущерб” и т.д.; не выработаны общепринятые основания для классификации и систематизации рекреационных природных и социально-экономических характеристик; отсутствует база для комплексной экологической и социально-экономической оценки совокупного природно-ресурсного потенциала туризма и его отдельных компонентов; не сформировались адекватные целям “устойчивого развития” подходы к определению характера и последствий воздействия отдельных видов и сочетаний видов туризма на природные комплексы [2, 4, 7, 14]. Не выработаны подходы к оценке развития туризма в отдельных регионах, как части мирового рынка туристических услуг, дифференцированного в видовом, территориальном и иных отношениях [3,15]. В частности, не определены условия для выявления роли и места “камчатского” туризма в туристической деятельности, формирующейся во всех близких по природным условиям районы Земного шара, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке [9]. Не разработаны подходы к учету особенностей рыночной экономики, формирующейся в условиях российского капитализма начала XXI века [4].

В качестве примера рассмотрим некоторые связанные с этим вопросы. Сравнительная оценка отдельных видов природных ресурсов туризма в Камчатской области, многие из которых относительно полно изучены, казалось бы, не должна представлять сложной задачи. Гидрологическими исследованиями выявлены, описаны, классифицированы и систематизированы более 250 групп горячих и холодных минерализованных вод с определением их физических, химических, бальнеологических характеристик. По специальным спортивным классификаторам описаны и категорированы альпинистские и туристские маршруты высокой степени сложности. Классифицированы горнолыжные трассы. Эмпирическим путем выявлены маршруты и места стационарного отдыха для пешего и моторизованного туризма в рекреационно привлекательных природных комплексах с эстетически выразительными ландшафтами. Фаунистическими (териологическими, ихтиологическими, орнитологическими и т.д.) исследованиями изучаются природные объекты, могущие служить природно-ресурсной базой для спортивной охоты и рыболовства по принципам “поймал-отпустил”, “трофейная охота”, “фотоохота” и т.п. [11].

Первичные обобщения этих данных обусловили широко распространенный вывод о сходстве Камчатки по рекреационному при-

но для районов, недостаточно изученных и освоенных, расположенных в специфических северных условиях. Одним из критериев (назовем его экологическим) может служить распространение на территории леса определенного типа.

Ю. Одум утверждает, что «так как жизненная форма растительности, с одной стороны, отражает основные черты климата, а с другой — определяет структуру местообитания животных, то ее можно принять за разумную основу для естественной экологической классификации» [Одум, 1975, с. 489]. Выделяя крупные классы биотических сообществ — биомы, образованные взаимодействием «регионального климата с региональной биотой и субстратом» [там же], он отмечает особую роль биомов листопадных лесов умеренной зоны, которые «представляют собой наиболее важные биотические области мира, так как именно в этих районах цивилизация достигла наибольшего расцвета» [там же, с. 497]. Оценивая леса как звено биосферы, В. Л. Горовой отмечает, что они «представляют собой синтез, своего рода зеркало взаимодействия самых различных составных частей географической оболочки Земли. Как бы впитывая в себя и переваривая воздействие климата, рельефа, вод, почв, животных и человека, зеленые массивы сами образуют окружающую среду, создают благоприятную обстановку для жизни и деятельности людей» [Горовой, 1973, с. 110]. Аналогичные соображения высказывают и другие советские исследователи [Рябчиков, 1972].

Вторым критерием (назовем его историческим) может быть наличие территорий, где в историческом прошлом существовали устойчивые зоны расселения постоянного оседлого населения достаточно высокой численности и плотности.

Применяя названные критерии, попытаемся оценить территориальные селитебные ресурсы Камчатской области. Необходимые материалы для этого имеются. Так, при выявлении природных районов Камчатской области ведущим признаком принята растительность, поскольку ее изменение «хорошо отражает изменение характерных черт комплекса различных физико-географических компонентов» [Природные условия..., 1963, с. 10]. В результате геоботанических исследований и работ по выявлению лесных ресурсов Камчатки установлены границы и площади территорий, покрытых лесами различных типов, и проведено их картирование. Таким образом, выявление и картографическая оценка зон, пригодных для постоянного проживания по природным условиям, становится задачей, практически осуществимой и относительно легко контроли-

руемой путем визуального обследования на месте. Общая площадь суши Камчатской области 45042 тыс. га, площадь, покрытая лесом, составляет 18738,9 тыс. га [Леса Дальнего Востока, 1969], т. е. 41,5% территории, что выглядит достаточно внушительно. Однако, если исключить кустарники (в основном горные стланики), площадь лесов составит 7877 тыс. га, из них каменноберезовых — 6330 тыс. га (по другим данным 5602,2 тыс.га) [Север Дальнего Востока, 1970]. Остальные леса относятся к елово-лиственным и белоберезовым. Территории, занятые каменноберезовым лесом, дифференцируются в основном в зависимости от высоты над уровнем моря. Наиболее пригодными для проживания могут считаться частично зоны травяных березняков, самых продуктивных, размещенных в среднегорье, и высокотравных «на склонах нижней части гор и горных шлейфов, а также в местообитаниях, открытых морским ветрам» [Леса Дальнего Востока, 1969, с. 225], на их долю по предварительной оценке приходится около 1/3—1/2 всей площади каменноберезовых лесов. Зоны низкотравных каменноберезняков, занимающих местообитания на вертикальном пределе распространения растительности (до высот 500-600 м над ур. м. на побережье и 800-1000 м — в центральной части полуострова), не могут считаться пригодными для постоянного проживания [там же, с. 225].

Таким образом, в Камчатской области территории, близкие по природным условиям к географической зоне смешанных умеренных лесов европейской части СССР, составляют 5—6% общей площади, а если к ним отнести территории, покрытые елово-лиственными и белоберезовыми лесами, — не более 10%. Они вытянуты в меридиональном направлении тремя узкими полосами, разделенными горными массивами, в южной половине п-ова Камчатка: одна — по восточному побережью, в предгорьях и речных долинах Восточного и Ключевского вулканических округов, от Авачинской бухты до района севернее устья р. Камчатки; вторая — по долинам р. Камчатки и ее притоков в Центральной Камчатской депрессии; третья — вдоль западного побережья, в 20—60 км от него, в предгорьях Срединного хребта примерно до р. Тигиль.

Эти территории рассматриваются как одна зона, границы которой можно определить на карте по данным о типе растительности и высоте над уровнем моря. Безусловно, в ее пределах есть территории с разной степенью пригодности для проживания по таким условиям, как крутизна склонов, защищенность от резко дискомфортных ветров, количество осадков и т.п.; они могут быть учтены на следующих уровнях оценки территориальных селитебных ресурсов.

жимых редких по рекреационным качествам, а иногда уникальных природных комплексов. Они служат основой для развития оцениваемых как наиболее перспективные и наиболее быстро развивающиеся в настоящее время видов спортивного, эстетико-познавательного, “экологического” туризма и, конечно же, подвергаются усиливающемуся деструктивному антропогенному прессу. При этом деградация или необратимое разрушение экологических систем противоречит не только региональной, государственной и глобальной стратегиям “устойчивого развития” и “сохранения биоразнообразия”. При этом снижается и потребительская ценность природных ресурсов туризма, их привлекательность. А это нерационально экономически не только при долгосрочных региональных и общепромышленных оценках, но и при определении перспектив существования отдельных предприятий. Спонтанность развития неизбежно приводит к диспропорциям видового, межотраслевого, территориального, инфраструктурного характера; к возникновению конъюнктурно ориентированных, но стратегически ошибочных капиталоемких ориентаций.

В конечном счете нерегулируемая туристическая деятельность может оказаться только на некоторое время экономически рентабельной на уровне отдельных предприятий, но экологически нерациональной, экономически и социально неэффективной на региональном уровне, в особенности в среднесрочном и долгосрочном отношении.

* * *

Комплексная оценка возможностей развития туризма на Камчатке является проблемой, сложной в теоретическом, методологическом и методическом отношении. Отсутствие апробированных, соответствующих задачам такой оценки методик представляет собой затруднение скорее технического и финансового характера. Оно может быть преодолено путем проведения затратных комплексных научно-исследовательских работ при подготовке решений по каждому отдельному объекту. Менее легко преодолимы теоретические и методологические затруднения в исследованиях и практических решениях проблематики рекреаций, которые ориентированы на использование в основном природных ресурсов в разнообразных природных и социально-экономических условиях.

Для такого рода исследований пока не выработан общепринятый понятийный аппарат. В частности, применяются множественные толкования введенного специально для этого типа рекреаций понятия “экологический туризм”; не определено исчерпывающее и

В разработках, анализирующих перспективы социально-экономического развития Камчатской области, рекреационная деятельность, в первую очередь туристическая, определяется как одна из отраслей хозяйства, могущих крупномасштабно участвовать в межрегиональном и международном разделении труда, стать отраслью экономической специализации Камчатки [10, 16, 17]. В этом качестве туризм может дополнить основную районообразующую отрасль – рыбное хозяйство; придать экономической устойчивость региональному хозяйственному комплексу; создавать 10 – 20 % валового регионального продукта. С целью “создания условия для развития современной высокоэффективной и конкурентоспособной туристской индустрии на территории Камчатской области” [18] в 2002 году утверждена областная государственная целевая Программа “Развитие туризма на Камчатке в 2002 – 2010 годы”. Она содержит описание состояния туристической отрасли в Камчатской области и обобщение не обеспеченных финансированием предложений по созданию отдельными предприятиями отдельных объектов и формированию видовой структуры туризма.

Важность роли туризма в перспективе и быстрое его развитие в настоящее время придали чрезвычайную актуальность назревшей и ранее, но нерешенной и видоизменившейся в новых экономических условиях проблеме комплексной оценки возможностей развития туризма в Камчатской области.

По некоторым объективным предпосылкам туризм на Камчатке имеет перспективы развиваться в долговременно функционирующий межотраслевой комплекс, сложный по ресурсной базе, пространственной, видовой, отраслевой структуре. Но для реализации этой возможности необходим полный учет всех объективных и субъективных предпосылок и ограничений. Спонтанное, нескоординированное, быстрое развитие отдельных предприятий; строительство новых объектов и формирование туристических потоков в динамично трансформирующихся условиях российского капитализма начала XXI века приведут не только к позитивно оцениваемым ожидаемым экономическим показателям деятельности этих предприятий. Проявятся обязательные при нерегулируемом развитии сложных систем негативные последствия: прямые и косвенные, среднесрочные и долгосрочные, экологические и социально-экономические, в первую очередь на уровне региона и отрасли в целом.

Без координации разрозненных действий неизбежно экологически нерациональное использование наиболее транспортно дости-

Однако на уровне оценки, который мы назвали мезоуровнем, можно утверждать, что по экологическому критерию юг Камчатской области располагает территориальными селитебными ресурсами для формирования постоянного населения. Известны границы, в которых эти ресурсы могут быть уточнены, дифференцированы и зарезервированы.

Применение второго критерия — анализа истории заселения Камчатки — подтверждает наличие и размещение селитебных ресурсов для формирования постоянного населения. К началу колониационного периода в южной половине п-ова Камчатка оседло проживали ительмены с численностью до 50 тыс. чел. и плотностью населения до 0,3 чел/км² [Гурвич, 1966]. Такое расселение резко отличается от плотности населения в лесных, лесо-тундровых и тундровых районах Сибири и Дальнего Востока, отнесенных к районам Севера, где аборигены вели в основном кочевую жизнь. Так, плотность населения коряков — соседей ительменов — на п-ове Камчатка и прилегающей материковой части в начале XVIII в. составляла в Корякском автономном округе 0,04—0,06 чел/км², коренного населения Эвенкийского автономного округа — около 0,01, Якутской АССР — менее 0,1 чел/км².

В сравнении с Севером европейской части России, зоной равнинной, заселенной и освоенной давно, где плотность населения, находящегося на более высокой стадии общественного развития, составляла в конце XVII — начале XVIII в. 0,47 чел/км² [Дулов, 1979], плотность населения на Камчатке в доколониационный период может считаться достаточно высокой. В XVIII—XIX вв. численность ительменов сократилась до 1 тыс. чел., а система расселения разрушилась, не оставив почти никаких материальных следов. Тем не менее восстановление по историческим документам системы расселения ительменов показывает, что она была строго приурочена к зоне лесов на высотах до 150 м над уровнем моря. Система расселения русского населения в дореволюционный период и в особенности после революции сохранила тенденции к концентрации населения в зоне лесов южной половины п-ова Камчатка.

В результате исследований установлено, что 5—10% территории области в целом пригодно для проживания населения. В ее пределах и надо вести поиск земель, наилучших по природным условиям для решения важнейшей общественной задачи — формирования постоянного населения; их площадь должна быть относительно небольшой — около 0,1% площади земель суши.

Информацию о размещении земель, пригодных для проживания,

можно широко использовать также при решении других проблем хозяйственного освоения территории. Дело в том, что эти 5—10% территории считаются по тем же условиям и наиболее пригодными (даже единственно пригодными) для активного земледелия в открытом грунте, развития животноводства. Здесь также концентрируются ресурсы, позволяющие ожидать значительного развития рекреационного и частично заповедного использования. Наконец, в этой зоне расположены реки (часть русел или полностью), в которых проходят и нерестятся камчатские стада лососей, наиболее продуктивные в мире. Поэтому естественны и определяющи для нее интересы рыбного хозяйства по созданию условий, обеспечивающих сохранение и повышение этой продуктивности. Такое сосредоточение интересов в зоне лесов Камчатки позволяет ставить вопрос о необходимости особенно осторожного к ней отношения, поскольку все виды ее освоения связаны со сходными по сложности комплексами природных условий.

Камчатская область осваивается относительно недавно, возможности ее социально-экономического развития велики, не тронутых активным целенаправленным использованием территорий еще много. Тем не менее, в наиболее освоенной ее зоне, где развивается Петропавловско-Елизовская групповая система расселения, уже сложились устойчивые конфликтные ситуации в сфере землепользования, разрешающиеся или изъятием сельскохозяйственных земель, или размещением новых объектов в невыгодных градостроительных, транспортных, экономических и других условиях, что нерационально с точки зрения экономии общественного труда.

Представляется, что своевременный анализ территориальных ресурсов Камчатки, определение приоритетов их использования по видам деятельности на основе стратегической долговременной концепции развития позволили бы создать рациональную систему землепользования в формирующемся народнохозяйственном комплексе, обеспечивающую гармоничное социально-экономическое развитие Камчатской области, и, в первую очередь, рационализировать использование зоны, пригодной для селитебного освоения.

Библиография.

1. Горовой, В.Л. Лесные ресурсы СССР.— В кн.: География СССР. Т. 9. М., 1973, с. 103-119.
2. Гурвич, И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., Наука, 1966.
3. Дулов, А. В. Человек и природа в России XVIII — первой половины XIX вв.— Природа, 1979, № 11, с. 82—94.

охотничий лагерь, 53 охотничьих домика, 9 оборудованных стоянок [18].

Для обслуживания менее “элитных” и более массовых туристических потоков, в том числе внутрирегиональных, оборудуются сооружения в некоторых из наиболее привлекательных природных комплексов: “Долина Гейзеров”, долины рек Налычева, Жупанова, Опала; на озере Курильском; на Ходуткинских, Малкинских, Пущинских, Тимоновских, Тумрокских горячих источниках [18].

Таблица 3

Объем туристических услуг в валовом региональном продукте Камчатской области в % [рассчитано по 5, 6, 18]

Наименование показателя	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Туристическо-экскурсионные услуги	0,20	0,18	0,15	0,17	0,77	0,68
Санаторно-оздоровительные услуги	0,27	0,25	0,18	0,17	0,29	0,35

Динамика количественных показателей развития туризма и формирования его инфраструктуры проявилась и в возрастании доли туристических услуг в валовом региональном продукте Камчатской области, в 2000 и 2001 гг. (таб. 3). В то же время, различия в темпах роста численности получивших услуги туристов и объемов платных услуг туристом позволяют предположить, что связь между этими показателями зависит от сложной системы факторов, без раскрытия которых невозможно оценить закономерности формирования эффективности в отрасли (таб. 4).

Таблица 4

Темпы роста численности туристов и объема туристско-экскурсионных услуг в Камчатской области в % к предыдущему году [по 18]

Наименование показателя	1997	1998	1999	2000	2001
Численность туристов	109	114	107	135	260
в т.ч. иностранных	164	103	110	131	110
Объем туристско-экскурсионных услуг	93	120	147	560	103

Это обстоятельство оказало влияние и на развитие сопутствующих отраслей хозяйства: производство сувениров, рекламное обеспечение, аэродромное и навигационное обслуживание и т.п.

Во второй половине 1990-х годов организуется туризм из Японии на основе регулярных чартерных авиационных сообщений: с 1997 года обслужено более 20 таких рейсов. Посещение Камчатки, в том числе г. Петропавловска-Камчатского, включено в программы международного круизного туризма. Проведено оформление и обслуживание более 30 заходов иностранных морских круизных судов. Восстанавливаются качественно и структурно измененные организационные, материальные и другие сферы туризма. Проявляются тенденции роста, а в 2000-2001 году резкого увеличения численности туристов, получивших обслуживание в Камчатской области [18].

Таблица 2

Численность зарегистрированных туристов в Камчатской области (чел.) [18]

Наименование показателя	Г О Д Ы					
	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Въездной и внутрирегиональный туризм	6479	7042	8060	8700	11717	30398
в т.ч. иностранный туризм	2392	3967	4067	4500	6820	7464

Под воздействием этих факторов произошли преобразования качественных и количественных характеристик туристической деятельности в Камчатской области, еще не нашедшие отражения в официальной статистике.

В 2002 году на Камчатке действовало более 100 туристических фирм. Реконструированы ранее действовавшие и созданы новые гостиницы, сертифицированные как 2-3-х звездные, общей вместимостью около 800 мест. В г. Петропавловске-Камчатском функционируют более 15 ресторанов достаточно высокого класса, а также более 30 увеселительных заведений: ночных клубов и баров, дискотек, казино и др. Для обслуживания туристов, обеспечивающих высокую доходность - в основном, иностранных охотников и рыболовов, отечественных представителей "бизнес-элиты" и представителей государственных органов высокого уровня - создана инфраструктура "элитного приобщения к нетронутой природе". Построены 17 туристских баз-кемпингов, 15 приютов, 21 стационарный

4. Леса Дальнего Востока. М., Лесная промышленность, 1969.
5. Одум, Ю. Основы экологии. М., Мир, 1975. 756 с.
6. Природные условия и районирование Камчатской области. М., Изд-во АН СССР, 1963. 161 с.
7. Рябчиков, А. М. Структура и динамика геосферы, ее естественное развитие и изменение человеком. М., Мысль, 1972. 222 с.
8. Север Дальнего Востока. М., Наука, 1970. 488 с.

География и природные ресурсы. 1980. - № 4.

ВЛИЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПРИМОРСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ КАМЧАТКИ

Специфика социально-экономических условий хозяйственного развития Камчатки в конце 1970-х гг. обусловлена следующим.

Камчатская область размещена на Северо-Востоке дальневосточной зоны Азии, вытянута в меридиональном направлении от 51° до 65° с. ш., площадь ее территории – 427,3 тыс. квадратных километров. В целом для области характерен климат "с очень холодной, продолжительной, многоснежной зимой и вегетационным периодом, недостаточно обеспеченным теплом, с летними заморозками и неравномерным увлажнением. Лишь отдельными островами выделяются небольшие межгорные пространства с относительно благоприятным климатом" [1, с. 102].

На территории области развиты вулканические проявления, что в совокупности с горным рельефом и обилием осадков придает своеобразие «северному характеру региона, обуславливает сложность проблем развития промышленности, формирования населения и трудовых ресурсов, создания материальной среды производства и жизнедеятельности [2].

Из природных ресурсов области были наиболее исследованы, давно осваивались и имели общесоюзное значение биологические ресурсы прилегающих акваторий Тихого океана и внутренних водоемов. Из них наиболее уникальными считались лососи, продуктивность которых в реках Камчатки являлась исключительно высокой, а также камчатские крабы, каланы, котики.

Полезные ископаемые были представлены рассыпным и рудным золотом, ртутью, полиметаллическими рудами. Велись поисково-разведочные работы по обнаружению запасов нефти и газа, были найдены уголь, сера, перлит, полудрагоценные камни. Имелись большие нетрадиционные энергетические ресурсы (геотермальные,

энергия приливов и т.п.). Широкое вовлечение этих ресурсов в оборот могло стать возможным с ростом их изученности и возникновением экономических условий освоения.

На развитие хозяйства Камчатской области большое влияние оказывало ее географическое положение как наиболее выдвинутой в Тихий океан части суши СССР. К ее побережью примыкала наибольшая часть шельфовой зоны Советского Союза. По прогнозам, при сохранении на высоком уровне биотической продуктивности этой зоны доля добываемой здесь рыбы могла составить до 70 % от всей добываемой в стране, что могло обеспечить стабильно высокий вклад в общенародную продовольственную программу.

Петропавловская гавань – самый северный на Тихом океане крупный круглогодичный порт СССР – могла играть роль базовой для трансарктических и трансокеанских морских перевозок. Такое сочетание природно-экономических факторов, обуславливающее морскую и океаническую специализацию районообразующих отраслей промышленности и внешних транспортных связей хозяйственного комплекса Камчатки, придавало ему в целом «приморскую» ориентацию, проявляющуюся во все периоды его развития.

До колонизации Российской империей в конце XVII в. Камчатка была относительно плотно заселена народностями, находившимися на стадии разложения первобытно-общинного строя, занимавшимися рыболовством, охотой, оленеводством, ведшим на юге оседлый, на севере – кочевой образ жизни.

В XVIII в. Камчатка за счет выгодного географического положения стала опорным пунктом для освоения Российско-Американской компанией Алеутских островов и Аляски. Долгое время Петропавловск-Камчатский был единственным портом европейских государств в этом районе Тихого океана и служил базой для отстоя и ремонта судов их морских экспедиций. Это было причиной относительно интенсивного освоения Камчатки до середины XIX в. После поражения Российской империи в Крымской войне 1854 – 1855 гг., продажи Аляски, открытия иных портов в бассейне тихого океана значение Камчатки упало.

Промышленное освоение природных ресурсов Камчатки началось в конце XIX в. с капиталистического промысла лососей, характеризовавшегося сезонной экспедиционной организацией производства, базировавшегося на материковой зоне России и Японии, и привлечением на концессионных началах японского капитала, быстро опередившего русские частнокапиталистические компании. Еще в 1926 г. 82,2 % рыбы добывалось японскими промышленни-

Количество гостиниц	12	59	50	27	27
в них мест	371	4193	2515	1395	1364
в том числе в сельской местности	-	29	25	14	14
в них мест	-	686	432	284	285
Предоставлено за год тыс. койко-суток	-	735	246,7	92	90,9
в том числе в сельской местности	-	110,7	24,9	8,2	8,3

Только часть этого потока может быть отнесена к классическому туризму как одной из форм активного отдыха. В отчетах в качестве туристов фиксируются все иностранцы, пользовавшиеся услугами туристических фирм, в том числе и только при оформлении виз, расселении в гостиницах, транспортном обслуживании и т.п., без представления специфических туристических услуг. Официальная отчетность неизбежно отражает эту особенность.

Система общей и специфичной туристической инфраструктуры, организационное и кадровое обеспечение туристической деятельности, до 1990 года ориентированные на обслуживание отечественных туристов “со скромным достатком” в характерной для того времени видовой структуре туризма, оказались не подготовленными к обслуживанию иностранных туристов. Низкими оказались не только традиционно отмечаемые уровень комфортности проживания в населенных пунктах и вне их, надежность и удобство транспорта и т.п., но и общая и специальная культура обслуживания, которые могут быть дифференцированы в соответствии со структурой туристических потоков (уровень сервиса, информационное обеспечение, услуги по переводу, учет национальных особенностей туристов и т.п.).

В то же время. обслуживание иностранцев с определенными интересами и платежеспособностью на какой-то период становится единственным финансово устойчивым направлением развития туризма в Камчатской области. Это стимулировало инвестиции и характер преобразований в развитии гостиничного хозяйства, вертолетного и автомобильного парка, туристических и прокатных фирм, предприятий общественного питания, обеспечения безопасности, обустройства туристических объектов в незаселенных местностях.

во предоставляемых за год койко-суток в гостиничной сети снизилось за 1990 – 2001 годы с 735 тысяч койко-суток (110,7 – в сельской местности) до 90,9 (8,3 соответственно), т.е. в 8 и 13 раз [5,6].

Численность учитываемых внерегиональных “союзных”, а затем российских “въездных” туристов сократилась за 1990-1993 годы с 30 до 2 тыс.чел. [18].

В период 1990-1993 годы, после отмены пограничных ограничений на въезд в Камчатскую область, стал формироваться въездной поток иностранцев, дифференцированный по характеру интересов, длительности пребывания, платежеспособности. Основные направления в этом потоке обобщенно могут быть определены следующим образом:

- спортивная охота и рыболовство;
- делегации представителей государственных, коммерческих и общественных организаций (так называемый “административный” или “конгрессный” туризм);
- поездки ученых в рамках “научных” обменов;
- познавательный туризм по экзотическим природным комплексам.

Таблица 1

Динамика системы, обслуживающей туристические потоки в Камчатской области [по материалам 5, 6]

Объекты туризма	1960 г.	1990 г.	1995 г.	1999 г.	2001 г.
Число санаториев	1	2	2	2	-
в них коек	50	471	230	200	-
Число санаториев и пансионатов	-	2	2	3	3
в них коек	-	471	230	268	338
Базы отдыха	-	-	5	8	7
в них мест	-	-	238	226	156
Число туристических баз	-	1	1	-	-
в них мест	-	592	177	-	-
Число загородных оздоровительных лагерей	32	15	9	10	13
в них отдохнуло детей, чел.	6436	9084	6137	6327	6858

ками; 2,2 % - населением для собственных нужд; 15,6 % - русскими промышленниками и предприятиями государственного и кооперативного лова [3, с 53]. Экономического развития Камчатка в этот период практически не получила.

Интенсивное социалистическое промышленное освоение началось в 1927 г. с учреждением АКО, решавшим задачи освоения всех природных ресурсов, ликвидации сезонности хозяйственной деятельности, комплексного развития производительных сил, укрепления советского строя в Охотско-Камчатском крае [4, 5]. Реализация этих задач выразилась в быстром росте численности населения и постоянных рабочих; ориентации на рыбную промышленность как на отрасль специализации; создании рыбодобывающего и транспортно-флота, строительстве рыбокомбинатов, жестянобаночной фабрики, судоремонтных предприятий; развитии обслуживающих производств: лесного хозяйства, строительства, энергетики, транспорта, сельского хозяйства; создании социальной инфраструктуры, социально-экономическом перерождении коренного населения.

С 1927 по 1941 гг. рыбная промышленность формировалась за счет организации речного и прибрежного лова при острой нехватке материальных ресурсов и транспортных средств. Для этого периода была характерна необходимость в скорейшем получении экономической отдачи: рыбная продукция Камчатки играла заметную роль в экономике СССР, охватывая 50-70 % экспорта рыбной продукции. Промышленные предприятия размещались по принципу близости производства к сырью [6].

С 1941 по 1947 гг. развитие производительных сил Камчатки, как и всего народного хозяйства страны, было подчинено интересам обороны и восстановлению народного хозяйства. Рост населения происходил в обстановке действия закона, запрещающего увольнение работников по собственному желанию, что ограничивало возможность перемещения на Камчатку пределом, строго определяемым спросом на рабочую силу.

В 1945 г. АКО было ликвидировано. В 1956 г. Камчатка выделилась в самостоятельную область. В 1950-е гг., в связи с подрывом запасов лососей, рыбная промышленность переориентировалась на освоение биологических ресурсов прикамчатских морей и Мирового океана; по прогнозам они в будущем могли обеспечивать ей до двух третей улова рыбы. Переориентация на морской и океанический круглогодичный лов сопровождалась техническим перевооружением рыбодобывающего и транспортно-рефрижераторного флота; ростом значения г. Петропавловска-Камчатского как базового порта для развивающегося крупнотоннажного флота, ускорением

развития инфраструктуры, технических средств внешнего и внутреннего транспорта, зарождением и быстрым развитием капитального строительства каменных производственных и многоэтажных жилищно-гражданских зданий с высоким уровнем благоустройства. В этот период деформировалась хозяйственная структура, ликвидировалось большое количество береговых рыбоперерабатывающих предприятий и населенных пунктов.

Характер изменения населения Камчатской области и численности населенных пунктов в 1926-1979 гг. показан в табл. 1.

С 1959-1960 гг. начался стабильный рост уловов, по количеству выловленной рыбы на душу населения значительно превосходивший все ранее достигнутые с 1927 г. показатели. Организационно оформились, выделились из Министерства рыбной промышленности, технически развились и приобрели общерегиональное значение непрофилирующие производства. Возросла хозяйственная роль организаций, подведомственных местным Советам. Народно-хозяйственная структура области приобрела черты комплексности. Экономический потенциал сконцентрировался в промышленно-транспортных узлах. В основном из них, Петропавловско-Елизовском, сосредоточилось 67 % населения, производилось до 80 % валовой промышленности и до 55 % сельскохозяйственной продукции.

Таблица 1

**Количество населенных пунктов Камчатской области
и численности их населения**

Годы	Всего населенных пунктов	Население области, тыс. чел.	Средняя численность населения одного пункта (без Петропавловска), чел.	Население Петропавловска, тыс. чел.
1926	113	19,2	100-156	1,7
1939	571	109,2	130	35,4
1959	225	220,8	605	85,6
1970	121	287,6	1105	153,9
1979	96	383,5	1609	225,8

Камчатская область относилась к слабо освоенным районам СССР. Ее население на 17 января 1979 г. составляло 383,5 тыс. человек; его плотность достигала всего 0,8 чел. на квадратный метр территории; доля в населении СССР составляла лишь 0,145 %. На долю Камчатки в валовой продукции промышленности СССР за 9-ю пятилетку пришлось 0,201 %, за 10-ю – 0,206 %. Однако в обще-

сти [8].

В 1980-е годы были начаты работы по обобщению и систематизации данных о рекреационных отраслях хозяйства Камчатской области. Изучались их ресурсная, видовая, ведомственная, территориальная структуры. Оценивались функциональные и планировочные возможности их развития. Разрабатывались Схема развития туризма в Камчатской области, Схема развития Паратунской санаторно-курортной зоны, проект планировки и застройки санаторного комплекса “Малки” и развития Малкинской санаторно-курортной зоны (Камчатский Облсовпроф, Камчатоблкомприрода, институт “Камчатскгражданпроект”, Институт курортологии и физиотерапии, Лаборатория по туризму и физиотерапии при ВЦСПС). Интенсифицировались гидрогеологические исследования геотермальных месторождений по государственным программам (ПО Камчатгеология) с целью комплексного, в том числе рекреационного использования, а также бальнеологические исследования горячих и холодных минерализованных вод.

В 1991 – 1993 годах вышеописанная система туристической и бальнеологической отраслей хозяйства в значительной степени разрушилась, а исследовательские и проектные работы были прекращены под воздействием общего экономического кризиса, радикальных преобразований отношений собственности, резкого сокращения или прекращения финансирования со стороны ведомств и профсоюзов, прекращения геологоразведочной деятельности, ликвидации геологоразведочных предприятий и других факторов. Параметры разрушения и трансформации этой системы специально не исследовались. По некоторым проявлениям степень ее разрушения может быть охарактеризована следующим образом.

Количество санаториев сократилось до 1 (2), с частичным их перепрофилированием, а количество мест в них уменьшилось до 200. Базы отдыха и профилактории, лишившиеся ведомственного и профсоюзного финансирования, были закрыты или переориентировались на обслуживание в основном не членов соответствующих коллективов, а отдельных разовых посетителей или отдельных групп со средними и высокими доходами. Количество объектов, официально называемых профилакториями, сократилось до 3 с количеством мест в них до 200. Количество гостиничных предприятий сократилось до 40-50 и продолжало сокращаться до 27 всего и 14 в сельской местности в 2001 году [6].

Единовременная вместимость гостиниц снизилась к 2001 году соответственно до 1364 и 285 мест, то есть в 3 и 2,4 раза. Количест-

временного отдыха ориентировалось в основном на краткосрочно и среднесрочно оцениваемые потребности в отдыхе и профилактике здоровья трудящихся и членов их семей – отдельно каждого из ведомств, а также на количественно не определенные потребности населения Камчатки и других регионов Советского Союза. Путевки на обслуживание в этих предприятиях более чем наполовину оплачивались за счет профсоюзов. В рамках общегосударственных программ финансировались геологоразведочные и курортологические исследования по изучению и расширению природно-ресурсной базы рекреационной деятельности на Камчатке [8].

В целом туризм и бальнеология в Камчатской области развивались спонтанно, без достаточной координации как по внутриотраслевой и территориальной структуре, так и с программами развития регионального народнохозяйственного комплекса.

К 1990-му году в Камчатской области функционировало 2 санатория на 471 место [5] (по другим данным – 3 санатория [18]), а также 7 санаториев-профилакториев на 605 коек [5] (по другим данным около 10 профилакториев с вместимостью не менее 800 чел. [18]). Было построено до 30 баз отдыха [18]. Действовала 1 туристическая база на 592 места [5] и не менее 15 загородных оздоровительных детских (пионерских) лагерей, в которых в 1990 году отдохнуло за все смены 9084 чел. Основной район сосредоточения этих объектов приурочивался к месторождениям геотермальных вод в пригородной зоне г. Петропавловска-Камчатского.

В Камчатской области функционировали 59 гостиниц, из них 29 в сельской местности, вместимостью соответственно 4193 места и 686 мест [5]. К туристическому классу относились 4 гостиницы в г. Петропавловске-Камчатском [18]. В пределах Петропавловско-Елизовской агломерации функционировало не менее 8 горнолыжных комплексов со вспомогательными сооружениями, позволяющими проводить на них спортивные соревнования международного класса. Для посещения отдельных уникальных природных комплексов были оборудованы простейшие пешеходные маршруты. Эта сеть объектов туризма и пассивного и активного отдыха принимала до 30 тысяч “организованных” туристов в год [18].

Совершеннолетнее население Камчатки пользовалось природными рекреационными ресурсами в основном в разнообразных формах “неорганизованного” туризма. В организованных формах развивались виды отдыха, требующие высокой степени технической и спортивной подготовки: альпинизм; обычный пешеходный, горный и водный туризм на маршрутах высоких категорий сложно-

союзном народном хозяйстве Камчатская область занимала заметное место. Здесь добывалось до 10 % пищевой рыбной продукции, выпускалось до 15 % рыбных консервов. Имелись предпосылки для увеличения роли рыбной продукции Камчатской области в продовольственном балансе страны на основе рационального ведения рыбного хозяйства, полного использования добытого сырья, максимального изготовления пищевой продукции, искусственного воспроизведения рыбы, развития аквакультуры.

Рыбная промышленность являлась основной отраслью хозяйства Камчатки. В совокупности с прямо связанными с ней вспомогательными и обслуживающими отраслями она составляла рыбохозяйственный комплекс, дававший более 70 % валовой продукции промышленности. Другие отрасли внерегионального значения: лесная промышленность (ее часть, работающая на экспорт) и пушное хозяйство – составляли доли процента в валовом продукте и не имели больших перспектив в связи с ограниченностью ресурсной базы.

Во второй половине 1970-х гг. соотношения между подразделениями океанического профиля и береговыми предприятиями рыбохозяйственного комплекса стабилизировались. Для океанических производств стали характерными круглогодичная деятельность, базирования на один порт с концентрацией в нем комплексующих отраслей, длительное пребывание экспедиций в море, специфичные техника, технология и дисциплина, большая доля в кадрах плавсостава. Береговые предприятия, ориентированные на рыбный промысел, характеризовались территориальной рассредоточенностью, сезонностью хозяйственной деятельности и, соответственно, резкими колебаниями численности занятых в производстве.

Для выявления исходных посылок стратегии освоения района, включая и трудоустройство, важное значение имеет определение его места в системе экономического районирования, которое отражает роль района в общегосударственном распределении труда, особенности его развития и направленность экономических связей.

В принятой в СССР системе экономического районирования страны Камчатка относилась к Дальневосточному экономическому району (ДВЭР). Относительно включения ее в перспективе в другие районы и подрайоны существовали различные точки зрения, что обуславливалось особенностями ее экономического развития и географических условий. Одни авторы включали Камчатскую область вместе с Сахалинской областью, Приморским и Хабаровским краями в предлагаемый Тихоокеанский экономический район, руководствуясь, в основном, схожестью характера специализации эконо-

мики, а также сложившимися экономическими и транспортными связями [7, с. 73].

Другие ограничивали состав этого района Приморским краем, Камчатской и Сахалинской областями [8, с. 111]. Третьи относили Камчатскую область вместе с Магаданской областью и Севером Якутской АССР к зоне Севера Дальнего Востока, исходя из географического положения, сходства природных условий, специфичных «северных» методов освоения и предполагая в перспективе усиление экономических связей между ними [1, с. 9, 407].

Четвертые выделяли в таком же составе северную зону очагового развития ДВЭР, исходя из природных условий и методов освоения. В то же время они подчеркивали, что на Дальнем Востоке различаются по характеру экономического развития и отчетливо формируются два экономических района: Тихоокеанский и Северо-Восточный, однако состав их не уточняли [9, с. 48, 183].

Приморская специализация экономики Камчатского территориально-промышленного комплекса (ТПК) сложилась к концу 1970-х гг. и сохраняется на обозримую перспективу, составляя его основную характерную черту. С морем была связана основная отрасль специализации, на морской транспорт ориентировались основные экономические связи через порты Приморского края. На юге Дальнего Востока формировалась и, по гипотезам развития ДВЭР, должна была играть общерегиональную роль, промышленность, на которую будет опираться хозяйственная деятельность по освоению всей Тихоокеанской зоны, в том числе и Камчатского ТПК [10, 11, 12].

Методы освоения биологических ресурсов океана, вовлекаемых в общесоюзный оборот на Камчатке, сохраняли традиционный морской экспедиционный характер. В то же время, характер природных условий придавал северную специфику методам формирования и развития ТПК, организации производственных процессов, технике и технологии, методам привлечения трудовых ресурсов и формирования населения. Учитывая эти особенности, представляется правильным относить Камчатский ТПК в существовавшей системе экономического районирования к северной зоне Тихоокеанского подрайона ДВЭР, а в проектировавшейся – к северной зоне Тихоокеанского экономического района.

Если океаническое районирование определяет место региона в экономической системе страны, то районирование по совокупности природных и социально-экономических условий определяет конкретные положения политики освоения северного района: методы развития, набор и пропорции основных, вспомогательных и обслу-

8. Сергеев, М.А. Народное хозяйство Камчатского края. - М.-Л., АН СССР, 1936 г. - , 816 с.

9. Список населённых мест Камчатского округа с 4 картами. По материалам Приполярной переписи 1926-27 года. Д. Восточное Краевое Статистическое Управление ЦСУ РСФСР, Хабаровск-Благовещенск, 1928 г. – 34 с.

10. Социальное и экономическое положение коренных малочисленных народов Севера: Статистический сборник / Камчатский облкомстат, Петропавловск-Камчатский. - 2003. - 152 с.

11. Указ Президента Российской Федерации № 909 от 15 июня 1996 г. «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации».

Мир коренных народов. – Живая Арктика.

Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – 2006. - № 19.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ

Возможность развития на Камчатке туризма мирового значения отмечалась в предплановых разработках о перспективах использования природных ресурсов Камчатской области еще в 1930-е годы, когда международный туризм не был крупномасштабной отраслью хозяйства, а познания о ресурсах туризма на Камчатке исчерпывались зрительными впечатлениями [12].

В 1960-1980-е годы туристическая и бальнеологическая деятельность в Камчатской области развивалась относительно быстро, но без системной природно-ресурсной и социально-экономической оценки. Эти отрасли рассматривались в качестве не районообразующих, не главных отраслей производственной сферы регионального народнохозяйственного комплекса. Туризм и бальнеология относились к отраслям социальной сферы, финансируемым в тот период, как правило, по так называемому “остаточному” принципу. Их развитие обеспечивалось инвестициями не в рамках государственных планов и программ, а за счет профсоюзов и отдельных ведомств. В территориальном отношении развитие и размещение предприятий этих отраслей учитывалось при разработке Схем районной планировки Камчатской области на основе предложений отдельных ведомств, составляемых исходя из ведомственных интересов и финансовых и материальных ресурсов. Развитие предприятий и организаций туризма, бальнеологии, кратковременного и долго-

сти встраивания в общественные отношения «российского рынка 1990-х годов» привели к переформированию социальной структуры народов Севера, процессу, пока не изученному.

Комплексные научные исследования проблем социально-экономического развития народов Севера в новых общественных условиях в настоящее время не производятся. Разрозненные, взаимонеувязанные исследования не позволят научно обеспечить ни полноценного прогнозирования развития ситуации, ни разработки рациональных, конструктивных, эффективных мероприятий для достижения конкретно определенных целей. Главная причина состоит в том, что сложившиеся в России к началу XXI века господствующие в обществе экономические и политические силы, а также обслуживающая их элита не выработали основную цель, которая должна определить характер реального отношения государства к развитию народов Севера. Недостаточно определённые приведённые выше положения соответствующей Концепции и других правовых документов обуславливают размытость государственной политики, противоречивость конкретных воздействий на отдельные народы, нормативную необеспеченность дифференцированного подхода к развитию народов Севера, отсутствие полной научной обоснованности реальных действий государства, затрагивающей их развитие.

Библиография.

1. Дитмар, К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851-1855 г.г., Санкт-Петербург – 1901 г. – 756 с.
2. «Камчатка-Дю». В переводе с эвенского «дю» - значит «дом». // Правда Камчатки» 18.01.2005 г.
3. Кузаков, К. Ожившая тундра. – Владивосток. – Дальиздат.- 1973. – 198 с.
4. Миронов, В.Б. Первобытное и традиционное искусство. В сер. Малая история искусств, М.: Искусство, 1973; VEB VERLAG DER KUNST DRESDEN, - 320 с.
5. Моисеев, Р.С. Социально-экономические проблемы развития народностей Севера. Петропавловск-Камчатский, Дальиздат – Камчатское отделение, 1989 г. – 72 с.
6. Моисеев, Р.С. Экономические проблемы развития народов Севера России в переходный период. – Петропавловск-Камчатский, Камчатский печатный двор, 1999 г. – 216 с.
7. «О демографической ситуации в Камчатской области». Аналитическая записка.- Камчатоблстат.- Петропавловск-Камчатский, 1990 г. – 34 с.

живающих отраслей, методы привлечения и закрепления трудовых ресурсов и населения, строительные нормы и правила, нормы снабжения и т.п. В таком районировании о Камчатской области также не сложилось единого мнения.

Так, С.В. Славин относил ее к районам Дальнего Севера, считая, что в перспективе юг полуострова Камчатка, оставаясь в зоне Севера, мог быть отнесен к районам Ближнего Севера [13]. В.В. Покишевский относил Камчатскую область по комплексной оценке условий обитания к Крайнему Северо-Востоку СССР [14]. Хабаровская лаборатория КЭНИИ СО АН СССР отнесла юг Камчатки вместе с югом Якутской АССР, среднеколымскими районами Магаданской области и охотским побережьем Хабаровского края к среднетаежному и тундровому демографическому поясу Дальнего Востока с самыми суровыми условиями [15]. Н. Н. Некрасов, основываясь на отдельных климатических характеристиках, не перечислял ни Камчатскую область в целом, ни отдельно Корякский национальный округ в составе Северных районов. Но анализ этих характеристик показывал, что Камчатку надо было отнести к северной суровой зоне Севера СССР, куда Некрасов включал север Карельской АССР, север Тюменской области, Юг Якутской АССР и т.п. [16].

ЛенНИИП градостроительства в одном из трудов отнес Камчатскую область по «комплексной оценке по условиям заселения» целиком к Северу, по «суровости климата» - целиком к северной суровой зоне, по «степени благоприятности природно-климатических условий жизнедеятельности» к северу от 60° с.ш. – к северной зоне повышенной трудности, к югу – к северной зоне обычной трудности [17]. В других трудах этого института к Северной зоне оказались отнесенными только Корякский национальный округ или только его часть к северу от 60° с.ш. [18].

ЦНИИЭП жилища в одном труде относил к Первой строительно-климатической зоне (Северной) весь округ; в другом – северные части побережий Камчатки относились к Северу с наиболее суровым климатом, южные части побережий – к территориям с климатом, близким к суровому, все же центральные районы, не являвшиеся побережьем, к Северу оказались не отнесены, в третьем – к Северным районам была отнесена вся Камчатская область [19, 20, 21].

Такая противоречивость сказывалась на законодательстве, регулировавшем различные стороны хозяйственной деятельности и обеспечения условий труда, жизни и быта населения. Законодательство СССР, основываясь на таких признаках, как удаление от обжи-

тых районов, природные условия, уровень социально-экономического развития и государственная необходимость в его ускорении, в разное время по-разному определяло перечень районов Крайнего Севера, но Камчатскую область включало в него во все периоды, распространяя на трудящихся соответствующие льготы в области заработной платы, трудовых отпусков, пенсий и т.п. [22-26].

Однако строительные нормы, регулирующие развитие условий труда и быта, нормативы обеспеченности населения жильем и объектами социально-бытового и культурного обслуживания, принципы планировки и застройки населенных мест, проектирование предприятий, зданий и сооружений производственного и жилищно-гражданского назначения прямо исключали из районов Севера всю часть Камчатской области к югу от 60° с.ш. или ее часть, не являющуюся северным побережьем. К Северу в Строительных нормах и Правилах (СНиП) не были отнесены и другие районы страны, отнесенные законодательством к районам Крайнего Севера: Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ и т.д. [27-31].

Слабая климатическая изученность районов Севера, очевидная нестандартность климатов, отсутствие научных обоснований комплексного учета климата, исключение социально-экономических условий из учитываемых факторов определили столь резкое расхождение между определенной в СНиПах строительной политики и политикой, выраженной в общесоюзном законодательстве и научной литературе.

Анализ климата Камчатки показывает, что при его комплексной оценке есть основания отнести территорию области к Северной строительно-климатической зоне. Однако в рассматриваемое время расчетная численность населения, технико-экономические и другие характеристики проектов, разрабатываемых для Камчатки на основе действовавших СНиПов, не учитывали реальных природных и социально-экономических условий [32, 33]. Это приводило к снижению эффективности трудовой деятельности, не обеспечивало долговременную реальную эксплуатацию зданий и сооружений, машин, оборудования, а также другие стороны функционирования народного хозяйства и жизни населения.

Камчатский областной комитет КПСС и областной исполнительный комитет по предложению автора обратились в Госстрой СССР с просьбой об отнесении Камчатской области в строительных нормах полностью к зоне Севера и получили положительное заключение. Это подтверждало необходимость дальнейшего внесения корректив в систему нормативных актов, регулировавших отдель-

стринского района организовала самостоятельное оленеводческое хозяйство, базирующееся на сохранившихся зданиях и сооружениях ранее закрытого села Кеккук [2]. Хозяйство испытывает значительные трудности в кадровом, финансовом отношении, с техническим оснащением, зоотехническим и ветеринарным обслуживанием и т.п. Сможет ли это хозяйство сохраниться и развиваться без государственной поддержки – покажет время.

Важным и трудно учитываемым обстоятельством является преобразование Быстринского района к 1990 году в район со смешанным по национальному составу населением, гораздо большим по численности, чем в 1920-е годы. Как отмечено выше, оно сформировалось в результате совпадающего действия многих факторов: перевода эвенов к оседлой жизни; формирования новой техносферы, социосферы, обслуживаемых, как правило, семейно проживающим пришлым населением; укрупнения поселений и переселения населения из мелких населенных пунктов; интенсификации межнациональных личностных контактов и формирования разнорасовых семей; самостоятельного переселения в Быстринский район в обычном порядке камчадалов и коряков, изменившее объем и структуру социально-демографической группы народов Севера и т.д., и т.п. Кроме того, на территории Быстринского района начинает развиваться масштабная горнопромышленная и рекреационная деятельность, радикально преобразующая социально-экономическую ситуацию.

Предварительно оценивая общественные преобразования, переживаемые эвенами Быстринского района Камчатской области в 1990-е – нач. 2000-х годов, можно отметить следующее. В социальной структуре эвенов выявились группы, продолжающие тяготеть к образу жизни автохтонного населения, к «земле и традициям предков». В то же время все эвены, в большей или меньшей степени, в зависимости от финансовых возможностей сохраняют сформировавшееся в XX веке привычки к образу жизни «развитых» народов.

Судить о скорости и устойчивости формирования навыков жизнедеятельности в условиях общей (общенародной, государственной и т.п.) собственности можно было бы только с учетом того обстоятельства, что эвены и до советской власти веками жили в условиях приоритета общей (общественной) собственности. Но можно утверждать, что навыков жизнедеятельности в товарно-денежных отношениях при советской власти (при «социализме») оказалось недостаточно для ускоренного освоения навыков жизни при товарно-денежных отношениях «дикого российского капитализма». Трудно-

лась специально для организации труда этих охотников. В течение относительно небольшого времени их места (угодья, штатные единицы и т.п.) были заняты охотниками из пришлого населения. Причинами этого явления могли послужить несоответствие организационных форм Госпромхозов поставленным задачам; особенности товарно-денежных отношений, формировавшихся в охотничьем хозяйстве в целом; особенности мировоззренческого отношения к природопользованию, сохранившегося у народов Севера, другие факторы, а также любые их сочетания. Можно констатировать, что отмеченные еще в 1920-е-1930-е годы особенности, требующие учёта при организации охотничьего хозяйства на Севере, оказались не учтёнными. Одна из таких особенностей состояла в том, что «расхищает пушные богатства и разоряет тайгу пришлое русское население. Малые народы Севера относятся и к тайге и к пушным богатствам, как сознательные, рачительные хозяева. Если мы их сделаем действительными хозяевами, отведем определенные охотничьи угодья и предоставим им право защищать эти угодья от пришлых хищников, то ... мы будем иметь настоящие заказники, существование которых может весьма значительно задержать падение охотничьего промысла» [8].

Известно, что поиски форм учёта таких особенностей для обеспечения жизнедеятельности народов Севера путем предоставления им «территорий традиционного природопользования», были продолжены в СССР в конце 1980-х годов и в России в 1990-е годы. До последнего времени эти попытки не дали реальных результатов. Будет ли и в каких формах реализована эта идея в общественных условиях, сложившихся с России в начале XX века, в настоящее время предвидеть сложно [6]. Попытки сформировать «территории традиционного природопользования» для коренных народов в Быстринском районе Камчатской области в 1990-е – нач. 2000-х годов осуществлялись на основе часто меняющегося, несовершенного правового обеспечения и не дали конструктивных результатов. Объективными обстоятельствами, которые осложняли эти попытки, являются не только отсутствие соответствующей новым общественным условиям системы земледельческого, водохозяйственного, лесохозяйственного устройства и т.п. Но такое хозяйственное устройство природопользования, в свою очередь, не разработано также вследствие отсутствия внятного законодательного обеспечения на федеральном уровне.

В начале 2000-х годов, при финансовой и организационной помощи государства с уровня Камчатской области, часть эвенов Бы-

лые стороны развития северных районов на основе комплексного учета природных и социально-экономических условий и в соответствии с государственными задачами по их освоению.

Таким образом, главная специфичная черта Камчатской области заключается в том, что она являлась и является наиболее «приморской» среди районов Крайнего севера и наиболее «северной» среди «приморских» районов ДВЭР.

Особенности формирования трудовых ресурсов определяются следующим.

Руководствуясь методологическим принципом: население промышленного района Севера складывается как следствие формирования рабочей силы, исследование особенностей населения Камчатки начнем с изучения условий, в которых развивалась рабочая сила на полуострове.

В истории промышленного развития Камчатки выделяются три периода, принципиально отличающиеся политикой освоения и формирования рабочей силы [34]. Для капиталистического периода (1897 – 1923 гг.) характерен прибрежный промысел типично экспедиционным способом с базированием на материковые районы России и зарубежные страны. В этот период рабочих привозили на сезон в количестве до 25 тыс. чел. в год, причем 60 – 80 % их числа доставляли из Японии и Кореи. На численности местного населения такое освоение не отразилось [4].

Социалистический период прибрежного промысла (1926 г. – около 1960 г.) имел цель «ликвидировать основное зло Камчатского хозяйства – его сезонность» [35]. Он ориентировался на комплексное развитие района. В начале этого периода Камчатка была заселена крайне слабо. В 1931 г. потребность АКО в рабочей силе для Чукотско-Камчатского края составила 37 731 чел., причем местное население могло дать только 442 чел. [36]. Задача обеспечения производства рабочей силы ставилась как «завоз сезонных рабочих» и «закрепление квалифицированных кадров на несколько лет» [37]. Метод ее решения – вербовка специальными уполномоченными АКО рабочих на сезон, а по персональному найму – на более длительные сроки – в районах СССР с благоприятной конъюнктурой «трудового рынка», определяемых специальными государственными органами. Так, в 1933 г. наряды, выданные АКО, разрешали вербовать на Дальнем Востоке 7 550, в Восточной Сибири – 1 600, в Западной Сибири – 600, на Средней Волге – 1 500, на Нижней Волге – 1 600, в Крыму – 750 человек. Фактически было завербовано в этих районах, соответственно, 9 688, 1 920, 871, 1 533, 1 414 и 579 чел. [38].

Миграционные перемещения на этом этапе, являясь свободными по форме, несли в себе значительные элементы случайного и субъективного. Темпы роста численности населения превысили темпы роста уловов в конце периода, когда была подорвана сырьевая база. Экспедиционный характер основного производства сохранился. До середины 1950-х гг. рыбная промышленность ввозила около 25 тыс. сезонных рабочих ежегодно. Период океанической ориентации (после 1960 г.) на первых порах характеризовался резким ростом уловов рыбы. Береговые предприятия работали, в основном, стационарно, хотя прибрежный лов сохранял сезонный характер. Океанические производства были экспедиционны, базировались на Камчатку.

Заметное влияние на формирование кадров предприятий и рост численности населения оказали: восстановление в 1945 г. льгот для работающих в районах Крайнего Севера, отмена в 1956 г. запрета на увольнение по собственному желанию, упорядочение и одновременное уменьшение их в 1960 г., повторное упорядочение и повышение в 1967 г. Миграции в область с конца 1950-х гг. приобрели характер более близкий к свободным перемещениям. Завоз сезонников сократился до 3 тыс. чел., что составляло менее 2 % численности занятых в общественном производстве. С 1975 г. уловы стабилизировались. Это свидетельствовало о достижении пределов использования сырьевой базы промысловым способом [39] и являлось симптомом назревавшей необходимости перехода к принципиально иному способу использования водных биологических ресурсов, к аквакультуре. Со стабилизацией уловов стабилизировался и даже начал снижаться вылов рыбы на душу населения. Для Камчатки, которая только благодаря этому продукту участвовала в общесоюзном разделении труда, это могло быть и предвестником изменения политики формирования населения, пока еще продолжавшего расти высокими темпами.

При анализе особенностей населения рассматривается преимущественно период 1960 – 1970-х гг., поскольку, по прогнозам [40, 41], основной специфичной чертой экономики Камчатки в обозримом будущем должна была оставаться океаническая специализация.

Отраслевое распределение рабочих и служащих изменялось в соответствии с характером развития производительных сил. В 1926г. на Камчатке не было промышленности, не было и рабочих, служащие составляли около 1 % населения. К 1937 г. отраслевая структура народного хозяйства сложилась в пропорциях, характерных для пионерного освоения в данных условиях, и сохранилась до начала 1950-х гг. В 1955 - 1965 гг. доля занятых в промышленности

витых». Такого рода попытки возможны и в будущем, и человечеству целесообразно знать, насколько разумен и эффективен этот опыт как в целом, так и в отдельных мероприятиях. Надо знать, в какие сроки, в какой форме, в каком направлении, насколько глубоко, с какой восприимчивостью действуют на те или иные стороны жизнедеятельности тех или иных народов Севера те или иные конкретные мероприятия.

Отмечалось много быстрых и позитивных изменений в жизнедеятельности народов Севера в 1930-1980-е годы. Известны и последствия, оцениваемые негативно. Например, известно, по разрозненным исследованиям прежних лет, что у эвенов, камчадалов, алеутов, чукчей, оленных и береговых коряк из разных территориально-этнических групп, проживающих в Камчатской области, в разной степени проявилась способность к социальной адаптации в тех общественных условиях, в которых протекала их жизнедеятельность в 1930-е – 1980-е годы. Они с разной скоростью и в разных формах встраивались в социальную структуру общества, в экономические отношения, в новые бытовые условия, в новую систему питания, профилактики здоровья и т.п. [5].

Известны, например, не единичные случаи, когда новый, выделенный семье оленеводов деревянный жилой дом в постоянном населённом пункте использовался как временное сезонное жилище, а основным жилищем было установленное во дворе деревянного дома традиционное жилище из шкур.

Известны также случаи вспышек туберкулеза и других заболеваний среди народов Севера, связанные не только со специфичным отсутствием иммунитета к некоторым видам заболеваний и частотой контактов с пришлым населением, но и экологическими (например, процессы движения вещества и энергии) особенностями нового быта, питания и т.п.

Отмечались различия в скорости, формах, других проявлениях процессов формирования интеллигенции у разных народов, что могло быть связано не только с социотипом или психотипом, характерным для разных народов. Причиной могли быть другие, в том числе индивидуальные особенности отдельных людей или случайные проявления отдельных условий жизнедеятельности. К сожалению, до настоящего времени этот процесс недостаточно исследован.

Известны также распространенные ситуации, при которых охотники из числа представителей коренных народов Севера не адаптировались в систему Госпромхозов, которая первоначально создава-

ентироваться на специфичное обслуживание эвенов. Некоторые эвенские семьи, работоспособные члены которых не могли найти работу по найму в условиях внезапно возникшей безработицы, стали отселяться из постоянных населённых пунктов в районы, где 50-60 лет назад кочевали их предки. Эти семьи стали создавать временные жилища и возвращаться к, в основном, натуральному хозяйству с небольшим добавлением товарного обмена продукцией законного (или незаконного) пушного и рыбного промысла. Остающиеся в с.с. Эссо и Анавгай эвенские семьи имеют в качестве денежных источников существования, в основном, не плату за труд в производственной сфере, а заработную плату в бюджетных организациях (образование, здравоохранение, культура и т.п.), пенсии, пособия по инвалидности и т.п.

Не пытаясь в короткой статье дать исчерпывающую оценку моральным, социальным, экономическим, политическим и другим аспектам этих метаморфоз, можно констатировать следующее. В течение XX века эвены Быстринского района Камчатки, как и другие народы Севера в России и не только в России непроизвольно оказались материалом для крупномасштабных социальных экспериментов. В 1930-1980-е годы, за счёт, в основном, государственного финансирования путём прямого субсидирования и льготного ценообразования, эти народы в СССР проходили процесс ускоренного (достаточно или недостаточно научного обоснованного – второй вопрос) социального развития в своеобразно организуемом экономическом, социальном, образовательном, бытовом, культурном отношении. В 1990-е годы эти народы попали в условия частично и беспорядочно регулируемой государством жесткой конкурентной борьбы с представителями народов, социально более подготовленных к жёстким условиям рыночного существования. Дальнейшему развитию народов Севера предстоит происходить в большей степени естественным эволюционным путём, в часто и произвольно меняющейся системе воздействий. Дадут ли результат попытки народов Севера восстановить формы и масштабы материального или иного участия государства в их судьбе при капитализме, может показать только будущее.

Сроки и формы изменения такого положения неизвестны. Результаты процесса, имевшего место в 1930-1980-е годы, остаются неоцененными. Хотя, с точки зрения дальнейшего развития человечества в целом, целесообразно знать, насколько могут быть рациональны, конструктивны, эффективны усилия «более развитых» народов по ускорению общественного развития народов «менее раз-

снизилась и стабилизировалась на уровне около 28 %. Это было связано, во-первых, с формированием отраслевой структуры ТПК. Доля занятых в транспорте, сельском хозяйстве и строительстве выросла до 28 – 30 %, а в отраслях, обслуживающих население и выполнявших другие общерегиональные функции (управление, наука, культура и т.п.), - до 42 – 45 %. Во-вторых, переориентация рыбного хозяйства на океанический промысел позволила, при сокращении доли занятых в промышленности, сохранить на высоком уровне долю промышленности в целом и отрасли специализации в валовом продукте области. Доля занятых в рыбной промышленности в 1970-е гг. стабилизировались (табл. 2), но доля занятых в производстве океанического профиля в промышленно-производственном персонале (ППП) Камчатрыбпрома увеличилась с одной до двух третей, обеспечивая рост общих объемов вылова (таблица 3 и 4).

Таблица 2
**Промыленно-производственный персонал (ППП)
рыбохозяйственного комплекса г. Петропавловска-
Камчатского (госпромшенность)**

	1965		1970		1975		1979	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
ППП госпромшенности	16094	100,0	22905	100,0	29182	100,0	31383	100,0
ППП, ориентированный на океаническую деятельность	10647	66,2	15436	67,4	18770	64,4	19916	63,6

Таблица 3
**ППП рыбной промышленности (в том числе океанических
отраслей в ППП Камчатской области и
г. Петропавловска-Камчатского, % в 1965 – 1979 гг.**

	1965	1970	1975	1979
ППП рыбной промышленности в ППП области (с колхозами)	47	50	46	45
ППП Камчатрыбпрома в ППП области	40	39	42	42
ППП Камчатрыбпрома, занятый океаническим промыслом	14	17	24	27
ППП Камчатрыбпрома в целом	35	43	58	65
ППП города в целом	36	39	45	46

Только с 1975 года производительность труда в отрасли (по вылову) стабилизировалась, проявив в государственном секторе тенденцию к снижению. Изменилось территориальное размещение кадров рыбной промышленности, большая часть их сконцентрировалась в городе Петропавловске. ППП Камчатрыбпрома, занятый в океанических производствах, к концу 1970-х гг. составил в ППП области около 25 %, а в ППП города – около 45 % (табл. 3). В городе размещались не только кадры собственно океанических производств (добывающий, обрабатывающий и транспортный флот), но и кадры вспомогательных и обслуживающих производств (ремонт, снабжение и т.п.) и других подразделений рыбохозяйственного комплекса, включая промышленность колхозов и базы ее снабжения.

Таблица 4

Вылов рыбы на душу населения и на одного занятого в рыбной промышленности Камчатской области, т.

	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1979
Всего на душу населения	0,62	1,28	1,12	1,53	2,62	2,73	2,77
Госпромш-ленность на одного занято-го			7,23	15,0	26,7	33,0	29,4
Всего на одного занятого в рыбной промышленности				21,8	38,2	39,2	42,6

Характерны изменения в источниках пополнения рабочих кадров промышленности Камчатки. Для пионерного периода были свойственны оргнабор на сезонную работу и работу по срочному договору из материковых районов. На это оказало влияние законодательство, ограничивавшее с конца 1930-х до конца 1950-х гг. межотраслевую и территориальную подвижность трудовых ресурсов и населения. На стадии формирования ТПК, еще в 1965 г., предприятия промышленности принимали на работу ежегодно до 80 % среднесписочной численности рабочих. Из всех принятых около половины составляли принятые по оргнабору, т.е. из-за пределов области. Их миграция на Камчатку - следствие и личного волеизъявления, и выбора государственных органов. К 1959 г. количество принятых рабочих сократилось до 45 % среднесписочной численности. Численность принятых по оргнабору уменьшилась с

жилась жизнь эвенов, изменились радикально не только теоретически «по названиям», но практически, по реальным воздействиям.

В отношениях собственности - приоритетной, «святой», «священной», стала собственность частная, в том числе собственность на природные ресурсы. Но у эвенов такая форма собственности никогда не была не только приоритетной, но и качественно развитой и количественно распространенной ни в первобытно-общинных отношениях до вхождения в состав Российской империи, ни в Российской империи, ни при советской власти в составе СССР. Пройдя многовековую школу жизни в отношениях натурального первобытного хозяйства и 50-60 - летнюю школу жизни в условиях рынка в централизованном государственном плановом хозяйстве при господстве государственной собственности, эвены попали в отношения «свободного» рынка при господстве частной собственности, который в условиях России 1990-х годов принял характер «дикого рынка». Эвены 50-60 лет развивались в условиях государственного «патернализма», целенаправленно организуемой ускоренной «ликвидации» отставания в общественном развитии, формирования специфичной общественной среды жизнедеятельности. В 1990-е годы эвены попали в общественные условия, усреднённые для всего населения страны, при государственной национальной политике, основные положения которой отражают только некоторые особенности развития экономики народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России [6].

В результате, в 1990-е годы государственные оленеводческие эвенские предприятия оказались ликвидированными; 17-18 тысячные олени стада были уничтожены, а их остатки, около 4-6 тысяч голов, оказались в частной собственности у двух физических лиц (таб.2).

Таблица 2

**Поголовье оленей в хозяйствах Быстринского района
[по 8, 9, 10]**

Название показателя	1934	1960	1980	1990	1997	1998	1999	2000	2004
Поголовье оленей во всех типах хозяйств, тыс. голов.		16	17	18	8	6	3	4	6

Предприятия и организации, специализированные на централизованных закупочно-сбытовых функциях и снабжении, расформированы или резко сократили объемы деятельности и перестали ори-

ставится не как «ликвидация» принципиальных различий, а как «выравнивание» каких-то частных, непринципиальных различий.

Вероятны разные причины такого подхода. Возможно, что принципиальная разница в характере общественного развития между коренными народами Севера и европеоидными народами России за годы советской власти реально ликвидирована, и остались обычные для каждого полинационального этноса (суперэтноса) различия в уровнях доходов, национальные, языковые, в бытовой культуре и т.п.

Возможно, что авторы Концепции не считают такую принципиальную разницу существовавшей и существующей: нет принципиальных различий, есть только социальные, экологические и т.п. проблемы.

Не исключено, хотя прямые высказывания такого рода о народах Севера не встречаются, что авторы Концепции считают недопустимой саму постановку вопроса о государственном вмешательстве в развитие «менее развитых» народов. Косвенно эта точка зрения прослеживается в утверждениях о том, что все народы равны в общечеловеческих правах, свободах и возможностях; что развитие народов есть дело самих народов; что государство не должно вмешиваться в жизнь народа, определённую его общечеловеческими правами и свободами личности, "их выбор"; что участие государства в развитии отдельных народов допустимо не в форме исторически длительного вмешательства, а только в форме помощи при решении разовых возникающих (т.е. не постоянных) социальных, экологических и других проблем; что вмешательство государства в развитие экономических процессов недопустимо.

Какими бы ни были причины проявления недостаточной принципиальной определённости в заявленной политике по отношению к развитию народов Севера, нельзя не обратить внимания, что в 1990-е государственный подход к народам Севера сменился. До 1990 года народы Севера считали «менее развитыми». В 1990-е годы – равными по уровню развития с «развитыми» народами, только "специфичными" по отношениям бюджетным, приватизационным, налоговым и т.п.

В то же время, перемещение в другой общественный строй, совпавшее по времени с переходом из состава одной страны, СССР, в состав другой страны, Российской Федерации, означало для эвенков Быстринского района Камчатской области (как и для всех народов Севера) изменение многих ключевых экономических условий их жизнедеятельности. Общественные отношения, в которых продол-

8,6 тыс. чел. в 1965 г. до менее 3,0 тыс. в 1980 г. Доля принятых по собственному желанию увеличилась до 63 %, а переводом – до 9 %, то есть более 70 % принятых составляли проживавшие в момент трудоустройства на Камчатке.

Таким образом, при общем снижении оборота кадров промышленности, непосредственные источники их пополнения сместились из-за пределов области на ее территорию. Это еще не могло служить основанием для вывода о масштабах возможностей трудовых ресурсов населения, сформировавшегося и устойчиво проживающего в области. Среди принятых на работу по собственному желанию и переводом значительную долю составляли лица, не родившиеся в области, а приехавшие извне и перемещающиеся по территории между отраслями народного хозяйства, между предприятиями одной отрасли в порядке реализации своих социальных установок. Тем не менее, это свидетельствовало о возрастании роли свободных миграций в обеспечении хозяйства Камчатки рабочей силой.

Оборот рабочих кадров был резко дифференцирован по отдельным отраслям промышленности. При общей для Камчатрыбпрома тенденции к снижению средней численности рабочих на одном береговом предприятии, оборот рабочих быстрее увеличивался на предприятиях с большим числом работающих, размещавшихся в более крупных населенных пунктах с полифункциональной градообразующей базой и более развитой социальной инфраструктурой. У крупных предприятий, кроме того, имелось больше возможностей смягчить зависимость производства от сезонности. Тенденция к более быстрому снижению оборота кадров проявилась на предприятиях Южной зоны области (условно – к югу от границ округа). На предприятиях океанического профиля оборот кадров был ниже среднего для промышленности Камчатки (табл. 5) и оказался сходным с аналогичным показателем таких предприятий в других районах страны [42, 43], завися более не от региональных факторов, а от факторов отраслевых.

Таблица 5

Оборот рабочих промышленности Камчатрыбпрома по основным группам предприятий (уволено в % к среднесписочному числу рабочих за год)

	1969		1976	
	% рабочих от всех рабочих КРП	оборот	% рабочих от всех рабочих КРП	оборот
Предприятия с океаническим характером деятельности (БОР, БТФ, КРФ)	43	29	60	31
Жестянобаночная фабрика	5	57	5	27

Береговые рыбообра- тывающие предприятия	45	133	29	86
Прочие	100	77	100	47

Текущая рабочая сила в промышленности Камчатки снижалась в большой степени за счет сокращения ее в формах, специфичных для районов Севера: увольнения переводом на другие предприятия или в связи с окончанием срочного трудового договора.

На половозрастную структуру трудовых ресурсов и ее территориальную дифференциацию кроме «северной» специфики оказывала влияние специфика демографического состава кадров рыбной промышленности, в особенности плавсостава флотов. Среди рабочих в рыбной промышленности удельный вес мужчин приближается к 3/4, в то время как в промышленности СССР в целом – к 1/2 [43, с. 18]. Лица в возрасте наибольшего расцвета физических сил были представлены в большем количестве: около 40 % рабочих и служащих имели возраст 26 – 34 лет [43, с. 18]. В кадрах рыбной промышленности, базировавшихся на крупные порты Дальнего Востока, эта специфика проявлялась еще сильнее: мужчины составляли в них до 80 %, лица в возрасте до 30 лет – 44 % [44]. В плавсоставе океанических производств рыбной промышленности Камчатки, базировавшихся на г. Петропавловск, мужчины составляли до 90 %, лица моложе 30 лет – более 50 %. Более устойчивыми к смене места работы оказались кадры командного плавсостава. Для рядовых моряков – матросов и обработчиков, – численность которых насчитывала до 70 %, была характерна почти полная сменяемость через один – три года. Столь же специфичен был и половозрастной состав кадров морского транспорта, характерный для районов приморской специализации [44].

Кадры плавсостава – это не только молодые мужчины, но и лица, официально признанные физически, психически, морально и профессионально пригодными для работы в море и согласные на длительный труд в морских экспедиционных условиях вдали от привычной береговой социально-бытовой обстановки. Это увеличивало сложность их набора, в связи с чем недоукомплектованность флотов Камчатрыбпрома командными кадрами в 1980-е гг. составляла 7 – 13 %, а рядовым плавсоставом – 10 – 17 %.

Для рыбохозяйственного комплекса Камчатки было характерно использование в рыбодобывающем производстве колхозно-кооперативных форм. Колхозы были представлены только рыболовецкими артелями, количество которых сокращалось. Уменьшалась численность колхозников, был высок процент занятости в общественном труде (табл. 6, 7).

витыми», представители которых составляли более половины населения Быстринского района. Часть эвенов устойчиво вошло в общественные структуры, созданные «более развитыми» народами, в социальные группы творческой и технической интеллигенции, работников государственных структур, специалистов социальной сферы, квалифицированных работников технически насыщенных сфер и т.п. Их можно было считать ассимилированными в новый для них суперэтнос в качестве «равных». Насколько обоснована такая дифференциация, могла показать только общественная практика.

В 1990-е годы, после изменения общественного строя в России, развитие народов Севера происходит в новых исторических условиях. Обратим внимание на основные положения новой государственной политики, относящиеся к их развитию, означенные в «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (1996 г.) [11].

Выделим следующее:

- среди принципов: «гарантия прав коренных малочисленных народов в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации»;
- среди целей и задач: «выравнивание уровней социально-экономического развития субъектов Российской Федерации»;
- среди основных направлений национальной политики: «В отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на первый план выступают социальные и экологические проблемы, проблемы сохранения их языка и культуры. Необходимо законодательное отражение особенностей бюджетной системы, приватизации, налогообложения, предпринимательской деятельности; участия иностранных инвесторов в освоении природных ресурсов, традиционного использования промысловых угодий и пастбищ, охраны окружающей среды»;
- среди мероприятий: подготовить «Проект федерального закона «Основы правового статуса коренных малочисленных народов России».

Как видим, в государственной политике 1990-х годов в России уже не фиксируется специфичная «отсталость», «меньшая развитость» коренных народов Севера и не ставится целью специфичная «ликвидация» этой «отсталости», этой «меньшей развитости». Задача «выравнивания уровней социально-экономического развития» ставится по отношению не к народам, а к субъектам Федерации, и

ним образованием, дом культуры и т.п. Быстринский район был избран в качестве одного из базовых для расселения жителей ликвидируемых мелких, признанных неперспективными сел в долине р. Камчатки. Были сформированы новые для Быстринского района подотрасли сельского хозяйства: животноводство, овощеводство в открытом и закрытом грунте. Отапливаемые объекты в селах Эссо и Анавгай были переведены на геотермальное отопление. Были созданы системы устойчивого электроснабжения, связи, водоснабжения. Была построена автомобильная дорога, связывающая областной центр г. Петропавловск-Камчатский с постоянными населёнными пунктами Быстринского района. В с. Эссо был построен аэродром для лёгких самолётов. Для обслуживания создаваемой инфраструктуры и новых отраслей хозяйства в районе потребовались технические и социально подготовленные кадры [3,5].

Все вышеперечисленные процессы вызвали значительный рост численности населения в Быстринском районе. Доля народов Севера в населении уменьшилась до менее половины (таблица 1).

Таблица 1

Численность населения в Быстринском районе и отдельных населённых пунктах [по 3, 7, 8, 9, 10]

№	Наименование	Год образования	Год закрытия	Численность населения (чел)						
				1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002
1	Быстринский район			469	~700	~1600	~1900	~2300	2935	2660
2	ст.ч. народы Севера			469			776	741	~800	~1000
3	с. Анавгай	1933				277	547	567		
4	с. Лаучан		1964 (1968)			103	-	-	-	-
5	с. Тваян		1965			215	-	-	-	-
6	с. Эссо	1932				630	1078	1715	2274	2081
7	с. Кеккук									
8	п. Быстрая		1974							

Можно было полагать, что к 1990 году в Быстринском районе Камчатской области эвены и другие народы Севера полностью перешли от образа жизни, позволявшего в 1920-е годы считать их автохтонными народами. Большую часть из них можно было считать народами, ассоциированными в народы, считающиеся «более раз-

Таблица 6

Колхозная форма хозяйствования в Камчатской области в 1940-1979 гг.

год	1940	1943	1950	1960	1965	1970	1979
Кол-во колхозов	76	-	107	45	16	12	12
В том числе рыболовецкие	-	-	67	36	16	12	12
Колхозники в населении области, %	-	25,3	-	6,8	6,4	4,9	2,3

Таблица 7

Численность ППП промышленности колхозов и межколхозных организаций Камчатской области

Год	1965	1970	1975	1979
ППП колхозов и межколхозных организаций, тыс. чел.	4725	8092	4348	4260
Доля их в ППП, %	11,5	15,5	8,1	7,9
ППП рыбной промышленности в колхозах	3577	6249	2627	2420
Доля их в ППП рыбной промышленности области, %	18,4	24,0	10,6	10,2

Колхозы, оснащенные собственным флотом, имели механизированное хозяйство, условия труда в них приближались к промышленным. Была развита промышленность колхозов, имелись крупные межколхозные предприятия и организации: межколхозный судоремонтный завод, объединенный крупнотоннажный флот. Их кадры относились к промышленно-производственному персоналу и по демографической структуре были столь же специфичны, что и кадры государственных предприятий.

Таким образом, основные региональные особенности трудовых ресурсов и рабочих кадров, влиявшие на формирование населения

Камчатской области в конце 1970-х гг., могут быть сведены к следующему:

- численность населения росла в основном в прямой связи с развитием отрасли специализации, но более равномерно;
- отраслевая структура занятых в народном хозяйстве в основном формировалась в соответствии со структурой складывавшегося ТПК;
- особенности, связанные с приморской специализацией, наиболее резко проявлялись в зоне базирования производств океанического профиля;
- проявлялось усиление влияния «северной» специфики на структуру населения с юга на север; влияние «отраслевой приморской» специфики ослабевало в глубинных районах, хозяйство которых не испытывало прямого влияния отрасли специализации;
- рабочие кадры промышленности формировались за счет высокой подвижности кадров, которая, постепенно снижаясь, оставалась одной из высочайших в стране.

Библиография.

1. Север Дальнего Востока. – М.: Наука, 1970. – с. 488.
2. Кондратюк, В.И. Климат Камчатки. – М.: Гидрометеиздат, 1974. – с. 204.
3. Отчет Камчатского окрревкома Первому Камчатскому окружному съезду Советов. – Петропавловск-Камчатский, 1928.
4. Сергеев, М.А. Народное хозяйство Камчатского края. – М. – Л.: АН СССР, 1936. – с. 816.
5. Проблемы развития производительных сил Камчатской области. – М.: АН СССР, 1960. – с. 461.
6. ГАКО, ф. 106, оп. 1, д. 135.
7. Кистанов, В.В. Научные проблемы совершенствования экономического районирования // Проблемы теории и практики размещения производительных сил СССР. – М.: Наука, 1976. – с. 326.
8. Экономические проблемы развития Севера. – Новосибирск: Наука, 1974. – с. 263.
9. Гладышев, А.Н., Куликов, А.В., Шапалин, Б.Ф. Проблемы развития и размещения производительных сил Дальнего Востока. – М.: Мысль, 1974. – с. 215.
10. Моисеев, Р.С., Ширков, Э.И. О пространственной организации океанической деятельности на Дальнем Востоке // Проблемы и основные направления комплексного развития Приморского края. – Владивосток, 1981. – с. 31.

были применены характерные для того времени методы коллективизации, кооперации, проведения классовой политики. Необходимость не только применения общегосударственно установленных форм этих процессов, но и самих этих процессов при реорганизации сообществ принципиально иных, чем в обжитых районах СССР, не имеет убедительных объяснений. Можно отметить, что в документах, научной и публицистической литературе того времени для описания процессов социально-экономических преобразований жизнедеятельности коренных народов Севера СССР применялась терминология, заимствованная из дореволюционного лексикона: туземцы, туземное хозяйство, туземные Советы, туземные райисполкомы, колонизационные отделы и т.п. Позднее произошла смена лексики [3,5,8].

Общее поголовье оленей изменилось с около 9 тыс. до около 18 тыс. [8, 10]. Отраслевая структура производства осталась практически неизменной. Вся закупочно-сбытовая деятельность была централизована через торговый кооператив. Производственное снабжение в оленеводстве и охотничьем хозяйстве субсидировалось государством. Финансирование задуманных преобразований было замедленным вследствие необходимости подготовки к войне, войны 1941-1945 годов и восстановления разрушенного войной хозяйства страны. Дети школьного возраста получали всеобщее начальное и общее среднее образование. Для представителей народов Севера была создана возможность получать среднее специальное и высшее образование. Однако ограниченное выделение финансовых и материальных ресурсов послужило основной причиной того, что мероприятия по преобразованию жизни народов Севера проводились в 1930-1940-е годы не очень интенсивно и по небольшому количеству направлений [3,8].

В 1950-е годы в СССР было восстановлено народное хозяйство страны, в значительной степени разрушенное во время войны 1941-1945 гг. Была ослаблена сверхжесткая централизация управления и изменен мобилизационный характер экономики. С появлением у страны дополнительных ресурсов государство интенсифицировало реализацию ранее заявленной политики по развитию народов Севера. С целью обеспечить удобство управления и финансирования оленеводческих хозяйств, они были преобразованы в государственные совхозы; было создано государственное охотничье-промысловое хозяйство. Для удобства социального обслуживания население было сконцентрировано в двух постоянных населенных пунктах, где были созданы районная больница, школы с десятилет-

проживания в пределах родовых (семейных) угодий. Территория, на которой проживали эвены (тогда их называли «ламутами»), не имела самостоятельного административно-территориального устройства и входила в состав Усть-Камчатского района. В государственно-политическом отношении «кочующие ламуты» Усть-Камчатского района Камчатской области были подразделены на 3 туземных (сельских) совета, охватывающих 15 стойбищ. Анавгайский т/с – 6 стойбищ; Лаучанский т/с – 5 стойбищ; Кеккугнайский т/с – 4 стойбища. Всего по району насчитывалось 37 хозяйств «кочующих ламутов», объединяющих 469 человек, в пропорциональной половой структуре: 239 мужчин и 230 женщин. Кроме бассейна р. Быстрой с её притоками (например, р.р. Хуксичан, Быстрая-Плахен) стойбища «кочевых ламутов» располагались и на западных склонах Среднего Камчатского хребта, в бассейнах «рек Димзикке, Сопочной, Рассошной, Улакон, Облуковиной, Кинчашка».

Государственная политика ликвидации «отсталости» эвенов в 1930-1940-е годы реализовывалась в таких преобразующих их жизнедеятельность конкретных мероприятиях, как создание нескольких постоянных населённых пунктов со стационарными деревянными зданиями и сооружениями жилищно-гражданского и производственного назначения (с.с. Эссо, Тваян, Лаучан, Анавгай, Кеккук и т.д.). Было начато изучение продуктивности популяций пушных зверей, оленьих пастбищ, рыбопромысловых рек, лесов (по запасам древесины и продуктивности т.н. побочных ресурсов). На основе материалов этих исследований были разработаны проекты землехозяйственного, лесохозяйственного, охотохозяйственного устройства, картированы и классифицированы оленьи пастбища. Для радикального повышения продуктивности и экономической эффективности хозяйственной деятельности эвенов была изменена структура отраслей специализации. Основная нагрузка товарного производства для внерегионального обмена была возложена на оленеводство, перепрофилированное, в основном, с лесного транспортного на мясное тундровое и лесотундровое. Для этого в землеустроительные планы создаваемых оленеводческих хозяйств были включены неиспользуемые ранее разрозненные пастбища в Соболевском, Усть-Большереевском и Елизовском районах.

Одновременно с ориентацией на такие преобразования в реальной политике, проводимой в отношении народов Севера, использовались стереотипы, характерные для социально-экономических процессов, происходивших в сельских местностях, в сельском хозяйстве, в сельском населении СССР в целом. К народам Севера

11. Перспективы развития производительных сил Дальнего Востока. – т. 1-3. - Владивосток, 1975.

12. Стоценко, А.В., Моисеев, Р.С. О роли Камчатской области в освоении северной зоны Тихого Океана // Материалы к IV научной конференции «Проблемы дальнейшего комплексного развития производительных сил Камчатской области». – Петропавловск-Камчатский, 1980. – с. 22 – 24.

13. Славин, С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. – М.: Экономиздат, 1961. – с. 302.

14. Покишевский, В.В. Население и география. – М.: Мысль, 1976. – с. 316.

15. Воспроизводство трудовых ресурсов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1969. – с. 126.

16. Некрасов, Н.Н. Региональная экономика. – М.: Мысль, 1976. – с. 316.

17. Проблемы расселения в районах Севера. – Л.: Стройиздат, 1977. – с. 223.

18. Прогнозы расселения и планировки новых городов Крайнего Севера. – Л.: Стройиздат, 1974. – с. 199.

19. Строительно-климатическое районирование СССР. ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре. – М., 1967. – с. 65.

20. Улучшение гигиенических качеств жилища в различных климатических условиях СССР. ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре. – М., 1973. – с. 108.

21. Учет климатических условий при проектировании жилых зданий в различных районах СССР. – М.: Стройиздат, 1975. – с. 116.

22. Постановление ВЦИК и СНК СССР от 10 мая 1932 г. «Положение о льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера РСФСР». – СП РСФСР, 1932. - № 62. – с. 278.

23. Постановление СНК СССР от 2 сентября 1945 г. «Об утверждении перечня местностей Крайнего Севера и инструкции Наркомфина СССР и ВЦСПС по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера»». – СП СССР, 1945. № 49. – с. 116.

24. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 февраля 1960 г. «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера». – СП СССР, 1960. - № 5. – с. 26.

25. Постановление Совета Министров СССР от 10 февраля 1960

г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»». – СП СССР, 1960. - № 5. – с. 30.

26. Постановление Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»». – СП СССР, 1967. – № 26. – с. 203.

27. СНиП-П-Л. 1-62. – М.: Стройиздат, 1968.

28. СНиП-П-Л.1-71. – М.: Стройиздат, 1972.

29. СНиП-П-А.6-62. – М.: Стройиздат, 1962.

30. СНиП-П-А.1-72. – М.: Стройиздат, 1972.

31. СН-353.66. – М.: Стройиздат, 1969.

32. Характеристики по строительной климатологии и геофизике Дальнего Востока. – Владивосток, 1967. – с. 307.

33. Цвид, А.А. Комплексный учет климата в строительстве на Дальнем Востоке. – Благовещенск, 1967. – с. 231.

34. Планировка и застройка городов Кольского Севера. – Л.: Стройиздат, 1972. – с. 118.

35. Основные положения к плану колонизации Охотско-Камчатского края на 1930-1931 год. – ГАКО, ф. 106.

26. Протокол собрания планово-экономического отдела АКО. – ГАКО, ф. 106, оп. 1.

37. Краткий очерк развития рыбной промышленности на Камчатке. – ГАКО, ф. 106, оп. 1, д. 135.

38. Оперативный отчет Владивостокского вербовочно-переселенческого бюро Управлению переселения АКО по вербовке и заводу в 1933 г. на Камчатку для промыслов и предприятий АКО. – ГАКО, ф. 106, оп. 1.

39. Добров, В.В. Проблемы текучести кадров и миграции населения на Кольском Севере // Градостроительные проблемы Севера. – Л.: Стройиздат, 1971. – с. 58 – 62.

40. Рекомендации III-го научного совещания по комплексному развитию производительных сил Камчатской области до 1990 г. – Петропавловск-Камчатский, 1973. – с. 49.

41. Рекомендации IV научной конференции «Проблемы дальнейшего комплексного развития производительных сил Камчатской области». – Петропавловск-Камчатский, 1982. – с. 21.

42. Гордон, Л.М. Экономика, организация и планирование рыбного хозяйства СССР. – М.: Пищевая промышленность, 1972. – с. 384.

дуального по своему социальному укладу в зажиточное социалистическое хозяйство» [8].

В качестве важнейших мероприятий для решения этой задачи были предложены: «регулирование промысловой деятельности и охрана естественных ресурсов, проведение северного землеустройства, расширение промыслового хозяйства и повышение товарности его продукции на основе соответственной заготовительно-снабженческой политики» [8].

В этих мероприятиях учитывались рациональное отношение коренных народов Севера к природным ресурсам своей жизнедеятельности и необходимость, в связи с этим, закрепления за ними промысловых угодий. В то же время, расчёты и практика показывали, что прежний тип хозяйствования эвенов, при переводе его в товарно-денежные отношения, экономически не способен обеспечить поставленные задачи перехода в другое состояние в хозяйственном, политическом и культурном отношениях. Для решения этих задач необходимо было создать более продуктивное производство, с большей производительностью труда, с товарным продуктом, во много раз превышающим ранее производимый при первобытно-общинном традиционном хозяйствовании. Расчёты показывали, что перевод коренных народов к другому образу жизнедеятельности требует изменения состояний производительных сил, производственных отношений, производительного труда, быта, образования и воспитания, здравоохранения; создания новой социальной сферы, новой транспортной и энергетической систем, новой системы расселения, нового технического (производственного, бытового и т.д.) обеспечения и т.п. Такие изменения весьма капиталоемки. Ни при каких обстоятельствах для эвенов Быстринского района они не могли быть экономически обеспечены за счёт доходов от традиционных видов хозяйствования в первобытных организационных, структурных и технологических формах. Невозможно это и в новых формах хозяйствования, основанных на использовании той же природно-ресурсной базы. Была признана необходимость преобразования хозяйственного устройства в направлении комплексности, многопрофильности.

Система расселения эвенов в бассейне р. Быстрой и на прилегающих территориях в том состоянии их общественного развития, которое можно считать исходным для развития этого народа в XX в., описана в материалах Приполярной переписи населения 1926-1927 гг. [9]. Это состояние характеризуется посемейной (в среднем около 13 человек в семье) структурой кочевого хозяйствования и

мен? формирующихся наций? других форм?) из первобытнообщинного строя в «социалистический» общественный строй, минуя соответствующую «школу» формирования общественных отношений (в других странах также не было теоретического обеспечения для «прыжка» народов Севера из первобытного состояния в высокую стадию капитализма). Но ведь речь шла не только об искусственно ускоренном переводе таких народов в производственные отношения другой общественной формации. Это – переход в другую систему цивилизационных отношений, вживание народов в новый для них этнос, в новую культурную среду, в новую систему социально-психологических отношений и т.п.

Научные пробелы в этой сфере до последнего времени не заполнены в теоретическом и практическом отношении. Это не позволяет ни с достаточной обстоятельностью и доказательностью планировать мероприятия, ни с достаточной уверенностью оценивать их эффективность. В начале XXI века нет возможности с достаточной убедительностью оценить, насколько рационально проходили процессы ускоренного перевода народов Севера во всех странах северной зоны Земли, в том числе и в СССР, и насколько адекватны промежуточные результаты заявленной цели реальным интересам и потребностям этих народов, а также объективным закономерностям исторических процессов.

Вторая особенность состоит в том, что все «более развитые» народы, реализуя своё намерение ускорить развитие «менее развитых» народов и не имея научных обоснований этой исторической по масштабам задачи, используют один из простейших практических методов: применение своих стереотипов, характерных для своей жизнедеятельности.

В СССР 1920-1930-х годов эта особенность проявлялась в условиях социального энтузиазма, часто смешанного с чиновной исполнительностью (нередко – в крайней форме «революционной дисциплинированности»).

В условиях Камчатской области вышеназванная «политика уничтожения отсталости» народов Севера реализовывалась в первую очередь, через создание экономического фундамента жизнедеятельности. Задача была сформулирована следующим образом. «Всесторонняя – техническая и социальная – реконструкция туземного хозяйства должна превратить это хозяйство из отсталого и примитивного по своему производству, чрезвычайно низкого по доходности, неустойчивого и не обеспечивающего зачастую даже минимального уровня жизни, полунатурального и мелкого индиви-

43. Казалов, Д.Х., Семенов, В.М. Подготовка квалифицированных рабочих кадров в рыбной промышленности СССР. – М.: Пищевая промышленность, 1974. – с. 104.

44. Экономика освоения океана. Проблемы и основные направления. – Владивосток, 1981. – с. 126.

Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Сборник трудов. Выпуск 6. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГТУ, 2003.

ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ Г. ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО

Города — сложные социально-экономические системы, функционирующие в определенной естественной и искусственной среде, развиваются по взаимосвязанным закономерностям. Анализ всего их многообразия безусловно необходим при разработке прогнозов и планов развития городов. Однако для общей концептуальной оценки исторических перспектив развития допустимо и даже необходимо абстрагироваться от многих менее значимых связей и зависимостей и ограничиться анализом наиболее важных социально-экономических факторов, определяющих создание и развитие конкретного населенного пункта.

Петропавловский порт, впоследствии развившийся в г. Петропавловск-Камчатский, основан в 1740 г., более чем через сто лет после выхода Российского государства к Тихому океану. В течение столетия создание населенных пунктов на Дальнем Востоке зависело от случая (по этой реке вышли к морю, на этой реке застала зима и т.п.), а затем — все более от социально-экономических и природных факторов кратковременного значения (доступность для имеющихся видов транспорта, удобство административного управления, близость обьясаченных земель и т.п.). В 1639 г. основано зимовье на р. Улье, в 1640— Удский острог, в 1647—Охотское зимовье, в 1648—Тайский острог, в 1649—Анадырский острог, в 1703—Нижнекамчатский острог, в 1706—Большерецкий острог, в 1739—Ямский острог, в 1740 г.—Петропавловский порт [1]. На базе этих населенных пунктов преемственно развились и существуют в настоящее время города и поселки Улья, Чумикан, Охотск, Анадырь, Усть-Большерецк, Ямск, в каждом из которых проживает менее 10 тыс. чел., и г. Петропавловск-Камчатский, расположенный в Авачинской бухте п-ва Камчатка. По переписи населения 1989 г. в нем насчитывается 269 тыс. чел. Очевидно, что на развитие г. Петропавловска-Камчатского повлияли мощные градообразующие фак-

торы длительного действия, которых не оказалось в других населенных пунктах. Авачинская бухта открыта русскими землепроходцами в 1703 г., но только через четыре десятилетия, когда у государства возникла потребность в дальних океанических плаваниях, были использованы условия, которые лежат в основе развития здесь в дальнейшем населенного пункта. За год до основания порта они определены в рапорте от 10 октября 1739 г. капитан-командора В. Беринга в Адмиралтейств-коллегию: «На общем собрании с г-ном капитаном Чириковым и с лейтенантом Вакселем имели рассуждение, понеже, как известно, что на Камчатке, кроме Авачинской губы, к отстоя судам безопасных мест нет» [8]. В современных формулировках эти условия могут быть представлены так: юг п-ва Камчатка с Авачинской бухтой есть единственная часть побережья Азиатского материка и советского Дальнего Востока, выходящая непосредственно в Тихий океан. Эта зона есть также одна из трех на почти 5000-километровом фронте Тихоокеанского побережья СССР, пригодных по навигационным условиям для круглогодичного плавания.

Возможность создания базы для экономической, политической, научной деятельности на Тихом океане — один из главных градообразующих факторов, определяющих развитие г. Петропавловска-Камчатского. Конкретные функции, раскрывающие содержание этого фактора: обеспечение возможности отстоя и ремонта судов, размещение вспомогательных и обслуживающих производств и служб, проживание связанного с этими функциями населения и снабжение его необходимыми для проживания материальными и духовными условиями.

Зависимость развития г. Петропавловска-Камчатского от действия этого фактора подтверждается историей. Поселение здесь процветало, когда государство нуждалось в базе для морских научных экспедиций, снабжения и связи с владениями Российско-Американской компании, промежуточного базирования военных и торговых судов, и хирело, когда эти потребности ослабевали или исчезали. В начале 1740-х гг. в г. Петропавловске-Камчатском проживало до 200 чел., в конце XVIII в. — 100, в 1854 г. — 1 600, в 1897 г. — 375, в 1914 г. — 1 168 чел.

В 1920-е гг. в нашей стране начат постепенный переход к более полному освоению природных ресурсов отдаленных северных и восточных районов. В 1927 г. образовано Акционерное Камчатское общество (АКО) с задачами освоения всех природных ресурсов Камчатского и Охотского края, ликвидации сезонности хозяйствен-

витого народа» формируются отношения собственности, система образования, рацион питания, наборы потребительских товаров, эталоны материальной и духовной культуры и т.п., характерные для конкретного «более развитого народа», взявшего на себя гуманитарную цивилизаторскую миссию по «воспитанию» того, кто «отстал». Научных обоснований, достаточных для разработки такого рода мероприятий, нет. Отсутствуют знания, необходимые для учёта в этих разработках реальных, принципиально значимых особенностей исходного состояния и предполагаемых траекторий развития «отсталых» народов; оценку возможности преодоления «отсталости» одним рывком в «состояние более развитого народа» без «переходных» исторически длительных состояний; оценку «переходных состояний», если они необходимы и т.д. и т.п.

Необходимо отметить также, что постановка в СССР в 1920-1930-е годы задачи ликвидации «отсталости» некоторых народов совпала с решением задач по огромным по масштабу и глубине социальным и экономическим преобразованиям в стране в целом. Это были сложные общегосударственные задачи «культурной революции»; ликвидации технологической, технической отсталости страны; превращения экономики страны из аграрной в индустриальную; создания надёжной обороны. Решение этих задач самих по себе могло бы быть растянуто во времени, но не могло быть отложено в 1930-е гг. из-за неизбежности войны. При отсутствии других источников финансирования, в СССР использовались только внутренние ресурсы (сельское хозяйство, лесная и рыбная промышленность и т.п.); проводилась политика жестокой мобилизации ресурсов и концентрации их на важнейших участках развития. Тем не менее, задачи по освоению Северных районов и «ликвидации отсталости» коренных народов Севера не оставались абстрактными и занимали заметное место в практике развития страны. На общегосударственном уровне это выражалось в создании Главсевморпути, института Арктики; развитии сети гидрометеорологических станций; в регулярных экспедиционных исследованиях в Северном Ледовитом океане; создании системы образования народов Севера; переводе народов Севера там, где это не требовало больших затрат, к оседлому образу жизни; развитии кооперативной и государственной систем закупок и снабжения в районах Севера.

Можно отметить две важные особенности этих интенсифицирующихся в районах Севера процессов в части, касающейся развития народов Севера. Во-первых, отсутствовало научное обеспечение не только идеи, но практики перевода народов в целом (пле-

ми (ительменами) и «окамчадалившимися» русскими поселенцами, а также регулярными обменами накапливаемой пушнины с периодически объезжающими их кочевья торговцами (купцами или представителями крупных торговых домов), сохранился и в 1920-е годы, в начале которых на Камчатке установилась Советская власть.

Дальнейшее развитие эвенов, как и других народов Севера в СССР, на протяжении двух-трех десятилетий происходило в рамках «задач национальной политики ВКП/б, состоящих в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать Центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении [Докл. Сталина на X съезде РКП/б]» [по 8].

Не рассматривая в этой небольшой статье весь комплекс теоретических, методологических, методических, практических проблем, связанных с процессами, происходившими при реализации этих задач в 1930-1980 – е годы, обратим внимание на следующие стороны, важные при анализе процессов и результатов реализации этой политики.

Задача гуманного и конструктивного преодоления противоречий (иногда приобретавших характер конфликтов) между «отсталостью» одних и «развитостью» других народов путём «ускорения развития отсталых народов» стала приобретать всеобщий, глобальный характер в XX веке и решалась не только в СССР. Объективное, полное и строгое научное изучение этого опыта в разных странах, от анализа целевых установок до сопоставления результатов, ещё предстоит выполнить. Сейчас можно отметить, что известные попытки решения этой задачи, выполнявшиеся в СССР, США, Канаде, Дании, Финляндии, Норвегии, Швеции, различались и целями, и методами, обусловленными социально-экономическими, национальными, природными, геополитическими особенностями, экономическими возможностями и другими обстоятельствами. Однако у этих попыток есть общая методологическая основа. Все они исходят из представления о том, что «более развитый народ» как более "сильный" осуществляет систему мероприятий для преодоления отсталости «менее развитого народа» как "слабого". При этом система мероприятий планируется исходя из представления, что «менее развитому народу» необходимы изменения, придуманные представителями «более развитого народа» на основе интересов, потребностей, предпочтений, стереотипов, присущих «более развитому народу». Исходя из таких представлений для конкретного «менее раз-

ной деятельности, комплексного развития производительных сил. Своей столицей, а также базой для хозяйственного обеспечения процесса освоения края АКО избрало г. Петропавловск-Камчатский. Это - второй долговременного значения фактор, роль которого в развитии города сохранилась и после ликвидации АКО.

Чтобы оценить его содержание, обратимся к схеме размещения центров освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока (в основном такими центрами являются города — центры краев и областей, а также столицы АССР). В южной зоне расстояния между г. Владивостоком, Южно-Сахалинском, Хабаровском, Благовещенском, Чितой, Иркутском, Красноярском составляют в основном 700—1 000 км. В северной зоне расстояния между Якутском, Магаданом, Петропавловском-Камчатским и от них до центров южной зоны колеблются в пределах 1 500 км. Эти модули не случайны. Они агрегированно выражают влияние экономических, политических, социальных, национальных, природных, технических, транспортных и других причин, задают количественные параметры формирования пространственного каркаса системы расселения на макроуровне (рис. 1).

Город Петропавловск-Камчатский укладывается в этот каркас и располагает другими, уже не агрегированными, а конкретными условиями, позволяющими развивать здесь центр освоения прилегающей зоны, и в этом состоит другой главный фактор развития. Содержание его раскрывается следующими градообразующими функциями: сосредоточение промышленного и строительного потенциала, развитие транспортного узла и центра систем снабжения, административный, культурный и научный центр Камчатской области.

Под воздействием совокупности обоих названных факторов г.Петропавловск-Камчатский рос за последние 60 лет особенно бурно: в 1927 г. в нем проживало 1,7 тыс. чел., в 1939—35 тыс. чел., в 1959— 86 тыс. чел., в 1970 — 154 тыс. чел., в 1985 г. — 245 тыс. чел.

Переходя к оценке перспектив развития г. Петропавловска-Камчатского, исходим из анализа возможного развития этих же факторов, поскольку пока нет оснований к возникновению других.

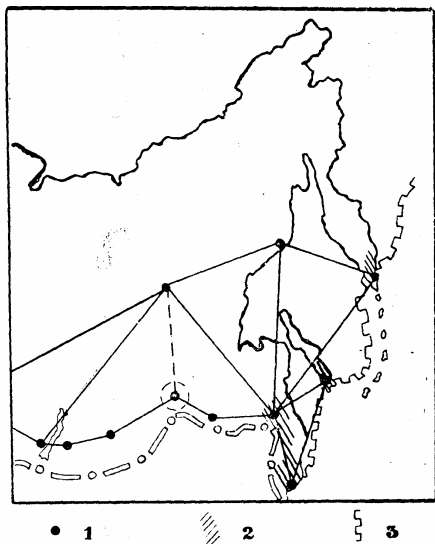

Рис. 1. Опорный каркас расселения на Дальнем Востоке: 1 — центры освоения; 2 — базовые районы освоения океана; 3 — граница распространения льдов служит одной из основных баз для организации океанического и морского рыбного промысла страны. Влияние этой функции приближается к количественному пределу, поскольку сам промысел рыбы и морепродуктов в Мировом океане подходит к экологически допустимому пределу [2].

Изыятие биологических ресурсов Мирового океана человечеством в XX в., особенно после 1950-х гг., росло исключительно быстро, а к 1980-м гг. начало замедляться. На одного человека, проживающего на Земле, в 1800 г. добывалось 1,5 кг водных объектов биологического происхождения, в 1900 г.—2,6, в 1950 г.—8,3, в 1970 г.—19, в 1980 г.—16,2 кг. В 1980 г. всего на земном шаре добыто 72 млн. т рыбы и морепродуктов. По имеющимся прогнозам к 2025 г. только 85 млн. т их могут быть добыты за счет традиционных объектов лова, развития и совершенствования промысла. Остальные 110 млн. т водных биологических объектов, необходимых для покрытия потребностей человечества в белке животного происхождения и для иных пищевых и непищевых целей, должны не добываться методом промысла, а производиться методами такого крупномасштабного «водного хозяйства», называемого аквакультурой, марикультурой, которое человечеству еще предстоит создать, подобно сельскому хозяйству на суше [2].

Различия между названными состояниями отдельных групп даже одного «менее развитого» народа велики. Как правило, при сопоставлении оставшегося «менее развитым» представителя «менее развитого» народа и представителя этого же народа, проживающего в иной, «более развитой» среде, разница оказывается значительной, что может сделать практически невозможной «национальную» идентификацию этих представителей. Главным практически объединяющим фактором в таких случаях оказывается только ощущение притеснений при проживании в общем правовом поле, создаваемом «более развитыми» народами.

Описанная выше естественным образом сложившаяся в современных конкретно-исторических условиях дифференциация «менее развитых» народов или их отдельных социально-демографических групп по «уровню общественного развития» может быть представлена следующим образом:

- автохтонные;
- ассоциированные (ассоциирующиеся);
- ассимилированные (ассимилирующиеся) [6].

Если такой социально-эволюционный подход принять за методологическую основу, можно попытаться идентифицировать поэтапные изменения, через которые проходят «менее развитые» народы в процессе более или менее частых периодических или постоянных взаимодействий с «более развитыми» народами. В качестве примера можно рассмотреть эволюцию социально-экономического состояния эвенов Быстринского района Камчатской области в 1920-1990-е годы.

За этот период эвены прошли несколько преобразований общественного состояния в сфере производства, быта, культуры, по которым можно судить о некоторых общих характеристиках тенденций таких преобразований.

Племя эвенов прикочевало в бассейн р. Быстрой на полуострове Камчатка во второй четверти XIX в., заняв зону между территориями, занимаемыми оседло живущими камчадалами (ительменами) и кочевыми оленными коряками [1]. Выбор территории был обусловлен укладом жизнедеятельности эвенов: охота, лесное и лесотундровое в основном транспортное оленеводство, натуральное хозяйство, первобытное в количественном и качественном выражении потребление, племенное общественное устройство, проживание крупными семьями, кочевой образ жизни.

Такой уклад жизнедеятельности, дополненный натуральными обменными отношениями с соседствующими коряками, камчадала-

держанию.

Эти оценки иллюстрируют сложность и изменчивость общераспространённых представлений о культуре «менее развитых» народов. «Статуэтки и маски, расцениваемые ныне как «недостижимые образцы пластического искусства» и вот уже почти полвека оспариваемые друг у друга крупнейшими музеями мира, составляющие гордость всякой художественной коллекции, характеризовались ещё во второй половине прошлого века как «грубые поделки дикарей», «приблизительные и неумелые изображения людей, гениев и богов» [4].

Бескомпромиссны, непримиримы, антагонистичны подходы к построению отношений с Природой в «традиционном» и «индустриальном» природопользовании. До середины XX века, при оценке производственных объектов, создаваемых «развитыми народами», экономические, социальные и экологические интересы населения практически не учитывались. Менее всего обращалось внимания на «дикие», «менее развитые» народы: среда их обитания радикально изменялась, становилась непригодной не только для их «традиционной» жизнедеятельности, но и для проживания самих «развитых» народов. В конце XX века народы, относящие себя к «развитым», декларировали комплексный экономический, социальный, экологический учёт воздействий на окружающую среду; сохранение окружающей среды, с особым учётом интересов «коренных», «менее развитых» народов.

Однако, сопоставления «более» и «менее» развитых народов, их интересов и прав не всегда достаточно обеспечены теоретически, методологически, методически. Не вызывает сомнений определение состояния общественного развития народов, живущих племенами, в «каменном» веке, в полном гомеостазе с природной средой, очень редко контактируя с отдельными представителями «высокоразвитых народов».

Сложнее определить состояние народов, исторически недавно оказавшихся вовлечёнными в интенсивные взаимодействия с «более развитыми» народами; использующих в своих традиционных видах деятельности технику, технологии, организационные формы и другие стереотипы жизнедеятельности «развитых» народов.

Ещё более сложно определить общественное состояние «менее развитых» народов, постоянно проживающих в социально-экономической, бытовой, культурной среде «более развитых» народов, присущей тому населённому пункту, в котором они совместно проживают.

Функция одной из основных баз флотов рыбохозяйственного комплекса страны, тем не менее, сохранится за г. Петропавловском-Камчатским и в исторической перспективе и даже может несколько вырасти количественно, поскольку моря северной части Тихого океана—Охотское, Берингово, Японское (т.е. в основном—прикамчатские воды), занимающие около 2% общей поверхности Мирового океана, дают 16—18% общего вылова в нем продуктов. Биологическая продуктивность этой зоны может служить, при условии рационального ее использования, непреходящей основой для рыбного промысла [2].

Однако следует ожидать, что в рамках «океанического» фактора на г. Петропавловск-Камчатский будут базироваться и другие, кроме рыбохозяйственной, отрасли океанической специализации. Биологические ресурсы — далеко не все виды ресурсов еще слабо изученного Мирового океана, которые могут быть использованы человечеством. Сейчас среди них могут быть названы минеральные, топливно-энергетические, химические, транспортные, рекреационные ресурсы. Еще в середине 1970-х гг. общий вклад морского хозяйства в мировое оценивался в 140—160 млрд. долл. [10]. В 1982 г. стоимость продукции и услуг морского хозяйства составила уже 390 млрд. долл., т. е. в сопоставимых ценах в 1,8 раза больше. Среди них традиционные фрахт за перевозки морским транспортом, перевозка пассажиров, выгрузка морской рыбопродукции, услуги индустрии туризма составили 52%, остальное—относительно новые отрасли. Морская добыча нефти принесла 140 млрд. долл., газа — 30 млрд. долл. Стоимость продукции морской горной промышленности (добыча угля, минеральных руд и т.п.) составила 4 млрд. долл. [9, 10].

Исследователи отмечают, что «лишь в середине нашего столетия началось хозяйственное использование океанских глубин и недр, но, исключая рыбные ресурсы, человечество до сих пор использует ничтожную часть того, что может дать Мировой океан при условии применения надлежащих орудий труда в соответствующих масштабах. Поэтому экономику океана называют "экономикой будущего" [11]. Наряду с другими странами, с мировым сообществом, СССР постоянно расширяет хозяйственную деятельность в Мировом океане. За последние 20 лет приняты следующие указы Президиума Верховного Совета СССР: от 6.02.1968 г. — «О континентальном шельфе Союза ССР», от 10.12.1976 г.—«О временных мерах по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в морских районах, прилегающих к шельфу СССР», от 17.04.1982 г.

— «О временных мерах по регулированию деятельности советских предприятий по разведке и разработке минеральных ресурсов морского дна за пределами континентального шельфа», от 29.02.1984 г.
— «Об экономической зоне СССР». Советский Союз и социалистическое содружество в целом вместе со всем человечеством находятся в начале большого пути по развитию в Мировом океане хозяйства принципиально нового, сложного, наукоемкого и капиталоемкого. На г. Петропавловск-Камчатский и южную часть п-ва Камчатка, один из базовых районов океанической деятельности СССР, могут быть возложены функции обеспечения экспедиционных предприятий, действующих в северной части Тихого океана и восточном секторе советской части Северного Ледовитого океана [5].

Если можно считать, что влияние океанического рыбного промысла на дальнейшее развитие г. Петропавловска-Камчатского возрастает незначительно, то судить о масштабах влияния других отраслей хозяйства с достаточной степенью определенности не позволяет отсутствие конкретных данных. Однако уже сейчас можно утверждать, что в г. Петропавловске-Камчатском в исторической перспективе предстоит разместить базовые предприятия новых отраслей океанического профиля и значительно развить вспомогательные и обслуживающие производства: машиностроение, металлообработку, энергетику, транспорт, снабжение. Оценивая масштабы влияния на развитие города фактора «базовый район для освоения природных ресурсов суши Камчатской области и прилегающего к ней шельфа», следует прежде всего отметить отсутствие научно обоснованной и нормативно утвержденной стратегической направленности использования природных ресурсов в названной зоне. Это — основное затруднение не только для формирования политики рационального природопользования и ведения хозяйственной деятельности, но и для перехода к определению характера и размерности новых и оценки перспектив развития существующих градообразующих функций г. Петропавловска-Камчатского. Распространено мнение о приоритетности для Камчатской области сохранения, приумножения и рационального использования биологических водных ресурсов как общесоюзного значения уникального источника высокоценной рыбной пищевой продукции. Оно неоднократно высказывалось на совещаниях и конференциях, встречалось в печатных изданиях, фиксировалось в рекомендациях. Но до последнего времени оно не обосновано достаточно удовлетворительно в теоретических разработках, не закреплено в нормативных актах. С другой стороны, это мнение далеко не всеобщее, поскольку

рассматривается как связь Природы с её продуктами, Человеком и Обществом, воздействующими, в свою очередь, на Природу, преобразующими биосферу Земли. При опоре на такие подходы есть основание рассматривать развитие народов в рамках законов, общих для Природы и Общества. К таким законам можно отнести общие положения диалектического и исторического материализма; законы системного, биологического, экологического, социального, этнологического, экономического развития. С этой особенностью воззрений на формирование человечества связано возникновение наук, комплексно изучающих совокупность в нём биологических и социальных начал, таких наук, как «социальная эволюция», «социальная генетика», «социальная психология» и т.п.

В то же время, существуют и антропоцентрические, и теологические методологические подходы к пониманию происхождения и развития человека и человечества, в конечном счете выводящие проблему за рамки рационального и конструктивного мышления. Здесь эти системы воззрений не рассматриваются.

Таким образом, конкретные ситуации, определяемые в терминах «более», или «менее» «развитые», мы рассматриваем с той точки зрения, что сопоставляемые народы прошли или не прошли ту или иную форму общественного, социального, цивилизационного, технологического развития. Эти формы, эти состояния могут быть достаточно точно описаны теоретически, в понятиях отвлеченных, высокого уровня абстракции. Практически они не всегда могут быть выражены в количественных и качественных показателях. С некоторой объективностью и определенностью их часто устанавливают в сопоставлении. К таким состояниям могут быть отнесены: степень разделения труда; степень развития товарно-денежных отношений; тип природопользования и характер связей со средой обитания; характер технического и технологического обеспечения производства и быта; стадия общественно-формационного развития (отношения собственности в первую очередь); достаточность демографического потенциала для социального развития; степень развития бытовой культуры, искусства, семейно-родственных отношений и т.п.

Такие сопоставления, однако, не всегда однозначны, а иногда — противоречивы. Например, в конце XX — начале XXI веков не вызывает споров, где больше прекрасного, образного, эстетичного: в «примитивном искусстве» древних и современных «отставших в общественном движении» народов или в «поп-культуре», в «киче», порождённых «социально высокоразвитой», «цивилизованной» средой, но признаваемых низменными по образному строю и со-

ниях о характере развития человечества как совокупности народов, населяющих Землю.

В одной группе представлений человечество рассматривается как относительно жёстко организованная иерархическая система, в которой каждое звено занимает жёстко определённое место. В других представлениях человечество рассматривается как система гибкая, не иерархическая, не предусматривающая неизменного соподчинения частей.

Первая методологическая позиция позволяет рассматривать человечество как целостность, состоящую из частей, развивающихся по одной траектории, находящихся в различных точках этой траектории, перемещающихся по одной оси с разной скоростью, но в каждый исторический момент находящихся одни – выше, другие – ниже на одной шкале. В рамках этого методологического подхода формируются системы представлений о «сверхдержавах», моноцентрическом или полицентрическом устройстве мира; о делении народов на «цивилизованные» и «нецивилизованные»; системы воззрений, согласно которым, изменяя скорость общественного развития отдельных народов, можно исторически быстро переместить их положение на общей единой оси развития человечества. Такой методологический подход часто подтверждается практикой развития человечества и лежит в основе многих теоретических разработок.

Другие методологические подходы ориентируются на рассмотрение человечества как нежёстко организованного целостного множества, состоящего из частей, могущих развиваться по разнообразным траекториям в зависимости от различия условий происхождения и проживания, без обязательной прямой зависимости от воздействий других народов, более сильных (не обязательно – более развитых!) на данном конкретном отрезке истории. И этот методологический подход также часто подтверждается практикой развития человечества, разнообразием и сменяемостью не зависящих друг от друга или взаимозависимых цивилизаций и этносов, где бывшие «сильными» народы оказывались погребёнными историей, а бывшие «слабыми» – восходили в «развитые». И этот методологический подход также служит основой для многих теоретических разработок о разнообразии мира, равноправии народов, общечеловеческих правах и т.п.

В науке сложились также методологические подходы, основанные на рассмотрении человека и человечества как развивающихся биосоциальных явлений, а Общества как явления, связанного с Природой не только как со средой обитания человека. Эта связь

им в полном объеме не руководствуется в практической деятельности ни одно ведомство, не исключая Министерство рыбного хозяйства и его региональные подразделения.

Наиболее вероятно, в конечном счете, что на основе результатов научных исследований и планово-проектных разработок Камчатская область с ее огромной территорией в 472 тыс. км² и прилегающая к ней акватория экономической зоны и территориальных вод площадью более 1 млн. км² будут районированы по режимам природопользования на зоны самого разного типа: от полного заповедания территорий до разрешения всех видов хозяйственной деятельности..

Не задаваясь целью рассматривать возможность размещения конкретных предприятий на конкретных площадках, можно отметить, что уже современный уровень знаний позволяет ожидать развития в отдельных зонах Камчатской области таких отраслей специальной специализации, как рекреационное хозяйство и горнодобывающая промышленность, которые будут дополнять единственный в настоящее время специализированный рыбохозяйственный комплекс, придавая всему народному хозяйству области большую устойчивость и создавая экономическую основу для комплексного освоения не только побережья, но и всей территории. Основное же развитие должны получить хозяйства по обеспечению условий для сохранения естественной биологической продуктивности, искусственному воспроизводству, выращиванию, экологически и технологически обоснованному изъятию рыбы и морепродуктов в шельфовой и прибрежной зонах, реках и внутренних водоемах, в долговременной перспективе переходящие в основном к формам культурного хозяйствования [5].

Оставаясь главной базой для развития этих отраслей специализации и возникающих на их основе межотраслевых комплексов, г.Петропавловск-Камчатский будет, следовательно, и в долговременной перспективе получать экономические градообразующие импульсы. Таким образом, основываясь на анализе основных факторов развития, можно утверждать, что г. Петропавловск-Камчатский будет расти. Большинство количественных параметров роста не могут быть сейчас определены с исчерпывающей точностью, поскольку являются функцией от многих количественно непредсказуемых на срок более 25—30 лет факторов, например, таких основополагающих, как темпы роста производительности труда в отдельных отраслях хозяйства. Однако исследование закономерностей и условий роста необходимо уже сейчас. Рассмотрим подробнее одну из задач:

определение стратегии территориального развития, — которая может и должна быть решена в ближайшее время, ибо затянувшаяся неопределенность решения может привести и уже приводит к значительным потерям общественного труда.

Петропавловск-Камчатский относится к городам с исключительно сложными климатическими, геологическими и другими природными условиями. Окружающие его кажущиеся необъятными «просторы Камчатки» перекрыты строительно-планировочными ограничениями (цунами-опасность, сейсмика, инженерно-геологические и гидрологические условия, проявления активного вулканизма, рельеф, лавиноопасность), резко сокращающими возможность приращения территорий.

В пространственном развитии города проявились особенности, присущие опорным пунктам освоения в приморских районах. В первую очередь развивались морской порт и связанные с морем производства. Тяготение отраслей специализации к акватории обусловило дефицит территорий в прибрежной зоне. Постепенно создавалась инфраструктура, налаживались сухопутные транспортные связи с прилегающими районами. Город складывался в результате слияния отдельных сел и поселков, образовавшихся на побережье Авачинской бухты: п.Завойко, Индустриальный, Моховая, с. Сероглазка, Авача и т.д. Одновременно формировались поселения вдоль транспортных связей с областью, наиболее крупное из них — г.Елизово (рис. 2).

Быстрый рост г. Петропавловска-Камчатского и окружающих его поселений являлся результатом развития, прежде всего, социально-экономических структур, которое, как правило, опережало проектно-планировочные разработки. В связи с этим возникли стихийные конфликтные ситуации с использованием территорий в городе и прилегающей зоне. Наиболее существенные из них: дисбаланс между прогнозной численностью населения и наличием пригодных для застройки земель в пределах городской черты, отсутствие территориальных резервов для развития отраслей морской специализации, почти полная занятость совхозами территорий вдоль автотранспортных магистралей на г. Елизово, куда могла бы развиваться городская застройка. А между тем, зона г. Елизово — с. Коряки по природным условиям гораздо более благоприятна для размещения жилой застройки, чем г. Петропавловск-Камчатский (табл. 1).

наук, состоявшейся 2 – 5 июня 2004 г. в г. Хабаровске. Российская Академия Наук – Хабаровск: 2004. – 36 с.

5. Ишеев, В.И. Стратегия развития Дальнего Востока в изменяющемся мире. Доклад на международном симпозиуме 06.03.2003 г. – Хабаровск: 2004. – 15 с.

6. Формирование рынка рыбы и морепродуктов в Дальневосточном экономическом регионе: Научно-статистический сборник / СВКНИИ ДВО РАН – Магадан, Магаданский облкомстат, 1995. – 131 с.

7. Камчатка, Россия и страны мира: статистический сборник – Петропавловск-Камчатский: Камчатский облкомстат, 2002 – 155 с.

8. Беневоленский, Б.Н. Золото России: проблемы использования и воспроизводства минерально-сырьевой базы. – Изд. 2-е. – М.: ЗАО «Геоинформмарк», 2002. – 404 с.

9. Максимова, М. Проблемы стабильности мировой экономики.// Мировая экономика и международные отношения. – Сентябрь, 2004 – с. 3 – 8.

10. Ишеев, В.И. Стратегия развития Дальнего Востока в изменяющемся мире. Доклад на международном симпозиуме 06.03.2003 г. – Хабаровск: 2004. – 15 с.

11. Нефтегазовые месторождения России и республик бывшего СССР// Деловые люди. – Октябрь, 1994.

Научные труды ГОУ ВПО ДВФ ВВАТ. Выпуск 12. Петропавловск-Камчатский: Изд-во ДВ ВВАТ. -2005.

РАЗВИТИЕ ЭВЕНОВ КАМЧАТКИ В XX ВЕКЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В XX-й век переходят представления о том, что в общем этническом, национальном разнообразии человечества выделяются народы, находящиеся на первобытно-общинной стадии общественно-исторического развития или вышедшие из неё исторически недавно. Эти народы живут в разных природных и социально-экономических условиях, но их относят к одной группе народов «менее развитых» по сравнению с народами «развитыми».

Классификация народов по признаку «большей» или «меньшей» «развитости» часто воспринимается эмоционально и этически как несправедливо обижаящая одни и незаслуженно возвеличивающая другие народы.

Применение такой классификации имеет, однако, не столько эмоциональную, сколько методологическую основу в представле-

го мониторинга с опубликованием его результатов.

Вероятно в среднесрочной перспективе уровень централизации власти в России не понизится. В связи с этим влиять на процессы интеграции нефтегазового рынка России в нефтегазовый мировой рынок со стороны Дальнего Востока и Камчатской области можно только путем настоятельного внесения предложений, в оптимальной степени учитывающих интересы и общегосударственные, и региональные. Другой вариант интеграции заключается в полном подчинении всех интересов регионов интересам нефтегазового комплекса России, интегрированного в мировой рынок. В этом случае долгосрочные интересы Дальнего Востока, не формализованные и организационно не представленные, не учитываются. Интегрируемый в мировой рынок субъект Федерации может рассчитывать в таком случае только на учет конъюнктурных интересов, что привлекает, в особенности, те регионы, которые находятся в тупиковом социально-экономическом состоянии, но ориентирует их развитие в тупики исторические.

Таким образом, в качестве обобщенного вывода можно представить следующей. Основные проблемы интеграции Камчатки в международный и дальневосточный рынки состоят в неупорядоченности отношений между федеральным, дальневосточным и региональными уровнями; в отсутствии комплексного подхода к разработке и оценке программ освоения и использования ресурсов, развития регионов и построения взаимодействий с мировым рынком. Решению этих проблем и целесообразно отдать приоритет.

Библиография.

1. Социально-экономическое положение Камчатской области в сравнении с регионами Дальневосточного федерального округа. Статистический сборник // Петропавловск-Камчатский: Камчатский облкомстат, 2002 – 79 с.

2. Проект Закона Камчатской области «Об областном бюджете на 2004 год», рукопись. Администрация Камчатской области, исх. № Л-41-3745 от 29.09.2003 г.

3. Дальний Восток и Забайкалье – 2010. Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 г.; под ред. П.А. Минакира, ИЭН ДВО РАН. – М.: ЗАО «Экономика», 2002. – 434 с.

4. Инфраструктурный сегмент интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Аналитическая записка по материалам выездной сессии Отделения общественных наук Российской академии

Таблица 1

Природно-климатические характеристики г. Петропавловска-Камчатского и Елизово

Наименование	Петропавловск-Камчатский	Елизово
Рельеф	Горный	Равнинный, всхолмленный
Сейсмичность, балл.	9	8
Штитель (дней в году)	5 – 17	41
Средняя годовая скорость ветра, м/сек	До 7,2	2,5
Среднее число дней в году с ветром более 15 м/сек	До 124	22
Среднее количество осадков с поправкой (в мм в осадкометре)	До 1617	760
Суточный максимум осадков, мм	207	89
Снежный покров (средний на зиму), см	До 130	52

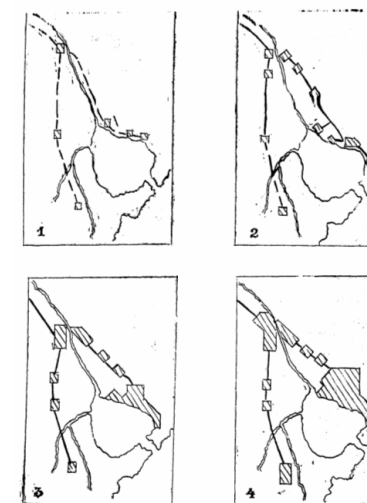

Рис. 2. Схема расселения в районе Авачинской губы в 1920—1980 гг. 1 — 1920-е гг.; 2 — 1940-е гг.; 3 — 1960-е гг.; 4 — 1980-е гг.

Концепция управления пространственным развитием г. Петропавловска-Камчатского предполагает разработку системы научно-обоснованных, плано- и проектно проработанных мероприятий. К основным из них можно отнести следующие: ограничение роста численности населения и занятия территорий под неселитебные цели путем ограничения развития существующих и запрещения размещения новых производств, прямо не связанных с морем; разработка схемы комплексного использования прибрежной зоны и акватории Авачинской бухты; рационализация застройки пригородной зоны, что связано, на наш взгляд, с принципиальной переоценкой стратегии ее освоения.

В настоящее время проектные, а, главное, практические решения по развитию, планировке, застройке пригородной зоны г. Петропавловска-Камчатского основываются на устаревших представлениях о пригородной зоне как пространстве, где размещаются сельскохозяйственные производства и зеленая зона, организуется отдых населения города, автономно развиваются пригородные населенные пункты [7]. В теории уже утвердились представления о том, что одной из главнейших задач развития пригородных зон крупных городов должно быть регулирование роста этих городов, создание социально-экономических и пространственно-планировочных структур, способных обеспечить гармоничное сочетание многообразных функций, связанных с жизнеобеспечением населения, развитием производства, охраной окружающей среды [16, 7]. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что одной из основных особенностей современного развития расселения в СССР является формирование агломераций, которые занимают «узловые, фокусные точки» в территориальной организации народного хозяйства СССР» [4].

В пригородной зоне г. Петропавловска-Камчатского сложилась агломерация, которая по принятым критериям [3, 4] может быть отнесена к крупным. Она состоит из двух городов и более десяти поселков и сел, находящихся от центра системы в двухчасовой доступности на общественных видах транспорта. Очевидно, что плано-вые и проектно-планировочные решения, регулирующие социально-экономическое пространственное развитие каждого из них, должны приниматься не порознь, а комплексно, в полной и всесторонней взаимосвязи.

Выводы. Оценивая на основе рассмотренных факторов перспективы развития г. Петропавловска-Камчатского, можно предположить размещение в нем новых предприятий «океанической» специализации, а также связанных с ними вспомогательных и обслу-

энергетического комплекса за 1990-е годы оказался почти полностью интегрирован в интересы мирового рынка, в особенности в части, определяющей стратегию развития. Мировой нефтяной рынок относится к наиболее жестко организованным, имеет более чем вековой опыт навязывания своей воли, вырабатываемой не только в структурах картельного типа среди стран-производителей и стран-потребителей, но и в согласованном взаимодействии небольшого количества крупнейших транснациональных компаний. В несколько меньшей степени интегрирована (не объемом поставок, а организационно) в мировой рынок газодобывающая промышленность России, возможно только за счет ограничений, налагаемых государственной собственностью. Дополнительная сложность ситуации связана с тем, что нефтегазодобывающие секторы экономики России остались основными, поддерживающими относительную устойчивость социально-экономического организма страны.

Определяющей активной стороной в этой интеграции не является российский федеральный уровень. В какой точно степени управляем этот процесс с российской или международной стороны, можно определить не столько по редким поверхностным дозированным публикациям, сколько из анализа результатов. Один из очевидных, соответствующих интересам в первую очередь интегрирующего российскую нефть мирового рынка результатов названной интеграции состоит в расширении географии раздачи всех открытых и предполагаемых месторождений для разведки и промысла. Этот процесс затрагивает все регионы России и весь шельф прилегающих морей. Более подробно часть этой проблемы освещена выше [12].

В такой ситуации главный вопрос интеграции в мировой, российский и дальневосточный рынки нефте- и газопромыслов на прикамчатском шельфе состоит в определении степени зависимости ее прежде всего от России в целом, а не от Дальнего Востока (интересы его в целом в данном случае не выражены), отдельных его регионов и Камчатской области, в частности. Очевидно, что процесс исторически мгновенной раздачи для освоения всех более или менее перспективных месторождений не соответствует стратегическим интересам энергетической безопасности страны в целом. Для отдельных регионов эти процессы могут оказаться в большей или меньшей степени социально-экономически соответствующими их интересам и экологически приемлемыми. Но степень этого соответствия должна оцениваться путем комплексных разработок, предваряющих проектные работы; оценок проектных работ и независимо-

рующих и в реальном режиме времени обменивающихся информацией о совершённых на российском и мировом рынках сделках и об их параметрах. Без этого, в частности, невозможно нейтрализовать, хотя бы частично, действие механизмов «теневой» рыночной деятельности как российских, так и международных. Это необходимо также для отделения преимущественно экономической части «теневой экономики» от преимущественно криминальной.

Другое направление - целенаправленная, скоординированная по всему Дальнему Востоку и теперь уже вероятно длительная борьба неэкономическими методами с разрушительной для природно-сырьевой базы криминальной частью «теневой экономики».

Несколько иная ситуация формируется в сфере интеграции в мировую экономику минерально-сырьевого и топливно-энергетического комплексов. Наиболее энергично на протяжении более 10 лет на уровне государственной власти Камчатской области и представителей федерального уровня власти предлагается освоение золоторудных месторождений. Ранее оно ориентировалось на освоение за счет инвестиций операторов иностранных государств. В последние годы - переориентировалось на инвестиции российских предпринимателей. Внутрироссийский спрос на драгоценные металлы регулируется на федеральном уровне, в том числе в связи с необходимостью формирования государственного золотого запаса. При относительно слабом внимании к этому виду природных ресурсов Камчатки на мировом рынке вероятно, что предприятия золотодобывающей промышленности Камчатской области могут оказаться в состоянии конкурентной борьбы с аналогичными предприятиями Дальнего Востока и России на российском рынке золота. Учитывая не только чисто рыночное, но и важное государственное валютообразующее значение золота, целесообразно ожидать координирующих воздействий на развитие этой отрасли со стороны российского рынка. Видимых проявлений такой координации в настоящее время нет. Спрос на золото в России административно сосредоточен на федеральном уровне, а экономически - на внутрироссийском и международном криминальном. В этой ситуации вопрос об интеграции возможно формирующихся названных предприятий Камчатки на дальневосточном уровне не имеет перспектив.

Намного более сложной, масштабной по объему и кругу затрагиваемых интересов является проблематика межрегиональной, государственной, международной интеграции топливно-энергетических комплексов. Не подвергается сомнениям то обстоятельство, что российский нефтедобывающий блок топливно-

живающих отраслей хозяйства и выполнением функций центра освоения тяготеющей зоны. В связи с этим можно ожидать существенного роста численности населения. Регулирование пространственного развития вновь образующихся и существующих социально-экономических структур возможно путем управления формированием агломерации, складывающейся в районе Авачинской бухты.

Библиография.

1. Алексеев, А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М.: Наука, 1982. 288 с.
2. Биологические ресурсы океана. М.: Агропромиздат, 1985. 288 с.
3. Гольц, Г. А. Стадии развития, структурные уровни и константы территориальных общностей расселения и хозяйства. — Известия АН СССР. Сер. Геогр. 1986. № 2. С. 34—48.
4. Лаппо, Г. М. Становление и развитие исследований проблем городских агломераций в СССР. — В кн.: Динамика расселения в СССР. М.: Мысль, 1986. с. 119—130.
5. Минакир, П., Рензин, О. Чичканов В. Экономика Дальнего Востока. Перспективы ускорения. Хабаровск, 1986. 256 с.
6. Перчик, Е. Н. Районная планировка и региональные проблемы расселения. — В кн.: Динамика расселения в СССР. М.: Мысль, 1986. с. 76—83.
7. Пригородные зоны крупных городов. ЦНИИПградостроительства. М., 1969. 410 с.
8. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М.: Наука, 1984. 320 с.
9. Студенецкая, Л. С. Оценка экономической значимости морехозяйственной деятельности. — В сб.: Географические аспекты изучения Мирового океана. Л., 1985. С. 98—99.
10. Тинберген, Ян. Пересмотр международного порядка. М.: Прогресс, 1980. 416 с.
11. Экономическая география Мирового океана. Л.: Наука, 1979. 311 с.

*Вопросы географии Камчатки. Выпуск 10. —
Петропавловск-Камчатский, 1990.*

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИКИ КАМЧАТКИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЫНКАХ

Вопросы интеграции экономик Дальнего Востока и Камчатки в международный рынок актуальны. Обе имеют во внешнеэкономической деятельности удельные показатели достаточно благополуч-

ные на общероссийском фоне. За 2000-2002 гг. Дальний Восток, имея около 4% населения России, обеспечивал 4,3-5,6% российского экспорта и 2,0-2,5% импорта товаров. Камчатская область, имея около 0,26% населения России, обеспечивала 0,3-0,4% российского экспорта и 0,1-0,2% импорта товаров. При этом Дальний Восток вывозил товаров на сумму в 3-5 раз большую, а Камчатская область - в 5-7 раз большую, чем ввозила. В целом по России это соотношение составляет 1,5-2,5 раза [1]. Можно считать, что Дальний Восток и Камчатская область обогащают Россию. Но числятся в дотационных регионах, испытывают большое напряжение в ликвидации экономических и социальных тупиков, уровень жизни населения в них ниже, чем в среднем по России, и население из них выезжает.

Один из главных вопросов интеграции этих регионов в мировой рынок: не будет ли целесообразным привести в соответствие результаты внешнеэкономической деятельности с их последствиями для социально-экономического развития. Это несомненно стимулировало бы интенсификацию и рационализацию интеграции обоих регионов в мировое хозяйство и увеличение их вклада в развитие России.

Другой важный вопрос состоит в том, что по объективным обстоятельствам, например, по пространственной, транспортной и ресурсной составляющим, экономика Дальнего Востока и Камчатки тяготеет к мировым рынкам в гораздо большей степени, чем это отражено в их современной внешнеэкономической деятельности. Расширение и углубление их интеграции в мировую экономику могло бы принести большую пользу и регионам, и России. Но этого не происходит, и причины этого обстоятельства исследованы недостаточно.

Поэтому рассмотрение проблем интеграции в мировой рынок Дальнего Востока и Камчатки актуально, а решение их необходимо в интересах не только самих регионов, но страны в целом. Рассмотрение этих вопросов для Камчатской области целесообразно разделить на три круга. Один связан со своеобразием современного российского федерализма и проблемами отношений по линиям Россия - Дальний Восток и Россия - субъекты Федерации, в том числе Камчатка. Второй - проблемы взаимоотношений по линии Дальний Восток - субъекты Федерации. Третий - проблемы интеграции экономики собственно Камчатки в международный и дальневосточный рынки.

Начало XXI века в России характерно ослаблением федерализма. Неизбежная во внезапно обедневшей стране определенная цен-

деятельности. Главное в этой деятельности - сохранение водных биологических ресурсов и решение общегосударственного значения долговременных социально-экономических задач в регионах. Фискальное значение рыбохозяйственного комплекса, развитие его отдельных экономических субъектов, соотношения ориентации на внутрироссийский и мировой рынки, - это задачи, которые имеют хоть и важное, но второстепенное значение, отражающее в большей мере методы решения задач первостепенной важности. Перевод взаимодействий между регионами Дальнего Востока из режима конкурентной конфронтации в борьбе за квоты и лимиты в режим стимулирования экономической ответственности регионов и экономических субъектов за сохранение и рациональное использование водных биологических ресурсов в конкретных водоемах, - одна из важных проблем развития экономики Дальнего Востока.

Одно из важных направлений интеграции экономики Камчатки в дальневосточный рынок - использование рекреационных, водных, других природных ресурсов для обслуживания населения и решения других экономических задач на Дальнем Востоке.

Важным условием для управления интеграцией экономики Камчатской области в дальневосточном рынке является дифференциация этого рынка в территориальном и отраслевом отношениях. Очевидно, что интеграция в рыбохозяйственной сфере необходима с регионами приморской специализации; в сфере рекреационного обслуживания - с урбанизированными центрами; в сфере ценообразования на транспорте и в энергетике - со всеми регионами, имеющими схемы транспортного и энергетического обеспечения, аналогичные Камчатской.

Во втором блоке проблем выделяются те требующие безотлагательного решения вопросы интеграции действий дальневосточных субъектов на мировом рынке, неупорядоченность которых в настоящее время приводит, как минимум, к двум группам негативных последствий, неразрешимых без координации. Одна связана с координацией цен, объемов и видов продукции, реализуемой в наиболее конкурентных точках сбыта. К ним могут относиться в настоящее время рынки Японии, Кореи, Китая, США. Например, создание системы региональных информационно-аналитических центров, связанных с основными мировыми центрами, отражающими конъюнктуру рыбного рынка, позволит не только своевременно обеспечивать предпринимателей полноценной информацией, но и разрабатывать аналитические и прогнозные материалы. Необходимо также создание рыночных и административных структур, фикси-

вающих неэкономические государственные интересы (оборона, охрана границ, наука и научное обслуживание, обеспечение всего комплекса видов безопасности и т.п.).

К таким отраслям относятся машиностроение, внешний и внутренний транспорт, продовольственное обеспечение, производственная и социальная инфраструктура, энергообеспечение, строительство, трудоустройство вольнонаёмными служащими и т.п. Интеграция этих отраслей экономики в дальневосточном разрезе, на уровне субъектов Федерации, хотя здесь она в повседневной жизни обеспечивается по традиционным, десятилетиями сложившимся механизмам, должна, на наш взгляд, обеспечиваться путем взаимодействия федеральных структур. Интеграция этих специфических сфер со сферами, связанными с экономической специализацией, относительно просто обеспечивается в долгосрочном плане при рациональном налаживании информационных и финансовых потоков, исходящих от этих структур.

2. Особое место в этом блоке занимает решение общегосударственного значения задач исторически длительного значения. К ним относятся, как минимум, следующее.

а) экономическое обеспечение заселённости Камчатки и Дальнего Востока как территорий российской государственной принадлежности;

б) социально-экономическое и экологическое обеспечение комплексного исторически длительного рационального использования природно-ресурсного потенциала исключительной экономической зоны и шельфа в придальневосточных районах Тихого океана. Научное и управленческое обеспечение решения этих задач в пределах Дальневосточного федерального округа, организация рациональных взаимодействий субъектов Федерации, контроль и помощь в организации соответствующей экономической политики в субъектах Федерации возможны через федеральные органы управления, а также через управленческий аппарат, формируемый на уровне Дальневосточного федерального округа.

3. Важное значение имеет интеграция усилий Камчатки и других регионов Дальнего Востока в борьбе за рационализацию транспортного и энергетического обеспечения, в том числе тарифной политики, включая и регулирование цен на энергоносители, которые в настоящее время упорно отсекают экономику Дальнего Востока от исторически давно обжитых районов России.

4. Необходима организация очень тесных взаимодействий всех дальневосточных регионов для рационализации рыбохозяйственной

трализация политической и экономической власти, как представляется, перешла меру рационального. Это проявляется не только в консервации процессов социально-экономического обрушения во многих регионах, но и в формировании механизмов, тормозящих и даже препятствующих возрождению экономики в этих регионах. На федеральном уровне чрезмерно концентрируются доходы консолидированного бюджета. Недаром из 100 крупнейших банков России 84 находятся в столице страны. А в субъектах Федерации и муниципальных образованиях концентрируется не наделенная ресурсами ответственность за финансирование образования, здравоохранения, культуры, катастрофическое состояние коммунального хозяйства и т.д. и т.п. Попытки регионов получить разрешение пользоваться правами, предусмотренными Конституцией для самостоятельного развития, вызывают в Центре подозрения, в сепаратизме, в покушении на целостность страны.

Для ясности, под Центром имеются в виду не отдельные фамилии, должности, органы власти. Под Центром имеется в виду вся совокупность формализованных и неформализованных социальных структур, сконцентрированных в столице и в настоящее время являющихся, осознанно или неосознанно, носителями идеологии колониальной централизации страны. По этой идеологии только Центр знает, когда, кому, зачем и как развиваться, и что для этого нужно. Центр знает, кого наказать, кого поощрить. И Центру необходимо, чтобы в стране был хотя бы «либеральный», но все же «империализм».

Так, Камчатская область осенью 2003 года оказалась очередным козлом отпущения за тяжелую ситуацию в коммунальном хозяйстве страны в преддверии зимы. Такие мальчики для битья Правительством и государственными средствами массовой информации находятся ежегодно и морально отдуваются за общие грехи. Область посетило множество правительственных комиссий. Вот две цитаты из публичных выступлений их представителей. Первая - на вопрос об отсутствии у региона финансовых ресурсов. «А вы же - нищая область. Живете на трансферты от Правительства. Не знаем, зачем мы вам деньги даем. Вы все тратите неизвестно куда». Вторая - на реплику губернатора области, мол дайте нам самим пользоваться природными ресурсами, мы не будем ходить к Вам за финансовой помощью, прозвучало вот что: «Вы что, сепаратизма захотели? Сепаратизмом мы отболели в 1991 году». Между тем, в Камчатской области собирается более 14 млрд. руб. налогов и сборов, около 3 млрд. руб. остается в консолидированном бюджете области, около 6

млрд. руб. передаются с федерального уровня в виде трансфертов, в том числе на содержание структур, имеющих общегосударственное значение. Область - не хлебник в России [2].

Эти слова приведены как иллюстрация к сложившемуся в стране положению, которое тормозит развитие и страны, и периферийных регионов, называемых отсталыми, дотационными, депрессивными, стагнирующими, кризисными. Для этих регионов находится много прилагательных, но мало финансов. При этом периферийность региона определяется не только по географическому положению относительно Центра, но и по экономическим, политическим, даже личностным интересам Центра.

Федеральный уровень формирует экономику страны под концепцию целостного, общего, единого российского экономического пространства. При этом проводится политика создания реальной экономики России как однообразного, унифицированного целого, действующего по единым законам и правилам. Но в России теоретически невозможны однообразное экономическое пространство, однообразная экономика. Невозможны из-за многообразия природных, социально-экономических, геополитических, иных условий развития, требующих различий и в организации экономических процессов. А организовать эти различия Центр не умеет, даже когда, в отдельных случаях, - хочет. В политических и экономических отношениях, характеризующих федерализм в современной России, сложилось слишком много недоверия. Федеральный уровень забирает до 70 % средств государственного бюджета, объясняя тем, что регионы неправильно тратят финансы, Государственная Дума и регионы подозревают в том же Правительство.

Центр не доверяет местному уровню принятие оперативных хозяйственных решений даже в каждодневно меняющихся ситуациях. Вершина такого парадокса в Камчатской области - ежегодное подписание Председателем Правительства России разрешений на промысел лососей, идущих на нерест в реки за десять тысяч километров от Москвы. Подготовка решений на таком уровне требует многочисленных согласований и времени большего, чем рунный ход лососей. Такой мелочной централизации власти Дальний Восток не знал ни при царской, ни при советской власти. На местах не верят финансовой системе, оставляющей губернаторов и муниципалитеты без ресурсов наедине с не получившими зарплату бюджетниками, массово разрушающимися инженерными коммуникациями, тупиково неразрешимыми долгами в энергетической сфере и тотальными обвинениями в плохом хозяйствовании. Политические власти

федеральным уровнем остается определение исторически длительных, общегосударственно значимых рамочных положений интеграции.

В связи с этим может определиться и общий рисунок экономических последствий интеграции региона в мировой рынок. Известны как минимум, два вида таких последствий: «обедняющий рост» и «обогащающий рост». Учитывая специфику современного российского федерализма, выбор направлений, моделей, последствий интеграции Камчатской области в мировой рынок зависит в настоящее время только от федерального уровня власти. Камчатская область может и должна только писать предложения, без уверенности, что они будут приняты. И это - важнейшая проблема, если относиться к Камчатской области не только как к субъекту интеграции, но и как к субъекту Федерации, как к административно-территориальной единице, где сложился целостный социально-экономический организм, население и т.д.

Переходя к той части темы, которая связана с интеграцией экономики Камчатской области в дальневосточный рынок, разделим её на два блока. К одному отнесём интеграционные связи в экономических сферах, связанных с организацией внутривосточных взаимодействий по обмену товарами и услугами. Эта группа вопросов особенно актуальна в настоящее время в связи с резким изменением в направлениях поставок продукции, произведенной в регионах дальнего востока. В 1990 году на внешний рынок вывозилось около 6 % произведенной продукции, около 75 % - в другие районы страны, около 19 % - потреблялось внутри региона. В 2000 году такие доли составляли около 18,2 %; около 4,3 %; около 77,5 % произведенной продукции. Такая динамика показателей отражает резкое ослабление связей экономики Дальнего Востока с экономикой России; резкое увеличение ее связей с мировой экономикой; резкий поворот региональной экономики на внутрирегиональный рынок [11].

Ко второму блоку - интеграционные связи в сфере урегулирования, согласования взаимодействий экономик отдельных экономических субъектов Дальнего Востока на мировом рынке. Цель такой интеграции - выработка согласованной линии поведения в международных экономических отношениях, предотвращение национальных и региональных экономических потерь.

В первом блоке основное место занимают следующие направления.

1. Взаимодействия в сфере экономических отраслей, обеспечи-

которые можно было бы назвать зачатками форм мирового рынка (ГАТТ, ВТО), противоречивы, не устоялись, не определили себя. Противоречив и еще не определился сам процесс «глобализации».

Это краткое отступление необходимо потому, что вопрос об интеграции в мировой рынок таких противоречивых по возможностям одновременного освоения природных ресурсов, как водные биологические и углеводородные природные ресурсы Охотского и Берингова морей, не может быть решен на мировом рынке, поскольку на нем отсутствует рыночный субъект, способный подготовить и принять комплексное решение. Прерогативы такого решения, не только обусловленные правовыми и экономическими соображениями, но и связанные с моральной ответственностью за провозглашенное человеческим обществом «устойчивое развитие», - за российскими органами управления федерального уровня. Можно заметить также, что это проблема не узко экономическая. Она не решается только механизмами платежеспособного спроса, конкурентоспособного предложения и т.п. Это проблема также из областей долгосрочного социально-экономического прогнозирования, экономического мировоззрения, экономической этики, экономической психологии, инструменты которых начали вырабатываться только в конце XX века. Но решение надо принимать сейчас, безотлагательно. И в этом - одна из проблем.

Таким образом, замыкая часть темы, связанную с интеграцией экономики Камчатской области в мировой рынок, можно отметить следующее. В настоящее время эта экономика интегрируется в мировой рынок спонтанно и дисперсно, по взаимонеувязанным условиям, определяемым с федерального уровня. Регулирование этого процесса осуществляется в гораздо большей мере не экономическими, а федеральными административными разрешительно-запретительными мерами. Роль Камчатской области в этом процессе минимальна. Предвосхитить стратегию и даже идеологию поведения российского федерального государственного механизма - сложно. В этой ситуации возможны, кроме сложившейся, несколько моделей развития, принципиально различающихся. Назовем два. Нейтралистский вариант, при котором интеграцией экономики Камчатки в мировой рынок управляют федеральные органы политической власти и мощные, сконцентрировавшиеся в Москве финансово-промышленные группы. Федералистский вариант, при котором органы политической власти субъекта федерации получают возможность в оперативном отношении самостоятельно определять направления, участников и формы интеграционных процессов. За

не верят так называемым олигархам, которые не верят власти. Никто не верит их видимым взаимоотношениям. Банки не верят Правительству. Правительство - банкам. Население, как показывают публикуемые результаты исследований, не верит никому.

Эта проблема всеобщего недоверия - важная из мешающих развитию Дальнего Востока. Он наиболее удален от Центра. Наименее понят Центром. Теряет население. Имея гигантское геополитическое значение, вызывает у «центральной элиты» платоническую, а у власти - реальную тревогу. Эта тревога превращается в поручения, например, о разработке мер по «Закреплению экономически активного населения». Неадекватность этого подхода для решения проблемы заселенности региона, с природными условиями от арктических до почти субтропических, занимающего территорию площадью более 6 млн. кв. км, - очевидна, но не воспринимается на федеральном уровне управления. Главное, что необходимо решить для раскрепощения социально-экономического потенциала Дальнего Востока, в том числе для интеграции в мировой рынок - сменить атмосферу недоверия на атмосферу доверия, без которой невозможно никакое развитие. У Дальнего Востока нет желания стать нерусским Дальним Востоком. Он может стать нерусским только вопреки своему желанию, только вследствие боязни Центра дать Дальнему Востоку стимулы для развития, управляемого самостоятельно в рамках общегосударственных долговременных стратегий. Тогда откроется возможность полно и рационально использовать выгоднейшее географическое положение и богатейший природно-ресурсный потенциал Дальнего Востока и Камчатской области в тех секторах мирового рынка, где это можно сделать высокоэффективно.

Второй круг проблем связан с характером социально-экономических взаимодействий между входящими в состав Дальнего Востока субъектами Федерации.

В начале 1990-х годов территориальные социально-экономические организмы Дальнего Востока, и ранее пространственно разделенные, но связанные организационно и экономически, были порознь вброшены в хаос нерегулируемых интегрирующих и дезинтегрирующих воздействий. Дезинтегрирующие факторы оказались сильнее. Каждый субъект Федерации выплывал в одиночку. Попытки оживить интеграцию путем создания Ассоциации субъектов Федерации, а также института Полномочного Представителя Президента РФ, прямого видимого влияния на усиление действия интегрирующих факторов не оказали. Отдельные территориальные

и отраслевые секторы экономики вплоть до отдельных экономических единиц развивались порознь. Одним нужна была рыба. Другим - нефть. Третьим - транзитные возможности Транссиба и морских портов. Четвертым - золото. Экономика Дальнего Востока в целом не нужна была никому.

В связи с этим рассмотрение темы интеграции Камчатки в дальневосточный рынок корректно начать с вопросов, существует ли дальневосточный рынок и, если существует, каковы его основные черты.

Правомерен ли теоретически вопрос о возможности расчленённости всероссийского рынка на региональные рынки с определенными равными или близкими всероссийскому рынку таксономическими признаками (за исключением государственных границ, таможенной системы, единой валюты и т.п.)? Мы же не утверждаем, что на европейской части России самостоятельно функционируют Северо-Западный, Центральный, Южный, другие региональные рынки. Объективная основа для деления страны на соответствующие федеральные округа - есть. В свое время на этой основе выделялись такие территориально-экономические явления, как экономические районы. Но экономический район — не самостоятельно функционирующий рынок. Не возникают вопросы об интеграции Краснодарского края в Южный рынок, а Новгородской области - в Северо-Западный.

На Дальнем Востоке действительно существуют общие для региона и резко отличающие его от других регионов России условия развития торговых, финансовых, производственных, иных внутрирегиональных экономических связей. Можно назвать транспортную удаленность от развитых районов страны, разбросанность освоенных очагов по гигантской территории, выход протяженным побережьем в Тихий океан, общность глобального значения природно-ресурсного потенциала исключительной экономической зоны и шельфа, ориентация экономических связей на страны Азиатско-тихоокеанского региона. Можно назвать и такие субъективно разрешимые на государственном уровне, но не решаемые факторы, как высокие тарифные транспортный и энергетический пороги; низкий уровень доходов, не соответствующий высокому уровню стоимости жизни; комплекс разрушительных демографических тенденций.

Составляют ли они необходимую и достаточную совокупность условий для формирования рынка, который можно рассматривать как самостоятельно функционирующий? Вероятность этого есть. С ними, например, связано исторически длительное экономическое

существование как развивающейся системы.

Основные вопросы связаны не с технической стороной, хотя и она содержит существенные трудности и противоречия. Охотское море относится, например, к наиболее сложным в навигационном отношении по ледовой обстановке, штормам, весьма высоким приливам в северной части и т.п. Это неизбежно увеличит стоимостные показатели, при том, что возможности обнаружения технологически достижимых запасов нефти и газа неясны. Основные вопросы в том, что Охотское и Берингово море относятся к небольшому числу районов Мирового океана с высочайшей рыбопродуктивностью. Если нерациональная рыбохозяйственная деятельность в 1990-е годы подорвала рыбные ресурсы этих морей - это плохо. Но они могут восстановиться, потому что сохраняется состояние природной среды, обеспечивающее высочайшую биопродуктивность. Широкомасштабное развитие нефтяных промыслов может вызвать деструкцию природной среды, снижение первичной биопродуктивности и невозобновимое снижение рыбных ресурсов. В связи с этим, отсутствие комплексного, экосистемного подхода к освоению пока ещё количественно и качественно не изученных месторождений углеводородов на шельфе дальневосточных морей является главной проблемой рассматриваемого направления интеграции в мировой рынок. Специалистов Камчатской области, отстаивающих такую позицию, часто упрекают в местничестве, в эгоизме. Мол, все соседи. Корякский и Чукотский автономные округа. Магаданская и Сахалинская области, Хабаровский край уже согласились добывать нефть на дальневосточном шельфе. Представляется несомненным, что Камчатка в данном случае защищает не свой региональный интерес, а интересы общие дальневосточные, российские, общечеловеческие.

В этом примере достаточно наглядно проявляется и сложность представлений о мировом рынке [10]. Существует ли он как явление конкретное, или это абстракция высокого уровня? Есть ли у него форма? Известно, например, что рынки золота, нефти, зерновой, финансовый достаточно заметно оформлены, сложились действующие институты, регулирующие их поведение. Они могут быть не только объектом исследования, но и субъектом действий. Их поведение в достаточной степени стихийно, чтобы можно было говорить о действии «Невидимой руки рынка», но и в достаточной степени управляемы, чтобы знать, кто этой невидимой рукой водит. Очевидно, что то же самое сказать о мировом рынке в целом нет оснований. Формирующиеся в процессах «глобализации» явления,

чатки, взятые из подруслых потоков, не требующие обработки, подающиеся непосредственно на морской транспорт, в этой ситуации могут быть весьма конкурентоспособны.

Получение биологически активных веществ из биологических природных ресурсов, используемых в настоящее время, в основном, на пищевые цели. В стоимостном выражении по объему продукции это производство в совокупности сопоставимо с производством пищевой продукции, вырабатываемой из того же сырья. Развитие биохимического, биотехнологического производства относится к передовым мировым технологиям, экономически высокоэффективно, не требует больших трудовых затрат, не требует расширения используемой природно-ресурсной базы. Оно может стать весьма рациональным для включения экономики Камчатской области в мировое хозяйство. Основная проблема, как представляется, состоит в том, что такое направление требует создания крупного производства, конкурирующего с очень ограниченным количеством химических концернов, давно разделивших этот сектор рынка и контролирующих его развитие. В частности, они ограничивающе влияют на развитие российского производства фармакологических и парфюмерных товаров.

Общая проблема для обоих названных направлений состоит в том, что они относятся к новым, не освоенным российскими предпринимателями ни в частном, ни в государственном секторе. Поэтому, кроме решения технических и экономических задач изучения рынка, поиска рациональных для сотрудничества операторов и т.д., камчатской стороне необходимо преодолеть психологический барьер новизны, суметь оторваться от стереотипов привычной отраслевой структуры экономики.

Более сложной представляется ситуация с предлагаемой федеральными органами более 15 лет идеей форсированной распродажи лицензий на разведку и промысел углеводородов на всем российском шельфе Охотского и Берингова морей. С позиций покомпонентного подхода к освоению природных ресурсов и оценки конъюнктуры мирового и российского нефтяного и газового рынков, эта идея представляется ее инициаторам с федерального уровня рациональной, высоко эффективной и простой. В реальности она сложна, рациональность ее кажущаяся, а эффективность сомнительна. Единственное ее достоинство - она укладывается в простой, сложившийся стереотип поведения экономики страны и мирового рынка за последние годы: продавай нефть и будешь богат. Но это не является достоинством с научной точки зрения и при оценке об-

тяготение к Дальнему Востоку Читинской области и Забайкалья, фиксируемое в государственных документах на протяжении десятилетий [3, 4].

Представляется нецелесообразным выяснять сегодня, существует ли в настоящее время дальневосточный рынок как понятие абстрактное, всеобщее. Тем более, что эта абстракция в научной литературе и учебниках разных научных и идеологических школ описывается по-разному. Для нас важнее установить, наблюдаем ли мы формирование рыночных механизмов, характерных для целостно функционирующего экономического образования. Специфику сущности, форм, признаков, структуры этого образования еще предстоит изучать. Важно выяснить, есть ли предмет изучения. Представляется, что такой предмет есть. На это указывает сочетание нескольких признаков.

Явно различимо общее для Дальнего Востока преобладание ориентации на азиатско-тихоокеанский рынок потребительских товаров: автомашины, бытовая техника, продовольствие, товары широкого потребления и т.п. Воздействие мощных экономик Японии, Китая, других стран АТР в большей или меньшей степени охватывает весь мир. Но преобладание его на Дальнем Востоке очевидно. К 2003 году экспорт с Дальнего Востока только в Корею, Китай, Японию составил около 2/3 всего экспорта. Импорт из этих стран составил более половины [5].

Консолидации экономики Дальнего Востока способствуют реальные шаги по восстановлению некоторой части замершего в 1990-е годы и не разрушенного военного потенциала. Оставшиеся в строю корабли стали выходить в море. Самолеты - летать. Личный состав - заниматься боевой подготовкой. А военный потенциал в таком крупном регионе не может не быть интегрированным организационно и не опираться на экономически интегрированную региональную промышленность, в первую очередь машиностроение, инфраструктуру, продовольственную базу, на постоянное население.

На Дальнем Востоке еще сохранился накопленный в советский период и пока еще заметно экономически интегрированный в регионе производственный, инфраструктурный, социальный, интеллектуальный потенциал. Он проявил удивительную, пока не изученную способность к самосохранению, самовосстановлению, самовоспроизводству в условиях, когда все внешние факторы способствовали его разрушению. В начале 2000-х годов этот потенциал стал проявлять большую активность, в том числе и по восстановле-

нию интеграционных процессов. Субъективно это связано с произнесенными, наконец, на уровне государственной власти словами, что Дальний Восток нужен России. За этими словами последовали слабые, плохо продуманные, неадекватные реальности, но видимые подвижки, показывающие, что для России Дальний Восток - исторически устойчиво осваиваемая русским народом территория; что экономика Дальнего Востока должна обеспечивать общегосударственные интересы. Общегосударственный потенциал Дальнего Востока развивался с осознанием этой задачи, а также с высокой степенью региональной интеграции экономических и социальных связей, закреплённой материально и в общественных отношениях. В настоящее время важнейшая задача - найти формы региональной интеграции, обеспечивающие общегосударственные интересы, но соответствующие условиям нового общественного строя, названного рыночным. При этом необходимым условием является и обеспечение региональных, дальневосточных интересов как проявления закономерностей территориальной организации социально-экономического организма страны.

В вопросах функционирования дальневосточного рынка важны отраслевые аспекты. Рассмотрим, например, отрасль, определяющую важную для Камчатки и представленную в экономике всех приморских регионов Дальнего Востока - морское рыбное хозяйство. Эта отрасль развивалась на единой, объединяющей её природно-ресурсной базе (водных биоресурсах дальневосточных морей), и ранее была даже организационно объединённой. Интегрирована ли она сейчас в дальневосточную территориально-экономическую целостность? Или интегрирована только в Правительство РФ и в администрации субъектов Федерации в те периоды, когда распределяется право на промысел рыбы и только по поводу этого распределения? Или реальная его интеграция ориентирована на корейский, японский, китайский, иные рынки, в том числе на рынок Московской области, где, как следует из публикаций, сформировался крупнейший в России центр промышленности, перерабатывающий рыбу с Дальнего Востока? Не является ли «теневая экономика», сформировавшаяся в рыбодобывающей отрасли, своеобразной «рыночной мутацией»? Не показывает ли само её устойчивое существование, что она - есть одна из форм регионального рыбного рынка с отлаженными рыночными механизмами, соответствующими реальным правилам современного российского «рынка», только официальные власти видят в ней что-то другое?

Дальневосточное рыбное хозяйство оперирует "в рыночных ус-

боткам, численность иностранных туристов на Камчатку только из Японии ожидалась до 500 тыс. чел. в год. Очевидно, что перспективы интереса мирового рынка туризма к Камчатской области оценивались неадекватно. В основном потому, что определялись условно, без анализа спроса мирового рынка дифференцированно по видам, географии, социально-демографическому составу и платежеспособности туристов и т.п.

Ссылки на недостаточность инфраструктурного обеспечения туристической отрасли некорректны, поскольку в данном случае этот фактор - вторичен. Ни в одну страну не формировался крупный поток туристов потому, что в этой стране много гостиниц. Инфраструктура должна создаваться в соответствии со спросом, а инвестиции для её создания могут появляться только при наличии обоснований, разработанных на основе анализа такого спроса.

Надо учесть еще одну особенность. Рыбные ресурсы Камчатки известны мировому рынку с конца XIX века, а рыбное хозяйство - с 1930-х годов. Интеграция этой сферы происходит в рамках давно известного информационного поля. Вопрос же интеграции в мировой рынок камчатских минеральных и рекреационных ресурсов возник в начале 1990-х годов, информация о них на мировом рынке пока еще недостаточно распространена. Обеспечена она более эмоциональными и узкотехническими характеристиками рекреационных ресурсов, а не комплексными обоснованиями, что затрудняет подготовку и принятие решений. Для этих направлений интеграции в мировой рынок отсутствие комплексных разработок составляет одну из важнейших проблем. Только после её решения станет ясно, в какой степени целесообразны дальнейшие шаги к интеграции, и есть ли смысл затрачивать на них время, внимание и средства.

Очевидно, что на современной стадии включения Камчатки в мировой рынок, учитывая ограниченность инвестиционных возможностей, целесообразно сосредоточить усилия на одном-двух исправлениях, наиболее эффективных из множества предлагаемых.

Предварительная оценка показывает, что на приоритетность могут претендовать и следующие, менее активно предлагаемые направления.

Поставка природной питьевой воды высшего качества в вододефицитные районы мира в объеме около 10 млрд. м³ в год. По оценкам ООН потребность в такой воде только в городах мира составляет около 45 млрд. м³ в год, что может гарантировать Камчатке стабильное место на этом рынке, где рассматриваются также такие ресурсы, как айсберги Антарктиды, вода оз. Байкал и т.д. Воды Кам-

России.

Почти пятнадцатилетняя практика взаимодействия с мировым рынком позволяет проанализировать реальность этих ожиданий и дать укрупненные оценки для построения стратегии дальнейших взаимодействий. Что касается рыбного рынка, то, как мы уже рассмотрели, мировой рынок проявил огромный реальный интерес к рыбным природным ресурсам Камчатки, но не к развитию ее рыбного хозяйства. Спрос на остальные, относительно активно предлагаемые и считающиеся приоритетными ресурсы, оказался намного меньше и, в значительной мере, носил платонический характер.

За этот период на Камчатке было около 10 попыток иностранных компаний изучить и проектным образом оценить возможности освоения 5-ти золоторудных месторождений в Камчатской области (без Корякского А.О.). Ни одна из попыток не была реализована. Основная причина этого, как представляется, состоит в том, что расчетная себестоимость золота, получаемого с этих месторождений, высока. Она не обеспечивает устойчивой рентабельности, а иногда и просто рентабельности при нестабильности мировых цен на золото. Себестоимость не удастся понизить до приемлемого уровня даже путем снижения затрат на природоохранные мероприятия и производственную и социальную инфраструктуру и перекладывание их на экономику Камчатки. Объемы производства и потребления золота на мировом рынке за последние 20 лет выросли в 2 - 2,5 раза. Но на первые места в мире по добыче золота на душу населения вышли Австралия, Папуа - Новая Гвинея, ЮАР, Перу, Гана, страны с намного более благоприятными условиями освоения месторождений, чем на Камчатке. Отсюда - сомнения в устойчивой эффективности добычи камчатского золота не только для мирового рынка, но и для экономики самой Камчатской области [9].

Иностранный туризм на Камчатку нарастал за период 1990-2002 г.г., но не в той мере, на которую рассчитывалось. Численность иностранных туристов выросла с около 2 тыс. чел. в 1991 году до около 8 тыс. в 2002 году, до уровня менее 700 чел. в месяц. Основу туристического потока составили любители спортивных охоты и рыболовства, а также так называемые деловые туристы. Ресурсы такого туризма очень ограничены. Любители экзотических путешествий по нетронутой природе составили незначительный контингент, хотя ресурсы этого вида туризма оценивались очень оптимистично, почти как безграничные. Массовые виды туризма развиваются только в форме круизов, с одно-двухдневными посещениями портов. В то же время, в начале 1990-х годов, по некоторым разра-

ловиях" на мировом рынке активно, крупномасштабно и непрерывно около 15 лет. Рассматривая этот процесс укрупненно, можно отметить, что интерес мирового рынка к этому хозяйству проявился в следующих направлениях. Природно-ресурсная база - главный, основной интерес, определяемый платежеспособным спросом мирового рынка. К рыбодобывающему сектору хозяйства - вспомогательный интерес, до тех пор, пока сохраняется эффективность его использования на легальном и теневом промысле, с вывозом рыбы и морепродуктов на мировой рынок в сыром и мороженом виде. Рыбоперерабатывающий сектор Дальнего Востока - конкурент, отнимающий у мирового рынка часть конечной стоимости продукции из рыбы, рабочие места и т.п. Эта система интересов инициировала процесс, общая ориентация которого определена и наблюдалась в мире не раз. Собственная рыбопереработка на Дальнем Востоке, ориентированная на мировой рынок, будет испытывать затруднения. Собственная рыбодобыча будет существовать в заметной мере и в открытой, и в теневой экономике. Когда она станет неэффективной (например, из-за износа судов), будет заменяться иностранным флотом. Природно-ресурсная база будет истощаться до того предела, когда использование её для мирового рынка перестанет быть эффективным. Эти процессы мы наблюдаем сейчас на Дальнем Востоке.

Изменить ориентацию этих процессов могут несколько основных факторов.

Один - мировой рыбный рынок применит дополнительный, кроме каждодневного платежеспособного спроса, регулятор: стратегический расчёт. Поведение мирового рынка может измениться, когда он осознает: с уничтожением «чужой» природно-сырьевой базы рыбного хозяйства разрушится «свое» рыбоперерабатывающее хозяйство и потребительский рынок. Будет ли применен этот регулятор - покажет время.

Второй - дальневосточное рыбное хозяйство административными мерами переводят с мирового рыбного рынка на внутренний. Реальность такого процесса сомнительна, если учесть возможности внутрисовременного платежеспособного спроса и государственную политику либерализации рынка.

Третий регулятор - создание регионального механизма, который экономическими рычагами, с применением и административных методов регулировал бы поведение дальневосточного рыбного хозяйства при взаимодействиях с мировым рыбным рынком. Как называть этот механизм, региональным рынком или другими терми-

нами, - вопрос второй. Важно, что для региона он объективно необходим. Обнаружатся ли для его формирования субъективные факторы - покажет время. Как показывает мировая практика, времени понадобится не больше, чем то, за которое истощится природно-ресурсная база. При современном прессе на дальневосточные рыбные ресурсы, этого времени отведено не много. В настоящее время среди участников рыбохозяйственной деятельности в России наблюдаются попытки создания такого механизма. Их эффективность низка, но желание искать выход из процесса, разрушающего рыбное хозяйство, - несомненно.

Таким образом, можно констатировать, что на Дальнем Востоке существуют предпосылки и наблюдаются процессы создания региональных экономических регуляторов социально-экономического развития [6]. Совокупность этих регуляторов может развиваться в экономический механизм рыночного типа. Заметно, что этот механизм охватывает воздействиями пока не все субъекты Федерации Дальнего Востока, а только те, хозяйственная деятельность которых тяготеет к Тихому океану и бассейну р.Амур. Исследования параметров этой совокупности, его места в видовом и территориальном многообразии проявлений рыночного хозяйства, таксономического уровня, характера системообразующих признаков и т.д., и т.п. - необходимы. В частности, немаловажен вопрос о пределах устойчивой самостоятельности этого механизма, ниже и выше которого наступает или снижение его эффективности, или его поглощение все-российским или международными рынками.

Переходя к проблематике, связанной с Камчатской областью, отметим следующее. Включение экономики Камчатки в мировой рынок может быть спонтанным и регулируемым. В основном спонтанный процесс происходит сейчас и не соответствует ни краткосрочным, ни долгосрочным интересам ни региона, ни страны. Регулируемым этот процесс может быть из Центра, или из региона, или смешанным способом. При централизованном регулировании методологически сложно ставить вопрос об интеграции в мировой рынок отдельного региона: она укладывается в сценарии интеграционных процессов общероссийской экономики. В этих условиях, для отдельных регионов любого ранга (и Камчатки, и Дальнего Востока) вопрос о региональном регулировании интеграции беспредметен. Как сказано выше, регионы, в особенности с не крупномасштабной экономикой, находятся в рамках бессистемного оперативного и даже мелочного регулирования социально-экономических процессов органами центрального (федерального) подчинения. Все контакты с международным рынком (валютные операции) регули-

ной, со сложными природными условиями, и в обозримый период будет связана с использованием природных ресурсов. Рыбные ресурсы, при их сохранении и рациональном использовании, и на длительную перспективу останутся основой её развития. Общая оценка возможностей использования других природных ресурсов Камчатки осуществлялась в советский период развития, когда были изучены эти ресурсы и оценивались перспективы их использования на рынке СССР. Среди этих ресурсов приоритетными назывались минерально-сырьевые, топливно-энергетические и рекреационные. Их освоение не форсировалось в связи с высокой затратностью, сложными природными условиями, необходимостью соблюдения повышенной экологической безопасности, наличием на территории СССР аналогичных ресурсов с менее сложными условиями освоения.

В 1990-е годы ориентация в освоении природно-ресурсной базы России, и Камчатской области в частности, резко сменилась на мировой рынок. В связи с изменением этого главного, определяющего условия освоения должны были объективно измениться оценки и приоритеты освоения, с учетом не только потребностей, интересов, возможностей, механизмов действия мирового рынка, но и общемировых объективных тенденций перехода к т.н. «устойчивому развитию». Однако, в органах управления и федерального, и регионального уровней оценки и приоритеты остались прежними, неадекватными изменившимся условиям. Более того, от происходившего в 1980-е годы в СССР перехода от покомпонентного к комплексному подходу в использовании природных ресурсов, политика освоения природно-ресурсной базы резко вернулась к подходу покомпонентному. То есть, к освоению рыбы отдельно, нефти отдельно, золота отдельно, развитию туризма отдельно и желательно одновременно. А что правильно - «рассудит Бог». Экологические и комплексные социально-экономические подходы к развитию сырьедобывающей экономики в России в целом оказались в значительной степени выхолены путем бюрократических преобразований.

В начале XXI века ближайшие надежды в развитии экономики Камчатки связывают с разработкой золотых и никелевых месторождений, развитием иностранного туризма. С федерального уровня управления проводится политика форсирования добычи нефти и газа на шельфе. Ожидания экономических благ от этих надежд основаны на предположениях, что разрозненные потребности мирового рынка стимулируют быстрое и эффективное привлечение внешних интересов, и эти интересы будут служить интересам Камчатки и

рыбного хозяйства в мировой рынок. На новой основе могут быть созданы рыночные механизмы, которые экономически стимулируют сохранение и исторически длительное использование водных биологических ресурсов дальневосточных, прикамчатских морей; предотвращают безвозвратное истощение этих ресурсов; определяют не только конъюнктуру цен, но и исторически длительную ценность и каждого вида ресурса, и природно-ресурсного потенциала в комплексе. Используя экономический инструментарий регулирования деятельности отдельных предприятий: цену, доход, издержки, прибыль и т.п., эти механизмы позволяют подняться на иные таксономические уровни, сопоставить интересы рынков региональных, государственного, отдельных секторов мирового; выработать методы управления освоением водных биологических ресурсов как системы.

Проблема для Камчатки состоит в том, какая модель интеграции её рыбного хозяйства в мировой рынок будет реализовываться. Если действующая в настоящее время – Камчатской области остаётся добиваться от Центра ежегодных разовых улучшений по обеспеченности региона квотами с ежегодным скандальным распределением их между операторами. Практическое влияние на взаимодействия отдельных операторов с мировым рыбным рынком продолжают оказывать только федеральные органы власти. Если будет предпринят переход к рационализации развития рыбного хозяйства страны, включая и Камчатскую область, то понадобится, во взаимодействии с федеральными органами власти, разрабатывать и применять новую модель интеграции рыбного хозяйства области в мировой рынок. В основе модели – создание в регионе экономических стимулов сохранения и исторически длительного рационального использования водных биологических ресурсов Камчатки и прилегающих морей, формирование оптового рыбного рынка как многоотраслевого комплекса, регулирование внешнеэкономических связей в основном экономическими методами. Альтернативу в виде переориентации рыбного хозяйства Камчатки полностью на внутрироссийский рынок в обозримой перспективе не рассматривают из-за неготовности этого рынка. Для более отдаленной перспективы необходима переоценка мирового и отечественного рынка по географии, потребительским интересам, платежеспособному спросу и т.п. Законодательное обеспечение выбора моделей развития рыбного хозяйства, включая его интеграцию в мировой рынок, в настоящее время полностью зависит от федеральных органов власти.

Экономика Камчатской области, относительно низко заселён-

руются федеральными органами полностью.

Региональная полная самостоятельность в регулировании процессов интеграции в мировой рынок невозможна без изменений в сфере суверенитета, и поэтому не рассматривается в принципе.

Смешанная форма управления интеграцией региона во внероссийские рынки возможна, если федеральный уровень задаёт стратегические, долгосрочные ориентиры и твердые рамки интеграционного поведения, в которых региональные органы и экономические субъекты могут маневрировать, оперативно управляя взаимодействиями с мировым рынком.

Важное практическое значение имеет методологическая сторона рассматриваемой проблематики. Понимая под интеграцией экономики Камчатки в международный рынок включение некоего малого явления в многократно превосходящий его по объёму и сложности рыночный процесс, зададимся такими вопросами.

Как соотносятся проявляемые при этом интересы мирового рынка и Камчатки? Дальнего Востока? России?

В каком качестве участвуют в интеграции мировой рынок и Камчатка? Камчатка интегрируется? Ей позволяют интегрироваться? Её интегрирует в себя мировой рынок? Некто интегрирует её в мировой рынок? С ответом на эти вопросы связана разница в ожидаемых результатах, стратегии и тактике поведения.

Мировой рынок очевидно неоднороден. В какой мере слабая экономика региона может рассчитывать на включение в один или несколько секторов мирового рынка по своему выбору в эффективном для себя экономическом режиме?

Экономика Камчатской области появилась на мировом рынке в 1990-1991 годах. Изначально это не был процесс продуманный и регулируемый. В основном его трудно назвать интеграцией. Интегрирована ли капля, упавшая в океан? Такой оказалась и осталась Камчатка с населением менее 500 тыс. чел. на мировом рынке товаров личного потребления. Иными, более сомасштабными, оказались Камчатка и Дальний Восток, когда вышли на мировой рыбный рынок со своим рыбным хозяйством, добывающим более 5% мирового улова рыбы ценных пищевых пород. Это хозяйство в начале 1990-х годов уже не было целостностью, системой, с регулируемыми внешними и внутренними связями, логически связанной структурой и с ожидаемыми реакциями на управленческие воздействия. Новая экономическая система России выплеснула в мир рыбное хозяйство страны, Дальнего Востока и Камчатки как бессистемную массу ставших вдруг самостоятельными экономических субъектов. Каждый из этих субъектов сам выбирал сценарий попадания в ту эко-

номическую ячейку мирового рыбного рынка, в которой оказался. При этом мировой рыбный рынок, давно организованный и вырабатывавший методы обращения с дестабилизирующим выбросом поставщиков и производителей, диктовал условия этих сценариев [7]. А рыбохозяйственные экономические субъекты, как слабенькую, но защиту перед жестокими законами мирового рынка, сохраняли связи с Россией, место регистрации юридического лица, порт приписки судна, государственную принадлежность, освоив в то же время финансовые методы мирового рынка, позволяющие уводить доходы и прибыль от налогообложения. В периоды, когда Российское государство наделяло правом промысла рыбы в прилегающих к полуострову Камчатка морях, экономические субъекты российской и не российской принадлежности появлялись для заявления своих прав на промысел. Появлялись, например, Московская, Орловская области, Московский патриархат.

Приобретя такое право, российские экономические субъекты (зачастую с использованием финансов мирового рынка) использовали или передавали в использование дальневосточные рыбные ресурсы в основном на мировой рынок, вплоть до конечного их потребления, с минимизацией их участия в экономике Дальнего Востока и Камчатки.

Таким образом, Камчатка до последнего времени включена в мировой рыбный рынок двумя основными сферами: рыбодобывающим хозяйством и рыбными ресурсами. Эти сферы связаны, но, по определению, не неразрывно.

Рыбные ресурсы прикамчатских и дальневосточных вод могут осваиваться и не камчатскими, и не дальневосточными рыбаками. Пользуясь неуправляемостью рыбохозяйственной деятельности в России в 1990-е годы, мировой рыбный рынок выработал механизмы включения в свой оборот рыбы, добытой в российских водах и легально, и нелегально. В результате этих процессов, стимулируемых только платежеспособным спросом мирового рыбного рынка, камчатское рыбное хозяйство включилось в него в быстро устоявшемся экономическом режиме неограниченного использования природно-ресурсной базы без воспроизводства основных фондов рыбного хозяйства...

Этот режим обеспечивается устойчивым международным механизмом легальных, полуполигальных и нелегальных экономических отношений. Основные количественные параметры, характеризующие эти процессы совокупно, могут быть определены следующим образом. Улов рыбы по Камчатской области снизился с 1348,1 тыс.

т. в 1990 г. до 771,1 тыс. т. в 1995 г.; 675,1 тыс. т. в 2000 г. и 563,4 тыс. т. в 2002 г. Улов рыбы по Дальневосточным регионам снизился с 2809,2 тыс. т. в 1995 г. до 1726,7 тыс. т. в 2002 г. Цены на рыбопродукцию дальневосточных экономических субъектов, вследствие нерегулируемого ее всплеска, упали на мировом рынке в начале 1990-х годов в разы. Затем, вследствие быстрого снижения объемов вылова, цены относительно стабилизировались и колеблются на отдельные виды продукции в относительно небольшом диапазоне, в зависимости от конъюнктуры. Для того, чтобы сохранить доходы на более устойчивом и платежеспособном, по сравнению с российским, мировом рынке, экономические субъекты Камчатки увеличили объем продаж на нем до 70-80 % от общих уловов. На фоне этих процессов Камчатская область продолжает сохранять чрезвычайно высокий (хотя и снизив с 1990 года почти на половину) показатель вылова рыбы на душу населения, превосходя все остальные регионы России и страны мира. В 2002 г. он все еще превышал 1500 кг на душу населения, подтверждая сохранение экономикой Камчатки высокого уровня рыбохозяйственной специализации [8].

Однако, общая тенденция интеграции рыбного хозяйства Камчатки, Дальнего Востока и России в целом в мировой рыбный рынок такова, что через некоторое время рыбодобывающая промышленность Камчатки и Дальнего Востока могут почти полностью исчезнуть с мирового рынка, хотя бы вследствие полного износа основных фондов, который сейчас превышает 60%. Это вряд ли обеспокоит мировой рынок: российский флот можно заменить другим.

Но с мирового рыбного рынка могут исчезнуть дальневосточные природные рыбные ресурсы, что вряд ли соответствует долгосрочным целям этого рынка. Принципы неоллиберализма, под идеологию которого выстраивается современный мировой рынок, не предусматривают заботу о будущем. Но рынок - явление реальное, поэтому он - прагматичен, и не может "не думать" о будущем, хотя бы ближайшем обозримом. Без дальневосточных рыбных ресурсов не только рухнет уже отстроенная под них рыбоперерабатывающая промышленность Японии, Кореи, других стран. На рынках этих стран сократится количество естественного белка животного происхождения, получаемого в настоящее время в основном из рыбы. Этот белок исчезнет из продовольственного баланса, что в особенности болезненно для стран с большой долей рыбных продуктов в рационе населения.

Этот, рыночный по характеру, фактор, может повлиять на изменение механизмов интеграции Камчатского и Дальневосточного